

АНАСТАСИЯ ДОРОШЕВА

БАЛ СТА КОРОЛЕЙ

*книжка-колдовство
из восьмидесяти восьми
шагов*

*Моему возлюбленному,
самому настоящему
из всех Драконов,
живущих на земле.*

В оформлении использованы иллюстрации
Мистера Икс

**Анастасия Дорошева, Бал ста
королей.** Книжка-колдовство
из восьмидесяти восьми шагов.
М.: *Издательство*, 2019. – 336 с.

Редактор: *Мистер Игрек*
Корректор: *Мистер Зет*
Дизайнер: Александр Мялин

Аннотация

Запрещается полное или частичное
использование и воспроизведение текста
и иллюстраций в любых формах без
письменного разрешения правообладателя.

© Анастасия Дорошева, 2019

АНАСТАСИЯ ДОРОШЕВА
БАЛ СТА КОРОЛЕЙ

*книжка-колдовство
из восьмидесяти восьми
шагов*

МОСКВА, 2019

Шаг 1

пятница,
2 августа 2014 года

Оглядываясь на пережитое,
я вспоминаю рассказ об одном
старике, который на смертном
ложе поведал, что его жизнь была
полна неприятностей, большинство
из которых так и не случилось.

Уинстон Черчилль

Толпа туристов медленно перетекла в главный зал Замка Шенонсо. Немолодая женщина-гид с лошадиным лицом, прямой жесткой челкой и крашеными волосами цвета «воронье крыло», одетая в открытое старомодное платье, позволяющее приоткрыть завесу ее возраста, остановилась у огромного камина и вдохновенно продолжила рассказ, начатый в автобусе:

– Итак, представьте себе Францию в эпоху позднего средневековья. 1559 год. Страна ослаблена бесконечными войнами с Испанией. Король Франции Генрих II и его супруга Екатерина Медичи решают обручить свою старшую дочь Елизавету с испанским наследником престола Доном Карлосом и таким образом укрепить отношения с Испанией. – Она сделала многозначительную паузу, во время которой высокий седой господин, стоящий немного поодаль группы, поднял руку и негромко спросил:

– Но ведь в итоге принцессу Елизавету выдали замуж за самого короля Испании?

– Совершенно верно, молодой человек! – лошадиная челка радостно заколыхалась. – Именно так всё и произошло, но это было неожиданностью для всех! Вы прекрасно осведомлены! Bravo! – Она картинно похлопала в ладоши. В толпе туристов несколько особо чувствительных слабо поддержали ее. Она воодушевленно продолжала:

– После смерти второй жены Марии Тюдор в 1558 году король Испании Филипп II разорвал помолвку между своим сыном и Елизаветой и сам решил жениться на ней. Вот такие тогда были нравы. Свадебная церемония состоялась по договоренности 1 июля 1559 года именно здесь, в замке Шенонсо. – Она обвела широким жестом обеих рук Королевский зал.

«Молодой человек», выслушав объяснения, поправил седые усы, благодарно кивнул и повернулся к своей спутнице – высокой молодой женщине с короткой мальчишеской стрижкой. Та была так поглощена рассказом гида, что не обратила никакого внимания на рожицу, которую, прыскавая со смеху, скроила ее семилетняя дочь при словах «молодой человек».

– В роли жениха выступал герцог Альба, – продолжала гид. – Во время свадьбы дочери Генрих II устроил трехдневный рыцарский турнир.

При слове «турнир» в группе туристов началось какое-то легкое, но вполне ощутимое движение. Люди, словно почувствовав, что сейчас из эпохальной паутины будет соткана самая настоящая история, сделали шаг вперед и плотнее стали вокруг гида. Та, заметив интерес слушателей, важно выдержала паузу и в полной тишине заговорила голосом родителя, рассказывающего детям на ночь страшную сказку:

– На второй день вечером Генрих вступил в бой с графом Монтгомери, чье копье сломалось о кольчугу противника. Осколки копья вонзились в лоб короля и попали ему в глаз. Несколько дней спустя, а именно 10 июля 1559 года Генрих II умер от этой раны, несмотря на помощь, оказанную лучшими врачами того времени, включая анатома Везалия. А теперь предлагаю всем пройти в следующий зал.

Вся группа хлынула за гидом, а седой мужчина вместе со своей спутницей и девочкой направились к выходу.

Шаг 2

*среда,
1 июля 1559 года*

На самом деле каждый из нас – театральная пьеса, которую смотрят со второго акта. Всё очень мило, но ничего не понять.

Хулио Кортасар

Если взобраться на вершину одного из похожих на помятую шляпу холмов, окружающих замок Шенонсо, с высоты птичьего полета отчетливо видны лес и река; чуть левее извивается плавная желтая ниточка дороги, по которой скачут всадники. Они сворачивают в лес, как только, словно по приказу, туда поворачивает огромная свора собак, поднимая клубы пыли.

В пронзительной свежести утреннего воздуха звонко рассыпается собачий лай.

Мишель Нострадамус спускается по крутой тропинке, ведущей к замку, в западной части парка, через который можно попасть прямо в его покои, минуя королевские спальни.

Его длинное пальто из мягкой ткани цвета старого вина расшито книзу бисерной вышивкой – подарком жены. Ворот украшает шнурок, сплетенный из двух сортов ниток: черной – крепкой и грубой и золотой – нежной и яркой. На концах шнурка – две золотые кисти, закрепленные старинными монетами, при движении они тихонько звенят.

Ворот белой рубашки сбился от быстрой ходьбы. Кружево помялось, но он никогда не придавал этому значения.

У него сильная одышка, в свои пятьдесят шесть лет он ощущает усталость.

Завтра первый день празднования свадьбы Ее Высочества Принцессы Елизаветы. Суэта, возникшая по этому поводу во Франции и непосредственно в королевском дворце, не радует Мишеля. Его, наверное, вообще мало что радует. Хотя радость – понятие сложное...

Сегодня он перевернул очередную страницу, ему уже не интересно то, что будет завтра. Он знает, но не имеет права останавливаться. Его сознание постоянно выдает информацию, которая принадлежит не ему, Мишелю, а всему человечеству. Он, Мишель Нострадамус, рожден для того, чтобы служить одной-единственной цели – предупредить. Ему дан Божий дар знать то, что должно случиться. Он сам к этому никак не причастен, и, хотя он – врач и ученый, все те слова, в которые он одевает переданную информацию, ему не принадлежат. Он пользуется почетом и славой, деньгами и благами, но разве это цена тех страданий, которые причиняют ему его знания?

Из складок пальто он достает большой железный ключ и открывает скрипучую дверь своего небольшого жилища. Ему нравится узкое окно с красивыми разноцветными стеклами, щедро рассыпающее цветных зайчиков на

пол комнаты с утра, когда солнце заглядывает внутрь. А еще нравятся красивые расписные балки потолка, на которые можно часами смотреть, лежа в постели, угадывая причудливые узоры. Простая дубовая кровать, у окна – изящный керамический кувшин и таз для умывания. Большой камин, перед которым так уютно сидеть по ночам на скамейке и читать старые книги. За три месяца, проведенных в замке, он успел выписать сюда такое количество книг, которого у него не было за все годы его практики.

Он садится за стол и смотрит перед собой. Долго. Так долго, что, кажется, он остановил время. И время обтекает его угловатую фигуру со всех сторон. Он слушает внутренний голос. Он снова говорит с ним...

Часы на королевской башне пробил двенадцать. Словно очнувшись от глубокого сна, он торопливо достает из ящика стола чистый лист пергамента и, взяв перо, записывает легким, нечетким почерком:

*«Невинную жертву похитит жизни поток,
Отцом не спасенную спрячут в земной глубине,
Та чистая смерть не даст разразиться войне,
Отцу наказанье нести пожизненный срок».*

Рука подрагивает, перо скользит, словно рисует. Ему никогда не удавалось красиво писать. Иногда он сам с трудом разбирает свои записи, особенно когда записывал ночью, при свете свечного огарка.

Пергамент он прячет в ящик стола. Снаружи слышны звуки подъезжающих карет.

Мишель окидывает взглядом свое жилище. Жаль, что придется отсюда уезжать.

Дверь после короткого стука распаивается, и на пороге появляется канцлер Оливье де Лаквиль.

Нострадамуса вызывают к королеве.

Мишель Нострадамус, великий врач и мыслитель, выходит из своей комнаты, медленно закрывает дубовую дверь на ключ, проходит по королевскому мосту и толкает огромные двери главной залы замка...

Шаг 3

*среда,
1 июля 1559 года*

Только нелюбимые ненавидят.

Чарли Чаплин

Они распаиваются с тяжелым грохотом.

Пир, организованный по случаю свадьбы дочери короля, а также подписания Като-Кембрийского мира, наверняка считался бы самым грандиозным праздником эпохи правления Его Величества Генриха II, если бы у современников была возможность описать это действие во всех красках, достойных его. Но, увы, такой возможности не было, и до нас дошли только некоторые факты, которые возможно додумать, вооружившись здравой логикой и скромным воображением.

Тот факт, что король устроил трехдневный рыцарский турнир, на который съехались лучшие рыцари королевства, уже само по себе было событием. Но то, что сам Генрих II изъявил желание выйти на ристалище, было случаем совершенно вопиющим, особенно если взять во внимание то, что уже тогда Нострадамус написал свой катрен, и многие пророчили беду Его Величеству.

*«Молодой лев превзойдет старого,
На поле боя в одиночном поединке,
Поразив ему глаза в золотой клетке,
Что приведет старого льва к мучительной смерти»*

1 центурия, 35 катрен

Это предсказание, опубликованное Нострадамусом в первом частичном издании центурий, и стало следствием его славы.

Но сегодня был только первый день празднования. Со всех сторон к замку Шенонсо съезжались именитые гости.

В королевской зале замка были установлены длинные дубовые столы, которые ломались от изысканных угощений.

Высокие серебряные канделябры украшали душистые садовые розы и лавровые ветки из садов Его Величества.

Зал освещали многочисленные факелы и свечи; из Парижа были привезены лучшие королевские гобелены, массивная резная мебель, дорогая золотая и серебряная посуда.

Уличные артисты, придворные музыканты, акробаты и шуты – все старались обратить на себя внимание королевских особ.

В знак перемирия и уважения к испанцам в замок был приглашен испанский гарнизон, который было велено напоить и накормить вдоволь.

В подвальных помещениях замка, в коридорах и нижних галереях всё было заставлено столами с провизией и бочками с вином. Солдаты веселились на славу.

Испанцы пили вино, разбавляя его водой, но пьянели так же быстро, как и французы.

Герцог Альба, прибывший в замок по случаю свадьбы от короля Испании Филиппа II, был насторожен, несмотря на радушный прием и королевские почести. Он не чувствовал себя безопасно в этом замке, со всех сторон окруженном лесными тропами и рекой.

Всегда уверенное, надменное лицо Альбы не могло скрыть необъяснимого волнения: высокий бледный лоб то и дело покрывался испариной, вдоль бороды залегли две глубокие складки выражения недоверия, которое он всегда так старательно пытался скрыть от окружающих. Герцог не находил себе места.

Особенное беспокойство у него почему-то вызывала река.

Луара со своей капризной натурой, то разливаясь по полям, то собираясь в один мощный поток, была непредсказуема и опасна.

«Как можно было построить королевский замок так, чтобы он стоял прямо на реке? А вдруг завтра ей вздумается смыть всё к черту с лица земли?»

Герцог покинул тронный зал и вышел на воздух. Он остановился у входа в нижнюю галерею под мостом и всматривался в темные воды зловещей реки.

Крики испанских солдат вернули его к действительности, он вошел в нижнюю галерею и застал солдатский пир в полном разгаре.

Разгоряченные вином и мясом испанцы горланили песни и гоготали над бедным малышом, который доставлял в замок свежий хлеб. Его загнали в угол и кидали в него булыжником, которого в галерее было в избытке после строительства правого крыла замка.

Бедняга, как ни изворачивался, все-таки получил камнем по ребрам и упал на колени. Следующий булыжник угодил ему прямо в голову. Герцог поморщился, но раньше, чем он открыл рот, чтобы запретить солдатам дурацкую потеху, раздался властный голос.

– Назад! Все назад или – клянусь честью! – вы пожалеете о содеянном!

Это меняло ход дела. Альба не мог допустить, чтобы какой-то французский офицер отдавал приказы его солдатам.

– Сударь, мне кажется, что вы суете нос не в свое дело!

– Напротив, герцог, это как раз мое дело! – Офицер выхватил шпагу.

– Сударь, – Альба говорил спокойным голосом, стараясь скрыть нарастающее раздражение, – позади вас лежит человек, который уже мертв, даже если он еще дышит. Он никогда не сможет работать и кормить себя и свою семью. Отойдите в сторону, на всё воля Божья.

Офицер быстро оглянулся – бедняга и вправду лежал на боку, изо рта у него сочилась кровь. Он тяжело дышал.

– Это не имеет значения, герцог. Вы правы, на всё воля Божья, но вы – не Господь Бог, чтобы решать судьбу этого бедолаги. Скажите своим солдатам, чтобы они оставили его в покое, иначе мне придется скрестить с вами шпаги.

– Со мной? Вы шутите?

– Граф Монтгомери к вашим услугам, герцог!

Лицо герцога на секунду исказилось от ярости. Его прислали за миром, а тут какой-то негодяй жаждет войны!

«Знакомое имя. Где я мог его слышать? Надо убить этого мерзавца тихо и без шума, чтобы это не дошло до короля».

– Я к вашим услугам, сударь. Но дуэль состоится немедленно и здесь, в парке, ближе к этому крылу, чтобы Его Величество не видел, как низко пали его офицеры. Сегодня праздник, и мы бы не хотели испортить его таким пустяком.

Солдаты приветствовали отвагу своего командира бурными выкриками и топотом. Офицер кивнул и жестом предложил герцогу пройти первым. Мужчины вышли на воздух. Солдаты толпой ринулись за ними следом.

«Как это глупо, – думал герцог, идя впереди процессии. – Если бы Монтгомери явился минутой позже, я бы сам остановил ублюдков».

Из дверей нижней галереи выбежала девочка лет пяти. Она была одета в белое шелковое платье, талия ее была схвачена атласной лентой с золотыми кистями на банте. Белокурая, с очень выразительными, недетскими чертами лица, она стремительно подбежала к герцогу и обхватила его колени. При ее появлении герцог опешил и стал оглядываться по сторонам в поисках кормилицы. Но ее рядом не оказалось.

– Отец, вы не будете драться с ним! Не будете! – заплакала девочка.

«Солдаты смотрят. Надо проявить мужество и решительность».

Герцог приподнял девочку с земли и заглянул ей в лицо страшным взглядом.

– Кто разрешил выходить? Где кормилица? Немедленно в замок! Чтобы я вас тут не видел! Ясно? И хватит ныть! Как вы могли подумать, что со мной что-то случится?

Девочка затихла в его руках, испуганно закивала. Он опустил ее на землю и развернул в сторону замка, легонько толкнув в спину.

Ее маленькая худая фигурка в белом платье медленно удалялась. Герцог обернулся и увидел десятки глаз, устремленных на него. Грязные, пьяные лица солдат, их глупые улыбки в свете факелов выглядели зловеще.

«Всё не имеет никакого смысла. Я должен его убить, чтобы эти несчастные знали, кто главный. Но что дальше?»

– Дуэль на смерть, сударь, – спокойно сказал Альба. – Я не намерен дарить вам жизнь, как вы сделали это для того бедняги. Ибо вы нарушили ход событий, а это тяжело наказуемо. Бедняга мог бы умереть, но теперь из-за вас он вынужден мучиться всю оставшуюся жизнь. Это вы подарили ему эту жизнь, полную мучений. И за это я отниму у вас вашу. Это будет справедливо.

– Мы по-разному смотрим на жизнь, герцог. Не льстите себе. Вы боитесь этой дуэли.

Словно красное полотно упало перед глазами Альбы. Он бросился вперед и сделал выпад шпагой. Поединок обещал быть долгим, потому что Монтгомери, как оказалось, владел шпагой отнюдь не хуже герцога. Звон стали прервал жуткий женский крик и звук, от которого в душе герцога что-то вздрогнуло, да так сильно, что на секунду он подумал, будто ранен в самое сердце.

Это был всплеск воды в реке. Что-то упало с моста замка вниз. Кричала кормилица.

Герцог с разбегу прыгнул в отвратительно холодную воду, вместе с ним туда бросились еще несколько человек. Люди с силой били руками по воде, кричали и звали девочку.

Герцог доплыл до моста, вцепился сдавленными судорогой пальцами в колонну, ногти ломались о камень, он соскальзывал в мутную воду. В горле застрял комок, он душил, сжимая металлическим кольцом и мешая дышать.

К нему подплыли несколько мужчин, стали вытаскивать из воды, но тяжелые парадные латы тянули на дно и не давали свободы движениям. В ушах звенел ее голос: «Отец, вы не будете драться с ним! Не будете!»

«Девочка моя! Моя королева! Жизнь не имеет смысла! Всё не имеет смысла!»

Его вытащили на берег. Он не двигался и с трудом дышал. Слуга прибежал с сухой одеждой, чьи-то руки помогли снять латы.

– Герцог, это несчастный случай. Милорд, вы не виноваты. Это кормилица упустила ее, девочка хотела посмотреть на поединок. Нагнулась над водой...

Герцог Альба выпрямился во весь рост, окружающие его люди расступились при виде его лица – застывшего в гримасе мертвого безразличия.

Монтгомери приблизился к нему и тихо произнес, почти касаясь губами мочки его уха:

– Герцог, не хочу ничего добавлять к тому, что с вами совершил Всевышний. Считайте, что дуэль состоялась, но не со мной, и вы ее проиграли. Что же касается меня, я готов сложить перед вами оружие, ибо теперь мы с вами на одной стороне. И вы, и этот бедняга будете жить и мучиться до самого конца. Храни вас Господь!

Альба не шелохнулся, ни один мускул не дрогнул на его лице. Через несколько секунд он повернулся и медленно пошел в сторону замка. За ним двинулись слуги и солдаты.

Со стороны реки еще были слышны крики и плеск людей, тщетно пытающихся найти маленькое тело, давно унесенное сильным течением. На мосту причитала кормилица.

Герцог Альба толкнул двумя руками тяжелые двери королевской залы замка.

Они с грохотом распахнулись.

Шаг 4

понедельник,
1 июля 2013 года

Когда я познаю твою душу,
я нарисую твои глаза...

Амедео Модильяни

Через приоткрытые двери тронного зала виден весь размах королевского торжества. Зал освещен сотнями свечей: от огромных, установленных в массивных бронзовых вазах, до маленьких, опущенных в длинные стеклянные колбы с серебряными кольцами. Великолепные костюмы гостей сшиты из тончайшего шелка, нежнейшего бархата, расшитого жемчугом и золотыми нитками; волосы женщин убраны в косы и обрамлены цветами и драгоценными камнями, а кожа их натерта перламутровой пудрой, от которой исходит волшебное сияние, словно каждую из них окружает нежное, полупрозрачное облако.

Центр длинного стола украшают многочисленные свечи, со всех сторон увитые душистыми травами. Яркие бутоны непентесов заканчиваются хрустальными шариками, нанизанными на тонкие нитяные стержни. В высоких резных бокалах из мутного стекла рубиновым цветом горит вино, на огромных подносах возвышаются изысканные яства: гусь в оперении в окружении фаршированных потрохами овощей; молочный поросенок, начиненный фуа-гра с кедровыми орешками; рыба и морепродукты всевозможного вида и приготовления.

Стены зала освещают массивные факелы, с четырех сторон висят огромные гобелены, изображающие сцены королевской охоты. Многочисленные слуги суетятся вокруг важных особ.

Слышны нежные звуки лютневой музыки. Придворные шуты, усевшись на пол прямо у трона Его Величества, кормят с рук охотничьих собак. Это, похоже, веселит короля, но раздражает королеву. Она морщит красивый острый носик и жестом подзывает к себе высокую худую женщину, одетую в черный бархатный костюм пажа. Говорит ей что-то, та кивает и делает знак шутам. Те, словно по команде, поднимаются со своих мест и расходятся по залу в разные стороны, весело предлагая гостям свои услуги для танцев и умной беседы.

В дверях немедленно появляется человек невысокого роста в скромном охотничьем костюме. Он тихонько свистит, и все собаки, словно по мановению волшебной палочки, выбегают из залы вслед за ним.

Внезапно гармонию праздника нарушает пронзительный звук мобильного телефона. «Его Величество» берет трубку – и всё становится на свои места.

– Да, мой хороший! Да, мой золотой! Спасибо! Спасибо! Жаль, что ты не смог к нам присоединиться! Я понимаю, дорогой! А то бы сейчас сидел по мою правую руку и пил вино! Ты знаешь, это великая королевская милость,

ее не предлагают абы кому! Да ладно, дорогой, я понимаю. Спасибо, что позвонил! Обнимаю. Пока!

Высокая худая женщина-паж незаметным движением поправляет в ухе рацию и коротко отдает какое-то распоряжение.

Сразу после этого музыка меняется, и в зал через широко открытую дверь вливается гигантская позолоченная клетка, в которой стоит в полный рост оперная дива в маске и костюме райской птицы. Ее голос, как хрусталь, разносится под высоким сводом королевской залы.

Женщина-паж выходит на мост, тихо прикрывая за собой тяжелую дверь. Она глубоко вдыхает сырой и сладковатый запах мокрой листвы и всматривается в воды Луары.

От реки веет холодом и беспокойством. Вроде бы всё идет по плану, никаких сбоев. Чудо получилось. Каждый раз это ее искренне удивляло – за девять лет работы она не смогла понять закономерности успеха праздников, которые она придумывала. Каждый раз ей было страшно, словно перед прыжком с высоты.

Душа складывалась, сжималась, как пружина, и потом выстреливала, отдавая всю внутреннюю силу и энергию людям, которые ей доверили на какое-то короткое время сделать их счастливее...

Из приоткрытых окон залы раздавались приглушенные звуки музыки, смеха и голосов.

Ей снова становилось грустно. Словно выполненная работа не радовала, а как бы освобождала мозг, которому теперь снова придется мучиться в поиске новых идей, сценариев, концепций.

«Я – плохая мать, – снова пронеслось в голове. – Я могу решать проблемы других людей и не в состоянии помочь собственному ребенку!»

– Гойя, тебя ищут пиротехники.

– Иду.

Рация в ушах стрекотала без умолку. Сколько уже было фейерверков – она каждый раз волновалась.

Толстенький подвижный человек в перепачканной землей куртке бежал к ней навстречу со стороны парка. Волосы на его голове стояли вертикально, как у одуванчика в преддверии полета.

– Поднимается сильный ветер! Я бы не ждал больше.

Он вытер грязной рукой пот со лба.

– Гости еще в зале. – Гойя на секунду задумалась. Она прикидывала в уме, сколько потребуется времени на то, чтобы все вышли в парк. – Пять минут! Я дам «топ».

Человек кивнул, передал информацию по рации и побежал дальше, приглаживая на ходу так и не взлетевший одуванчик волос.

Возвращаясь в зал, Гойя автоматически складывала пальцами в кармане бумажный листок, прикидывая в голове, что надо сделать, чтобы через пять минут гости оказались в парке замка.

Она остановилась в дверях, словно гончая, прислушиваясь к своим ощущениям.

Гости расслаблены, вино уже развернуло сознание ровно настолько, насколько потребовалось, чтобы вжиться в новый образ.

Именинник – Гойя вспомнила его взгляд при первой встрече, колючий и пронзительный – сидел вполоборота, с любовью глядя на свою жену. Пурпурное королевское платье было ей очень к лицу.

– Как жаль, что мода изменилась, – словно поймав ее на мысли, прошелестела Ирма, тихо подойдя к ней сзади и наблюдая из-за ее плеча за обстановкой в зале.

– Да уж, хотя через шесть часов такой роскоши, как правило, радуешься, как ребенок, когда вспоминаешь, что у тебя есть возможность влезть в майку и джинсы.

Гойя усмехнулась. Она всю жизнь из них не вылезала, и это при том, что в ее гардеробе висело множество ярких и красивых вещей, количество которых ежегодно росло. Она умудрялась платонически любить все эти вещи, но упорно каждый день влезала в джинсы. У нее существовала своя теория относительно того, как внутреннее состояние человека должно совпадать с выбранной на день одеждой, и, если всё совпадает, гармония будет установлена. Например, чтобы надеть платье, необходимо испытывать легкость и нежность, короткую юбку – свежесть и отрешение, костюм – грусть и строгость.

– Ирма, что у тебя?

– Всё готово. Мы ждем твоей команды.

– Будем менять программу.

В такие минуты обычно мягкий голос Гойи звучал жестко, почти угрожающе. Для тех, кто ее не знал, это выглядело странным. Словно она вдруг вонзала нож и резала то, что было таким красивым минуту назад.

Но Ирма уже привыкла к резким сменам настроения своей начальницы.

– Убираем цирк, сейчас закончится опера, и сразу даем фанфары на выход. Где ведущий?

– Был только что здесь.

– Найди его, дай информацию. У нас пять минут до салюта.

Гойя встретила на мгновение глазами с именинником. Он улыбнулся и слегка кивнул ей. Больше благодарности она и не ожидала. Получилось! У нее получилось! Волна радости нахлынула на нее, обдав теплой струей энергии.

– Гойя, в чем дело? У нас по программе было запланировано совсем другое. Там же цирк уже готов! Они уже полчаса полуголые сидят в стеклянном шаре!

Ведущий не скрывал своего раздражения. На лощеном, напудренном лице проступили красные пятна, похожие на плохо растертый свекольный румянец.

«Красавчик!» – с иронией подумала Гойя.

– Пожалуйста, не волнуйся! – сказала она как можно мягче. – Я поменяла программу потому, что поднимается ветер. Позже стрелять салют рискованно. Ветер может испортить весь рисунок.

– Но они уже готовы! У них этот шар надут, и они из него уже не могут вылезти! – Он растягивал слова, и за это, а может быть, за что-то другое, его хотелось ударить по голове чем-то тяжелым.

– Бен, это не страшно. Они должны ждать, и всё.

Гойя устала за минуту этого разговора больше, чем за последние несколько часов работы.

«Есть же вот такие люди-пиявки, которые умеют из тебя выпить последний глоток сил без зазрения совести! Интересно, а на что он ее будет тратить?» Додумать эту очередную ненужную мысль не получилось, потому что рация снова включилась.

Бен продолжал что-то говорить вслед убегающей Гойе, но она уже не слышала. Она мчалась по мосту назад в парк, на ходу меняя канал приема.

При росте выше среднего и врожденной худобе Гойя бегала достаточно неуклюже. Ее мальчишеская внешность никак не сочеталась с этой девичьей неуклюжестью. Длинные руки постоянно что-то задевали на ходу, ноги попадали во всевозможные ямки и впадины. Энергия, кипящая в ней с детства, заменяла с лихвой любой вид спорта, что для нее было совершенно глупой потерей времени. Она всё делала стремительно, резко и без оглядки.

Вот и сейчас, рванув с места, она задела ногой неровный торчащий булыжник и упала, больно ударившись коленкой.

Из кармана выпала на нервной почве сложенная в восемь раз бумажка.

На мосту было темно, но странным образом упавший листок так ярко белел на мокром булыжнике, что Гойя, поднявшись и собираясь бежать дальше, несмотря на боль, вернулась обратно и подняла его. Вспомнила, что это за бумажка, спустя три секунды. Убрала в карман, успев подумать, что она явно хочет обратить на себя внимание.

– Погоди пять минут, – прошептала Гойя. – Обещаю, я займусь тобой.

В радиации зазвенел детский голос Ирмы.

– Опера закончилась. Гости доедают сыр. Что делаем?

– Ирма, давай фанфары и ведущего. Приглашаем в парк.

– Ок, поняла.

Гойя добежала наконец до тщательно спрятанной в листве кустарников технической зоны. В этой зоне суеты не любили, и это ей нравилось. Даже когда суетились все вокруг, тут решались вопросы быстро и спокойно. Огромные пульты с множеством кнопочек, рычагов и дырочек были для Гойи предметом бесконечного восторга. Она не могла объяснить себе самой, почему ей так нравилось смотреть, как эти потные, пахнущие сыростью и сигаретами, вечно уставшие люди четкими движениями меняют положение проводов и штекеров, и по ее команде вокруг происходит что-то волшебное.

– Как дела?

– Нормально. – Технический директор откинул привычным жестом грязную прядь волос со лба, затянулся сигаретой и, не отрывая взгляда от монитора, добавил: – Еще и дождь, похоже, собирается.

– Дождя не будет, Лу, здесь всегда влажно в это время года.

– Нам, по сути, дождь не так страшен, как ветер. Сама знаешь.

Со стороны замка к ним бежал уже знакомый толстый человек. От быстрого бега у него началась сильная одышка, которая никак не помешала

ему, поравнявшись с техзоной, на бегу выхватить из куртки пачку сигарет и ловко засунуть одну в рот. От влажности одуванчик волос превратился в тоненькие морские водоросли, которые грустно свисали по обе стороны его грязного круглого лица.

– Я проверял свечи в парке, многие погасли из-за росы. Пришлось зажигать.

Гойя протянула зажигалку.

Рация застрекотала сразу у всех и оглушила. Ирма, когда волновалась, зачем-то начинала говорить громче, видимо, думая, что так ее тонкий детский голос будет звучать серьезнее.

– Гости выходят. Именинник отошел куда-то. Не могу найти. Прием.

– Ирма, спокойно! Поставь Глеба на выход, раздай зонты – дождь собирается. В зале оставь Нину. Она найдет его. Сама выходи с гостями в парк и дай знать, когда все выйдут.

– А если мы не найдем его? – Ирма чуть не плакала.

«Бред заниматься сейчас психологической помощью».

– Милая, мы найдем его! Успокойся!

Техники усмехнулись, затягиваясь сигаретами.

Иногда за минуту до чего-то важного в голове проносится сразу миллион мыслей. Даже не мыслей, а словно каких-то кодовых знаков, по которым мысль как бы сразу выражается, не облекаясь в слова, словно экономя время и пространство. Гойя вдруг подумала, что важность является главным счастьем, которое человек может самостоятельно вложить в любой свой поступок или любое движение. Холод прокрался под куртку и пощекотал спину. Она вспомнила утро и Лив, которая мирно посапывала во сне, ее хрупкое теплое тельце, к которому так сладко было утром прижиматься, словно в этом были все силы мира, которые наполняли ее энергией, чтобы она потом отдавала ее кому-то, кого она почти не знает.

– Все в сборе, именинник вышел.

– Как он? Он в каком настроении?

– Гойя, он улыбается, он с женой куда-то отходил.

– Отлично! Хотя и не вовремя! Сейчас он с гостями?

– Да, да, все в сборе.

– Ребята! Топ!

Первые звуки оперы «Кармина Бурана» оглушили парк и наполнили голову каким-то психоделическим туманом. Дымовые шашки, шипя и подмигивая, заполняли воздух запахом войны и пороха. Со стороны аллеи один за другим выстреливали фонтаны белого огня, становясь всё больше и ярче по мере приближения к замку.

Небо Шенонсо взорвалось и рассыпалось на многочисленные шары огненного и золотого цвета.

Где-то в животе, достигнув своего апогея, оборвалась ниточка праздника.

Шаг 5

вторник,
2 июля 2013 года

– Не грусти, – сказала Алиса. – Рано или поздно всё станет понятно, всё станет на свои места и выстроится в единую красивую схему, как кружева. Станет понятно, зачем всё это было нужно, потому что всё будет правильно.

Льюис Кэрролл,
«Алиса в Стране чудес»

Сидя на занозистой деревянной скамейке в подвале замка в специально оборудованной зоне отдыха, Гойя пила невкусный горячий кофе из пластикового стаканчика и пыталась бороться с дурацкими мыслями.

Дурацкие мысли – это такие мысли, которые приходят в голову параллельно с правильными мыслями о том же самом. Правильные мысли почему-то всегда пасуют перед дурацкими. Во всяком случае у Гойи всегда так было! Как только приходила в голову правильная мысль, если она сразу не цепляла и Гойя ее откладывала на потом, то через некоторое время по тому же поводу ей приходила совершенно дурацкая мысль, которая полностью вытесняла правильную. Дурацкая мысль еще определялась тем, что так поступить или привести в исполнение задуманное в глазах большинства людей выглядело бы однозначно полным бредом.

Сейчас она сидела и думала, что, наверное, усталость от работы мешает сконцентрироваться и принять правильное решение. Сил и вправду совсем не осталось, но душа всё равно упорно продолжала настаивать – думай! Думай для нее, для Лив!

После того как Гойя узнала о болезни дочери, они с Лив проводили в разных больницах бесконечные часы, за которые успели переиграть во все существующие игры и еще придумать множество своих – умных и не очень. Гойя ужасно боялась, что ее отчаяние, страх или минутная слабость передадутся дочери, и ей от этого станет хуже. Она старалась любой ценой отвлечь пятилетнюю девочку от мысли, что с ней что-то не так. Их связь была настолько сильной, что иногда Гойе казалось, что она дышит в такт дыханию Лив. Пока Лив забирали на разные анализы и процедуры химиотерапии, Гойя торчала в коридорах или залах ожидания, заставляя себя думать только о хорошем и смешном и посылать Лив только самые добрые и веселые мысли. Именно тогда и помогали глупые мысли: они почти всегда были смешные и именно этим были необходимы.

Так она вдруг обнаружила, что хирурги-мужчины делятся между собой на три группы.

Врачи-пингвины. Они ходят аккуратной походкой пингвинов, слегка оттопырив кисти рук, часто в очках и лысоватые, застегнуты на все пуговицы. У них очень деловой, аккуратный и сосредоточенный вид, и кажется, что они никогда не смеются, а каждая операция для них – словно очередная контрольная выпускная работа.

Врачи-обезьяны. Эти ходят почти всегда с закатанными по локоть рукавами белых халатов, откуда торчат, как правило, волосатые руки. Руки эти они несут очень гордо, слегка сутулясь под их тяжестью. И сразу понятно, что руки эти – золотые, что они могут творить чудеса вот этими руками, и поэтому они, эти руки, так торжественно и важно переносятся с места на место.

Врачи-хулиганы. Это те, у кого всегда плохо застегнут халат и шапочка надета набекрень. Они ходят какой-то хулиганской походкой, и в их неряшливом облике есть что-то наплевательское на земные проблемы. Из их карманов торчат порой совсем не имеющие отношения к медицине предметы.

Вообще врачи-хирурги, как показалось Гойе, являются особенной, элитной кастой любого госпиталя. К ним подходят тихо и робко ждуют, пока они смогут с вами заговорить. Улыбаться им начинают издалека, как только они появляются в начале длинного больничного коридора. Медсестры, плавно проходя мимо них, опускают глаза или застенчиво радуются. Родители больных детей несут им подарки и букеты цветов. И Гойя была среди них.

А сейчас, сидя на деревянной скамейке, она в сотый раз вспоминала последний разговор с одним из таких врачей.

Стерильно-стеклянный коридор госпиталя, новый корпус, выстроенный два года назад специально для детей, больных раком. Почему-то доктор считал, что этот факт должен радовать родителей.

Доктор-пингвин с правильным медицинским лицом, не скрывая нарастающего раздражения, пытался сохранять спокойствие.

– Послушайте, мы с вами бьемся уже полгода, вы и мы сделали всё возможное и невозможное. Девочка уже несколько месяцев на химиотерапии. Я понимаю, что вы – мать, но в какой-то момент лучше смириться с ситуацией. Так будет легче и для вас, и для вашей дочери.

Это были просто слова. Он хотел как лучше, он должен был так сказать.

Гойя опять куда-то уплыла. Словно издалека, как будто с другой планеты она услышала свой собственный голос:

– Смириться. Ну да, смириться.

И вдруг, словно проснувшись, почти закричала:

– Вы что, с ума сошли, доктор?

– Я мог бы вам этого всего не говорить, а обещать еще какие-нибудь волшебные методики лечения и терапии за бешеные деньги, но я врач, а не жулик. Я вам объяснил, мы делали для вашей дочери полный комплекс возможного лечения больных раком на этой стадии. Организм пятилетнего ребенка может какое-то время сам бороться, но лечение и терапия в конечном счете утомят ее еще больше. Если мы понимаем, что лечение бессильно, мы принимаем решение дать возможность больному дожить нормально хотя бы то время, что ему осталось.

– Осталось? Ему? Это вам осталось собрать свои вещи и валить из этой клиники и из медицины! Вы... Вы...

Горло снова сжала невидимая рука. Гойя вытащила сигареты и стала шарить в поисках зажигалки. Напрасно – она ее отдала техникам! Дубина!

Из кармана выпал сложенный листок. Гойя, вспомнив свое обещание, подняла его с пола, развернула и уселась обратно за стол.

Листок был вырван ею из бесплатного журнала, который раздают в переходах метро. Гойя почему-то никогда не брала эти журналы, даже когда руки были свободны и разносчик мило улыбался, протягивая ей журнал. Ее пугала эта настырность в выдаче информации там, где ты совсем не хочешь ее получать.

С этим журналом ситуация была еще более странной. Он поджидал ее в полупустом вагоне метро вечером, когда она возвращалась с работы на следующий день после скандала в клинике. Он лежал на полу вагона, раскрытый на этой самой странице с названием заметки «Когда медицина бессильна».

Гойя долго смотрела на него, раздумывая, что, наверное, это такая плохая игра с подсказками, и зачем ей подбросили вот такую дурацкую статью.

Ах да, это потому, что она говорила про надежду! Конечно же! Хочешь надежду? Да пожалуйста, получи! Заплати кучу денег очередному шарлатану, чтобы на чуть-чуть поверить, что Лив будет здорова.

«Не буду брать», – эта мысль была разумной. Но она ее отложила до следующей станции метро, на которой в вагон зашли трое веселых подростков с магнитофоном, откуда раздавалась модная песенка «Где же ты, папа?».

«Всё! Это уже слишком!» – Гойя быстро нагнулась и подняла журнал. Пробежала глазами по тексту заметки, вырвала страницу и сунула в карман.

Теперь страница журнала была аккуратно разглажена и лежала перед ней на столе.

В зал вошла Ирма, как всегда неслышно, тихо села за соседний стол.

– У тебя спички есть?

– Нет. Зажигалка.

Она протянула ее. Гойя с удовольствием закурила.

Ужасно, как такая гадость может приносить такую радость!

Итак, ясновидящая лечит болезни, перед которыми медицина бессильна. Прекрасно! Странно, что рядом не поместили фотографию какой-нибудь пышной африканской тетки. Обычно рядом с такими рубриками всегда помещают фотографии африканских колдунов в тунике и тюрбане.

Гойя смахнула со стола упавший пепел. Ей казалось, что она только что закурила, а оказывается, уже вся сигарета дотлела до конца. И Ирма ушла так же неслышно, как и появилась.

Она взглянула на часы – было два часа ночи. «В это время суток не спят только бомжи, наркоманы, техники и... может быть, ясновидящие». Почему-то эта мысль ее успокоила, она встала и пошла к выходу – в подвале совсем не было связи.

Дождик все-таки заморосил, свечи в парке одна за другой медленно тухли, словно это были светляки, которые тоже один за другим, как и гости, укладывались спать.

Гойя набрала номер. Ждать пришлось достаточно долго.

Наконец откуда-то издалека возник женский голос. Он был не то чтобы враждебным, нет. Она его почему-то так услышала. Женщина говорила спокойно, но музыка ее голоса была какой-то неприветливой. Словно в этом голосе были только холодные звуки и ни одного теплого.

– Доброй ночи, простите! Я, наверное, поздно?

– Здравствуйте. Слушаю.

– Я хотела бы с вами проконсультироваться. Когда это возможно?

– Какой вопрос?

– У меня болеет дочь, ей пять лет. Врачи не могут помочь.

– Дата рождения?

– 29 июля 2009 года.

– Не дочери! Ваша!

Гойя опешила.

– 14 декабря 1981 года, но...

– Послезавтра в 12:00 устроит? Адрес у вас есть?

– Да, конечно, спасибо большое! Я приеду. До свидания. Простите, пожалуйста, еще раз за поздний звонок.

Трубка была брошена сразу после того, как Гойя произнесла «да», и все остальные слова прощения, прощания и благодарности остались вместе с Гойей, так и не дойдя до странной женщины.

II

Ж Р И Ц А

Шаг 6

четверг,
4 июля 2013 года

«Трусость – самый страшный порок», – таковы были последние слова Иешуа Га-Ноцри.

Михаил Булгаков,
«Мастер и Маргарита»

Приняв решение добраться до ясновидящей городским транспортом, Гойя руководствовалась в первую очередь тем, что она не будет отвлекаться на дорогу и у нее будет время обдумать предстоящий разговор.

Шел проливной дождь. Автобус отправился с обшарпанной станции пригородного автовокзала согласно расписанию. Гойя, наступив в лужу и полностью промолив обе ноги, долго боролась со складным зонтом, пока он благополучно не сломался, затем поднялась по ступеням, купила билет и села в «хвосте».

Народу было немного. Люди разбежались по офисам, и в автобусе оставались те, кому, наверное, уже не нужно было торопиться: толстая старуха с большой клетчатой сумкой и бамбуковой палкой, арабская мамаша в платке с привязанными к нему монетками с толстым ребенком лет семи, поедающим бублик, да какой-то сутулый человек в длинном пальто.

По грязному стеклу автобуса катились веселые капли дождя, в голову лезли странные мысли.

Что объединило всех этих людей с ней, Гойей?

Почему они оказались на какой-то отрезок времени все вместе жителями этой железной коробки?

Остановка, на которой ей надо было выходить, называлась красиво – Красная Гора. Горы, конечно, там не было и в помине. Вместо нее шли ряды серых примитивных домов с узкими окнами, тех, что строили сразу после войны. Все они были в три этажа, но почему-то на каждом этаже были только маленькие комнаты, тесные коридоры и лесенки, словно каждый из жителей мечтал не объединиться с другими обитателями дома, а любой ценой урвать свое личное пространство и отгородиться от всего мира. Дома отличались друг от друга только цветом облезлых заборов.

Дойдя до конца улицы, Гойя свернула в сторону высоток, которые торчали над этими низкими домиками словно угроза катастрофы. Она не любила высотные дома, их редко строили красивыми. В этой стране высотные дома ассоциировались у людей с нищетой, грязью и безработицей.

Гойя быстро нашла нужный подъезд и нажала кнопку вызова по домофону, который, разумеется, не работал. Тяжелая металлическая дверь, беззащитная и бессмысленная, в отсутствие электричества распахнулась, скрипя всеми петлями.

В подъезде пахло кислой капустой и сосисками, а еще дешевыми сигаретами и какой-то химией. На расписанной граффити панели лифта красовалась табличка «УЧЕТ».

Если совсем не задумываться над смыслом табличек, которые со всех сторон нас окружают, наверное, можно удлинить свою жизнь лет на десять.

Гойя поднималась на восьмой этаж, стараясь сохранять дыхание и спокойствие в одном месте своего организма. На лестничном пролете между третьим и четвертым этажами сидели трое мальчиков. Одному было лет пять, двое других были постарше. Тот, которому было пять, был целиком «загримирован» под Гекльберри Финна – рваные штанишки, грязные толстые ноги в стоптанных сандалиях, всклооченные рыжие (и, видимо, неделю как нечесанные) волосы. Два других товарища казались близнецами, которых природа обделила вдвойне, – на их одинаковых некрасивых лицах не было и тени доброты или ума.

Дети сидели на ступеньках и курили какие-то вонючие сигареты. Здесь же еще стояла перевернутая стеклянная банка с полудохлой мышью в клубах табачного дыма, который они пускали в нее через пластиковую соломинку.

При виде Гойи старшие дети никак не отреагировали. Маленький посмотрел на нее нагло и вопросительно.

«Сейчас попросит на мороженое, – подумала Гойя. – Как в кино».

Но мальчик не попросил. Он изобразил гримасу, которая, видимо, в его голове означала «пай мальчик», и потерял к ней интерес.

Гойя протиснулась в пространство, оставленное детьми на ступеньках, и стала еще медленнее подниматься дальше. С каждой ступенькой она всё больше начинала сомневаться в правильности своего поступка.

«Ему столько же лет, сколько Лив, – проносилось в голове. – Курить вредно. Черт, как вообще в пять лет можно курить? Что за бред?»

Гойе хотелось броситься вниз, вырвать у малыша изо рта сигарету, отругать, отшлепать.

«Истеричка. Успокойся. Это другой мир», – остановила она сама себя.

Словно в ответ на ее мысли снизу раздался приглушенный хохот детей.

Гойя дошла до площадки восьмого этажа, колени дрожали.

Она дотронулась до кнопки звонка. И он отозвался.

Шаг 7

четверг,
4 июля 2013 года

Человек – животное спрашивающее.
В тот день, когда мы по-настоящему научимся задавать вопросы, начнется диалог. А пока вопросы лишь головокружительно отдаляют нас от ответов.

Хулио Кортасар

Дверь открыла крупная женщина без возраста с мутными глазами. Быстро кивнула, быстро закрыла за Гойей дверь, быстро пошла по коридору в глубь квартиры, жестом пригласив Гойю сделать то же.

Гойя не успела подумать ни о чем, кроме того, что идет в какую-то чужую глубину.

В коридоре было темно, но и в темноте было видно, что квартира ужасно обшарпанная. Из угла, где коридор сворачивал в сторону туалета, на Гойю смотрели четыре светящихся точки. Она остановилась в ужасе, точки разделились попарно, и на свет вышел большой дымчатый котяра, за ним следовал второй – черный. Коты медленно приблизились к Гойе и издали тихий львиный рык. Она подумала, что эта звуковая иллюзия однозначно вызвана сценой на лестнице.

Вслед за хозяйкой квартиры Гойя вошла в комнату, пол которой покрывали старые, абсолютно обветшавшие ковры. Ей было молча указано на кресло, в которое она села с ощущением утопающего, хватающегося за борт дырявой лодки.

Ясновидающая села на диван напротив, коты тут же пристроились с двух сторон от нее. Она молча уставилась на Гойю мутными белесыми глазами. Женщины рассматривали друг друга с нескрываемым интересом.

Теперь при более ярком свете Гойе было отчетливо видно ее лицо: некрасивое, одутловатое, серого цвета с красными подтеками. Отсутствие бровей и белесые ресницы придавали лицу еще более уродливый вид. Чуть ниже мочки уха – странное родимое пятно. Сначала Гойя подумала, что это татуировка в виде какого-то животного с раскрытой пастью. На шее у женщины висел массивный медальон на толстенной золотой цепочке, словно ограниченный в золотой ободок выпуклый желтоватый кристалл, изнутри которого на Гойю смотрел внимательный женский глаз.

У ясновидающей были маленький мясистый нос, неулыбчивые губы и очень странные глаза. Казалось, что на глазах у нее какая-то белая пленка. Волосы были неопределенного цвета и свисали неровными прядями по обе стороны ушей, которые их хозяйка не пыталась никуда спрятать. Безусловно, ее нельзя было назвать красавицей, но, как ни странно, Гойя нашла и в этом образе

что-то чарующее. От женщины исходило такое спокойствие и сила, что все только что упомянутые черты как бы закрывались той аурой, которая ее сопровождала, отбрасывались в сторону, как неважный момент, на который было даже стыдно обращать внимание.

Гойя не выдержала взгляда и опустила глаза.

– Говори. – Ясновидящая продолжала смотреть спокойно, только на глазах пропала белесая пленка, и на Гойю устремился взгляд – острый и внимательный.

– Я пришла к вам с проблемой. У меня больна дочь. Ей пять лет. У нее был обнаружен рак кишечника год тому назад. С тех пор я живу только этой проблемой. Врачи сказали, что ничего сделать нельзя. Но я...

Она не успела закончить фразу. Ясновидящая перебила ее.

– Ничего сделать нельзя. Врачи абсолютно правы.

Гойе показалось, что она сказала это даже с некоторой радостью.

– Но в объявлении вы пишете, что можете лечить случаи, при которых медицина бессильна, – тихо сказала Гойя.

– А причем тут медицина? Я могу лечить то, что излечимо. В вашем случае лечить бесполезно.

Гойя начала раздражаться.

– Можно ли объяснить непосвященным, что вы имеете в виду?

– Вы же за этим сюда пришли? Я работала для вас.

– Неужели? Для меня? До того, как я сюда пришла? – Гойя начала жалеть о потерянном времени.

– Именно. Мне нет нужды вас видеть, чтобы работать с вами, вы дали мне достаточно информации, позвонив по телефону.

– И что? Каковы результаты вашей работы?

– Результат очень важен. Я вам его сообщила. Лечение бесполезно, потому что оно не запланировано.

– Кем не запланировано?

Ясновидящая усмехнулась. Встала с дивана, подошла к столику и зажгла на нем тоненькую свечку. Потом взяла со стола какую-то старую книгу в рваном переплете, открыла ее на странице, которая была заложена куском газеты, и быстро прочитала:

*«Невинную жертву похитит жизни поток
Отцом не спасенную спрячут в земной глубине
Та чистая смерть не даст разразиться войне
Отцу наказанье нести пожизненный срок».*

– И что это?

– Это – предсказание Нострадамуса.

Гойе показалось, что она ослышалась. Она смотрела на странную женщину и думала о том, почему вот таких сумасшедших людей не закрывают в больницах. Они спокойненько живут себе и даже объявления в газетах печатают.

– Вы шутите? Какое отношение средневековое предсказание имеет к моей дочери?

– Такое же, как лично вы имеете к самому Нострадамусу.

Гойя пыталась собрать мысли в голове во что-то, похожее на логическую цепочку, но у нее не выходило.

«Выключай мозги, включай интуицию», – таков был девиз в ситуациях, когда не помогал ум. Как во сне, когда снится что-то, что тебе не нравится, можно заставить сказать сну: «Ты – сон, и я сейчас тебя переделаю по-своему!»

– Мне интересно, рассказывайте.

– Ваш гороскоп практически на девяносто процентов совпадает с гороскопом Мишеля Нострадамуса.

– Допустим. Дальше что?

– Дальше я вам буду говорить вещи, которые могут вам показаться странными, как человеку несведущему. Но вы правильно сделали, что призвали на помощь вашу интуицию. Не думайте – просто попытайтесь услышать то, что я вам скажу.

Гойя сидела, выпрямившись, как струна, в кресле, которое медленно уплывало из-под нее. Она словно парила в воздухе, и это было почти так же естественно, как то, что эта женщина читает ее мысли.

– Жизнь циклична. Вам, как умной женщине, наверно, это известно. Жизнь подчинена энергетическим потокам, они проходят через живые организмы, предметы и людей, создавая живую энергию обмена и продолжая жизнь. На земле циклы жизни повторяются семь раз: как семь нот в музыкальной гамме, как семь цветов радуги, как семь видимых с Земли небесных тел и так далее. Это значит, что через семь поколений закончится один цикл и начнется другой. В одном цикле энергия циркулирует насквозь и переходит от одного человека к другому, пока она не доходит до последнего, седьмого цикла и не превращается в ничто. Тогда рождается новый цикл и новая, чистая энергия.

– Красиво. Но я всё же не понимаю, какое...

– Именно поэтому, – продолжала ясновидящая, – если в цикле существуют жизни, которые были прожиты с плохой, тяжелой судьбой, они несут в себе много негативной энергии. Она накапливается настолько, насколько данный человек не хочет принимать и искупать свои деяния. Совершая добро, мы выплескиваем в мир много позитивной энергии. Делая зло, энергия становится негативной. Если силы уравновешены, то разница равна нулю. Но они никогда не бывают уравновешены. Всегда одна энергия берет верх над другой. Когда человек умирает, тело его перестает существовать, но его энергия остается в том, кто рожден за ним следом пассивным грузом, и если энергия негативная, то с этим человеком будут происходить всякие неприятности, болезни, даже смерть. Смерть может быть хорошим выходом для негативной энергии. Каждое следующее поколение будет на себе собирать позитивную или негативную энергию всех предыдущих, стоящих в одной цепочке из семи. Люди называют это кармой.

– То есть моя дочь платит за грехи мои и моих родителей?

– Ваша дочь – последняя в цепочке семи. На ней всё закончится, чтобы начаться заново с чистого белого листа.

– Но я не совершала никаких поступков, которые могли бы навлечь на нее болезнь!

Гойя чуть не плакала. Ясновидящая сидела расслабленно, прикрыв глаза.

– Тут сработало всё вкуче. Ты никак не искупила то, что совершили до тебя женщины твоего рода, а они, по всей вероятности, сильно постарались. Энергии очень много, и она должна выйти. Твоя дочь должна умереть.

Гойя сидела обессиленная, словно ее долго били. Она пришла за надеждой.

Ясновидящая смотрела на нее не моргая, скрестив руки (почему Гойя смотрела именно на ее руки?) на животе.

– Рак – это болезнь неадаптированности в некотором роде. Клетки начинают мутировать и жить своей собственной жизнью, не приспособленной для жизни вместе с другими клетками. Это если по-простому. – Она криво усмехнулась. – Рак – первый признак кармы, это значит, что-то было не так с тобой, до тебя... Тело разговаривает с тобой. Тело – это всего лишь одна из семи оболочек человека, самая толстая и поверхностная. Но оно выражает то, что хранят в себе другие шесть оболочек. Желудок – это наши вторые глаза, то, что нам помогает переваривать, то есть принимать пищу. Если желудок пищу не принимает, значит, он отвергает горючее, которое необходимо для жизни тела. Таким образом душа человека естественным путем отказывается от оболочки тела и разрушает постепенно все семь оболочек. Кроме последней, той, которая и является духом, частью всеобщей энергетической подосновы Вселенной.

Гойя слушала ясновидящую сквозь какой-то туман в голове и паузу перед глазами. Слова ее втекали в сознание Гойи, словно сироп, который одновременно обволакивал, не давал сопротивляться, но при этом включал какие-то рычаги, о существовании которых Гойя, как ей казалось, даже и не подозревала.

– Тайные учения древности считают, – голос ясновидящей звучал откуда-то издали, – что человек – сложное существо, и что оно состоит из семи элементов или начал, разделяющихся на две группы: три – высшие и четыре – низшие начала. Три высших начала составляют неумирающую часть человека, его бессмертную индивидуальность. Они-то и являются истинным человеком, воплощающимся на земле тем, что мы называем духом. Четыре низших начала составляют смертную часть человека, его временную, переходящую личность, то, что мы называем душой.

Она погладила рукой черного кота и приблизилась к Гойе. Встала над ней так, что Гойя ощутила себя маленькой и беспомощной, втиснутой невероятной силой в кресло. Гойя запрокинула голову, слезы застыли в глазах и нигде не вытекали, они просто стояли между ней и этой женщиной и одновременно связывали их.

– Я говорила тебе про твой гороскоп. – Ясновидящая всё еще держала в руках книгу. – Он во многом совпадает с гороскопом Мишеля Нострадамуса. Это означает, что ты наделена силой видения и большой энергетической силой. Твоя миссия – эту энергию отдавать.

– Я знаю, – прошептала Гойя.

– Твоя миссия – делать людей лучше. Для этого тебе дана эта энергия и эта сила. Всё, что тебе дается в жизни: твои таланты, встречи, события, – всё это только для того, чтобы они послужили другим людям.

– Я хочу спасти дочь.

Гойя смотрела на ясновидящую глазами, полными слез. Она вдруг поняла, что только эта женщина может спасти Лив, что жизнь Лив в ее руках.

Ясновидящая словно не замечала ее состояния.

– Если бы не твой гороскоп, я бы сказала тебе, что предпринимать что-либо бесполезно. Но у тебя есть шанс. Вера – великая вещь, она порой решает нерешаемые, с точки зрения логики, задачи.

Гойя затаила дыхание.

– Для того чтобы убрать негативную энергию, которую твои милые предки оставили тебе и твоей дочери в качестве наследства, надо понять, что они могли такого гадкого совершить, и простить это.

– Всего лишь? – Гойя горько усмехнулась.

Ее родители погибли пять лет тому назад в автокатастрофе. Об остальных предках почти ничего неизвестно.

– Ты уверена, что нет возможности найти фотографии или биографические документы твоих родственников? – снова, читая ее мысли, спросила ясновидящая.

– Родители погибли в автокатастрофе, я покинула их дом за три года до этого и после смерти не возвращалась даже что-либо забирать. Думаю, что всё было продано Красным Крестом. В любом случае, концов уже не найти.

– Это – проблема, но небольшая. Существует множество техник, позволяющих вернуться в прошлое, не имея для этого никаких... э... документов. Но для любой из них нужен энергетический обмен. Если я правильно понимаю, ты пишешь сказки?

Гойя вздрогнула от такого вопроса. Он прозвучал так, словно и впрямь ее работа состояла в том, чтобы писать сказки.

– Нет, я организую праздники, придумываю сценарии для мероприятий и реализую их.

– Я и говорю – пишешь сказки.

Ясновидящая задумалась и замолчала, как показалось Гойе, надолго. Серый кот подошел к ногам Гойи, обнюхал их и вдруг от души стал тереться об ее ботинки.

Ясновидящая подошла к старому серванту, достала из деревянной лакированной коробочки старые карты с бледными рубашками, вернулась к Гойе и уселась подле нее. Руки у нее оказались красивыми и уютными, они поглотили колоду целиком и потом стали выплескивать карты одну за другой на стол.

– Твои праздники имеют успех, – задумавшись, сказала она, разглядывая карты.

– Да, я знаю, обычно всё проходит хорошо. Люди бывают довольны.

Ясновидящая выкинула еще три карты, и брови ее поползли вверх...

– Люди не просто довольны, они счастливы. – Она уставилась с интересом на Гойю, словно увидела ее впервые.

Гойя не понимала, к чему она клонит. Ее врожденная скромность не позволяла ей сказать вслух, что именно этого она и старается добиться, именно для этого и работает.

– Ты сама это прекрасно понимаешь. Ты понимаешь свое предназначение. Ты – энергетический источник, который собирает внутри себя всю позитивную энергию, которая тебя окружает, и потом ты ее отдаешь людям на твоих праздниках. Именно поэтому всё проходит, как ты говоришь, «хорошо».

Ясновидящая усмехнулась.

Гойя вспомнила, как на прошедшем недавно мероприятии в течение шести часов не могла выйти из зала в туалет. Она ощущала себя пауком, сидящим в центре своей паутины, держащим в многочисленных лапках все главные натяжные струнки паутины. Казалось, что, если она хоть на минуту покинет зал и отпустит эти струнки, вся магия вечера исчезнет, лопнет, как мыльный пузырь. Тогда ей показалась эта мысль красивой, но ужасно глупой. А теперь...

– Ты отдаешь всю энергию людям, которые в тебя верят, и иногда они возвращают тебе ее часть. Это принцип работы любого хорошего театра: актер-зритель. Возможно, получится воспользоваться этим энергетическим обменом для наших целей, а именно – попасть в прошлое, чтобы понять и простить грехи твоих милых предков. Тогда может появиться надежда спасти девочку.

Гойя открыла рот, чтобы что-то сказать, но вдруг поняла, что говорить очень страшно... Ясновидящая продолжила:

– Я буду рядом, мы с тобой воспользуемся случаем, и на каждом из придуманных тобой праздников сможем, благодаря моим знаниям и используя твою энергию, перенести тебя на одно поколение назад. Ты сможешь ощутить себя в теле твоей матери, бабушки, прабабушки и понять, что же каждая из них сотворила. Если ты поймешь их действия и примешь их – они будут – как бы это сказать попроще? – убраны из долгового счета.

Ясновидящая захихикала.

– Что значит «поймешь и примешь»? Я могу понять и принять всё что угодно, если это нужно моей дочери, – недоумевала Гойя.

– А вот и нет! – Ясновидящая улыбалась почти зловеще. – Это твое сознание может понять и принять всё что угодно, но девяносто процентов твоего существа оккупируют твое подсознание, и оно, уж поверь мне, не сможет принять и простить всё что угодно. Оно не зависит от твоего сознания никак. И именно с ним всё и будет происходить.

– А если я не смогу понять и простить, что будет?

Ясновидящая смотрела весело, словно помолодела лет на десять, и собиралась сказать какую-то очень уморительную шутку. Гойе даже показалось, что она ей подмигнула.

– С тобой – ничего. С дочкой – то, что должно случиться. Ты ничего не теряешь, по сути. Ну, не считая твоей энергии. Но чем-то же надо жертвовать для любимой дочери?

– Я готова, – быстро сказала Гойя. – Сколько я вам должна за эту услугу?

– А ты сама как думаешь?

Ясновидящая, казалось, была готова расхохотаться. Гойя совсем растерялась. Она чувствовала себя всё более неловко, и это был редкий случай, когда она не понимала, как выйти из ситуации.

– Во что ты оцениваешь жизнь твоей дочери?

Гойя молча смотрела ей в глаза, не моргая. Она молчала. Ясновидящая тоже молчала и смотрела на Гойю, странно улыбаясь. Наконец слова вернулись и удивили саму Гойю.

– А вам никогда не бывает жалко людей? Детей?

– Людей? Детей?

Ясновидящая вдруг стала серьезной, глаза снова заволокло белесой пленкой.

– Мы все – всего лишь звенья одной цепочки. Возраст и пол не имеют никакого значения. Существует закон гармонии и равновесия, и ему всё подчинено. Жалеть о том, что происходит, означает поставить под вопрос космическую гармонию, начало всех начал. Тогда наступит хаос, и мир перестанет быть. Это глупость. Дети иногда умирают, даже не успев родиться. И это правильно, потому что они забирают то зло, которое причинили те, кто жили до них. А иногда люди сами их убивают еще до рождения и награждают потомков сильной негативной энергией.

Нет, мне не жалко. И тебе не должно быть жалко. Ты должна просто принять информацию и делать так, как я скажу, если ты хочешь вмешаться в то, во что тебе никто не давал права вмешиваться.

– Я буду делать всё, что вы скажете. Я готова. Вы не сказали о цене ваших услуг. Кроме моей жизни, у меня вряд ли есть что-то, во что я могу оценить жизнь моей дочери. Вас интересует такой обмен?

Гойе казалось, что она в каком-то фантастическом кино, что сейчас у ясновидящей вырастут длинные зубы и когти, и она бросится на нее и растерзает. Но та уселась на диван, взяла на руки черного кота и посмотрела на часы.

– Я не пишу сказок, девочка. Я работаю с энергией. Твоя жизнь для меня представляет интерес только научный и энергетический. Я готова помочь тебе в обмен на ту энергию, которую я по ходу наших экспериментов смогу частично тратить и на себя. Вот и всё. Можешь не переживать, от этого ты не умрешь, не постареешь раньше срока и умом не тронешься.

– Да, я согласна. Я согласна. Когда? Когда мы сможем начать? Что в... в... вам для этого нужно?

Гойя была так взволнована, что стала заикаться. Она вскочила с кресла, хотела приблизиться к ясновидящей, чтобы взять ее руку, поблагодарить, но как только она сделала шаг, два жутких кота оказались у нее на пути, вздыбились шерсть и стали издавать глухой львиный рык. Гойе даже показалось, что у одного во рту блеснули клыки.

Ясновидящая издала короткий шипящий звук, и котыры отползли в сторону. Она показала знаком Гойе на кресло. Та снова присела на краешек.

– Скоро у тебя будет мероприятие. Кто бы ни позвонил тебе, не отказывайся. Я знаю, ты привыкла выбирать клиентов сама, искать родственные

души. Забудь сейчас про это. Твои клиенты найдут тебя, и ты должна полюбить их, как родных, какими бы они ни оказались, и придумывать их праздник и вкладывать туда всю душу. Только так у нас есть шанс ее спасти. Время играет против тебя. Если за семь месяцев мы не сделаем пять шагов назад, мы можем опоздать на всю жизнь твоей дочери. Ты меня поняла? – Ясновидящая строго смотрела на Гойю.

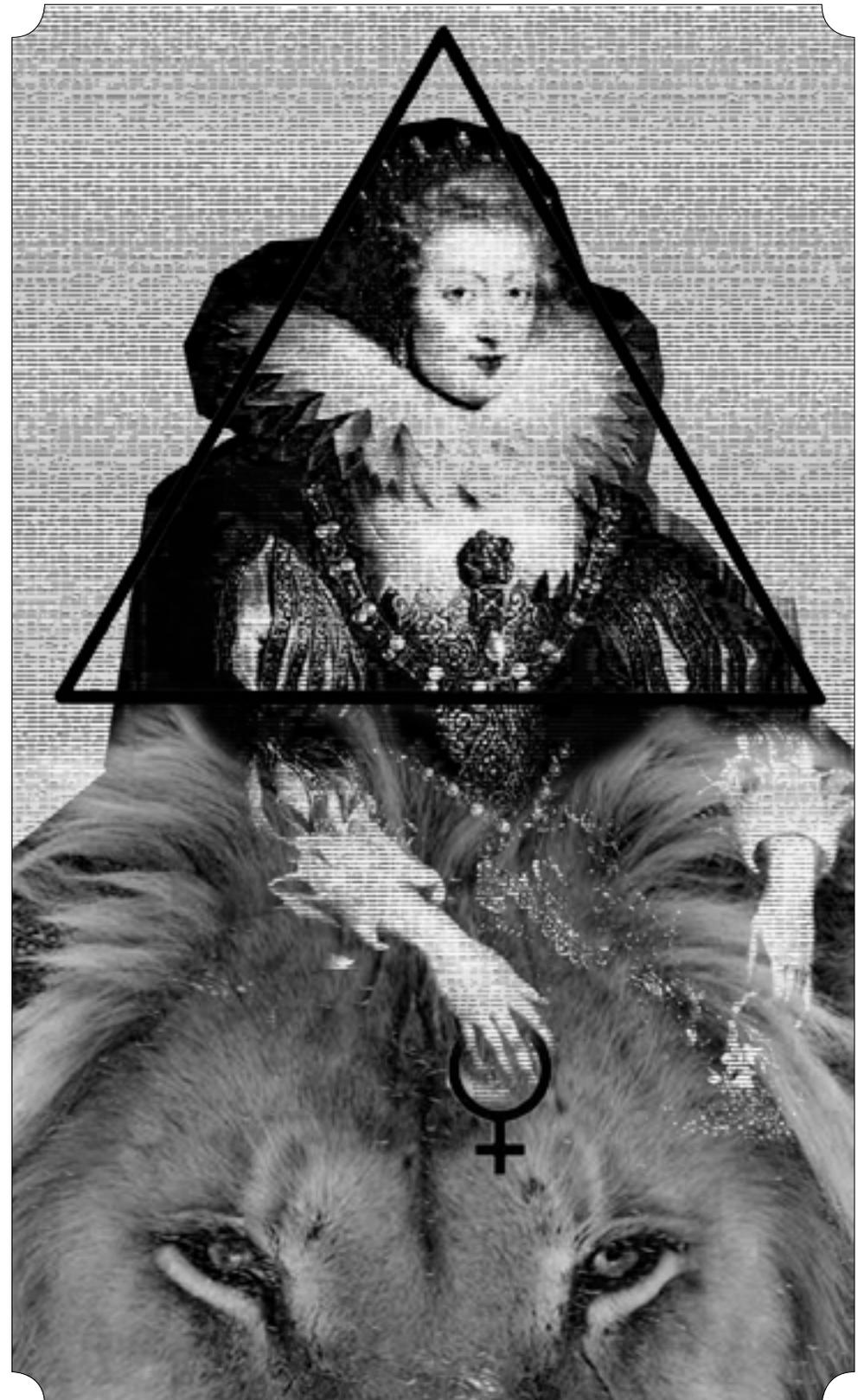
– Да, я поняла. Я всё сделаю.

– Уходи теперь. Вставай и уходи сразу. Денег не надо.

Гойя подскочила, сбив свою открытую сумку, лежащую у ее ног. Сумка рассыпала всё свое содержимое по комнате. Гойя бросилась собирать по ковру блокноты, ручки, флешки, капли в нос и прочий хлам.

Когда она поднялась с пола, чтобы извиниться и попрощаться, в комнате уже никого не было.

Гойя медленно пошла по темному коридору к выходу, дверь на лестницу была приоткрыта. Она вышла из квартиры. На лестничной площадке на прожженном бычками подоконнике важно сидел серый кот и желтыми круглыми глазами смотрел в окно, однозначно регулируя ровно стекающие капли дождя.

Шаг 8

пятница,
12 июля 2013 года

Если мама считает, что вы много едите и много спите, значит, это не ваша мама, а мама вашей жены.

Одесская мудрость

Кот – уже не тот, из подъезда, а родной кот Гойи, проживший с ней много лет под одной крышей, – на следующий день после ее визита к ясновидящей внезапно ушел жить к соседям. Несколько дней подряд Гойя по вечерам возвращала его домой, а назавтра снова находила его сидящим на крыльце соседского дома. Он там спал, ел и проводил всё свое время. Обескураженная соседка пришла обсудить проблему, и было принято решение, что Гойя будет оплачивать его питание у соседей. Они были добрыми людьми и кота полюбили, а через месяц они уже не хотели брать деньги за питание. Через два месяца забрали его паспорт и сказали, что теперь он будет носить их фамилию.

После встречи с ясновидящей жизнь Гойи стала измеряться только поступающими заказами. Она с головой ушла в работу. Как было ей сказано, она соглашалась на любые проекты, не выбирая. Спустя неделю после роковой встречи в офисе ее небольшого агентства раздался звонок. Заказ поступил от одной важной дамы, которая организовывала сыну день рождения. На следующий день Гойя вылетела в Барселону на встречу с заказчицей, оставив Лив и всё свое хозяйство на попечение няни, которая жила с ними с рождения девочки.

Гойя не любила аэропорты, она проводила там слишком много времени. Ей казалось, что все они на одно лицо, они крадут драгоценное время и заставляют тормозить. Всегда имея при себе полный арсенал необходимых для существования в вынужденной временной обстановке предметов – от зарядок для компьютера и телефонов до всевозможных лекарств, книг, блокнотов, жестких дисков, зубных щеток, раскладного стула, пластыря, надувной подушки, термоса и будильника на батарейках, – Гойя каждый раз волновалась, что ее задержат где-нибудь дольше, чем запланировано, и она кого-то может подвести.

Заказчица занимала левое крыло шикарного особняка, расположенного на улице Сардинии, выходящей окнами на чудесный Парк Цитадели. Это была властная высокая женщина лет шестидесяти. Как сказала бы Фаина Раневская, «со следами былой красоты на увядающем лице». Лицо, правда, было не совсем увядающее, а вполне яркое, накачанное со всех сторон ботоксом и явно из кожи вон вылезавшее, чтобы скрыть реальный возраст своей хозяйки.

Она приняла Гойю в небольшом роскошном салоне, где для создания шикарного уюта горел камин и по ковру прыгало маленькое подобие собачки.

Сыну исполнялось тридцать лет, и, разумеется, мать никак не могла пустить на самотек такое важное событие. За полтора часа общения с заказчицей Гойя узнала о том, как легкомысленны мальчишки, которым исполнилось двадцать девять, как они не умеют жить и правильно выбирать себе спутниц жизни. Она узнала в деталях про все любовные похождения бедного «ребенка» и про всех чудовищных злодеек, которые пытались так или иначе воспользоваться его деньгами, наивностью, чистотой и любовью в корыстных целях. Было понятно, что праздник необходимо делать для мамы, а не для «мальчика», но так, чтобы мама ощутила целиком и полностью свою нужность, важность и главное – свою прямую, пуповидную связь со своим ребенком.

Сына Гойя так и не увидела, он был на работе. Заказчица сказала, что это не имеет никакого значения, потому что всё это – ее сюрприз и подарок сыну, и она лучше знает, что, собственно, он любит и что нужно делать.

После третьей чашки кофе и второго бокала белого вина заказчица поведала, что у мальчика нет отца, и что всё бремя воспитания всегда лежало только на ней одной. Единственный сын стал смыслом всей ее жизни, и ей так хотелось бы, чтобы у него всё сложилось, но неудачный выбор спутниц каждый раз опрокидывает его – он такой чувствительный!

Гойя вышла с гудящей головой и фотографией практически лысого мужчины тридцати лет, похожего на испуганного хорька. У нее в запасе было целых три дня, чтобы придумать сценарий этого праздника.

В самолете Гойя внесла в компьютер всё, что ей рассказала заказчица.

Вернувшись домой, она кинула дорожную сумку в угол и пошла в спальню. На огромной кровати с той стороны, с которой она обычно ложилась, спала Лив, мирно посапывая, обнимая плюшевого муравьеда. Нежно поцеловав девочку, она перекатила ее на центр кровати и легла рядом. Уткнулась носом в затылок, вдохнула теплый, родной запах и сразу уснула.

Шаг 9

среда,
7 августа 2013 года

Я не верю в эволюцию. Если б эволюция существовала, у матерей развились бы глаза на затылке, десять рук и атрофировался сон.

*Кэти Летт,
«Мальчик, который упал
на Землю»*

Для этого праздника Гойя арендовала площадку знаменитого Музея старинных аттракционов. В нем была собрана самая большая в мире коллекция действующих качелей, каруселей и прочих игр от середины восемнадцатого века до конца двадцатого. Музей был прекрасен еще и тем, что в отличие от прочих музеев тут всё можно было трогать руками, аттракционы работали на радость посетителям, и это создавало совершенно необычайную атмосферу, в которой любой взрослый человек ощущал себя ребенком.

Гойе этот проект давался непросто. За годы работы она привыкла всё делать для людей, близких ей по духу. Она могла без напряжения в нужный момент погружаться в их мечты, и их желания быстро становились ее собственностью для того, чтобы воплотиться в жизнь на очередном празднике. С этой заказчицей было тяжело: Гойя не могла понять, как можно тридцатилетнего сына так терроризировать своей любовью. Ее возмущало, что мать всегда лучше его знала, что ему понравится и как это надо делать. Помня слова ясновидящей, она сказала себе, что это всего лишь еще одно испытание и она пройдет его во что бы то ни стало. Она старалась полюбить эту, по сути, очень одинокую женщину, живущую иллюзиями.

Сюрприз для сына превзошел все ожидания. Тема вечера – «Волшебный карнавал». В первом зале музея был накрыт коктейль – он подавался на огромных платях девушек, плавно скользящих между гостями. Арматура, поддерживающая юбку, была выполнена в форме стола, на котором были красиво расставлены закуски. Посредине зала возвышался фонтан в виде большой рыбы, изо рта которой лилось розовое шампанское.

Играл чудесный джазовый оркестр, гости весело болтали, катались на каруселях и играли в старинные игры до тех пор, пока ведущий не пригласил их во второй зал, где был накрыт ужин.

Гойя, проводив гостей, вышла на улицу встретить ясновидящую.

У ворот музея она увидела статную женщину в длинной накидке с капюшоном. Гойя не сразу узнала ее. Ей показалось, что она была меньше ростом и толще. От сутулости и грязных волос не осталось и следа. Перед ней стояла женщина, перед которой хотелось преклонить голову.

«Я даже не спросила, как ее зовут», – подумала Гойя.

– Фрида. Меня зовут Фрида.

– Здравствуйте. Праздник начался. Скажите, что надо делать?

Ясновидящая смотрела ей прямо в глаза несколько мгновений, которые показались Гойе бесконечными. Потом взяла ее за руку. От прикосновения ее холодных пальцев у Гойи защемило в животе.

– Нам нужно пятнадцать минут. Чтобы никто не беспокоил.

– Так мало? – Гойя решила, что ослышалась.

– Этого достаточно. Гипноз работает точно так же, как и состояние быстрого, или, как его называют, парадоксального сна. Сон, который, как тебе кажется, снится тебе всю ночь, на самом деле снится тебе всего несколько секунд. В состоянии быстрого сна клетки мозга не выключаются и не снижают своей активности, а перестраивают ее; при гипнозе, как и при парадоксальном сне, большая часть нейронов коры головного мозга работает столь же интенсивно, как и при самом активном бодрствовании. Эта фаза связана с восстановлением функций мозга, переработкой информации, полученной в прошлом, в нашем случае – в предшествующей жизни. За пятнадцать минут ты успеешь прожить полжизни твоей матери.

Она снова усмехнулась. Гойе не нравились ее усмешки. Каждый раз, когда она так усмехалась, Гойе хотелось всё прекратить немедленно и бежать куда глаза глядят. И каждый раз она одергивала себя.

– Хорошо, я поняла. Сейчас гости сядут за столы, подадут первую закуску, и начнется Театр теней. Он длится двадцать пять минут, этого будет достаточно?

– Отлично. Пошли в зал.

Теперь Гойя шла впереди, а сзади за ней шла ясновидящая. Гойя ощущала спиной ее присутствие и чувствовала, что вот сейчас она впускает в свой мир чужого человека, который может одним движением разрушить всё, что было для нее так дорого последние годы.

Большой зал Музея аттракционов был еще красивее коктейльного зала. На стенах тут были развешаны картины, которые оживали в лучах видеопрокторов и рассказывали сказочные истории; вдоль стен были установлены фигуры-автоматы знаменитых людей девятнадцатого века – Сары Бернар, Тулуза Лотрека, Виктора Гюго в парадных костюмах, они приветствовали гостей кивками головы или помахиванием рук. Музыкальные инструменты, которые были также расставлены по всему периметру зала, играли сами по себе красивые мелодии, нажимая клавиши, кнопки и перебирая струны невидимой рукой.

Гойя вошла в зал и стала к стене в самый темный угол. Фрида стала рядом с ней.

– Радию выключить, часы снять. Всё металлическое желательно тоже убрать.

Фрида говорила быстро и уверенно. Гойя дала «топ» Театру теней, предупредила Ирму, что выключает радию, и стала торопливо снимать часы и цепочку.

Она чувствовала себя причастной к какому-то тайному заговору, похожему на предательство.

«Почему так? Я же ничего плохого не делаю. Я хочу спасти дочь. Откуда ощущение предательства? Я сбегаю с собственного праздника, пусть на пятнадцать минут, но все-таки! Я никогда не покидала праздник. Как он будет без меня? А вдруг что-нибудь нарушится? Вдруг я буду нужна, а меня не будет рядом?»

– Ты сомневаешься? Всё еще можно оставить как есть. – Фрида смотрела в упор.

«Трусливая дура! У тебя просят всего лишь пятнадцать минут твоего дурацкого времени, и ты можешь этим спасти дочь, а ты думаешь о том, что случится на празднике за те пятнадцать минут, пока тебя не будет! Да ничего на нем не случится! Ненормальная!»

– Я готова – Гойя прислонилась к стене.

Фрида резко откинула со лба волосы и выпрямилась. В синеватой темноте большого зала Гойя вдруг удивилась тому, как сверкнули ее глаза. Фрида смотрела куда-то мимо Гойи. Та проследила за ее взглядом и поняла, что она смотрит на сидящих за столами гостей. Нет, даже не смотрит, а как бы ощупывает их этим сверкающим взглядом. Некоторые из сидящих к ним спиной гостей с удивлением обернулись, но, не увидев ничего странного, продолжили смотреть выступление на сцене.

Гойя вдруг физически ощутила, как из этих людей выливается энергия. Фрида словно поглощала ее своим взглядом. Наконец она закрыла глаза. Гойе стало холодно, по лбу потекли мерзкие струйки, а ладони стали липкими. Когда, спустя минуту, которая показалась Гойе бесконечностью, Фрида вновь открыла глаза, на них образовалась та самая белесая пленка, которая так испугала Гойю во время их первой встречи.

Всё сознание Гойи сжалось в комок и заныло голосом Лив. Девочка плакала и просила остановить это. Лицо Фриды оказалось совсем близко от лица Гойи, и та задохнулась.

Фрида взяла ее за руку, сняла с шеи свой медальон на золотой цепочке и взяла его в правую руку. Теперь нарисованный на медальоне женский глаз был строго перед глазами Гойи, и она сквозь нарастающую дрожь смогла рассмотреть, что рисунок был сделан на какой-то пластине, которая была вставлена в хрустальную оправу. На обратной стороне медальона Гойя заметила странные мазки желтоватой краски, образующие зигзаг.

Голос Фриды звучал сначала тихо, Гойя даже не разбирала слов, музыка спектакля перекрывала голос, но она физически ощущала, как ясновидящая произносит каждое слово. Потом музыка стала отдаляться, а голос приближаться, и, наконец, кроме этого голоса вокруг не осталось ничего. Он втекал в Гойю, заполняя все ее клетки. Ее бил озноб, голова кружилась. Она хотела спросить, можно ли уже открыть глаза, но рта не нашлось, а глаза открылись сами собой.

Она видит перед собой лицо отца, он держит ее за плечи. Но почему он смотрит на нее так странно? Стоп! На кого он смотрит?

«Ты смотришь на меня, ты умоляешь меня и убиваешь своей любовью. Я не знаю, что тебе говорить. Я устала от вранья, а правда убьет тебя. Да, я

испортила твою жизнь. Я не смогла любить тебя так, как ты того достоин. Я изменила тебе. Я лишила тебя возможности быть любимым, но это же твой выбор. Ты мог в любой момент уйти! Нет, не мог, я бы не допустила этого. Ты принял эти условия. Ты чувствовал всё, но ты согласился потому, что я родила тебе дочь.

Ты так благодарен и счастлив, что не замечаешь ни моего предательства, ни того, что она совсем на тебя не похожа.

Я понимаю, что я совершила. Я знаю, что ни ты, ни она не заслужили этого, но оно случилось, и теперь я должна с этим жить. Навсегда. Потому что остатки моей совести не позволяют мне сказать тебе правду».

Ощущение тошноты подкатило к горлу в момент, когда отец обнял ее и стал нежно целовать и гладить руками ее тело. Ей хотелось кричать, но она не могла произнести ни звука. Она была в чужом теле, но ощущала каждый нерв этой страдавшей души. Она была и внутри, и снаружи и словно видела через плечо отца искажившееся болью лицо мамы, ее закусанную губу.

Кто-то тряхнул ее за плечо. Гойя открыла глаза. В зале было полутемно, играла музыка, и гости по-прежнему смотрели выступление Театра теней.

Фрида стояла вполоборота. Глаза ее словно светились изнутри, она, не мигая, смотрела на Гойю.

– Скажи что-нибудь, – прошептала Фрида.

– Я видела маму. – Гойя старалась изо всех сил держать себя в руках.

– Я знаю. Ты поняла, что там произошло?

Гойя не отвечала. Ее душили слезы. Как же так? Это невозможно! Такой родной, такой любимый папа! Она всегда думала, что они во всем так похожи! Рушился мир. Гойя пыталась включить всю свою фантазию, чтобы срочно придумать другой конец этой истории, но фантазия, словно испуганная мышь, спряталась в нору сознания и там содрогалась в истерике.

– Гойя, – Фрида начинала терять терпение, – соберись! Я понимаю, что весь этот эксперимент не из приятных. И ты знала, что увидишь там не слезы радости и забвения. Твоя дочь умирает, и всё это делается для нее. Ты забыла?

– Фрида, я видела маму. Она изменила отцу. Я – не его дочь. Она всю жизнь жила с этим в душе и не могла сказать ему и мне правду.

Гойя выдохнула, и ей стало лучше. Фрида взяла ее левую руку в свою и сильно нажала в углубление между большим и указательным пальцами. Голова вдруг стала ясной, а мысли спокойными. Гойя почувствовала, что она очень устала.

– Не будем прощаться. Я ухожу, иди работай. Вернешься домой, зажги свечу. Завтра позвонишь, расскажешь, как дочь.

Фрида резко повернулась на каблуках и пошла прочь. Гойя стояла у стены совершенно опустошенная. Она смотрела на тени, которые танцевали на стене Музея аттракционов, они ласково протягивали друг другу руки и любили друг друга.

Гойя включила рацию.

- Ирма, прием! Как дела?
- Всё хорошо, опаздываем на двадцать минут по программе, но это не смертельно.
- Температура в зале?
- Все очень довольны, мама-заказчица улыбается и всех благодарит.
- А сам именинник?
- Вроде доволен.
- Где он? Я хочу поблагодарить его.
- Он вышел на террасу.

Гойя дрожащей рукой надела часы, достала сигареты и вышла из зала. Ей надо было все-таки услышать голос этого человека. Зачем – даже ей это было непонятно. Но мышшь из норы пискнула, что это было совершенно необходимо.

Мужчина стоял в одиночестве в углу террасы и курил.

Худощавый, с ломаной, угловатой фигурой человека, не понимающего, куда двигаться дальше. Похоже, волосы покинули его еще в юности. На гладко выбритом лице бугорками выступали детские капризные припухлости – видимо, мамин подарок.

Несмотря на то, что терраса была большая и красивая, с удобными креслами и столиками, он выбрал самый темный угол, словно сам себя наказывал за что-то.

– Добрый вечер! Вам там удобно? – Гойя старалась говорить как можно расслабленнее.

Он испуганно обернулся, выдохнул. Закивал. Смутился. Улыбнулся. Снова смутился уже оттого, что улыбнулся.

– Да, добрый вечер. Задумался. – Он протянул руку. – Цезарь. Меня зовут Цезарь.

– Какое красивое имя! Необычное. Я вашей маме уже говорила, что оно необычное. И вам говорю.

– Спасибо. – Мужчина явно был смущен и не знал, о чем дальше говорить.

– Я хотела поблагодарить вас за сегодняшний вечер. Всё очень красиво!

– Вас пригласила моя мама?

– Нет, простите, я не представилась. Я – организатор этого праздника, мое имя – Гойя.

Мужчина впервые с любопытством посмотрел на Гойю. Теперь светлые глаза его смотрели весело.

«Ну, слава Богу! Победа уже в том, что удалось его развеселить!»

– Не понял. За что вы меня тогда благодарите? Выходит, что я вас должен благодарить. Всё и вправду прекрасно, и все очень довольны.

– Нет, Цезарь, это я должна вас благодарить. За то, что вы дали мне возможность сделать этот праздник. Я всегда мечтала сделать что-то в этом волшебном месте, и благодаря вам это удалось!

– Скорее, вам надо мою маму благодарить. Она удачно сделала выбор.

– Да, но, если бы не ваш день рождения, повода бы не было. У вашей мамы хороший вкус. Вы всегда ей доверяете?

Гойя ощутила физически, что ступила на первую ступеньку лестницы, по которой потом будет очень непросто спуститься вниз.

«Эй! Надо срочно как-то выходить из ситуации».

Рация затрещала. Гойя вздохнула с облегчением и затушила сигарету.

– Простите, вынуждена вас оставить ненадолго.

– Конечно. – Мужчина с облегчением улыбнулся.

Не надо придумывать, что ответить и что наврать.

Гойя махнула ему на прощание рукой и побежала в зал.

Шаг 10

четверг,
8 августа 2013 года

Иногда я начинаю уверять себя, что глупость называется треугольником, а восемь, помноженное на восемь, даст в произведении безумие или собаку.

Хулио Кортасар

Когда поздно ночью Гойя вернулась домой, она застала идиллическую картину: на кухне за столом сидели няня и Лив, обвязанная кухонным передником, словно поросенок Пятачок из мультфильма. Девочка с аппетитом уплетала макароны прямо из кастрюльки. Обычно в это время суток Лив уже давно спала, да и кушала она последнее время очень неохотно.

Няня взахлеб стала рассказывать, как уложила девочку спать, как обычно, в половине девятого, и как та проснулась около двенадцати, пришла на кухню и потребовала макарон.

Гойя села рядом и погладила Лив по круглой смешной голове с редкими волосиками. От нее пахло домом и счастьем.

Она вдруг ощутила такую усталость, которую, как ей показалось, она не ощущала никогда. Но она была счастлива. Значит, все-таки не зря жизнь свела ее с этой Фридой.

Лив доела макароны и облизала вилку. Глаза ее слипались. Гойя подняла дочку на руки и понесла в кровать. Лив обхватила ее шею и засопела.

На следующий день за завтраком Лив поглощала печенье с молоком и улыбалась. Гойя была счастлива, няня не верила своим глазам. Чмокнув дочку, Гойя помчалась в офис. Ирма говорила, что вчера звонил помощник заказчика, просил выйти с ним на связь с утра, чтобы обсудить предстоящую свадьбу.

В офисе, как обычно, царил веселый кавардак. Кроме пяти человек, которые практически одновременно громко и эмоционально разговаривали друг с другом и с кем-то по телефону, в офисе проживали еще две малюсенькие птички непонятной породы, которые, как выяснилось после их приобретения, вместо милого чириканья издавали звук винтажной печатной машинки, на которой очень быстро строчит секретарь.

Какофония этих звуков была привычным делом. Гойя плюхнулась в кресло и включила монитор. До переговоров оставалось минут десять. Можно было пойти на кухню, налить кофе и выкурить первую сигарету.

Но, словно предугадав ее желания, Skure весело зазвонил, как только был включен. На экране появилось потное широкое лицо с маленькими глазками, которые смотрели мимо нее (дурацкая камера так установлена, что если на тебя смотрят, то полное ощущение, что смотрят не на тебя).

– Гойя, приветствую! Я – Артак Аркибузович Заграничный.

– Добрый день! Рада вас слышать. – Гойя изо всех сил старалась сдержать смех и, чтобы взять себя в руки, стала судорожно записывать его имя на клочке бумаги.

– Простите, что рано. Ждал вас, у нас-то уже двенадцать часов дня.

– Что вы, всё отлично! – Гойя незаметно рукой попыталась привлечь внимание коллеги, проходящего мимо, и изобразить невидимую чашку кофе.

– Я хотел обсудить с вами важное мероприятие. Босс планирует свадьбу, и вас очень рекомендовали.

– Спасибо! Уверена, что мы сделаем свадьбу незабываемой. Расскажите, пожалуйста, подробнее. Я вас очень внимательно слушаю.

Коллега сообразил и любезно пошел за кофе – жизнь налаживается.

– Свадьба планируется роскошная, но, как бы вам сказать... – Глаза человека с тяжелым именем забегали. На экране появились руки – ими он мял какую-то бумажку.

«Словно застучали со шпиргалкой на экзамене. Сейчас будет просить откат. Боже мой, мир никогда не поменяется».

– Что такое, Артак Аркибузович? – Гойя сознательно медленно выговаривала каждую букву имени, чтобы не ошибиться.

– Гойя, босс решил жениться, как бы вам сказать, э... внезапно. Ну и, соответственно, очень быстро хочет это сделать.

– Будет ли удобно спросить у вас, чем вызвана эта спешка? – Гойя старалась говорить серьезно, в тон оппонента, но еле сдерживала смех.

– Понимаете, невеста намного моложе, и он очень любит ее. Он встретил ее и, как человек порядочный, хочет незамедлительно оформить отношения.

Гойя усмехнулась. В наше время это было очень похвально. Обычно, наоборот, люди стараются максимально отодвинуть момент оформления чего бы то ни было, особенно с теми, кто намного их моложе.

– Это прекрасно, Артак Аркибузович, почему же вас это смущает? Когда планируется свадьба и где именно?

– Свадьба планируется на яхте ровно через семь дней.

– Когда? – Гойя даже привстала со стула и, не удержав равновесия, чуть не упала на монитор. – Вы шутите?

– Нисколько. Видите ли, для нас очень важно, чтобы всё прошло на высшем уровне, но в такие сроки мало кто может сделать что-то путное. Мне вас рекомендовали как профессионала.

Он рассыпался в каких-то бессмысленных комплиментах, а Гойя пыталась прикинуть в голове, насколько реально сделать то, что он просит.

– Сколько ожидается гостей? Яхта уже зафрактована? Когда я могу посмотреть?

Аркибузович вытер пот со лба и робко заулыбался.

– Так вы согласны? Я всё устрою. Яхта стоит в порту Монако. Вы сможете посетить ее, когда захотите. Завтра на ней будет жених, и вы сможете с ним поговорить. Мы планируем немного гостей, около восьмидесяти человек – только самые близкие.

– Я поеду завтра туда. Мне надо обязательно увидеть вашего босса и поговорить с ним лично. Сделать свадьбу за неделю качественно – практически нереально. Вы должны это понимать.

Гойя много раз говорила подобные слова людям, которые присылали ей дурацкие, нереализуемые заказы с условием невыполнимых сроков. У них не было никакого понимания объема работы, которую надо сделать, и каждый раз ее уговаривали, думая, что всё упирается в деньги и она просто торгуется. Но это было не так. Проблема заключалась в том, что свои проекты Гойя могла осуществлять только сама. Вся ее команда, хоть и профессиональная, подключалась всегда только на самом мероприятии или только для логистической работы. Гойя сама всегда придумывала сценарий, затем выстраивала структуру и принималась ее «обшивать» элементами, которые должны были собраться в один пазл. Насколько быстро можно было этот пазл собрать, не знала даже сама Гойя. Это зависело от того, что за люди были перед ней, о чем они мечтали, что видели. Были ситуации с простыми пазлами – из двадцати-тридцати кусочков, словно картинки из мультика. А были такие, у которых в голове была картина Ван Гога, состоящая из тысячи кусочков, и, чтобы собрать их в одну картинку, требовалось очень много времени.

В любом случае Гойя понимала, что мероприятие будет успешным только при условии, что вся картинка полностью сложится в ее голове и она сможет донести эту картинку до своей команды и до артистов, которые ей помогут ее оживить. Именно поэтому ей всегда и при любом раскладе была необходима встреча с самим заказчиком, чтобы понимать, что придется рисовать.

– Я вас услышал, Гойя. Завтра вас будут ожидать. Пришлите свой билет, и я организую машину, которая заберет вас из аэропорта.

– Хорошо, сейчас я посмотрю билеты и всё вам пришлю.

– Буду очень ждать! Очень рад, что мы смогли понять друг друга.

Почему люди говорят заготовленными фразами? Гойю всегда это удивляло. Ей казалось, что существует множество ничего не значащих фраз, которые люди произносят, чтобы заполнить неловкую паузу или успокоить свои комплексы ощущением серьезности.

Но это же хорошо видно!

В комнату вошла Ирма и встала, прислонившись к дверному проему. Вид у нее был уставший.

– Ты снова уезжаешь?

– Да, Ирма, надо завтра быть в Монако. Свадьба через семь дней.

– Ты уверена, что мы потянем? Все очень устали, мы только что вышли из проекта, еще не закрыв его целиком. Людям надо дать хотя бы пару дней отдохнуть.

– Ирма, я знаю, что все устали, но нам придется взять эту свадьбу!

– Всего семь дней! – Ирма была в панике. – Я знаю, что это будет! Все будут носиться, как бешеные и ты себя угробишь. Зачем это делать? Они ставят невыполнимые задачи.

Гойя старалась не смотреть на нее, делала вид, что ищет в компьютере информацию о билете. Она понимала, что Ирма права. Люди и вправду устали,

и поднять свадебный проект за семь дней – вещь совершенно невыполнимая. Раньше она бы никогда не согласилась на такие условия. Но это было раньше.

– Ирма, – голос Гойи звучал твердо, – мы должны взять эту свадьбу и сделать ее на суперуровне. Если вы не можете – значит, я буду делать ее одна.

– Одна? – Ирма смотрела непонимающе.

– Да, Ирма, я сделаю ее одна! Мне нужен этот проект, и я буду его делать.

Ирма замолчала, опустила голову.

– Это для дочки? – спросила она тихо.

– Да, Ирма, это для Лив. У меня мало времени. Ты должна понимать.

Ирма понимала. Она не знала о встрече Гойи с ясновидящей, но знала о болезни девочки. Гойя боролась за ее жизнь каждый день, все это понимали. Но имеет ли смысл брать на себя заведомо нереализуемые вещи? Может быть, стоит ее отговорить?

– Тебя опять не будет дома всю неделю. Может быть, ты нужна больше дочери, чем этим клиентам? – Ирма говорила тихо, но каждое ее слово падало в самое больное место души, и Гойя сжалась внутри, чтобы не заплакать.

– Я должна сделать этот проект. Всё. Забронируй мне билет на утренний рейс на завтра, пожалуйста.

Она встала, взяла сумку и сигареты и вышла на улицу.

Шаг 11

четверг,
8 августа 2013 года

...из которого почти ничего не следует, кроме того, что жизнь – это логическое отражение нашей фантазии. И в котором происходит простое жизненное волшебство, которое, как правило, почти никто не замечает.

В баре напротив офиса, как всегда, суетился Франк – долговязый парень неопределенного возраста.

«Наверное, “голубой”» – думала Гойя, наблюдая, как он протирает тряпчатой столы и расставляет пепельницы.

– Какие люди! Привет! – Франк важно разгладил белый передник, повязанный поверх костюма, с мимикой, с которой люди обычно поправляют галстук или бабочку. – Что тебе предложить?

– Привет, Франк. Сегодня только кофе, пожалуйста.

– Что, не выпалась? Опять вчера зажигали? – Франк всегда очень любил слушать истории про праздники, которые придумывала Гойя.

– Да нет. Просто, видимо, предосенняя слабость. – Гойя внутренне содрогнулась от слова «зажигали». – Видимо, организму надо больше спать. А я спать ему не даю.

– Да ладно! Что-то у тебя сегодня нет настроения откровенничать. Пойду сварю тебе кофе с ядом, может поможет.

«Точно, гей – подумала Гойя с благодарностью за шутку. – А кофе с ядом был бы сейчас в самый раз!

Итак, надо собраться с мыслями: свадьба через семь дней. Что у нас есть на сегодня? Яхта, то есть относительно небольшое пространство, где очень ограниченные возможности по программе. Да, но вокруг яхты море, и тут возможности неограниченные. Молодая невеста, жених намного старше, очень торопится. Почему? Боится, что она передумает? Ему надо сделать для нее грандиозный праздник. Это мне нравится. Что именно для нее – не для гостей, не для пафоса, не для себя, не для бизнеса и политики. А для нее».

Гойя искала места, за которые ее душа могла бы зацепиться, чтобы полюбить этих людей.

Франк поставил перед ней чашку кофе, как обычно расплескав треть на блюде.

«Специально сделал, подлец». Гойя ласково улыбнулась и кивнула ему.

«Итак, всё не так уж плохо. Если яхта зафрактована, и вокруг море, на ней наверняка есть хороший повар, с ним можно будет обсудить завтра меню и напитки, и эту проблему с себя снять. Сразу сегодня же отправить запрос пиро-

техникам по шоу с воды – не факт, что успеют получить разрешение в морской полиции, они всегда тянут с ответом. Надо подключить кого-то своего. Это самое срочное. Всё остальное может ждать».

Гойя позвонила пиротехникам.

«Хорошо, что этих ребят ничего не удивляет. Или просто они такие спокойные. Мужики потому что. Зря не тратят нервы».

В течение следующих нескольких часов Гойя выстраивала свою завтрашнюю поездку, договаривалась о встречах на месте со всеми людьми, которые могут пригодиться.

Вернувшись вечером домой, она позвонила ясновидящей, чтобы сообщить о новом проекте.

Фрида казалась уставшей, голос ее звучал тихо и словно издали.

– Я буду рядом, нам надо торопиться.

– Я знаю, Фрида, но этот проект будет тяжелым. Времени осталось совсем мало. Я никогда не работала в таком ритме.

– Ты никогда не работала над тем, чтобы спасти дочь, – как отрезала ясновидящая. – Теперь всё будет по-другому, ты должна соглашаться на любую работу, слышишь? На любую! – Она медленно отчеканила каждую букву.

– Я понимаю. Я всё сделаю.

– Как Лив?

Гойя не помнила, что называла ей имя дочери. Она почему-то смутилась. Ей показалось, что Фрида без спросу открыла секретную дверцу.

– Хорошо. У нее появился аппетит, она веселая и бодрая.

– Вот видишь! И это только начало! Всё в твоих руках.

– Я хотела спросить про Нострадамуса. – Гойя замаялась. Она боялась ответа Фриды, но спросить было необходимо.

– Про предсказание?

– Да. Я думала над тем, что вы прочитали. Там речь идет о ребенке, отце и войне.

– Нострадамус кодировал свои катрены, их нельзя воспринимать буквально.

– Но почему вы решили, что именно этот катрен имеет отношение ко мне и к моей семье?

Фрида выдержала паузу. Гойе показалось, что она ищет, что сказать. Наконец она заговорила, важно и убедительно.

– Я тебе говорила про твой гороскоп. Чтобы два гороскопа совпали, при том что люди родились в разных местах планеты, необходимо, чтобы планеты образовали одинаковый рисунок. Такое бывает крайне редко, так как гороскоп зависит не только от места рождения человека, но и от времени и даты его появления на свет. В твоём случае все эти составляющие собрались в одно целое, и это не может быть случайностью.

«Случайностей вообще не бывает, – подумала про себя Гойя. – Я всегда знала, что я – повторение чьей-то энергии».

– Именно, – прочитав ее мысли, отвечала Фрида. – У вас одна энергия, и эта энергия должна работать на благо других людей.

– Да, но Нострадамус написал девятьсот сорок два катрена. Почему вы решили, что ко мне относится именно этот?

– Это не я решила. – Фрида говорила серьезно и уверенно. – Я, как ты понимаешь, в этой ситуации мало что решаю. Я – всего лишь передатчик информации. Мне дали именно этот катрен, и я знаю, что он тебя касается.

Гойя замолчала. Разговаривать дальше на эту тему не имело смысла. Неважно. Главное, что работает. Главное, что Лив лучше, и надо идти до конца.

– Гойя, спокойной ночи.

Фрида повесила трубку, а Гойя еще долго сидела в кресле с трубкой в руке и смотрела в окно.

Очнувшись она от того, что няня трясла ее за плечо.

– Вы заснули? Простите, но Лив очень хочет сказку на ночь.

– Да, конечно. – Гойя вскочила и побежала в спальню.

Лив лежала посредине кровати, обняв плюшевого муравьеда. При виде мамы она подскочила и запрыгала на кровати.

– Миленьш, давай-ка мы ляжем в кроватку. – Гойя сгребла в охапку девочку.

– Ты каську поситаес? – Лив, смешно картавя, уставилась на мать умоляющими круглыми глазами.

– Конечно, почитаю! А какую ты хочешь сказку?

– Пло фей! Ты ситала пло фей!

– Так уже читала. – Гойя взяла лежащую рядом с кроватью на полу красивую книжку-раскладку.

– Есе! – потребовала девочка. – Ситай!

– Хорошо! – Гойя открыла книжку, и на них с Лив выпрыгнул огромный цветочный куст, в котором жили лесные феи.

Лив стала заглядывать под листочки картонного кустика, искать волшебных фей. Она просовывала пальчики в складки бумаги и смешно звала:

– Феи! Вы где? Лив тут здет!

Гойя читала книжку, разворачивала красивые картонные картинки, которые оживали в фантазии девочки, превращались в сказочные деревья и королевства, населенные волшебными феями. Лив терла нос, чмокала и улыбалась, разговаривая с каждой картинкой.

Наконец, книжка закончилась. Гойя закрыла последнюю страницу.

– Ну всё, теперь надо спать! А то ночные феи обидятся на тебя!

– Посему обидятся? – Лив зевнула и сладко зажмурилась.

– Потому что они ночью должны быть уверены, что все спят, а когда узнают, что их лучшая подружка не спит, они обидятся и больше не будут приходить!

– Нее, не хосю! Буду спать. – Лив закрыла понарошку глаза и издала храпящий звук. Гойя рассмеялась. Прижала девочку к себе, тепло закутав в одеяло.

– Спи, болтунчик!

– Ты не уйдес? – Лив взяла ее за руку и прижала к щеке.

– Никогда не уйду! Даже когда буду далеко работать, и тогда не уйду. Спи, родная!

Гойя решила полежать рядом с Лив, пока та не уснет.

Взглянула на часы – как всегда именно в ту минуту, когда часы показали 21:21.

«Простое жизненное чудо, до которого никому нет дела», – с тихой радостью подумала Гойя.

В ее голове путалось столько разных мыслей, что она не знала, куда их девать. Станным образом при своей профессии, которая часто ее вынуждала работать по ночам, в моменты, когда Гойя не была на проектах, по вечерам после того, как Лив засыпала, голова ее совсем не работала. Она как будто бы выключала программу «думать» и включала программу «просто жить». Ей приносили несказанное удовольствие совершенно простые вещи – убрать игрушки, помыть посуду, поиграть с собакой или покормить птиц. Она ощущала себя в единстве с этими простыми элементами другой, не ее жизни.

Когда-то она даже завела кур. Ей ужасно нравилось, что они просто гуляли по курятнику и несли яйца. Утром, до того, как отправиться на работу, она влезала босыми ногами в резиновые сапоги, брала в руки алюминиевое ведро и шла убирать куриный помет, выгребать грязное сено, собирать яйца, которые они снесли за ночь. И ощущала себя абсолютно счастливой. Но соседу, любителю тишины, куры пришлись не по душе. Он деликатно намекал Гойе несколько раз о том, что курица – не друг человека, а потом подкинул ей в почтовый ящик рецепт, вырезанный из журнала, который назывался «Петух в винном соусе». Поэтому няня, воспользовавшись ее частыми отъездами, в итоге перерезала всех кур, сославшись на то обстоятельство, что в деревне орудует куница. В куницу Гойя не поверила, но почему-то ничего не сказала. И кур не стало.

V I

В Л Ю Б Л Е Н Н Ы Е

Шаг 12

пятница,
9 августа 2013 года

- Софочка, так вы таки никогда не были замужем?
- Нет.
- А я-то думаю, откуда у вас такое счастливое, не тронутое бытом лицо?!

Одесский быт

Когда зазвонил будильник, Гойе показалось, что она и не спала вовсе. С трудом разлепив глаза, чмокнув спящую Лив, она отправилась в душ. Там, под горячими струями воды, открывались глаза, рождались самые интересные мысли, решались самые нерешаемые проблемы, выстраивались схемы.

«Яхта, влюбленный человек, невеста – ангел, вокруг – синее море. Цветы должны быть воздушными, невесомыми. Может быть, они не должны стоять в вазах на столе, а парить в воздухе на невидимых нитях? И живые бабочки должны одновременно взлететь с цветов, украшающих свадебный стол. А музыка? Какая должна звучать музыка? Что-то очень романтическое, чтобы фата развивалась от ветра и длинная юбка платья – как парус. Белый. А вечером вокруг яхты в воде должны зажечься тысячи огоньков, словно морские эльфы приплыли поздравить влюбленных. И что-то невозможное должно случиться. То, о чем и подумать на судне невозможно. Но что? Или жених что-то должен сделать такое, от чего невеста придет в полный восторг. Подвиг? Да, именно! Он должен появиться на вертолете! Она – на яхте с гостями, а жених зачем-то покидает яхту и не может вернуться вовремя. Яхта отчаливает и плывет в открытое море. Жених звонит невесте и сообщает, что догонит яхту на быстроходном катере. Но вдруг появляется вертолет. Он подлетает к яхте, и из него по веревочной лестнице, как Джеймс Бонд, спускается жених!»

Гойя вытиралась теплым махровым полотенцем и улыбалась. Посмотрела в зеркало: ну, в общем, сойдет!

Ей последнее время было ужасно лень краситься. Раньше она и помыслить не могла куда-то отправиться без макияжа. Он был своего рода панцирем, боевым костюмом для покорения мира. Но с тех пор, как Лив заболела, ей стало неинтересно красить лицо – казалось, что этот обман такой явный и ненужный, что она забросила всю косметику в ящик стола и больше не доставала ее оттуда.

«Мне не нужен панцирь, у меня есть оружие посильнее», – Гойя сдвинула брови и сделала страшное лицо.

Завтрак, поцеловать Лив, машина, аэропорт. Стандартный маршрут, который стал почти ежедневным.

Самолет авиакомпании «PROSTO» больше походил на автобус. Тут не было определенных посадочных мест, пассажиры садились куда хотели или, точнее говоря, куда могли сесть. Первым, кто попадал в самолет, доставались лучшие места, остальным – по остаточному принципу. Кресла были очень узкие и неудобные. Еду тут продавали за деньги.

«Зато дешево», – успокаивала себя Гойя.

В самолете она внесла в компьютер всё, что придумала с утра. Выпила чашку невкусного растворимого кофе.

По прилету ее ожидал господин Заграничный собственной персоной. Вживую он выглядел еще более жалким.

«Интересно, его взяли на работу из-за имени? Это что-то наподобие бонуса – иметь помощника с таким именем, словно номер для машины с определенным набором букв».

По лицу Арктака Аркибузовича струились капли пота, он вытирал их серым комочком бумажной салфетки, постоянно смотрел на часы и оглядывался. Пока они шли к машине, он сообщил Гойе новые вводные мероприятия.

– Гойя, Анатолий Григорьевич ждет нас на яхте. Очень ждет.

– Прекрасно, уверена, мы всё успеем обсудить. У меня уже есть кое-какие идеи. – Гойя бодро вскинула сумку на плечо, помощи всё равно не будет.

– Неужели? – словно не замечая ее жеста, удивился Аркибузович. – Это очень хорошо. Потому что Анатолий Григорьевич тоже имеет ряд идей, которые... э...

Пот лия с него ручьем, ключ зажигания никак не хотел попадать в контакт. Наконец он завел машину.

– Так вот, – он заерзал на сидении, – идеи Анатолия Григорьевича безусловно прекрасны, но, как человек, отвечающий за его безопасность, я не могу согласиться с некоторыми из них. И я очень рад, что вы сможете предложить нам варианты, которые вы проработали.

«Так вот оно что! Отвечающий за безопасность. Интересно, а он умеет стрелять из пистолета? – Гойя незаметно покосилась на водителя. – Нет, вряд ли. Наверное, он просто сыщик, всё выведывает и всех подозревает. Как такой человек может уберечь от опасности? Идею с вертолетом, пожалуй, придется похоронить до поры до времени».

Дорога пролегла вдоль моря, мягко огибая скалы. По мере приближения господин Заграничный всё больше нервничал.

Яхта стояла в порту Монте-Карло на первой линии среди прочих огромных шикарных парусных судов.

Гойя вышла из машины, с удовольствием вдыхая насыщенный йодом морской воздух.

Навстречу им по трапу спускался идеально выбритый и гладко причесанный стюард, словно из рекламы Baldinini. На темно-синем костюме ярко поблескивали золоченые пуговицы. Он официально улыбался, красиво вписываясь в формат дорогой яхты. Гойя и ее спутник последовали за ним, сняв обувь на мостике. Деревянный паркет яхты вкусно пах каким-то экзотическим маслом и приятно согревал ноги.

В шикарном салоне с мягкой уютной мебелью и дорогими вазами, расставленными в журнальном порядке по шкафам и другим поверхностям, у стола стоял жених и тихо говорил по телефону.

Гойя остановилась. Он кивнул ей, приглашая сесть. Пока он разговаривал, Гойя незаметно пыталась рассмотреть его. Не красавец, лицо властное, глаза жесткие. Холеные руки, одет с иголочки. Но что-то в его облике казалось неправильным, словно в обычной жизни не так должно было быть. Мужчина говорил тихо, сосредоточенно, стоял немного сутулясь. Дорогой пиджак был изрядно помятым со спины. «В кресле, что ли, елозил?»

Наконец человек положил трубку, повернулся к Гойе и уставился на нее непонимающим взглядом. Потом, словно вспомнив, улыбнулся и сел в кресло напротив, заложив ногу за ногу. Аркибузович появился незамедлительно с толстой кипой бумаги и тоже уселся в кресло неподалеку.

– Спасибо, что приехали, – бодро начал жених. – Меня зовут Анатолий. Вам, наверное, Артак уже рассказал о нашей затее!? – Он хитро подмигнул Гойе.

– Да, я поняла, что вы хотите организовать свадьбу.

– И как можно быстрее. Дата – через неделю. И пока у нас ничего не сделано.

Анатолий мельком бросил колючий взгляд в сторону помощника. Артак Аркибузович съехался, но промолчал.

– Праздник планируется на этой яхте? – Гойя достала тетрадку.

– Да, мы думали всё сделать здесь, тут очень удобно, и всё есть, что нужно. Задавайте вопросы, я постараюсь оперативно давать вам информацию, чтобы сэкономить ваше и мое время. – Было видно, что человек привык решать всё быстро.

«Это плюс, – подумала Гойя, которая сама была такой. – Значит, всё успеет». Она улыбнулась.

– Анатолий, скажите, как вы себе представляете этот праздник?

Жених на секунду сделал вид, что задумался.

– Моя невеста прекрасна, и праздник должен быть таким же, как и она.

– Я всегда считала, что свадьба – это праздник девушки, разве нет?

– Совершенно с вами согласен, праздник должен быть под стать невесте.

– А я смогу ее увидеть, вашу возлюбленную?

– Безусловно, но только на свадьбе. Для нее всё это должно быть сюрпризом.

– Что должно быть сюрпризом, простите? Свадьба? – Гойя застыла в недоумении.

– Именно. – Анатолий довольно потянулся. – Я хочу всё организовать так, чтобы она ни о чем не догадывалась.

Гойя была настолько смущена, что обернулась к Аркибузовичу, словно за помощью. Но тот специально делал вид, что очень увлеченно что-то записывает.

«Вот гад! – подумала Гойя. – Как раз самого важного он мне и не рассказал. Милочка, ты в полной заднице, и Бог знает, как ты из нее выберешься!»

– Анатолий, но вы же сами сказали, что это – праздник невесты.

– И это будет ее самый лучший праздник, за этим я вас и позвал!

– Да, но вы не можете знать лучше, чем она, что для нее значит праздник.

– Послушайте! – Он начал напрягаться, и Гойя ощутила, как на нее хлынула негативная волна энергии. Страхнуть не получилось, она собралась и выдохнула. – Я знаю, как сделать ее счастливой!

– Хорошо. Итак, праздник. Давайте обсудим идею, – предложила Гойя.

Настроение Анатолия сразу изменилось, он радостно вскочил, схватил со стола какие-то бумажки.

– Вот! Это платье, которое я уже заказал у Элли Сааб, его доставят послезавтра. Я буду одет в белый смокинг. Цветы должны быть очень красивые, она обожает цветы.

– Нежные?

«Ой, да он визуал. Это еще проще. Он всё уже нарисовал себе без меня. Осталось только это считать и сделать так, как он хочет».

– Да, нежные. Много нежных цветов.

– Скажите, свадьба будет сюрпризом, то есть ваша возлюбленная приедет сюда, не зная, что вы всё это делаете для нее?

– Именно. – Гордости его не было предела. – Я уже всех пригласил. Приедут родители и друзья, но она об этом не догадывается. Она думает, что мы просто проведем милый уик-энд вдвоем.

В течение двух следующих часов Гойя боролась с желанием что-нибудь разбить. И это ей почти удалось, потому что, уходя, она все-таки нечаянно зацепила сумкой стоящую на низком столике большую лиловую вазу, и та с глухим звуком хлопнулась об пол, расколовшись на две половинки.

Арктас Аркибузович молча проводил ее до трапа. Гойя обулась и неохотно протянула ему руку.

– До свидания. Задача мне ясна, через два дня у вас на почте будет сценарий мероприятия и смета. Я учту все пожелания заказчика.

– Если у вас еще будут вопросы... – Он гостеприимно развел руками.

– Нет, мне всё понятно. Я сделаю всё, как мы обсудили. Всего хорошего.

Гойя быстро пошла прочь по причалу, не обращая внимания на ожидающую ее машину. Ей надо было собраться с мыслями. Ей казалось, что она планирует совершить преступление.

«Бедная девочка... Она думает, что это будет милый уик-энд. Он уже купил платье и созвал гостей. Платье, которое не она выбирала, гости, которых не она пригласила».

Гойя дошла до кафе и села за столик. Заказала «Монако» – пиво с гренадином, любимый напиток на Лазурном побережье.

«После такого водки выпить неплохо было бы. Так, соберись, тряпка! Тебе никто не обещал, что работа будет приятной. Тебе что было сказано? Брать любую работу, которую тебе предлагают. И эту тоже надо брать. И не так уж всё плохо. Ну, подумаешь, невеста не в курсе того, что она невеста. А может быть, у них такие отношения? Чужая душа – потемки! Может быть, она и правда будет очень счастлива! И потом – ты всего лишь исполнитель! Сделаешь красивые цветы, декорации, салют, всё будет красивенько, и всем всё понравится».

«Да, но это же аморально!» – Внутренний голос разделился на два. Это было уже чересчур!

«Аморально думать, что ты не пойдешь на это ради своего ребенка. Раньше ты бралась за любую работу, и это не самый плохой вариант».

Гойя сделала несколько звонков, выкурила несколько сигарет и решила, что она не будет больше думать о моральном аспекте этого торжества.

Обратный вылет – через два часа, и она заторопилась в аэропорт.

Шаг 13

пятница,
16 августа 2013 года

Желание быть вещью не является ли
страхом быть брошенным?

Гойя работала над проектом с утра и до ночи на протяжении пяти дней, оставшихся до свадьбы. Состояние Лив было стабильным. Она стала лучше есть, но по-прежнему быстро уставала и, когда уставала, капризничала. Гойя регулярно звонила Фриде, сообщая ей разные детали предстоящего мероприятия. Это, казалось, ее занимало.

И вот наконец настал день свадьбы. Накануне ночью Гойя долго не могла заснуть. Она пыталась представить ощущения невесты, которая оказывается заложницей собственной свадьбы, и ей становилось плохо.

Потом она заснула, и ей снилось, что она бежит босиком по узкой мощеной темной улице, воткнутой между старыми средневековыми домами. Над нею светит луна, только что прошел дождь, и мокрый булыжник скользит под ногами. Улица плохо освещена, но внезапно она замечает обрывок белой ткани на мостовой. Это кусок свадебного платья, оторванный, грязный. Она бежит дальше и видит еще один такой лоскут, потом еще один. Словно кто-то убежал, а кто-то другой его настигал и рвал на нем в клочья белый наряд.

Внезапно улица превращается в каменную круглую площадь, посередине которой растет старое кривое оливковое дерево, а рядом с ним стоит каменный стол и каменная скамья, на которой, прижав к животу колени, спит девочка-подросток в оборванном белом платье. Гойя приближается к ней и хочет у нее что-то спросить, но вдруг понимает, что это она сама лежит на скамейке в оборванном грязном платье, сжавшись в комочек.

Она садится на скамейку и видит, что вокруг совсем никого нет, а на каменном столе лежит овальное зеркало с ручкой. Гойя берет зеркало и смотрит в него. Она видит свое перепачканное лицо и тонкую шею, а за спиной – вежливого официанта с лицом господина Заграничного. От удивления она опускает зеркало на колени и резко оборачивается. Разумеется, никого за спиной нет. Она снова медленно подносит зеркало к лицу, и опять возникает любезная физиономия официанта.

– Вам нельзя пить алкоголь, – вежливо предупреждает он.

– Я знаю. А кофе мне можно? – Гойя говорит шепотом.

– Кофе можно...

Будильник выдернул ее из сна резко и бесцеремонно.

Гойя поспела собираться. Чемодан был уложен три дня назад. Хорошо, что есть няня. Лив выскочила из комнаты и прыгнула на Гойю, как обезьянка.

– Ты опять уходишь? Долго-долго?

– Нет, Лив, совсем недолго! Всего на один день и одну ночь, и сразу обратно.

– Сколько рас пать?

– Всего разочек спать, милая, и я вернусь.

Девочка потерлась щекой и носом об ее плечо. Внутри Гойи что-то сжалось и завязало узелок. Она гладила любимую спинку, на которой с двух сторон проклеивались крылышки, и набиралась сил.

«Сволочь я, опять от ребенка заряжаюсь». – Гойя всегда очень винила себя, когда, прижимаясь к дочке, впитывала в себя ее, словно струю сильной жизненной энергии. Ей всегда казалось, что она таким образом что-то забирает у нее. – Но мне так необходимо это сейчас, – оправдывалась она. – Мы с тобой теперь еще сильнее привязаны друг к другу, и я не отпущу тебя, пока ты не выздоровеешь!»

Няня взяла Лив на руки и унесла купать, а Гойя заторопилась в аэропорт.

Самолет набирал высоту, Гойя торопливо просматривала в последний раз все схемы передвижения и логистику праздника, проверяя, нет ли нестыковок или фальшивых ноток. Всё было гармонично и красиво.

В двенадцать часов дня она была на яхте, где уже суетился ее цветочный декоратор.

– Это будет шедевр! – выпалил он при виде Гойи. – Летучий Голландец! Ты видела эти орхидеи? – Он потащил ее в центр зала, где на невидимых нитях висела громадная люстра, целиком и полностью сделанная из орхидей.

Гойя очень его любила. Хороший парень! Все считали его писанным красавцем, а ей так не казалось, но при этом она видела то, что не всегда замечали другие – его уникальное чувство гармонии и позитива, которое он выражал во всех своих работах.

– Франк, это обалденно красиво! Ты, как всегда, лучший!

– Да ладно тебе, это ты всё придумала. Мы же только ремесленники, – скромно усмехнулся он.

Оба знали, что это чистая ложь, и от этого почему-то стало весело и легко. Гойя снова погружалась с головой в работу. Радость переполняла ее и давала уверенность, что всё пройдет волшебным образом. К трем часам пополудни всё было готово, и гости стали потихоньку собираться.

Гойя сама встречала гостей. Анатолий, одетый в белый смокинг с пурпурным галстуком, напоминал голливудского актера.

«Шоу Трумана, натурально», – подумала Гойя, помогая какой-то расфуфыренной старушке усесться в кресло.

Наконец все собрались, двери зала были плотно закрыты, и Анатолий отправился встречать невесту. За ней в аэропорт был отправлен лимузин. Гости пили шампанское в зале, ожидая их возвращения.

Фрида приехала на такси, одетая в голубую длинную тунику, отороченную золотой вышивкой сшитыми круглыми зеркальцами, и была похожа на Шамаханскую царицу.

Гойя проводила ее в небольшой салон, прилегающий к главной зале, который должен был служить зоной отдыха для организаторов.

Через двадцать минут лимузин остановился у причала, водитель важно распахнул дверцу, и оттуда выпорхнула молоденькая длинноногая девочка.

Гойя быстро повернулась и пошла к капитанской рубке. Ей физически было тяжело смотреть в глаза этой девочке. Стоя на верхней палубе, она слышала, как она щebetала, как Анатолий предложил ей подняться на палубу и как они пошли в сторону салона.

На фотографии, которую Гойя увидит три месяца спустя после этой свадьбы, запечатлено испуганно-удивленное лицо девушки, рука, в которой она пыталась спрятать крик, вырвавшийся, когда она открыла дверь залы и ей навстречу повернулись все приглашенные на торжество.

«Эта фотография – вещественное доказательство того, что клиент получил то, что он заказывал», – подумает тогда Гойя.

Визажист и парикмахер готовили невесту к торжеству. Она молча сидела на стуле, выпрямившись, как палочка. Гойя пробежала мимо, ухватив краем глаза грустные серые глаза.

«Ничего, девочка, потерпи, скоро всё закончится», – сказала она ей и себе одновременно.

Яхта медленно скользила по воде, оставляя позади красивую многолинейную пенистую дорожку. Белоснежные орхидеи парили в воздухе, нежно покачиваясь на невидимых ниточках, в такт движению и музыке. Гости пили шампанское в ожидании свадебной церемонии. Наконец в дверях появилась невеста – белое платье облегло тоненькую фигурку и заканчивалось пышной невесомой юбкой.

Анатолий от волнения начал икать. Гойя незаметно подала знак музыкантам. В зале воцарилась волшебная тишина. В этой тишине внезапно раздался звук церковного колокола. Откуда-то, словно изнутри судна, заструился тяжелый белый дым, который постепенно начинал обволакивать ноги гостей. Через несколько секунд уже казалось, что это вовсе не зал, а огромное белое облако, на котором стоит весь приглашенный народ, затаив дыхание.

В зал торжественно (*Гойя бы сказала «торжественно» – и это было бы более правильным в данной ситуации*) вплыла пухленькая элегантная женщина с белой кожаной папочкой в холеных ручках.

Зазвучали «Времена года» Вивальди, Анатолий взял за руку свою невесту, и они поплыли в сторону пухлой тетеньки, утопая в белом облаке, окруженные людьми и орхидеями.

Гойя вышла из зала.

Фрида ждала ее на палубе. Идя к ней навстречу, Гойя думала, что она сейчас в такой же ситуации, как эта бедная девочка: нельзя не идти, а идти сил нет.

Они молча сели в кресла. Гойя смотрела на море, на заходящее солнце и думала почему-то о своей матери. Кто ее отец – она так никогда и не узнает. Мама так решила за нее и за отца, и они никогда не встретятся и не смогут посмотреть друг другу в глаза. Это грех, Гойя физически ощущала понятие греха – когда кто-то поступал плохо, у нее внутри всё словно обволакивалось черным дымом.

Фрида, следя за ее ощущениями, сняла с шеи медальон. Он медленно покачивался в ее правой руке, и Гойя вдруг увидела, что что-то, что ей казалось странным нарисованным мазком краски, было не что иное, как прядь золотистых волос.

Фрида заговорила почти сразу. Плеск волн, крики чаек и голос Фриды стали переплетаться, образуя странную музыкальную тему: Вивальди, «Времена года», пора опавших листьев...

Гойя увидела зажженные свечи, затем лики икон. Она стояла у алтаря, рядом с ней стоял высокий усатый мужчина офицерской выправки в начищенных до блеска сапогах. Платье больно кололо сзади – она незаметно провела рукой и поняла, что там подколоты булавки. Было странное состояние отчаяния и злости на себя. Кто это? Гойя? Нет, не Гойя, а ее бабушка повернулась лицом к мужчине и встретила с ним глазами.

«Боже, я не люблю его!»

«Зачем ты это делаешь? Зачем ты здесь?» – Внутренний голос был ее, Гойи, она взлетела над этой парой и смотрела на них со стороны нарисованных на потолке церкви херувимов.

«Я должна это сделать. Я хочу жить в красивом доме, носить красивые платья и украшения. Я хочу, чтобы меня уважали и чтобы всё было, как у людей».

«Ты клянешься ему перед Богом! Зачем ты это делаешь?»

Женщина накрыла лицо фатой, тем самым словно отгораживаясь от своего внутреннего голоса. Гойя вернулась внутрь нее и сжалась в комочек. Голос священника звучал то отдаляясь, то приближаясь. Она толкнула какую-то дверцу, и картинки закрутились быстро-быстро. Дом, красивое крыльцо, ковер в гостиной, вышитые салфетки (вот отчего она их так не любит, оказывается!), деревянная лакированная лестница на второй этаж, спальня, большая кровать с множеством подушек, его лицо сверху, чувство отвращения, отрешения...

«Хочу вылететь из тебя, выйти наружу, не хочу быть в твоём теле, чувствовать то, что ты чувствуешь, отдавать свое тело как плату за эту лестницу и эти ковры». – Она уговаривала себя, но не могла вырваться из этого тела, которое сотрясалось другим телом так безразлично и грубо.

– Считай ступеньки, – подсказал голос Фриды.

Она стала считать в такт движениям кровати. *«Раз, два, три, третья скрипит, четыре, пять... Сколько их?»* Шею перетянул какой-то провод, стало трудно дышать, и ступеньки закончились. Гойя попыталась крикнуть, но Фрида закрыла ей рот ладонью.

Солнце почти зашло, и по морю текла золотая дорожка. Яхта двигалась ровно по этой золотой дорожке навстречу заходящему солнцу. Лицо Фриды выглядело потухшим. Она сидела, прикрыв глаза, и смотрела на горизонт.

Гойя достала сигареты. Запах дыма вернул ее к реальности.

– Хочешь поговорить? – Фрида протянула руку помощи.

– Нет, пожалуй, нет. Сейчас докурю и пойду работать. Сколько времени прошло?

– Всего минут пять. Там еще церемония не закончилась. Ты должна сформулировать проблему, – настаивала Фрида.

– Бабушка вышла замуж по расчету. – Гойе вдруг показалось, что она сказала банальность. Действительно, такое происходит сплошь и рядом. Наверное... – Она покончила с собой. Повесилась. Странно, что мама никогда мне об этом не рассказывала.

Гойя с трудом встала, голова кружилась, и всё тело словно окоченело изнутри. Выкинула за борт бычок.

– Фрида, вам придется побыть на яхте, пока мы не вернемся в порт.

– Не страшно. Если есть свободная каюта, я бы отдохнула.

– Я сейчас распоряжусь. – Гойя пошла искать красивого стюарда.

В зале среди тишины всхлипывала та самая старушка, которую Гойя усаживала в кресло.

«Хорошо, что на свадьбе всегда кто-то плачет, и все думают, что это от радости».

Фейерверк, запущенный вокруг яхты, стал ключевым волшебством этой свадьбы. Причем, как задумала Гойя, начался он с маленьких голубых огоньков, которые один за другим рождались вокруг яхты, образуя круги и спирали, словно все жители морского царства приплыли поздравить влюбленных. Затем огоньки начинали превращаться в маленькие огненные фонтанчики и, наконец, брызнули в черное небо множеством серебряных и синих огней.

Шаг 14

суббота,
17 августа 2013 года

У всех поколений нашей семьи было негласное правило: если кто-то считал, что он прав, уступать было категорически нельзя. Чувство правоты было важнее чувства любви к родным и близким.

Яхта вернулась в порт почти сразу после фейерверка. Праздник продолжался уже на причале до самого утра, так что у Гойи даже не было возможности попасть в отель перед вылетом.

Часть гостей, правда, уехала после фейерверка. Среди них была и старушка, которая плакала во время церемонии. Она поймала букет невесты и теперь нежно прижимала его к груди.

Гойя посадила ее в такси, ей так хотелось сказать что-то приятное этой милой пожилой женщине.

– Спокойной ночи, Жанна Исааковна! – Гойя вдруг вспомнила ее имя, что было само по себе подвигом, так как память на имена и даты у нее была ужасная.

Старушка с любовью взглянула на нее через открытое окно автомобиля и ласково проговорила:

– Какого х...ра, деточка? Ты знаешь, что меня зовут Жанна Исааковна?

Водитель спас Гойю от ответа на этот неожиданный вопрос, машина тронулась, и старушка замахала Гойе букетом.

Анатолий долго жал руку Гойе и рассыпался в благодарностях. В нетрезвом состоянии он выглядел уже совсем не как голливудский актер, его даже было чуточку жалко. Он был похож на клоуна-неудачника. Невесты видно не было – она отправилась спать. Артак Аркибузович торжественно вручил Гойе толстенький конверт с деньгами.

– Я рад, что не ошибся в вас. Всё прошло блестяще! – Он и вправду был счастлив, словно с его плеч свалился тяжелый груз.

– Спасибо, Артак Аркибузович. Я рада, что вам понравилось.

– Да, это было очень красиво. Я думаю, что всем гостям очень понравилось.

«Особенно невесте», – подумала Гойя. На нее навалилась усталость.

Дорога домой занимала всегда больше времени, чем дорога из дома. Ей не терпелось увидеть Лив. Перелет прошел в полусне. Прямо у аэропорта выстроились в ряд таксисты. Гойя плюхнулась на сиденье пропахшей городской гарью машины.

Водитель предложил ей сесть сзади, так как переднее пассажирское сиденье уже было занято гитарой. Гойе показалось это забавным. Она никогда еще не видела шоферов такси-гитаристов. Хотя, по сути, это очень логично: в ожидании клиентов сидеть и играть на гитаре.

«Странно, что такая логичная вещь пришла в голову только этому таксисту, и никто ее не повторил», – подумала Гойя и сложила эту мысль в коробку с глупыми мыслями.

Восторг от водителя-гитариста сменился удивлением, когда тот включил диск с блатными песнями, и тягучий мужской баритон затянул:

*Будет еще небо голубое,
Будут еще в парках карусели.
Это не беда, что мы с тобою, Серега,
На чужих подушках облысели...*

Такси мчалось по шоссе, за окном мелькали ровные квадраты полей, покрытые низкой утренней дымкой, некрасивые индустриальные здания и непроснувшиеся деревья.

Наконец машина съехала с шоссе на грунтовую дорогу, ведущую через поля к дому Гойи. Несмотря на близость города, в этом месте казалось, что ты находишься в глубокой деревне: на лугах паслись сонные коровы, домики стояли близко к дороге, и многие из них были построены более двухсот лет назад.

Гойя расплатилась с таксистом, достала из сумки ключи, постаралась тихонько открыть калитку. Собака выскочила ей навстречу.

– Жулик, привет! Как дела твои? Рассказывай! – Гойя погладила собачку, которая вертелась под ногами, как маленький волчок. – Что ты тут без меня поделывала?

Няня уже хлопотала на кухне. Гойя включила кофейную машинку и уселась на террасе в любимое кресло.

Через полчаса в кухню спустилась заспанная Лив. Увидев мать, она завещала и полезла к ней на колени. Стала рассказывать сны.

- Было осень стлясно! Осень!
- Что, милая, было страшного?
- Плисла тетя и забрала все мои иглауски! Все-все! И Белнабика тозе!
- Какая-такая тетя у тебя все забрала? Какая она была, расскажи!
- Такая бойсяя, с бейми газами!

Гойя вздрогнула. Не может этого быть! Хотя...

– Это сон, лапушка моя! Все игрушки на месте, пойдем посмотрим!

Она взяла девочку за руку и пошла с ней в детскую. Игрушек у Лив было больше, чем могла вместить ее небольшая комната, но при этом всё стояло всегда на своих местах. Лив очень не любила, когда кто-то нарушал этот порядок. Она сама всегда расставляла зверей и кукол в только ей одной понятном порядке и следила, чтобы няня ничего не трогала и не выкидывала. Среди разных дорожных игрушек также жили камушки, ракушки, сухие листья и разные палочки, которые девочка приносила постоянно с улицы, объясняя всем, что это очень важные и редкие вещи. Выкинуть что бы то ни было означало просто вторгнуться без разрешения в этот мир, который был абсолютно гармоничным и правильным.

Мама с дочкой уселись на пол. Лив достала фигурки зверей, и они стали строить звериный город.

Гойя наблюдала за девочкой. Лив, спустя полчаса игры, обычно начинала ныть и капризничать, организм не выдерживал нагрузки. И няня укладывала ее спать три раза в день по часу. На этот раз они играли почти два часа, и Лив была по-прежнему весела и активна. Гойя не верила своим глазам.

Няня дважды заглядывала в комнату, чтобы забрать Лив спать, но, видя идиллическую картину, тихонько закрывала дверь, словно боясь спугнуть это счастье.

Гойя оставила Лив с игрушками, спустилась вниз и набрала номер Фриды.

Та взяла трубку практически слету, как будто ожидала ее звонка.

– Фрида, это я. Звоню рассказать про Лив. Она играет весь день, кажется, что совсем не устает. Это удивительно!

– Хорошо. – Голос Фриды звучал мягко, или Гойе уже так казалось. В этой женщине была вся ее надежда. – Мы на правильном пути, но рано радоваться результату. У нас впереди еще три этапа, и никто не знает, чем они могут обернуться.

– Фрида, я смогу всё пройти! Я чувствую, что смогу перевернуть горы. Простите, что я не верила сначала... – Гойя хотела еще что-то добавить, как-то отблагодарить, сказать какие-то теплые слова.

– Я знаю, не суетись понапрасну. Тебе самой эта энергия пригодится, а мне она без пользы. В таких дозах, – Фрида усмехнулась.

Гойе показалось, что Фрида не просто читает ее мысли, а наперед знает, что с ней будет происходить. От этого стало холодно, и по коже рук побежали мерзкие мурашки. Она замолчала.

– Завтра отдохнешь, а послезавтра включайся в работу. Время не ждет.

– Да, хорошо, я поняла. – Гойя положила трубку.

Надо было воспользоваться этой паузой, чтобы попытаться понять, что происходит и что происходило. Информация, которую Гойя получала от своих перемещений во времени, до сих пор никак не оценивалась ее сознанием. Она просто в нее погружалась и вбирала в себя боль, ненависть, тоску этих женщин, не давая никакой оценки ни им самим, ни их поступкам.

«А нужно ли давать? – усомнилась Гойя. – Но ведь, если человек не делит поступки на плохие и хорошие, как он может двигаться дальше?»

Мама прожила с отцом всю жизнь, она любила его. Во всяком случае так Гойя всегда ощущала. В чем заключалась эта любовь? Гойя пыталась вспомнить какие-то конкретные проявления этой любви, но ничего не вспоминалось. Откуда же это детское ощущение того, что родители любят друг друга? Каждый ребенок это чувствует, хотя взрослые думают, что достаточно делать вид, что в семье всё хорошо, и дети не догадаются о том, что между родителями уже давно нет любви. Родители Гойи любили друг друга, она это знала, ощущала всё детство. Она не могла так ошибиться. Есть что-то, что всегда выдает неправду: поворот головы, кивок, усмешка, просто нестыковка в музыке голоса и движении тела. Гойя всегда чувствовала искусственность вокруг – что-то всегда ее выдавало. Это что-то нарушало гармонию искренности. Искренность была, как чистый правильный звук, она ее слышала во всем, всегда. Это был дар ее ангела-хранителя в день ее рождения.

«Кто мой отец? Какой он был? – Гойя попыталась нарисовать себе лицо несуществующего мужчины. – Он, наверное, еще жив, я бы могла найти его, если бы знала, как его искать».

Но зачем? Если спустя столько лет он не объявился и не искал ее, возможно, он вообще не хочет с ней встречи. Или он просто не знает о ее существовании, и, возможно, она кардинально меняет всю его жизнь, вторгнувшись в нее вот так в тридцать пять лет.

«А бабушка? Неужели финансовое благополучие важнее благополучия души? Как могла она дать клятву человеку, которого не любила?»

Фрида сказала, что все люди поколения связаны между собой внутренней энергией. Получается, что мама носила в себе поступок бабушки, и, возможно, он повлиял на ее жизнь и ее решение. Какой-то замкнутый круг. От бабушки мама получила в подарок проданную за комфорт душу – значит, она не была ребенком любви. И на этом фоне родилась Гойя от неизвестного ей отца. Почему мама никогда не рассказывала о смерти бабушки?»

Гойя несколько раз спрашивала, и мама говорила, что бабушка умерла, когда она была еще студенткой. Голова раскальвалась. Ей казалось, что вся эта каша никогда не сможет уложиться в картинку. Она опять пыталась собрать пазл, словно воссоздавала всю историю своего рода.

«Пазл – праздник. Методика одна и та же. Люди хотят радоваться и веселиться, несмотря на все каверзы жизни, и должен быть кто-то, кто сможет заглянуть им в душу и определить рисунок их праздника, словно сканировать позитивные точки их внутреннего мира для того, чтобы создать для каждого из них, согласно этим точкам, их собственное созвездие – пространство счастья».

Гойя вдруг поняла, что Фрида заставляет ее теперь заниматься обратным – проникать внутрь людей, живших до нее, и сканировать их негативные точки, их боль и обиду, и по ним воссоздавать некий рисунок.

От осознания этого Гойе стало почему-то легче. По сути, она делает именно то, что умеет делать лучше всего, – собирать по кусочкам общую картину.

«Большинство людей не заморачиваются на своих праздниках: еда, музыка, алкоголь и красивые женщины – идеальный пазл из четырех кусочков, который подходит восьмидесяти процентам населения. Более того, эти люди даже не задумываются о том, что такое для них настоящий праздник, потому что им страшно впустить кого-то внутрь себя, так же как им страшно заняться психоанализом или вообще любым копанием в собственной душе».

«Нет ничего более серьезного, чем удовольствие», – вспомнила Гойя известные слова.

Х Х

С У Д

Шаг 15

воскресенье,
18 августа 2013 года

Какое тщеславие полагать,
будто мы понимаем, что делает
время: оно хоронит своих мертвых
и стережет ключи. И только в снах,
только в поэзии и игре случается
такое: зажжешь свечу, пройдешь
с ней по коридору – и вдруг
заглянешь в то, чем мы были раньше,
до того, как стали тем,
чем, неизвестно еще, стали ли.

Хулио Кортасар

Лив принесла рисунок. На нем был нарисован муравьед Бернабик, летящий по небу.

Весь остаток дня Гойя провела дома с Лив и няней. Дом свой она очень любила. Когда она приняла решение о его покупке, то оказалось, что мечта ее совершенно не соответствует ее возможностям. Гойя любила всё делать быстро и поэтому, посетив пять домов, выбрала из них самый, как ей показалось, приемлемый.

Но за два дня до подписания договора о покупке этого дома она случайно наткнулась на объявление о продаже в каком-то журнале. В объявлении имелась и фотография, но странным образом на ней был запечатлен не весь дом, а только одно большое окно, увитое диким виноградом. Именно эта фотография покорила Гойю. Она позвонила в агентство. Человек устало предложил ей зайти на следующей неделе. Но узнав о том, что дом надо показать завтра и что купить его хотят на следующий день после визита, риелтор решил, что его разыгрывают. Гойе понадобилось пятнадцать минут, чтобы объяснить ему, что всё это не понарошку.

Дом принадлежал паре очень влюбленных друг в друга пожилых людей. Он дышал их любовью. Несмотря на очень плохой вкус и достаточно бедный интерьер, в каждой вещи было столько любви, что Гойя ходила и улыбалась. Познакомились хозяева дома в сорок лет, когда у каждого из них уже было по четверо детей: у нее – четыре мальчика, а у него – четыре девочки.

«Такое возможно только в жизни, для кино – слишком подстроено, скажут, что неправдоподобно».

Дом был очень старый и большой, семь комнат располагались на трех этажах и соединялись узенькими кривыми коридорами, кое-где переходящими в площадки и закутки.

При подписании документов на покупку дома, когда нотариус попросил проставить инициалы на каждой странице договора, выяснилось, что у всех

трех подписчиков – бывших хозяев и самой Гойи – одинаковые заглавные буквы и в имени, и в фамилии.

Этот факт, сам по себе ничего не означающий, вызвал у пожилого нотариуса очень бурную реакцию, словно он увидел какое-то волшебное знамение.

Гойя переехала в дом, который сразу отверг всю ее скромную мебель, купленную в недорогом мебельном магазине. Не то чтобы он капризничал и требовал каких-то дорогих гарнитуров, но она физически ощущала, что это ставить в дом нельзя.

Душа дома звучала с самого первого дня, она разговаривала с Гойей, и та умела ее слушать. Гойя отправлялась на поиски старинной мебели, простых деревенских лавок, старого деревянного стола, и дом был ей благодарен. Они полюбили друг друга, и с тех пор дом оберегал покой Гойи. Иногда у нее появлялось ощущение, что дом просто собирает назад все предметы, которые в нем когда-то стояли. Вещи, которые Гойя приносила в дом, настолько громко звучали и выражали свою радость от того, что они обретают вторую жизнь, что Гойя не сомневалась в том, что они оживлены.

Няня жаловалась несколько раз, что в доме обитают привидения. К этим разговорам Гойя относилась спокойно. То есть никак. Она знала, что в доме нет ничего, что может навредить ей или Лив. Но няня панически боялась. Она поменяла три комнаты и, наконец, нашла ту, в которую никто ночью не приходит. Тем не менее спалось ей беспокойно.

Дом радостно принимал тех, кого Гойя любила: иногда приезжали друзья на несколько дней, и, если они доставляли Гойе радость, дом дарил им уют, спокойствие и волшебные сны. Если же в дом попадали люди, которые у Гойи вызывали напряжение, беспокойство или раздражение, дом немедленно это подхватывал и начинал выплескивать на них разные неприятные вещи: посуда в их руках разбивалась и ранила, ножами обязательно можно было порезаться, розовые кусты, которые мирно росли вокруг дома, начинали их царапать до крови своими шипами, электричество выключалось само собой, а по ночам им снились плохие сны.

Гойя относилась к дому, как к живому существу, которое может защитить ее и придать силы. В каждом его уголке обитали какие-то звери, и от этого дом был наполнен звуками разных жизней, где его хозяйка была королевой.

Шаг 16

понедельник,
19 августа 2013 года

– Взгляни-ка на дорогу!
Кого ты там видишь?
– Никого, – сказала Алиса.
– Мне бы такое зрение! – заметил
король с завистью. – Увидеть
никого, да еще и на таком
расстоянии!

Льюис Кэрролл,
«Алиса в Стране чудес»

Гойя торопилась в офис, как всегда, обвешанная тремя сумками. В одной лежали компьютер и тетрадки с ее записями, в другой – книжки и ручки, в третьей – кошелек и документы.

– Привет, Гойя! – Франк радостно замахал ей полотенцем. – Заглянешь на кофе?

– Привет, Франк! Позже обязательно загляну! Мы в обед к тебе придем, можно?

– Отлично, я приготовлю для вас лучший столик.

В подъезде Гойя столкнулась с Ирмой.

– Ой, привет! Я думала, ты сегодня не выйдешь. Как всё прошло у тебя позавчера?

Ирма выглядела неважно. Лицо бледное, синяки под глазами. Гойя пыталась вспомнить, когда она последний раз уходила в отпуск.

– Всё хорошо прошло. А ты как? Что-то выглядишь не очень.

– Голова раскалывается. Пойду куплю в аптеке парацетамол. Помнишь, месяц назад агентство нас «мучило» по поводу дня рождения близняшек?

Гойя помнила. Они выпили ей всю кровь. Несмотря на то что она уже давно пообещала себе, что не будет ввязываться в сомнительные проекты без каких-либо гарантий. В этот же она включилась по полной программе, отработала все детали, придумала полностью всю концепцию, а агентство, даже не сказав «спасибо», исчезло, не дав никакой информации о продолжении этого проекта.

Бывало, что Гойя бралась за проекты не для того, чтобы заработать денег, а просто потому, что поставленная задача должна была быть решенной ее мозгами. Ей казалось, что иногда жизнь задает ей такие задачки, которые она должна решить для своего внутреннего развития, что ли. Объяснить коллегам это было как-то неловко. Они видели, сколько своих и чужих сил она вкладывает в каждый проект, и страшно огорчались, когда проект не осуществлялся или, еще того хуже, придуманный ее командой сценарий попадал в руки конкурентам, которые делали из него Бог знает что.

– Да, Ирма, я помню. Много сил потратили впустую.

– Видимо, не впустую, – усмехнулась Ирма. – Они сегодня с самого утра названивают. Наверное, сами не смогли реализовать, все-таки им нужна наша помощь.

– Да ладно! – Гойя не верила своим ушам. – Они же тогда даже не написали, понравился ли заказчику наш сценарий.

– Именно, не написали. А теперь, когда до проекта осталось десять дней, решили написать. Короче, всё, как всегда. Ладно, я иду в аптеку, встретимся в офисе минут через десять.

Ирма побежала в сторону аптеки, а Гойя пошла к лифту.

В офисе царил привычный рабочий хаос.

«Интересно, мы, словно волосы, переплетаемся между собой, путаемся друг у друга под ногами, сливаемся голосами и взглядами. А что, если когда-нибудь мы образуем колтун и не сможем распутаться?»

Очередная дурацкая мысль влезла в голову, но наполнила душу хорошим настроением.

На столе лежала папка с проектом для близняшек. Гойя села в кресло, раскрыла бумаги. Столичное агентство, получив заказ от периферийного агентства, отправило запрос Гойе. Тут налицо были все признаки «нереализации»: нескончаемая цепочка посредников, ни один из которых не хотел сам что-либо делать, зато настойчиво требовал от следующего посредника быстрой реакции и четких ответов; бюджет проекта, который неумолимо уменьшался за счет того, что каждый из посредников в первую очередь вычитал свою прибыль из указанной суммы; никакой информации о самом заказчике, кроме общих слов.

И все-таки Гойя зачем-то стала работать. Она, как Шерлок Холмс, пыталась догадаться сама о характерах двух девушек-близняшек, руководствуясь той малой толикой информации, которую ей выдавало агентство. Живут в провинции, из богатой семьи, учатся в элитном учебном заведении. Гойя проверила – обучение там стоит более тридцати тысяч долларов в год. Странно, что никаких особых характеристик девушкам никто не мог дать. Фотографии, тем не менее, прислали. Очень похожи, но все-таки разные. Гойя всмотрелась в лица. *«Да, совсем разные. У одной очень уверенный, даже надменный взгляд. У второй – какой-то испуганный, словно ее застали врасплох».*

Ирма вернулась из аптеки и тихо подошла к столу.

– Вот, взгляни, что они сегодня прислали. – Она положила перед Гойей распечатанный на листе бумаги текст.

Гойя пробежала глазами. Одни эмоции: клиент очнулся и хочет всё, но времени уже нет, так что «помогите, что же делать». И так далее в том же духе.

Ирма держала в руках телефонную трубку.

– Будешь звонить им? – Ирма уже набирала номер агентства.

– Да, Ирма, надо разговаривать. Уже всё, что могли, написали.

В трубке зачирикало, и голос автоответчика сообщил, что вы позвонили в компанию «Лотос». После ответа одного, затем второго секретаря наконец в трубке зазвучал голос девушки-менеджера.

– Добрый день, Елена, это Гойя.

– Ой, здравствуйте, Гойя. Спасибо, что звоните. Клиент, как вы видите, вернулся, хоть и с большим опозданием, и готов утвердить сценарий, который вы предложили.

– Елена, я очень рада, но мне необходимо встретиться с заказчиком.

– Это никак невозможно. Я вам писала, что этот запрос пришел к нам из партнерского агентства, и мы сами не имеем доступа к заказчику. Вы можете всю нужную вам информацию получить от нас. Пришлите ваши вопросы.

– Елена, я присылала вам вопросы, когда мы начинали работать по этому проекту, и ни на один из них вы не дали ответа. – Гойя старалась говорить спокойно. – Теперь у меня нет времени задавать вам вопросы и ждать на них ответы. Мне нужно увидеть заказчика.

– Агентство не готово предоставить такую возможность. – Голос менеджера звучал с нотками зарождающегося раздражения.

Ирма, не отрываясь, смотрела на Гойю. Она понимала, что сейчас решается всё.

Гойя не работала над проектами, в которых ей отказывали во встрече с заказчиком. Это было ее золотое правило. Даже когда они сидели без работы, она не соглашалась брать такие проекты. Гойя считала, что самое важное – встретиться с тем, для кого ты придумываешь праздник. Не обсуждая денежную сторону, не вникая в детали, а просто, глядя в глаза, ощутить энергию человека, понять, чем он живет. Без этого вся проделанная работа была бы словно лотерея – может, попадешь, а может, мимо. Ирма знала, как и Гойя, что в конце праздника всё равно они будут стоять перед заказчиком и нести ответственность за всё происходящее.

Гойя спокойно сделала глоток остывшего кофе.

– Хорошо. Чего вы от нас ждете?

– Гойя, вы написали сценарий, клиент его одобрил. Надо полностью реализовать то, что вы придумали. И всё.

Гойя кусала губы. И всё... Просто реализовать сценарий, и всё. Это же так просто! Ирма застыла с вопросительным выражением на лице.

«Чашку не урони, – внутри Гойи кто-то рассмеялся. – Вот и образовался колтун».

– Алло! Алло, Гойя, вы меня слышите? Нам утвердили просчитанный вами бюджет, мы готовы переводить деньги. От вас нужен счет и договор, гарантирующий, что всё будет выполнено согласно написанному сценарию.

Ирма села на стул. Казалось, она сейчас заплачет. Из соседнего кабинета выглянули коллеги. Даже мелкие птички перестали «строчить на машинке».

«Я совершаю преступление... За ним последует наказание... Надо соглашаться на любые проекты... На любые...»

И вдруг врезалось в сознание: *«Жизни поток... Та чистая смерть не даст разразиться войне... Откуда это? Ах да, Нострадамус...»*

– Счет вам пришлют в течение часа. Мы подтверждаем проект. – Гойя повесила трубку. В офисе воцарилось молчание.

Гойя ощутила сначала слово «воцарилось», потом поняла, что «воцарилось молчание» – это одно слово. Синоним – пустота. Она старалась не смотреть в глаза ребятам. Подхватила сумку.

– Встретимся в кафе через два часа, – кивнула она Ирме, хлопнула дверью и сбежала по лестнице.

Гойя упала в город. Он подхватил ее на руки и понес к набережной, где среди букинистических лавок, ласковых витрин антикварных магазинов и уютных кафе плыл лечебный воздух другой жизни. Жизни, в которой не надо было торопиться и выживать.

Два часа вырвали ее из круговорота и вернули в кафе к Франку уже спокойной, знающей, сильной. Такой, какой ее привыкли видеть коллеги.

Ирма сидела за столиком и пила травяной чай. Гойя плюхнулась рядом.

– Как голова? Лучше?

– Да, отлично! Счет выставили. Завтра переведут оплату. План действий?

Гойя с благодарностью посмотрела на Ирму. Они работали вместе уже семь лет. Ирма появилась в ее агентстве, когда команда была гораздо больше, чем сейчас, и Гойя не испытывала необходимости в новых сотрудниках. Она была старше, у нее был опыт работы в туризме, но тогда Гойю подкупил ее оптимизм и желание во что бы то ни стало работать именно с ней. Ирма покинула работу, где была на хорошем счету, и перешла работать к Гойе. Первые три месяца она не получала зарплату, просто работала, чтобы доказать Гойе, что она может и нужна. С тех пор Гойя ни разу не пожалела о том, что взяла её – это был не просто надежный сотрудник, но и преданный, понимающий друг.

– Ирма, спасибо тебе! – Гойя обняла ее.

– Да брось! Прорвемся! Смотри, Франк думает, что у нас любовь.

Гойя обернулась и увидела удивленное лицо Франка. Он застыл с дурацкой улыбкой на лице и блокнотом в руках, возвышаясь над сидящим человеком, который дергал его за передник, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание.

Они рассмеялись. Стало легко и спокойно.

– Ирма, итак, ты берешь на себя кейтеринг – надо сегодня с ними созвониться и договориться о встрече на завтра. Нина займется флористикой – пусть также напишет им запрос, позвонит. С ними мне нужна завтра встреча. Я сейчас позвоню декораторам, и нужно организовать общее собрание, так как они будут вынуждены работать плотно со светом.

– А что с артистами? Там куча артистов. – Ирма быстро писала в блокноте.

Франк поставил перед ними два огромных керамических «тазика» с салатом.

– Слушай, тебе или надо порции сделать поменьше, или стол побольше. Но что-то не клеится. – Гойя засмеялась.

– Слушай, это тебе надо в обед обедать, а работать в офисе, – надулся Франк. – Стол ей маленький! Между прочим, к нам со всего квартала люди ходят именно потому, что порции такие. Пока никто не жаловался.

– Да ладно тебе, я же шучу. У тебя что, сегодня непруха? Выпей с нами кофе, я приглашаю. – Гойя придвинула к нему стул.

– Не могу, но спасибо. – Франк засеменял прочь.

«Не сердится, – ощутила Гойя. – Ну и слава Богу».

– Артистами я займусь сама. Завтра. Сегодня всем напишу, завтра будем всё выстраивать. Когда мероприятие? Напомни. – Гойя открыла календарь.

– Через десять дней. Еще куча времени. – Ирма старалась говорить шутиливо в тон Гойе, но у нее плохо получалось. – Давай уже есть, салат «остынет».

Они молча принялись за салат.

«Салат надо есть, когда много времени и мало дел. Он не дает сил, но дает ощущение достаточной сытости, чтобы празднично прогуливаться по жизни и чувствовать себя бабочкой».

– Скажи, – Ирма говорила почти шепотом, – эта гонка – из-за Лив? Тебе нужны деньги на лечение, да?

Гойя подняла голову и посмотрела Ирме в глаза.

«Красивая. Добрая. Не обидит. Не поймет».

– Это нужно для Лив, и у меня мало времени.

– Может быть, можно достать деньги? У тебя столько друзей-знакомых, которые с радостью одолжат.

– Мне не нужны деньги, Ирма. Мне нужно еще три проекта. Любых.

Ирма в недоумении смотрела на нее, в глазах уютно обосновалась жалость.

– Я не понимаю, Гойя. Скажи, что происходит? Нам всем непонятно. Если бы ты объяснила, мы могли бы принести тебе больше пользы. Все хотят тебе помочь, ты же знаешь.

– Я знаю, дорогая, спасибо вам всем. Поверь: всё, чем вы можете помочь, – это просто идти за мной в эти проекты и помогать мне их реализовывать. Без вас мне придется очень трудно. Вы – моя команда, вы знаете, как работать и как делать то, что я придумываю. Я знаю, что все очень устали, но поверь, нам надо выдержать еще всего три проекта, и всё! Только три!

Ирма задумалась. Она не любила, когда ей чего-то недоговаривали. Ей казалось, что это – выражение недоверия ей, ребятам. Почему все должны тупо идти за Гойей, не понимая куда, только потому, что она просит?

– Ирма, в этом и есть настоящая дружба и любовь – когда идешь, не понимая зачем. Просто потому, что тебя об этом попросил друг. – Гойе казалось, что она – Фрида, а Ирма – это она, Гойя. И она словно уговаривает ее, как когда-то Фрида ее уговаривала. Всё повторялось и обретало какой-то ритуальный смысл.

Шаг 17

**среда,
28 августа 2013 года**

Учись отпускать –
в этом секрет счастья.

Будда

Праздник-перевертыш – вот как Гойя назвала этот сценарий. Такие одинаковые, но такие разные. Она ощущала эту разницу, глядя на фотографии девушек, и цеплялась за нее, как за ключевой рычаг всего сценария.

То, что вы видите, не должно быть тем, что есть на самом деле.

Похожая непохожесть. И непохожее сходство.

Всё было наоборот. Столы располагались по двум сторонам от сценической зоны. Благодаря свету Гойе удалось сделать одну часть зала полностью белой – с белыми цветами в белых высоких вазах, белыми скатертями и белыми подсвечниками. На столах – белоснежный фарфор с золотой каемкой и серебряные приборы. Украшением были высокие бокалы из прозрачного граненого хрусталя.

Вторая часть зала была в пурпурных цветах – ярко-красные розы, пурпурные скатерти и посуда из темно-красного стекла с золотыми прожилками. Даже бокалы были рубинового цвета и переливались от пламени многочисленных алых свечей.

Словно два мира были представлены в зале: один – полный добра и чистоты, второй – любви и страсти, разделенные сценой, на которой должны были летать воздушные гимнасты. В процессе мероприятия постепенно белый мир становился красным, а красный обретал белый цвет – вещи менялись местами. Гости, которые сидели в красном пространстве, оказывались на момент десерта сидящими в белом, и наоборот.

Но это еще не всё. Ужин также был подан в формате палиндром. *«А роза упала на лапу азора».*

«Дамы и господа!»

То, что вы видите на тарелке, – совсем не то, что вы думаете. И к тому же палиндром – это то, что одинаково читается в обоих направлениях. Ужин тоже будет подаваться наоборот: вначале вам принесут чашечку кофе с кусочком сахара. Затем последует десерт, после него, разумеется, сыр. После сыра будет подано горячее блюдо, и в завершение ужина – закуска горячая и холодная и комплимент от шеф-повара.

Как это – начать ужин с чашечки кофе с кусочком сахара?

Ну да, именно так! Перед вами чашечка кофе с кусочком сахара.

Но помните – то, что вы видите, совсем не то, чем оно является на самом деле.

Это только на вид чашечка кофе и кусочек сахара, а на вкус ... это луковый суп с кубиком фуа-гра, посытанный крупной солью.

Десерт – только на вид шоколадный эклер. На самом деле это слоеный пирог с белыми грибами и соусом бешамель.

И даже к горячему блюду – цесарке с картофельным гарниром – присмотритесь повнимательнее: то, что вы считаете гарниром, на самом деле и есть цесарка. А вот картофель специально для вас сегодня принял форму куриной ножки».

Гойя стояла на входе в зал, на ней были черный атласный брючный костюм и белая рубашка с высоким готическим воротом. В светлых волосах – элегантный беспорядок, гармонирующий с большой галстучной брошью мутного янтарного стекла.

От лилий, стоящих в огромных вазах по обе стороны распахнутых дверей, исходил душливый запах цветочного беспредела. Отойти было нельзя, а голова начинала нещадно болеть.

Гостей было много, среди них мелькали «журнальные и телевизионные» лица, несколько помятые реальностью, но всё равно узнаваемые. Многие были с цветами и маской светской благодарности на лицах. «Видимо, этот праздник имеет и политические цели», – подумала Гойя.

Она увидела – нет, не увидела, а скорее поняла частичкой фотографической памяти, что из лифта выходит одна из двух девушек с фотографии. Та, что была справа и показалась несколько потерянной. На ней было длинное шелковое платье нежно-кораллового цвета, в ушах серьги с бриллиантами, а на шее переливалось кольцо. В жизни она выглядела более уверенной, но интуитивно Гойя поняла, что это – правая девушка с фотографии. Она улыбалась гостям, на лице было нарисовано красивое, правильное гостеприимство. Но когда девушка проводила рукой по волосам, на долю секунды ее лицо, скрытое от всех ладонью, словно расслаблялось. Гойя не видела выражения ее глаз, но по опущенным уголкам губ и вдоху, который она прятала за ладонью, она ощущала, что та просто набирает очередной глоток воздуха для следующих шагов навстречу празднику.

Вторую девушку Гойя увидела позже, уже за праздничным столом.

Фрида опаздывала, программа уже началась. Гойя то и дело возвращалась в зал, чтобы запустить следующий элемент программы, потом выбегала на улицу, всматривалась в проезжающие такси.

Телефон Фриды настойно включал автоответчик.

Входя в зал, Гойя столкнулась лицом к лицу со второй именинницей. Она, похоже, искала ее.

– Это вы Гойя?

– Здравствуйте! Да, это я. – Гойя старалась скрыть волнение, связанное с Фридой, и попыталась максимально вложить в эти слова позитив.

Девушка поймала это и улыбнулась, взяв Гойю за руку.

– Вы так здорово всё придумали, словно знали нас с детства. Но ведь это чистая случайность? Успокойте меня! – Она сконфуженно засмеялась, заглядывая Гойе в глаза.

– Конечно! У меня не было никакой информации о вашем детстве. – Гойя заметила, что та облегченно выдохнула. – Я просто пыталась представить двух близняшек-девочек, таких разных и таких похожих.

– Вам это удалось. Моя сестра очень довольна, а это, знаете, дорогого стоит. Она, как правило, очень критична и к себе, и ко всему, что происходит вокруг!

«Мы наворачиваем круги вокруг одного и того же. Мы пытаемся найти связь и смысл между событиями, происходящими в нашей жизни, чтобы понять цель самого процесса. И не понимаем».

Гойе казалось, что именно эти слова она уже где-то слышала.

– Я очень рада, что смогла сделать для вас что-то приятное. Вечер только начинается, и вас ждут другие красивые сюрпризы. Спасибо вам за вашу доброту. – Гойя начинала уставать, словно канал, через который она отдавала энергию этой девушке, внезапно кто-то прикрыл ладонью. Она обернулась – чуть в стороне, сзади стояла Фрида, опустив голову.

– Вас ожидают? – Девушка кивнула на Фриду. – Не буду вас задерживать. Увидимся позже.

– Благодарю. Да, конечно. – Гойя проводила взглядом ее стройную фигуру, удаляющуюся в сторону зала, и обернулась к Фриде.

– Фрида! – Ей хотелось сказать об опоздании и о ее волнении, но как только глаза их встретились, почему-то это желание само по себе прошло. Оно уже казалось Гойе неприличной мелочью.

– Как дела? – Голос Фриды звучал тихо и спокойно.

– Отлично, работаю. Пока всё хорошо. Гости довольны.

– Хорошая девушка. – Фрида кивнула в сторону ушедшей именинницы. – У нее есть сестра?

– Да, близняшка, внешне сходство практически полное.

– Не имеет никакого значения, у них совершенно разная судьба и разные характеры. – Фрида поманила Гойю за собой, и они пошли в сторону гримерных комнат.

– Но ведь у них одинаковый гороскоп. – Гойя размышляла вслух. – Ну или почти одинаковый. Почему тогда всё такое разное?

– Генетическая формула запущенной нашими предками энергии застывает в нас жестким каркасом, горбом на спине, который мешает двигаться и который нам до конца придется тащить на себе, если только... Если только мы не найдем возможность избавиться от него.

Фрида уселась на стул, посадила Гойю перед собой в кресло и взяла ее руку.

– Вы хотите сказать, что родители дали им не одинаковую энергию?

– Гойя, у нас мало времени. Давай работать. – Фрида сняла с шеи медальон, провела им перед глазами Гойи, и та послушно закрыла их.

Гойя старалась не думать ни о чем, но мысли сами влезали в голову и начинали заводить непонятный хоровод, сплетаясь в одну единую цепочку, которая в нем совершенно теряла смысл. Сначала Гойя почему-то думала о Фриде и о ее опоздании. Вот как надо – никогда не комплексовать и не извиняться за свои поступки. Просто сделать вид, что всё именно так, как должно быть. Почему у нее так не выходит? Почему она, Гойя, постоянно чувствует себя виноватой и всё время извиняется за что-то перед кем-то?

Потом она вдруг подумала про близняшек и увидела лицо той, которая к ней подходила. Лицо это было совсем близко от ее глаз, и она могла рассмо-

треть его очень подробно. С чего она взяла, что они похожи? Они совсем разные – вообще не похожие девочки. Та, на которую смотрела Гойя, была высокая, стройная, с длинными русыми волосами и серо-голубыми глазами. Правильные черты лица, немного резкий нос и твердые скулы, отчего лицо казалось жестким. Другая, которая стояла поодаль от Гойи, была, скорее, шатенка, волосы у нее были короче и слегка волнистые. При стройной фигурке у нее сохранились пухлые детские щечки, и вообще вся она была как-то мягче, теплее сестры.

Гойя смотрела на девушек изнутри кого-то ей незнакомого. Лицо светловолосой девушки казалось ей знакомым. Они где-то точно встретились. Вторую девушку она не видела никогда. Внезапно ощутила такой прилив ненависти, что у нее на глазах выступили слезы. В этой светловолосой были собраны все ее беды и проблемы! Находиться рядом с ней стало невыносимым. Она сделала шаг в сторону второй девушки-брюнетки и сразу почувствовала себя лучше. Девушка улыбнулась ей, и Гойя протянула руку, чтобы прикоснуться к ней. Взявшись с ней за руки, она ощутила полноту и спокойствие. Но присутствие блондинки не оставляло ее в покое. Даже отойдя от нее на расстояние, она не могла унять своего раздражения. Почему? Всё в ней кричало о какой-то ошибке, неправде, беде, о том, о чем она хотела забыть любой ценой, перевернуть страницу, закрыть в памяти на десять замков.

Пока все молчали, но кто-то должен быть что-то сказать. Гойя набрала воздуха и открыла своей плоти возможность высказаться. Голос, который она слышала, дрожал от ярости и бессилия. Женщина обращалась к светловолосой девушке:

– Ты умрешь под забором, как бомж, и никто не придет тебя спасать, потому что ты будешь никому не нужна.

– Я буду счастливой и богатой назло всем и тебе! У меня всё будет хорошо в жизни, – спокойно и холодно отвечала девушка с кривой усмешкой на губах.

Гойя попыталась выскочить наружу из тела, которое сотрясало от ненависти, но не смогла. Ей было больно, где-то внутри жила какая-то глубокая обида на себя и на эту девушку, и вообще на весь мир, и она не отпускала ее.

Вторая девушка стояла, не двигаясь, и смотрела на сестру полными ужаса глазами.

– Как ты можешь так говорить с матерью? – прошептала девушка.

– У меня нет матери. Если бы была, никогда бы такого мне не сказала.

Блондинка пошла прочь, а Гойя осталась стоять и, несмотря на присутствие второй девушки, чувствовала себя ужасно одинокой.

Кто-то коснулся плеча, она обернулась. Фрида стояла рядом и не думала ее утешать.

– Ты в порядке? – Это был скорее вопрос вежливости.

– Да. – Гойя тряхнула головой, прогоняя неприятные ощущения. – Видимо, бабушка была нелюбимой дочерью. Ее мама явно предпочитала ей сестру.

– Бывает, – без интереса сказала Фрида. – Мне пора. Думаю, на сегодня мы сделали всё, что могли.

Она пошла к выходу, Гойя шла следом и думала о близняшках и о том, что говорила ей Фрида.

«Значит, родители дали им неодинаковую энергию и генетический балласт. А бабушка? Может быть, ее глупый брак с дедом ради выгоды и материального благополучия был следствием этой материнской нелюбви? Значит, всё это связано в одну цепочку?»

Из зала раздавались звуки музыки, смех и голоса. Проводив Фриду к выходу, Гойя вернулась. Там подавали красивый праздничный торт в виде замка с розовыми башенками.

Две девушки стояли рядом и улыбались. Важный повар в высоком белом колпаке вынес большой кухонный нож, и они, взявшись за руки, вместе вонзили его в нежную сладкую массу.

Шаг 18

понедельник,
16 сентября 2013 года

Она всегда давала себе хорошие
советы, хоть следовала им нечасто.

Ночью Гойе опять привиделись кошмары. Ей снилось, что она спит в большой комнате. Там же спят Лив, еще какие-то дети, ее родители и отец Лив. Эта комната напоминала палату пионерского лагеря, где у каждого была своя узенькая кровать с металлической спинкой и пружинным матрацем. Все спали, но что-то подняло ее с кровати. Она стала посередине этой странной комнаты и внезапно ощутила, что ее начинает скручивать и избивать кто-то невидимый. Она отбивалась, как могла, но сил почти не осталось. Попытки кричать были очень тихими. Она бросалась то к одному спящему человеку, то к другому, но они не видели нападающего и думали, что она притворяется.

Гойя понимала, что в комнату пробрался дьявол, и что он пришел за ней. Вот уже пол и стены начали покрываться льдом. И тогда все встали с кроватей и пошли в какой-то зал кафе или ресторана и сели за стол. Она пришла последней и увидела за столом среди близких ей людей какую-то пожилую женщину с очень властным лицом и странными глазами – белые зрачки и черные белки. Это был он, дьявол, в облике женщины. Обе поняли, кто они и зачем они тут. Гойя спросила, почему женщина пришла за ней. Та ответила, что Гойя совершила предательство и должна поплатиться за него. Гойя понимала, что это обман, она ничего не совершала.

– Ты же всё знаешь, если ты дьявол. Ты знаешь, как всё было на самом деле. Я никого не предавала.

– Всё показывает на тебя – вот, смотри!

Время течет в обратную сторону. Гойя пробирается сквозь толпу, в толпе на нее обращают внимание какие-то люди, похожие на сотрудников охраны или спецслужб. Они переглядываются и бегут за ней. Она понимает, что они ищут какой-то маленький предмет. Но у нее его нет. Внезапно чья-то рука из толпы вкладывает ей в ладонь деревянную фигурку. Она разжимает пальцы – в руке зажат человечек. «*Так вот что они ищут!*» Мужчины почти настигли ее, они хватают ее за руку в тот момент, когда она разжимает пальцы, и фигурка падает на землю, множество ног прохожих отбрасывают ее на обочину. Кто ей дал эту фигурку? Она пытается вернуться назад и видит в толпе женщину-дьявола. Та усмехается.

– Это же ты сама мне дала эту вещь! Это ты меня подставила и теперь обвиняешь! Но зачем?..

Гойя проснулась, дрожа от холода и страха. Лив уютно сопела рядом. Она гребла девочку в охапку и прижалась к ней.

– Мам, – Лив тихонько заныла во сне. – Хватит меня мять. Тебе опять стласное снилось?

Она чмокнула дочь и выскочила из кровати. «*Уж лучше в душ, чем дальше смотреть такой сон*».

В душе Гойя поняла, что, пока в ее жизни не сложится пазл, похожий на тот, который она выстраивает, чтобы придумать каждый новый праздник, проблема не решится.

Пазл из женщин ее семьи, из их горя и страхов, их слабостей и ошибок.

Вся ее жизнь – это кусочки пазла, которые собираются в фантастически красивый узор судьбы. Узор этот фантастичен не своей смысловой нагрузкой, а именно визуальным аспектом, как великолепно прорисованная волшебная картина, в которой сам сюжет играет очень второстепенную роль.

Шаг 19

вторник,
17 сентября 2013 года

- Случай не существует. Случай – это издержки наших слабостей, промахи в наших жизненных планах.
- Ах так? Значит, землетрясение, которое накрывает тебя в постели...
- Но это – не случай. Это – поэзия.

Хулио Кортасар

Гойя ощущала всё большую усталость, она не могла отдохнуть даже в выходные дни. Ночами ей снились кошмары, она просыпалась разбитой и больной.

Создавалось ощущение, что голова, как мотор, работает на износ без остановок и начинает давать сбои. Гойя стала забывать элементарные вещи, становилось всё труднее сосредоточиться. В голове возникали чужие образы и навязчивые мысли, которые часами не давали ей покоя. Словно кто-то пытался выстроить за нее логическую цепочку событий и снов в одну единую картину.

Лив же чувствовала себя всё лучше: она больше не капризничала, хорошо кушала и с удовольствием играла.

Вечерами Гойя возвращалась домой, проводила время с Лив, занималась хозяйством и, уложив девочку спать, садилась на террасе в старое плетеное кресло. Она максимально старалась оттянуть момент, когда надо идти спать. Пытаясь обмануть дурные сны, она наливала себе бокал вина. Потом еще один. Но это не помогало.

Хотя вино делало ее уверенной. Она уже давно обратила внимание на то, что в состоянии легкого опьянения ощущала себя умной (что в обычной жизни ей совсем не удавалось), и странным образом у других создавалось полное ощущение того, что так оно и есть. Она могла дописать сценарий, который никак не заканчивался, придумать какую-то историю, решение, создать новую игру.

«Или я – настоящий алкоголик, или я – настоящий жулик. Мое сознание меняется от эффекта алкоголя, что-то открывается или закрывается и дает возможность придумать что-то новое, что в нормальном состоянии мой мозг скрывает от меня. И ведь не скажешь никому: я написала ваш сценарий после трех бокалов красного вина. Без них бы, наверное, и не написала».

После вина рука сама тянулась к бумаге и, ведомая какой-то невидимой силой, писала, писала... Мысли, образы, сказки.

«Желание писать безусловно обосновано внутренней борьбой за защиту своих ценностей, когда профессия тебя обязывает ставить ценности других людей выше собственных».

Я, вынужденная залезть в ваш мир по вашей просьбе, не хочу давать вам право влезать в мой. Но я так много оставляю там себя, что людям ничего не стоит – они даже сочтут это правильным – залезть в мой мир и начать там хозяйничать. Это всё равно, как если бы больной, прооперированный по поводу аппендицита, в благодарность за свое излечение вспорол бы живот своему хирургу».

Две следующие недели прошли в безрезультатной борьбе за хоть какую-то работу. Гойя старалась оперативно и быстро отвечать потенциальным клиентам, регулярно просматривала почту и даже писала бывшим заказчикам письма с разными интересными идеями и предложениями. Но всё было тщетно. Более того, уже подтвержденный заказ совершенно необъяснимым образом ушел от нее после двухмесячной работы над сценарием. Такие ситуации складывались у Гойи очень редко и, как правило, были хоть как-то прогнозируемы.

В данном случае всё было настолько странным и неадекватным: и объяснения заказчика, которые он выдвигал, отстраняя Гойю от проекта, и аргументация этих объяснений. Всё было, как в идиотском непродуманном кино, когда без особых усилий можно придумать правдоподобный аргумент, чтобы убрать человека. Но вместо этого выдаются совершенно неправдоподобные и глупые, которые элементарно можно проверить, чтобы доказать, что всё это – полная ерунда.

Гойя была так возмущена ситуацией, что на некоторое время вообще усомнилась, а будет ли продолжение ее усилий и ее работе.

Каждый раз, когда проект срывался, ей было ужасно жаль сил и времени, которое она потратила впустую, желая понять, ощутить, полюбить людей, для которых нужно было работать.

Наконец, устав от своих собственных мыслей, переживаний и беспомощности, она закрылась дома и решила посвятить несколько дней только Лив.

Сотрудники знали, что в такие периоды нужно просто ждать. Ирма звонила несколько раз в день и рассказывала о немногочисленных новостях из офиса.

Работы было мало, шел бесконечный осенний дождик, во влажном воздухе сада пахло прелыми листьями и прогоревшим костром. Гойя садилась в старое кресло на террасе, брала Лив на руки, и они вместе рисовали или рассматривали всевозможные красивые картинки в книжках – о феях, о динозаврах, о сказочных мышках, о шкафах и кухнях из мебельных каталогов, о вкусной еде из супермаркета – и говорили друг другу, кому что нравится. Если им нравилось одно и то же, то это была радость совпадения, а если нет, то начинался спор, почему лучше мое, а не твое.

Лив много рисовала, за этим занятием проходили часы. Ей нравилось рисовать то, что происходило вокруг: мама и Лив смотрят книжки, собака сидит и ждет еды с миской в зубах, кот пришел с улицы и принес мышку...

Вечером они зажигали камин и садились на деревянную скамеечку рядом. Гойя любила смотреть на огонь, но не умела его разжигать. Костер постоянно гас, она боялась упустить момент и сидела всё время рядом, чтобы в случае чего подбросить палочек и щепок.

Это были настоящие каникулы, пусть вынужденные, но всё равно приятные.

Гойя бродила по дому и рассматривала каждый предмет. Она физически ощущала энергию вещей, находящихся в нем. Каждая вещь имела свою собственную чистую ноту, и вместе они звучали красивой музыкой, согревающей фантазию Гойи, успокаивающей ее сознание.

Гойя не могла объяснить, почему одна вещь ее притягивала к себе, и она точно знала, где ее место, а другая вещь – притом, что она могла быть объективно красивой, – ее отталкивала. Она брала их в руки и слушала душу предметов. Чем старше была вещь, тем громче звучала ее душа, тем отчетливее было понимание того, должна ли она быть рядом. От старых вещей исходила какая-то волшебная сила их прошлых владельцев, историй, произошедших в их присутствии и с их участием. Гойя слышала каждое слово и свято верила этим словам.

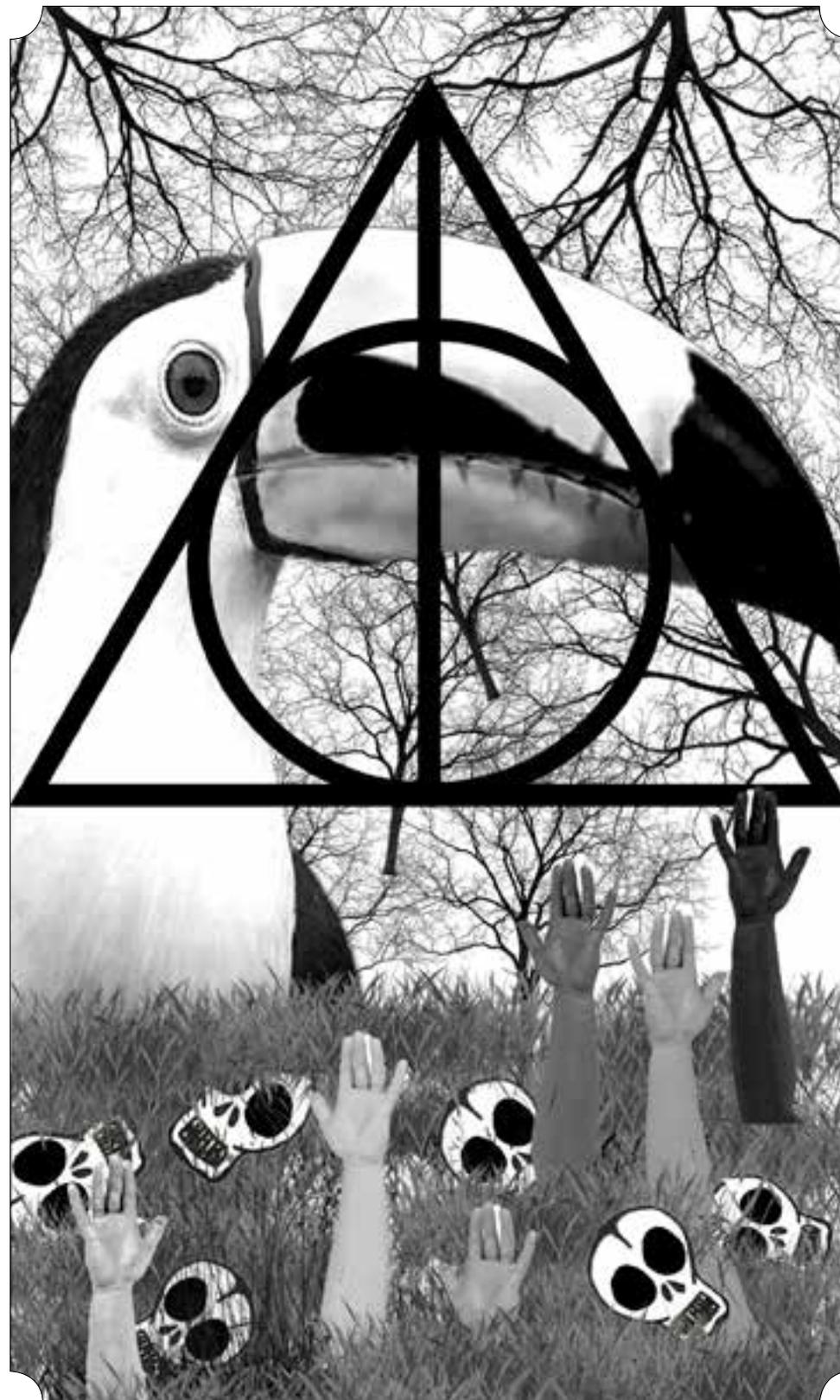
В выходные дни она с утра уезжала в близлежащие деревни, где проходили спонтанные мини-рынки, называемые «чердачной чисткой»: все жители деревни в этот день имели право выйти на улицу и, поставив перед своим домом небольшой стол и два стула, продавать всё, что им не нужно. Люди при этом не старались особенно заработать, а хотели избавиться от ненужных вещей, которые выкинуть жалко, а хранить уже не хочется. И ненужные вещи обретали вторую жизнь. Сам факт этого так радовал Гойю, что она старалась не пропустить ни одного выходного, когда не было работы, чтобы поехать на очередную чистку чердаков.

Тут можно было найти всё: от ржавых гвоздей, дверных ручек, ночных горшков, старых книг, игрушек, посуды, до настоящих сокровищ в виде старинной лампы, оставленной бабушкой, и полного собрания сочинений Хулио Кортасара, что продавал старый фермер, не имеющий никакого представления, о чем пишет этот автор с труднопроизносимым иностранным именем.

Часто и дети продавали свои старые игрушки или обменивали их у других детей.

Гойя приезжала с утра, обязательно шла пить плохой кофе из бумажного стаканчика с местными крестьянами, потом долго бродила по рынку, трогая разные предметы руками, разговаривая с их владельцами и слушая иногда удивительные истории этих вещей.

Свои находки она привозила домой и расставляла на кухонном столе. Няня обычно причитала о том, что вот, мол, снова старье и грязь в дом тащат. Но потом успокаивалась и помогала Гойе приводить в порядок старые тарелки или коробочки, чтобы потом найти им правильное место в доме.

Шаг 20

вторник,
24 сентября 2013 года

По лесу идут два монаха – молодой и старый. Подходят они к речке, на берегу стоит женщина. Она просит их помочь ей перебраться на другой берег. Молодой монах замахал на нее руками – мол, не могу я, грех это большой – прикасаться к женщине. А старый монах без слов поднял женщину на руки и перенес на другой берег. После чего они продолжили свой путь. Через два часа молодой монах не выдержал и спросил у старого: «Учитель, вы учили меня всю жизнь, что женщина – это искушение, и нельзя касаться ее, если ты выбрал путь служения Богу. Как же вы взяли ее на руки и перенесли через реку?» Старый монах ответил так: «Я ее перенес через реку и оставил там, у реки, а ты ее до сих пор несешь».

Старая притча

Гойя без конца думала о своих предках и искала причинно-следственную связь между ними. Теперь она не сомневалась в том, что каждый из них являл своей жизнью один из кусочков пазла общей картины их рода.

«Прабабушка имела двух детей, двух девочек – бабушку и ее сестру. Бабушкина сестра была желанным ребенком в их семье, а сама бабушка – нет.

Эта постоянная борьба за неполученную любовь матери и за место в обществе зародила в ней мысль о том, что материальный успех будет оценен ее матерью и, возможно, она полюбит ее, если дочь будет богата и благополучна. Она вышла замуж за нелюбимого человека ради денег и власти. Но по сути – ради любви своей матери.

Интересно, полюбила ли ее мама после этого?»

Мама Гойи родилась в семье, где родители не любили друг друга, но обожали ее. Мама стала связкой этой семьи, той, которая примирила чужих людей друг с другом.

Огромная ответственность, которая была отведена маме, и понимание того, что родители не любят друг друга, толкнули ее на брак с человеком, которого она тоже не смогла до конца полюбить, хотя и пыталась. Почему она предпочла зачать ребенка с кем-то другим? Кто он? Любила ли она его? Или

это случайный выбор – обмануть всех и жить всю жизнь в этой лжи, страдая и не имея силы воли сказать правду? И, возможно, поэтому у Лив нет отца. Гойя никогда не думала, почему так случилось. Она внутри себя знала до мелочей, каким должен быть ее возлюбленный. И каждый раз, встречая очередного мужчину, практически сразу понимала, что это не он. Она знала, когда встретит ЕГО, обязательно узнает. Но шло время, и ей встречались разные люди: у одного из них были ЕГО руки, у другого – ЕГО смех, у третьего – ЕГО тело. Но ни у кого из них не было ни ЕГО глаз, ни ЕГО сердца.

Когда Гойя узнала о беременности, она сразу поняла, что эта жизнь, которая зародилась внутри нее, – подарок судьбы. Не имело никакого значения то, что отца ребенка она, скорее всего, больше не увидит. Главное – эта связь между человеком внутри и ею самой, Гойей. Так родилась Лив. И связь эта была настолько сильной, что Гойя ощущала ее всегда и везде, физически чувствуя боль, когда было больно Лив.

Сейчас, прокручивая в голове все события жизни женщин своего рода, Гойя искала связь.

Именно сейчас она стала ей необходима.

Гойя достала все старые фотографии, которые у нее были. Они хранились в старом кожаном чемодане со сломанным замком. Вдвоем с Лив они любили иногда залезать в этот чемодан и рассматривать выцветшие черно-белые и цветные снимки. Все эти фотографии принадлежали когда-то родителям Гойи. Это то, что ей передали после смерти родителей, и то, что, вероятно, не пригодилось Красному Кресту, куда были отданы, с согласия Гойи, все немногочисленные нажитые родителями богатства.

Рассматривая красивое и нетронутое бытом лицо бабушки, Гойя вдруг подумала, что не знает даже, где именно она была похоронена. И в этот момент она почувствовала себя ужасно неловко от этого понимания. Перебирая снимки, она наткнулась на одну фотографию, где родители были запечатлены в загородном доме у подруги матери – Телль.

«Телль дружила с мамой с детства, возможно, она знает, где похоронена бабушка».

Гойя взяла телефон и стала разыскивать ее номер. Набрала.

– Алло, кто говорит? – Голос в трубке звучал неприветливо.

– Телль, добрый день! Это Гойя, дочь Стесси.

– Гойя! Давно я тебя не слышала, – без удивления, но с обидой и претензией сказала она. – Как поживаешь?

– У меня всё хорошо, спасибо. А вы как поживаете?

– Как-то поживаю... Пауза. Вот только что вернулась из отпуска.

– Вы хорошо отдохнули?

– Я совсем не отдохнула. Мне пришлось вернуться практически сразу, и всё из-за дурацкого будильника... – Телль была в ярости.

– Какого будильника? – Гойя, услышав странную фразу, вздрогнула, словно ее подключили к невидимой розетке.

– Обычного электронного будильника! Что тут непонятного? – продолжала набирать обороты Телль, которая в душе ждала возможности выплес-

нуть всё свое негодование на кого-то. – Я забыла выключить электронный будильник в квартире, и он начал звонить. Звонил двое суток. Соседи обезумели и потребовали, чтобы я вернулась и выключила его. Грозилась сломать дверь, если не приеду! И вот я, проехав шесть часов на машине, вернулась, чтобы выключить будильник! – Она почти кричала. – Весь отпуск коту под хвост. Но ты звонишь не для того, чтобы этим интересоваться, не так ли? – спохватилась она.

– Простите, я не хотела вас беспокоить. – Гойя решила не обращать внимания ни на тон, ни на формат разговора. Ей нужна была информация, и у нее было ощущение, что она на правильном пути. – Я хотела бы посетить могилу бабушки, но мама никогда не говорила, где именно она похоронена. Может быть, вы знаете?

Телль выдержала тяжелую паузу, подышала в трубку.

– С тех пор, как умерли твои родители, ты ни разу не позвонила мне. – Она говорила медленно, сознательно нажимая на каждое слово, чтобы оно звучало сильнее. – Ты ни разу не спросила у меня, как я пережила эту страшную потерю. Твоя мама была для меня всем – и другом, и сестрой, и ангелом-хранителем. – Последовала долгая пауза. – Ты хоть раз была на могиле родителей после похорон?

– Была, – Гойя понимала, что спорить и что-то доказывать сейчас категорически нельзя. Она замолчала.

– Была, значит... Пауза. И мне ничего не сказала. А теперь вот решила посетить могилу бабки. Почему, Гойя? Твоя мама не была с ней близка. Ее похоронили давно, ты была маленькой. Неужели ты ее помнишь?

– Я мало что помню, но мне необходимо там побывать. Вы знаете, где именно ее похоронили?

– Знаю. В Кретее. Там одно кладбище. А вот где именно – сейчас уже не вспомню.

– Спасибо, я найду, – Гойя заговорила очень быстро. – Вы мне очень помогли. Простите, пожалуйста, что разочаровала вас и расстроила, я не хотела этого делать. Очень жаль вашего отпуска. Спасибо за всё, мне надо уже бежать. Всего вам доброго.

Гойя бросила трубку и долго сидела перед открытым чемоданом, машинально перебирая фотографии.

Шаг 21

среда,
25 сентября 2013 года

Достаточно было спокойно подумать три секунды, чтобы всё понять. Вот только где их взять, эти три спокойных секунды? У кого в жизни они есть? Мы не только живем, но и умираем на бегу – и слишком возбуждены собственными фантазиями, чтобы остановиться хоть на миг.

Виктор Пелевин

На следующий день Гойя отправилась на кладбище города Кретей. Ехать было недалеко, за тридцать минут она добралась до места. Кладбище было огорожено серой бетонной стеной, поделено на ровные квадраты, по которым в симметрическом порядке располагались такие же серые надгробья, кресты и небольшие домики, принадлежащие, видимо, целым семьям.

Гойя зашла в сторожку к смотрителю, где ей удалось узнать из кладбищенского журнала, аккуратно заполненного кругленьким ровным почерком, что мадам Сомье похоронена в квадрате 3Д. Изучив план, она уверенно отправилась к квадрату 3Д. Обойдя несколько раз каждую из могил в указанном квадрате и не найдя следов могилы бабушки, она снова вернулась к смотрителю. К счастью, она была единственным посетителем, и старичок-смотритель, дыша ей в лицо перегаром, с радостью уделил ей немного своего времени. Он отправился с ней в заколдованный квадрат и просто ткнул пальцем на пустое место между двумя могилами.

– Вот. Она похоронена тут. – Казалось, что он сам удивлен тому, что только что сказал.

– Как тут? Где? Тут же пустое место! – Гойя с удивлением смотрела на смотрителя.

– Могильная плита не была сделана. Вот и пустое. Но человек-то умер! – Он многозначительно поднял палец вверх и забыл о нем.

– Как это не была сделана? – Гойе казалось, что он ее разыгрывает.

– Не была. Дети должны были поставить, но, видать, забыли. Да так и не поставил никто.

– А кто должен ставить? – Гойя тормозила эмоции, аккуратно выговаривая каждое слово.

– Ну, не я же! – Смотритель вспомнил про поднятый палец, опустил его и рассердился. – Родственники, наверное. Я не знаю, кто. Вы ей кто?

– Внучка. – Гойя вдруг покраснела до корней волос, в горле образовался комочек.

– Воооот! – поучительно протянул старичок-смотритель. – Внучка! А камень на могилу некому положить! Никакого уважения к старикам! – покачал он головой и собрался уходить.

– Подождите! – Гойя выдохнула. – Я не знала. Я хочу поставить могильный камень. Как это сделать, вы можете мне объяснить?

– А чего объяснять-то? Вон, пойдя, закажи да принеси! И поставь, тебе кто мешает-то? – Он махнул головой в неопределенном направлении.

– Так никаких разрешений не нужно? Просто взять и поставить? – Гойя была удивлена. Ей казалось, что должна быть какая-то процедура, столько прошло времени...

– Какие разрешения, если плита должна была стоять уже много лет и не стоит? Вот если бы не должна была стоять, а стояла бы вот тут, наверное, нужно было бы разрешение получать... – Смотритель, видимо, сам запутался в сказанной фразе и, не найдя ей продолжения, повернулся и пошел к сторожке.

– Спасибо! – крикнула ему вслед Гойя.

Он махнул рукой, не сбавляя шага.

Гойя провела рукой по земле, словно хотела убедиться в том, что бабушка похоронена именно тут, где нет ни таблички с именем, ни могильного камня.

«Может быть, мама просто не успела? Но мама умерла недавно, а бабушка давно. У нее было время. Но почему же она не сделала этого?»

Гойя помнила, что мама всегда плохо высказывалась о бабушке.

Несмотря на то что была единственной дочерью, она бабушку не любила.

Такими были детские ощущения Гойи.

Выйдя за ворота кладбища, Гойя направилась к похоронному бюро с дерзким названием «Похоронное Настроение», которое располагалось напротив.

За стойкой важно сидел кругленький, плотный мужичок с маленькими заплавленными глазками и черным широким галстуком.

– Мадемуазель. – Он вежливо кивнул, не поднимаясь, однако, со стула.

– Я бы хотела заказать могильный камень, – быстро сказала Гойя, ловя себя на мысли, что эту фразу она произносит второй раз в своей жизни. Точно такую же фразу она сказала пять лет назад, когда погибли родители. Тогда ей казалось, что она словно во сне и что от этих страшных дней, прожитых между больницей, моргом и кладбищем, не останется ничего, кроме лиц родителей. Но внезапно вместе с этим кругленьким человечком и его безразлично-участливым «мадемуазель» к ней вернулось абсолютно всё – от запаха больничной палаты до выражения лица смотрителя кладбища, который почтительно стоял неподалеку и ждал, когда Гойя, наконец, уйдет с могилы, чтобы закрыть на ночь ворота.

– Разумеется, прошу вас. – Он указал ей рукой на правое из двух кресел, скорбно стоящих перед его столом.

– Нет, спасибо – Гойя поежилась. Ей вдруг показалось, что, если она сейчас сядет в кресло, все переживания пятилетней давности вернуться обратно.

– Тогда давайте посмотрим каталог, – понимающе кивнул человек и достал из-под стола обтрепанную клеенчатую папку.

Гойя положила ее на стол и стала быстро пролистывать страницы. Выбрала черный гранит. Почему черный? Потому что смерть была желанной. Не прямоугольный и не квадрат, какой-то закругленный сверху, потому что бабушка все-таки была натурой тонкой и не любила квадратные формы. Буквы можно сделать белыми, золотыми и серебряными.

– Давайте серебряными сделаем. И на двух языках. Бабушка не была коренной француженкой. А за пару лет до суицида она вообще забыла французский язык, говорила только по-русски и почти всегда только сама с собой.

– Но, если писать на русском языке, это обойдется очень дорого, и на изготовление плиты уйдет, как минимум, месяц. – Мужичок почесал карандашом кончик носа.

Гойя задумалась. Бабушка уже много лет без камня, что такое один месяц?

– Вам будет проще заказать все то же самое на нашем интернет-сайте, там вы можете сами написать и по-русски, и по-французски, и по-китайски. – Он, печально улыбаясь, протянул Гойе визитку с адресом сайта.

– Да, я так и сделаю. Спасибо вам большое. – Гойя с облегчением резко взялась за дверную ручку, звякнула колокольчиком и вышла на воздух.

Дома она провела два часа у компьютера, придумывая форму, текст, расположение фотографии и имени бабушки и, наконец, удовлетворенная результатом, оплатила и отправила заказ.

На экране вместе со словами благодарности от «Похоронного Настроения» за совершенную покупку немедленно загорелась надпись в черной рамке с указанием даты, когда Гойя должна была получить по почте могильный камень, и скидки в сорок процентов на следующий могильный памятник.

Шаг 22

То, для чего нет слова,
для 99,99 % людей
не существует вообще.

Виктор Пелевин

Гойя купила книги о жизни Нострадамуса. Ей хотелось услышать его, почувствовать, ощутить его запах, энергию. Ей было интересно знать, какие предметы окружали его и какого цвета была его накидка. Появлялись ли у него морщинки у рта, когда он смеялся? А может быть, он почти не смеялся? В книгах об этом не было ни слова. Гойя читала страницу за страницей об истории жизни великого предсказателя, пытаясь, как всегда, поймать между строк какую-то энергетическую деталь, какой-то ответ, который бы сложился сам собой из сочетания других информации. Словно зная, где он был в такой-то день, такого-то года, учитывая погодные условия этого дня и политическое положение в стране, а также особенности места его пребывания и событий, с ним происходящих, можно было увидеть, расстегнута ли была пуговица у него на вороте рубашке или нет... И ЕЙ ЭТО БЫЛО ПОЧЕМУ-ТО ВАЖНО.

Шаг 23

**пятница,
27 сентября 2013 года**

Всё начинается с пустоты.
Пустота всегда должна быть
заполнена.

Закон пустоты

Ирма позвонила вечером на второй неделе затворничества и радостно сообщила, что пришел новый запрос.

– Гойя, – голос Ирмы дрожал от радости, – звонили из Саудовской Аравии, ты представляешь? Я пробила по базе – это самое крутое местное агентство, обслуживает только принца и самых приближенных к нему лиц.

– Зачем мы им понадобились? Принц хочет отметить день рождения в Париже? – Гойя попыталась представить картину, но фантазия скудно изобразила бородатого смуглого человека в золотом тюрбане на голове, сидящего по-турецки на маленьком коврик перед чайным сервизом.

«Не густо у меня с познаниями арабской культуры», – успела подумать Гойя и мысленно добавила к сидящему дяденьке двух теток с опахалами в шароварах и с голыми животами. Она успела это сделать до того, как Ирма заголосила:

– Нет, не угадала! Они каким-то образом посмотрели наши ролики костюмированных балов. Им очень понравилась тема, и они ее предложили принцу. Он теперь хочет такой праздник сделать у себя в пустыне. Но как это делать – они понятия не имеют. И обратились к нам! Гойя, это потрясающе! Можно, я тоже полечу? Всю жизнь мечтала попасть в Саудовскую Аравию!

Ирма продолжала что-то тараторить, а мозги Гойи уже составляли вопросы, которые нужно было задать в первую очередь.

Проект оказался тяжелым, хотя надо отдать должное арабам – они работали очень организованно. После трех переговоров по телефону и Skype, обмена несколькими письмами Гойе были высланы авиабилеты и четкая программа пребывания.

«Когда же у нас так работать научатся? Быстро, слаженно, без истерики», – восхищалась она их работой.

Гойя озадачилась тем, как сделать так, чтобы и Фрида могла поехать с ними, и заявила ее как своего ассистента. Повезло, что арабы с уважением относятся к понятию ассистент. Там вообще в плане иерархии всё очень четко. Ирме она соврала, что Фрида – нужный в поездке человек, практически приближенный к принцу. Но та была так рада тому, что Гойя взяла ее с собой, что можно было ничего и не объяснять.

«Ну, вот такая дурацкая есть черта у воспитанных людей – всё время внутренне следить за правильностью каждого поступка по отношению к другим людям. И это, как правило, очень мешает жить».

Гойя улетала на несколько дней и оставляла няне инструкции на все случаи жизни. Так было каждый раз, и всё равно для обеих это было частью ритуала прощания – заново записать все номера телефонов, проговорить, «что делать, если».

Лив! Почасовой график жизни девочки на каждый день, лекарства, витамины, обеды, ужины и вкусности, на которые надо было накладывать запрет. Но няня постоянно, как факир, из ниоткуда доставала какие-то конфеты, печенья, сладости.

Вода, свет, газ, отопление, потоп, внезапное похолодание, возможный обвал крыши или стен при землетрясении и т. п.

Многочисленные животные, которые населяли дом Гойи, – про каждого в отдельности:

- пара белых горлиц – однополых, но регулярно несущих никому ненужные яйца, – которые умели «смеяться» резким ехидным человеческим смехом и делали это всегда удивительно кстати, словно они и вправду понимали, о чем говорят люди;
- большая волосатая черная морская свинка Чарли, которую периодически приходилось брить, потому что иначе даже ей самой переставало быть понятно, где у нее голова, а где зад. Свинка умела издавать смешной звук модема, словно подключалась к какой-то невидимой сети каждый раз, когда Гойя шуршала пакетиком с зеленым салатом;
- кролик, который когда-то был ярко-синего цвета, и Лив получила его в качестве гонорара за участие в одном из проектов Гойи, где она удачно сыграла роль расколдованной из этого синего кролика принцессы. Синий цвет с кролика сошел за месяц, теперь он был совершенно белый и жил тихой жизнью в клетке под лестницей;
- кот, тот самый, который эмигрировал к соседям и теперь официально проживал и столовался там, но частенько приходил навестить бывших хозяев, чем вызывал бурю возмущения у собаки по кличке Жулик, которая не успокаивалась и гонялась за ним до тех пор, пока кот не убежал с территории сада за калитку;
- собака Жулик породы джек рассел была маленькой и очень шустрой, она умела очень высоко подпрыгивать и повисать на дверной ручке, умела ловко закапывать все украденные предметы в саду и еще ловить крыс. Также она умела забираться на широкую спину своего друга Сухарика и стоять там достаточно долго, чтобы все обратили внимание;
- пес Сухарик, смешной толстый английский бульдог невероятной доброты и редкой позитивности, много и смешно спал в любых позах – лежа, сидя и даже стоя, положив большую тяжелую голову на ступеньку лестницы. Сухарик умел громко храпеть, кашлять, чихать и издавать все различные звуки, которые может извлечь из себя живой организм. Жулик для него была не просто подругой, но и старшей сестрой, которой он прощал все пакости и спокойно принимал ее превосходство во всем;
- рыжий кот по имени Мех жил исключительно на втором этаже дома, иногда вылезая на крышу погулять. Меха на нем было очень много. Замучив-

шись его расчесывать, Гойя в один прекрасный день превратила Меха в льва, сбрав с него всё лишнее, оставив шикарную рыжую гриву на голове и милую кисточку на хвосте. Мех долго привыкал к новому образу, но потом полюбил его и, когда шерсть отрастала, жалобно мяукал и ждал новой стрижки. У него появились львиные повадки, он перестал суетиться, передвигался медленно и значимо. Короче, полностью вошел в образ;

- попугай Рики, что жил на чердаке дома Гойи. Когда его купили, была идея завести ему подружку, но как-то со временем идея эта была заброшена, а потом и вовсе отпала, так как Рики уже привык жить самостоятельно в огромной клетке с кучей игрушек. Он не любил одиночества, и, когда Гойя уезжала, нужно было, чтобы днем рядом с Рики работало радио.

Несмотря на то что все присутствующие в доме животные обладали совершенно разным интеллектом, и общение с ними было разным, для Гойи они все были членами ее семьи, все разные, но важные и любимые. Няня пыталась изо всех сил это понять, но не могла. Поэтому просто ухаживала за ними, когда Гойя уезжала куда-нибудь.

Гойя любила ее, она была рядом с рождения Лив, и ее простая жизненная мудрость всегда успокаивала Гойю, так как она понимала именно то, что Гойя никак не могла принять и усвоить, – приземленность.

Вектор ее жизни определился в тот день, когда она первый раз влюбилась, и предмет ее любви пригласил ее на свидание. Ей тогда было семнадцать лет, а свидание он ей назначил почему-то на кладбище и почему-то в полночь. Ей было очень страшно туда идти, но ради любви она пересилила страх и ночью пришла на кладбище к могиле, где он должен был ее ждать. Но мальчика на могиле не оказалось, зато там ее поджидал пакет, весом в один килограмм, с конфетами «Мечта». С тех пор она к жизни относилась сложно и предпочитала заботиться о других, нежели о себе самой.

Шаг 24

воскресенье,
29 сентября 2013 года

Мы перестаем бояться монстров
в шкафу, когда сами ими становимся.

*Мысль, высказанная
психотерапевтом*

А еще Гойя никогда не могла понять, почему каждый раз в самолете стюардесса сообщает о том, что нельзя курить, только после того, как самолет уже взлетит. Словно, если об этом сообщить пассажирам до взлета, то половина из них передумает лететь.

Перелет был сложный, с пересадкой и долгим ожиданием. В самолете сильно трясло, и бесконечно плакал ребенок. Гойя никак не могла заснуть.

Фрида выглядела уставшей. Во время пересадки они пошли в кафе.

– Как полет? Ты хоть немного поспала? – Фрида смотрела тяжело и как-то мимо.

– Из-за криков ребенка я вообще не смогла заснуть. Не понимаю, как матери не удалось за столько времени его успокоить.

Фрида молча подняла бровь. В глазах читалось недоумение.

– Гойя, какой ребенок?

– Постойте, вы шутите? Вы же сидели через ряд от меня! – Гойя не могла поверить своим ушам. – Всю дорогу ужасно кричал ребенок на три ряда спереди от нас.

Фрида закрыла глаза и молча откинулась в кресле.

Ирма вернулась с горячим кофе.

– Ирма, ты слышала крики? – Гойя не могла угомониться. – Всё время плакал какой-то малыш рядом с нами. – Гойя пристально смотрела в глаза коллеге.

– Я спала полдороги, а когда проснулась, никто не плакал вообще. – Ирма счастливо потянулась и улыбнулась Фриде. Та собралась улыбнуться в ответ, но передумала, увидев лицо Гойи.

– Гойя, может быть, ты просто уснула, и тебе это всё приснилось?

Гойя сидела, задумавшись. Настроение испортилось, и она не понимала, как его поднять.

– Пойду поищу «курилку». Ужасно курить хочется. – Гойя тяжело поднялась. – Я не спала. И ребенок плакал на весь самолет и всю дорогу.

Ирма и Фрида смотрели ей вслед, не произнеся ни слова.

– Пойду пройдусь. – Фрида кивнула и пошла осматривать местные бутики.

Ирма осталась возиться с телефоном – она писала сыну как минимум десять смс в день.

Гойя оказалась в «курилке», окруженная со всех сторон людьми в длинных черных балахонах. Они были герметически закрыты, как чехлы для фотоаппаратов, от них не исходило никакой энергии – ни плохой, ни хорошей.

«Странно, – подумала Гойя, – энергия проходит без проблем сквозь любую одежду. Но тут люди сознательно и изнутри делают всё, чтобы их не “считывали”: одинаковая, полностью закрывающая их одежда, похожая на кокон, в который они складывают все свои личные эмоции. И ничего наружу».

Гойя ощущала, что длина взгляда тут гораздо короче, чем у европейцев. Она выявила закономерность: у каждого народа есть своя длина взгляда – временная протяженность, которая считается приличной и не вызывает сильную эмоцию с другой стороны при взгляде глаза в глаза. Тут порог наступал практически мгновенно, и Гойя физически ощущала, когда именно надо опустить глаза, чтобы человек не подумал или не понял того, чего нет.

«То есть поток энергии выключен сознательно, но при включении открывается сразу на полную катушку, поэтому люди стараются его вообще не открывать без надобности, – Гойя удивлялась всё больше. – В Европе совсем по-другому – люди без конца перебрасываются своей энергией по поводу и без повода, как правило, негативной, но иногда и позитивной. Просто потому, что это называется общением в социуме. Люди отдают свою энергию под понятия приличия, вежливости, лояльности, и при этом никто не знает, что они думают на самом деле. Обществу это неинтересно, обществу важно, что люди выстраивают культурный обмен энергией, построенный на штампованных фразах в заранее прогнозируемых и модулируемых ситуациях. И тратят точное количество энергии в день, а потом набирают эту энергию из тех продуктов потребления, которые им предлагает супермаркет».

Тут всё было совсем по-другому, и это ужасно ей нравилось.

«А как же ребенок, который плакал? – Внутренний голос никак не хотел ее отпускать. – Да, плакал. Просто Фрида была в своем мире и не слышала, а Ирма вообще полдороги спала и тоже не слышала. И нечего из этого делать драму. Но ты же слышала его? Они должны были тоже его слышать. Возможно, я слышала потому, что думала об этом, и потому, что я не спала, а ребенок плакал, не умолкая, и в какой-то момент ты не можешь уже отрицать, что он плачет, а они слышали урывками – когда просыпались или начинали думать о происходящем, и это событие не оставило следов на их психике. Это нормально».

Гойя безрезультатно искала все возможные объяснения этой ситуации и наконец решила, что успокоилась.

Второй перелет был короче и прошел без приключений.

Она забыла об этой истории, как только открытый, цвета хаки джип доставил их на место проведения праздника.

Шаг 25

среда,
2 октября 2013 года

В мире нет ни одного человека, говорящего на моем языке; или короче: ни одного человека, говорящего; или еще короче: ни одного человека.

Владимир Набоков

Гойя первый раз в жизни оказалась в настоящей пустыне. Руб Эль Хали в переводе с арабского означает «Пустая четверть». Со всех сторон теперь ее окружала бескрайняя песочная равнина, на горизонте темнели одинаковые, словно нарисованные горные хребты.

Лагерь разбили рядом с поселением Мариб, состоящим из неровных серых каменных построек. В поселении обитали всего шестьсот жителей-бедуинов, которые выращивали кукурузу и водили через пустыню караваны верблюдов. В центре располагалась старая военная крепость.

Бедуины рассказывали, что когда-то тут был цветущий сад, но, видя эти бесконечные песчаные дюны, кое-где оживленные кусками разбитых колонн и обломками каменных плит, Гойя никак не могла себе этого представить.

Переводчик, который помогал Гойе в общении с организаторами, был местным проводником-бедуином. Его звали Сирхан, что в переводе означало «Волк». Он рассказал Гойе, что все имена для бедуинов являлись защитными, они должны были отгонять злых духов. Ребенка называли именем, которое он носил только до семи лет. «Опять до семи! – подумала Гойя. – Фрида все-таки была права». После этого он получал другое, взрослое имя, но первоначальное имя оставалось с человеком навсегда. Оно считалось главным, и его нельзя было произносить вслух.

Сирхан – это было его второе имя, и с этим именем был связан ритуал, по которому его, мальчика, заставляли спать на волчьей шкуре. Родители верили, что с помощью этого ритуала мальчик приобретет силу и выносливость волка, и этот зверь будет защищать его от злых духов всю жизнь.

Несмотря на свой вполне молодой возраст, Сирхан носил длинные волосы и бороду, которые всегда были покрыты белым налетом песочной пыли. На плече у него висела старая бельгийская винтовка, ствол которой был заткнут деревянной пробкой, а магазин и затвор заботливо обернуты серой тряпчочкой.

Его светло-голубые глаза смотрели внимательно и спокойно, он почти никогда не улыбался, а если улыбался, то только самому себе без особой на это внешней причины.

Он рассказывал о пустыне как о своем доме, где ему был знаком не только каждый камень, но и каждое ощущение.

Красота этого фантастического пейзажа была почти космическая. Для Гойи, которая в быту окружала себя плотным кольцом разнообразных предметов,

рассказывающих ей свои секреты, эта гигантская пустота была удивительна. Пустыня манила и пугала одновременно, присутствие людей рядом было не просто приятным, оно давало право безнаказанно наслаждаться великолепием этого пространства, не боясь его.

Монтаж декораций продолжался три дня. За эти дни Гойя успела сдружиться с архитекторами и декораторами, послушать несколько красивых арабских сказок, которые чудесно рассказывал Сирхан, и полюбоваться восходом и закатом солнца, которые, как ей казалось, каждый день были совершенно разными.

Фриду она почти не видела. Та, надев белый длинный балахон с капюшоном, уходила бродить по дюнам и возвращалась только на закате.

Куда в пустыне можно было ходить – Гойя не очень понимала, но спросить не решалась.

Люди работали с утра и после захода солнца до глубокой ночи. В самые жаркие часы дня лагерь словно вымирал.

Ирма страдала от отсутствия связи и интернет-сообщений от сына, мечтала о шопинге на обратном пути и ждала арабского принца на белом коне, который должен был на закате прискакать за ней по барханам прямо в лагерь.

Вечерами они пили вкусный зеленый чай и кутались в верблюжьи одеяла, которые им раздали в первый день. Ночи и вечера были достаточно прохладными. Удивительно было, как температура с тридцати пяти градусов днем могла падать до пятнадцати всего лишь за каких-то несколько часов.

Бедуины говорили, что в течение нескольких месяцев в году температура воздуха может достигать пятидесяти градусов. При мысли об этом Гойю начинало мутить.

За три дня местные организаторы умудрились построить великолепный шатер-дворец с тремя роскошными залами, интерьеры которых полностью закрывались декорациями, утвержденными Гойей еще дома.

Они полностью соответствовали тому, что предложила Гойя, и в некоторых случаях даже превосходили по своей роскоши и качеству ее ожидания.

Стены были задрапированы шелковыми и бархатными тканями с золотыми орнаментами. Потолок был сделан в виде звездного неба из темно-синего бархата на шелковой основе с вкраплением малюсеньких мигающих огоньков.

Пол покрыт огромными коврами ручной работы, которые бережно укладывались на красивый деревянный паркет, сделанный из разных пород дерева, образующего красивые узоры и формы.

Понять, как в таком месте, где вода является роскошью и нет ничего, а через три дня вдруг появляется просто всё, европейскому человеку было не по силам.

Но для арабов это казалось абсолютно привычной ситуацией. Они относились к пустыне не как к чему-то страшному, а как к белому листу, на котором можно было нарисовать всё что угодно. Главное – иметь красивую заготовку, и она у них была.

За день до праздника приехали четыре европейских шеф-повара, двух Гойя знала лично, ей приходилось уже с ними работать. Двое других работали на принца и знали его вкусы.

X V I I I I

СОЛНЦЕ

Шаг 26

суббота,
5 октября 2013 года

Жить – это сжигать себя
и все-таки не сгореть.

Фридрих Ницше

С утра в день мероприятия подтянулись флористы, и в воздухе запахло раем. Несмотря на то, что связь была очень плохой, никто никуда не опаздывал, всё привозили и устанавливали вовремя.

Для многочисленных артистов был простроен целый город, состоящий из небольших шатров. Специальная команда обслуживала только эту территорию и отвечала за то, чтобы каждый артист получил всё четко, согласно райдеру.

Репетиции проходили тяжело, днем жара была невыносимой, для местных жителей это было нормой, но Гойя просто физически ощущала, как солнце беспощадно забирает у нее силы.

Ни о каких сигаретах и подумать было нельзя. Казалось, что только от одной затяжки ее легкие взорвутся в ту же секунду.

«Нет худа без добра, – думала Гойя. – Может, курить брошу».

Сам праздник начался на закате. Гости летели из столицы на вертолетах, а последние километры преодолевали на машинах и верхом, чтобы не поднимать песок вокруг шатров.

Гойю удивляла эта нестыковка между тем, что было снаружи, и тем, что ждало гостей внутри. А внутри залы были украшены в стиле итальянского палаццо с пухлыми золотыми херувимами по углам и резной мебелью в стиле барокко. Столы были накрыты по-королевски, мелькали официанты в венецианских масках.

Снаружи же была совсем другая цивилизация и культура, гораздо древнее той, которую привезла с собой Гойя. И эта культура словно насмеялась над всем, что было внутри. Она была настолько всеобъемлющей и великолепной в своей правильности, что все красоты надуманного стиля выглядели, как жалкая мишура.

Но, видимо, так казалось только Гойе, потому что прибывающие гости, попадая внутрь шатров, радовались как дети, цокали языками и восхищались красотой интерьеров, с удовольствием примеряли маски и вживались в европейские исторические костюмы, которые Гойя привезла с собой и доставила каждому гостю личным курьером.

Фрида была одета в королевское платье ярко-алого цвета – казалось, что она родилась в нем. Так вроде бы говорят, чтобы сказать, что человек очень комфортно в чем-то себя ощущает.

Удивительно, что тут никто не бежал. Гойя, привыкшая к тому, что надо носить по всему периметру мероприятия, должна была заставлять себя

двигаться плавно, не торопясь. Ей это очень тяжело давалось, зато Ирма была счастлива. Она по природе была спокойнее, и ей всегда нужно было себя подстегивать, чтобы быть в одном ритме с Гойей.

Женщины собирались в отдельном зале, закрытом для мужчин на первую половину вечера. В королевских костюмах и масках они выглядели совсем по-европейски, несмотря на то что некоторые из них поверх платья и маски надевали полупрозрачную вуаль.

Фанфары обозначили приезд принца, все гости застыли в почтительном реверансе. Гойя увидела стройного, высокого человека в полумаске и черном плаще, с правильными, властными чертами лица, темными прямыми волосами, резкими, уверенными движениями.

«Точно принц!» – подумала Гойя с восхищением. Оркестр грянул музыку в тот момент, когда принц подошел к трону, установленному во главе королевского стола, и сел.

Немедленно из четырех углов зала выбежали танцовщицы, закутанные в нежные складки шелковых тканей. Они танцевали, как языки пламени, взмахивая руками, ткань взлетала вверх и плавно скользила волнами вниз, чтобы снова взметнуться при повороте. Зрелище было завораживающее.

Фрида, сидевшая в глубине шатра, поманила Гойю к выходу. Та выключила рацию и пошла за ней.

– Ты скоро вернешься? – Ирма перехватила ее взгляд.

– Да, через десять минут, мне надо поговорить с Фридой. А что?

– У тебя сейчас было такое лицо, словно ты шла на казнь.

«Знала бы ты... Да, я иду каждый раз на казнь», – Гойя попыталась улыбнуться в ответ, но вышло неважно.

Она пошла в сторону выхода, ощущая на себе взгляд Ирмы.

Фрида ждала ее рядом с небольшим шатром артистов.

– Здесь никто нам не будет мешать. Я договорилась с охраной.

Фрида зашла первой, уселась на низкий пуф.

Гойя, которой по ситуации пришлось нарядиться в длинную пышную юбку, никак не могла устроиться удобно. Пройдя два метра внутри шатра, она хитрилась опрокинуть два стакана, стоящих на низком столике, стул и сесть мимо пуфа. Фрида молча наблюдала за ней, сложив руки на коленях. Наконец, Гойя поднялась с пола, вернула пуф на место и села.

«Черт! Спину зажала», – подумала Гойя, прислушиваясь к нарастающей боли внизу спины.

– Спиной займемся после. – Фрида достала из сумки маленькую фляжку и протянула Гойе. В ней оказался на удивление холодный зеленый чай.

Гойя завинтила крышку, вернула флягу Фриде. Та сняла с шеи медальон и положила себе на колени.

– Я всё время хочу вас спросить об этом медальоне. – Гойя, наконец, осмелилась заговорить о том, о чем хотела узнать с самого начала их знакомства.

– Это фамильная реликвия, – просто ответила Фрида. – Очень старая. Она называется «Глаза влюбленных». – Фрида задумчиво улыбнулась, словно вспоминала что-то приятное.

– Глаза влюбленных? Красиво! Значит, на ней изображен глаз женщины, которую кто-то очень любил? А на обороте?

– Это локон ее волос. – Фрида перевернула медальон и нежно погладила прядь. – Ну, мы можем работать теперь?

Гойя кивнула. Фрида взяла в руки медальон и поднесла его к лицу.

На какое-то мгновение перед глазами возникло лицо Лив. Она в испуге смахнула видение, словно боялась, что и Лив увидит то, что должна увидеть она.

Голос Фриды звучал ровно, в такт дыханию пустыни. Гойя ощутила себя одинокой и маленькой в огромном космосе песков.

«Всю жизнь я задаю себе вопрос: а имею ли я право на существование в этой жизни? А вдруг нет? И это не банальное чувство вины, которое испытывает каждый второй интеллигентный человек. Это гораздо глубже. Я существую для того, чтобы дарить свою энергию людям и приносить им добро. В этом мое предназначение. А если вдруг я не могу дарить людям энергию, то зачем я вообще тогда нужна? Тогда меня срочно надо заменить на кого-то другого, кто сможет достойно выполнить мою миссию, а меня – выгнать в другую галактику».

Ее обдало жаром, потом появился отвратительный запах страха и паленой краски. Гойя закашлялась, глаза защипало, она была окружена пеленой темно-серого плотного дыма, сквозь который то тут, то там вспыхивали языки пламени. Большой трехэтажный дом горел сразу повсюду, из всех девяти окон огонь яростно пытался вырваться наружу. Вокруг дома бежали люди с ведрами, бешено лаяла собака. Гойя смотрела на огонь, а внутри возникало смешанное чувство ужаса и злорадства. Словно огонь избавлял ее от какой-то невыносимой ноши. Там, в недрах этого объятых огнем дома сгорал кто-то, кто отравлял ее существование до сих пор, и на фоне отвращения зарождалось ощущение будущего покоя.

«Теперь всё у нас с тобой будет по-другому. Без твоей матери, которая всегда меня ненавидела и делала всё, чтобы мы расстались! Я не виновата, что она заснула с зажженной свечой. Я могла бы и не заметить горячей свечи, то есть... что это я? Я не заметила горячей свечи, и вот результат! Какой ужасный конец – сгореть во сне...»

Крики людей заставили отвлечься от мыслей. Гойя стояла в толпе людей, набросив шубу поверх ночной сорочки.

Перед домом в бессмысленной агонии метался человек в черном распахнутом пальто, из-под которого торчала полосатая пижама. Двум мужчинам удалось схватить его под руки в тот момент, когда он попытался броситься в огонь.

«Потом тебе станет легче. Вот увидишь! Мы заживем счастливо без нее. Она всё портила, она нам мешала. Потерпи, любимый!»

Голос внутри Гойи слегка дрожал, но говорил спокойно и уверенно. От этого хладнокровия Гойе стало не по себе. Она вырвалась наружу из чужого тела и всмотрелась в лицо этой женщины.

«Неужели эта женщина имеет ко мне отношение? Неужели нельзя ничего сделать и помешать ей в том, что она сотворила?»

Человек в пальто осел на землю и зашелся рыданиями, его тело сотрясало от плача.

Гойя вернулась в тело женщины и подошла к нему, села с ним рядом и обняла за плечи. Обняла со всей любовью, на которую она, Гойя, была способна. Стала шептать какие-то слова, успокаивать.

Человек затих, прижался колючей щекой к ее груди.

«Мама...»

Фрида громко хлопнула в ладоши, и Гойя, вздрогнув, открыла глаза.

Она сидела, завернутая поверх вечернего платья в верблюжье одеяло, всё лицо было мокрым от слез.

– Я испугалась за тебя и решила, что пора возвращать. Прости, если получилось резковато. – Фрида снова протянула ту же фляжку. Чай был по-прежнему ледяной.

Гойя плакала и не могла остановиться. Она плакала, как тот ребенок в самолете, – громко, в голос. Из нее выходило всё, что накопилось с самого начала.

Фрида неподвижно сидела рядом.

В шатер без стука вошла Ирма. Она быстро подошла к Гойе и сгребла ее в охапку, спрятала на груди, сильно сжала руки вокруг ее плеч.

– Гойя, всё хорошо. Ты просто устала. Успокойся, пожалуйста! Мы скоро вернемся домой, и всё наладится!

Как ни странно, эти банальные слова помогли. Гойя перестала кричать, сжалась и замерла в ее руках.

Фрида встала и вышла на воздух, не сказав ни слова. В шатре внезапно потух маленький огонек лампочки, и наступили голубые сумерки.

Ирма достала пачку сигарет, зажигалку и вложила в руку Гойи.

– Помнишь, ты мне как-то говорила, что мы все приходим в жизнь за чем-то. Иногда мне кажется, что меня кто-то просит за тобой присматривать. – Ирма села на пуф напротив. Гойя удивленно посмотрела на нее.

«*Неужели ты как-то чувствуешь мой мир? Мне казалось, что ты живешь в другом мире, совсем другом, из которого нет коридора в мой. Только стеклянная перегородка, через которую ты можешь наблюдать и создавать себе неправильное мнение о происходящем*». – Гойя закурила, дым сладко перемешивался с запахом каких-то экзотических масел и убаюкивал.

– Как там обстановка? – Гойя прислушивалась к внешним звукам. Из главного шатра лилась нежная музыка и слышался гул голосов.

– Ой, там всё отлично! – Ирма оживилась, словно сразу скинула с себя пелену какой-то таинственности. – Ребята молодцы, никогда не видела такой слаженной работы. У них так всё иерархично, и удивительно, что это абсолютно всех устраивает.

– Может быть, в этом и есть залог успеха? – Гойя усмехнулась и вытерла лицо подолом платья. – Пойдем в зал, скоро начнут работать пиротехники.

Обе встали и пошли к выходу из шатра. Фриды нигде не было видно. Гойя включила рацию, вызвала технического директора.

– Лу, как дела? Вы готовы?

– Ага, всегда готовы! – услышала она знакомый голос. – Как сказал Сирхан, если пустыня не рассердится, то всё пройдет хорошо. Сидим тихо, матом не ругаемся, стараемся никого не сердить.

– Я подойду сейчас.

– Не беги только, песок может в глаза попасть.

Гойя оставила Ирму около главного шатра и побежала в сторону технического.

Несмотря на открытые шторы на входе, в шатре техников стоял вязкий запах канабиса.

– Понимаю, почему тебе всё нравится. – Гойя скривилась. – Мы же договаривались, Лу...

– Мы договаривались, что я тебя не подведу. И я тебя не подведу. – Лу взглянул на нее глубокими, расширенными от мирового прилива нежно-стиглазами. – Чтобы правильно влиться в ритм, надо идти в ногу с ритмом.

Гойя знала, что он не подведет, это правда. Сколько они проводили мероприятий, Лу мог не спать по трое суток, не есть, почти ничего не пить. Но не курить он не мог. Словно это и было его горючим, которое останавливает бестолковую внутреннюю панику и сомнения и настраивает на то самое состояние, при котором ты не можешь помыслить, что кто-то или что-то может тебе помешать.

– Я знаю, Лу. Во мне просто говорит обыватель.

Гойя вышла из шатра на воздух: небо было усыпано звездами, неприлично большими и тут же рядом удивительно маленькими, похожими на небесную пыль.

Сзади кто-то тихо подошел, она ощутила его присутствие не слухом, а движением воздуха. Гойя обернулась. В трех метрах от себя она увидела высокий мужской силуэт, освещение не позволяло рассмотреть черты его лица. Мужчина выглядел европейцем, несмотря на костюм восточного принца, который ему очень шел.

– Простите. – Приятный голос, с нотками власти, но без агрессии, человека, снизошедшего до просьбы, не привыкшего просить. – Добрый вечер.

– Добрый вечер. – Гойя сделала шаг ему навстречу и увидела лицо – незнакомое и нейтральное, лицо человека, который умеет его «делать». – Мы знакомы?

– В некотором роде. – Человек изобразил любезную улыбку. – Мой друг, для которого вы организовали этот праздник, посоветовал с вами побеседовать.

Гойя напряглась, как струна: «*Пятый проект – возможно, это он и будет*».

– Я вас очень внимательно слушаю и буду рада быть вам полезной.

– Думаю, разговор будет долгим. – Человек говорил чуть-чуть быстрее, чем позволяла ситуация, и этим выдавал свое волнение. – Если коротко, я хотел бы, если возможно, ангажировать вас для организации очень важного мероприятия. Оно должно состояться через три месяца. Это небольшой срок, поверьте, чтобы придумать и реализовать проект такого масштаба. Я понимаю, что вы сейчас заняты. Давайте договоримся, что вы прилетите ко мне через неделю. Я буду ждать вас в Ханое, мы покроем все ваши расходы. Там и поговорим, если вы, разумеется, согласны взяться за эту работу.

«*Почему он волнуется? Боится, что я откажусь?*» – Гойя не понимала, но волнение это почему-то передалось и ей, и она так же быстро ответила:

– Конечно, я с удовольствием прилечу. Никогда не бывала во Вьетнаме.

– Вам понравится, вот увидите. Если у вас будет немного времени, я покажу вам много интересного. Возьмите мою визитку, на ней есть номер моего телефона для связи. Мой помощник пришлет вам всю необходимую информацию.

Гойя достала из маленькой сумочки, висящей на поясе, свою визитку и протянула в обмен на плотную карточку с золотым кантом, которую человек мягко вложил ей в руку.

– Спасибо вам за доверие, я буду очень рада работать над вашим проектом.

– Ну, вот и отлично. А теперь, я так понимаю, должен быть финальный аккорд, не буду вам мешать. – Он кивнул куда-то в сторону, Гойя обернулась, технический директор делал ей жесты руками и, судя по всему, уже не первую минуту.

– Да, простите, меня зовут. Спасибо еще раз. Я прилечу.

Гойя пожала его жесткую руку и побежала к Лу.

– Ты рацию зачем выключила? Все ждут отмашки на фейерверк.

Гойя проверила рацию – звук, канал. Рация отлично работала.

– Гойя, до тебя не достучаться! Что у тебя с рацией? – Ирма вбежала, запыхавшись. – Там все местные построились и ждут твоей отмашки. а тебя нет.

– Рация работала всё время, ребята, я ничего не понимаю! – Гойя растерянно крутила ручки и колесики. – Бог с ней, времени нету. Все вышли из шатра?

– Все перед шатром, именинник на той точке, которую мы определили. Всё готово.

Гойя вглядывалась в небо. Не рано ли вышли? Она поднесла рацию к губам, коснулась шершавой пластиковой поверхности, пахнувшей проводами и дымом. Застыла. В голове проносились отрывки музыки, голос переводчика, рассказывающий восточные сказки, рукопожатие нового знакомого.

– Ребята, все готовы? – Гойя говорила по-английски с акцентом, но арабы тоже говорили с акцентом, поэтому никто по этому поводу тут не напрягался.

По рации один за другим коллеги отзывались лаконичным – «yes».

– Тогда – топ!

Гойя смотрела на горизонт.

Там песок становился темно-синим, он пропитывал небо в том месте, где солнце прикасалось к нему, ядовито-лимонным цветом.

Чистые звуки музыки разбудили душу. Небесная сфера нежно обняла пустыню, коснулась ее щеки, закрыла глаза, затем внезапно вспыхнула красными языками пламени сразу в девяти местах и рассыпалась на множество огней.

Шаг 27

воскресенье,
6 октября 2013 года

«...с маленькой смертью встреча».

Гарсиа Лорка

Маленькая смерть собаки.

Маленькая смерть птицы.

Нормальные размеры
человеческой смерти.

Иосиф Бродский

Самолет приземлился в аэропорту глубокой ночью.

У них были места в разных концах салона, и Гойя встретила Фриду и Ирму только по прилету. Она в душе была этому рада, ей хотелось побыть одной. Гойя пыталась сложить в одну картину все увиденные и пережитые истории своих предков, но у нее не получалось.

Фрида, казалось, даже не удивилась рассказу о ночном незнакомце и приглашению в Ханой. Просто задумалась, а потом быстро сказала:

– Ну, вот и последний проект. Всё по плану. Отдыхай и готовься.

Последняя прожитая ею история застряла где-то в глубине души, не желая быть ни понятой, ни прощенной. Гойя вдруг осознала, что внутри нее самой находится ЧТО-ТО, что невозможно обхитрить, уговорить, заставить думать иначе. И еще она поняла, что это ЧТО-ТО – намного сильнее ее той, которой она себя знает.

Очевидно, было бы проще, если бы ОНО было однозначно враждебным, то есть инакомыслящим, не согласным с ней, единственной и неповторимой. Тогда ЕМУ можно было бы объявить войну и выиграть ее. Но, несмотря на то, что ОНО было совсем другим, упрямым, прямолинейным и в некотором роде даже каким-то примитивным, Гойя не могла с ним воевать: их объединяла как минимум одна, но очень важная составляющая – они изо всех жизненных сил любили Лив.

Попрощавшись со всеми, Гойя прыгнула в машину. Старый, со всех сторон раненный и заштопанный джип взревел и рванул с места.

Она ехала в темноту под проливным дождем навстречу своему дому и Лив. В это время на дороге было мало машин. Мысли лезли в голову самые разные. Гойя вспоминала детали встречи с новым заказчиком. Его голос, выражение глаз. Внезапно машина стала двигаться самостоятельно. Она ощутила, что больше не управляет ни рулем, ни тормозом.словно оторвав колеса от асфальта, машина начала вырисовывать на дороге сложные зигзаги. Гойя пыталась удержать руль в одной позиции, и ей удалось снова выровнять машину по центру шоссе. Выдохнув, она попробовала нажать педаль газа и поняла, что машина стоит на нулевой передаче. Для того чтобы включить

скорость, Гойе надо было всего лишь нажать тормоз и переключить рукоятку передач в позицию «Старт». В этом не было ничего сложного, тем более что опасность была уже позади. Гойя надавила на педаль тормоза. От сильного удара ей показалось, что машина стала почти мгновенно. Несколько секунд она еще сидела, зачем-то крепко сжав руль пальцами и стиснув зубы. Потом, как в замедленной видеозаписи, вышла из машины. Сзади, в трех метрах от нее, дымились остатки того, что всего минуту назад было автомобилем: груды помятого металла издавала зловонный запах.

Гойя метнулась к машине, на белой подушке переднего эйрбега лежала окровавленная голова девушки. Спутанные волосы закрывали лицо. Гойя рванула помятую дверцу, но она не открывалась.

«Сейчас взорвется», – подумала Гойя. Дым из-под капота становился всё гуще и черней. Дождь пошел сильнее, из кармана на мокрый асфальт выпал телефон. Гойя снова схватилась мокрыми пальцами за ручку дверцы.

«Я ее открою, потому что в фильмах всегда так», – Гойя рванула что есть силы, и дверца поддалась.

Из динамиков лилась мелодия знаменитого «медляка» восьмидесятых: «Я больше никогда не буду так танцевать».

Она схватила девушку за безжизненно повисшую руку. Та была без сознания, ноги прижало сплюсненным от удара капотом. Гойя обхватила ее подмышки и потихоньку стала вытаскивать из машины. Девушка застонала.

– Всё хорошо, милая, не бойся. – Гойя разговаривала сразу с девушкой, с собой и с Лив, которая капризничала и не хотела кушать макароны. – Сейчас мы отойдем отсюда побыстрее, и всё будет хорошо.

Она тащила девушку прочь от машины, ноги ее в тяжелых кожаных ботинках волочились по земле, и ей казалось, что они всё еще недостаточно далеко. Оказавшись на расстоянии более двадцати метров от машин, Гойя поняла, что ей придется вернуться за телефоном, чтобы вызвать полицию и скорую помощь. Оставив девушку на обочине, она побежала обратно. Поскользнулась, упала в лужу, вскочила, добежала до машины, подобрала мокрый телефон и вернулась к пострадавшей. Ей вслед пел нежный мужской баритон.

«Внезапно, никакого логического движения и смысла. Один хаос.»

В состоянии полного стресса мозги работают на запасном аккумуляторе, вынужденном в XX веке до нашей эры и, скорее всего, в странах третьего мира...»

Все нужные номера телефонов вылетели из головы. Она нажимала все возможные комбинации: 12, 13, 18 и наконец, по чистой случайности, попала в полицию. Но как им объяснить, где мы находимся? Пока Гойя, заикаясь и путаясь в словах, объясняла полицейскому, что произошло, пока она пыталась убедить его в ответ на вопрос, где именно она находится, что он непременно должен увидеть ее точное месторасположение благодаря специальным приборам, которые все видят из космоса и которыми оснащена любая уважающая себя полиция, рядом остановилась полицейская машина.

Она повесила трубку и замахала рукой.

Полиция оказалась рядом случайно. Вообще-то это была криминальная бригада, которая охотилась на тигра, что сбежал то ли из цирка, то ли из зо-

опарка, а то ли из чьего-то частного дома. Гойе повезло, они быстро вызвали «скорую» и бригаду пожарных. Девушку перенесли на носилках в машину скорой помощи, где она пришла в себя.

Гойя забрала из машины ее сумку и достала оттуда ее телефон. Девушка казалась совсем молодой, в телефоне должны были быть номера родителей. Гойя стала пролистывать чужие номера телефонов.

– С вами всё в порядке? – К ней подошел врач, осмотревший пострадавшую девушку.

– Да, всё хорошо. – Гойя искала отца и мать бедной девушки.

– Вы уверены, что у вас ничего не болит? – Он смотрел внимательно, давая понять, что ему не все равно. Но сейчас Гойе было не до этого.

– Я не знаю... Нет, не болит. – Гойя наконец нашла нужный номер телефона и набрала его.

«Надо говорить спокойно, мягко, не заикаясь, чтобы не испугать этих людей».

Родители девочки приехали быстро. Гойя бросилась к ним, включив все рычаги заботы, вежливости и человеколюбия, на которые она была способна. Девочка пришла в себя, врачи сказали, что опасности для жизни нет, она не останется инвалидом, несколько дней – и поправится.

Но мать девочки, похоже, была настроена совсем по-другому.

После долгих извинений в адрес Гойи за ужасное поведение дочери она стала возмущенно обсуждать, какие нынче пошли ужасные дети. Оказалось, девочка работает в кондитерской, начинает работу в четыре утра. Мать недоумевала, какого черта она делала в два часа ночи на дороге. И вот теперь осталась без машины и не сможет ездить на работу, которая находится не в двух шагах от деревни, где они проживают, а аж в тридцати километрах.

– Так ей и надо! Пусть знает, как ночью шляться где попало! Пусть сама теперь выкручивается! – причитала мать девушки.

Гойя слушала эти возгласы, думая о том, как интересно у людей трансформируется чувство страха потери: у кого-то – в надежду, у кого-то – в ярость.

Полиция вернула ей документы, скорая помощь увезла девочку в больницу, пожарная служба потушила дымящуюся машину, и Гойя отправилась, наконец, домой с дрожащими руками и опустошенным, хотя совершенно бессмысленно, резервом энергии.

Шаг 28

понедельник,
7 октября 2013 года,
рано утром

Страх – это возбудитель трусости,
тормоз на пути к действию.

Соня, 8 лет

Няня не спала, несмотря на поздний час.

Увидев состояние Гойи, она быстро взяла из рук дорожную сумку, помогла ей снять ботинки и сказала самое главное:

– С Лив всё отлично, она поела любимые мясные котлетки. Я уложила ее спать вовремя, прочитав на ночь сказку.

Гойя влезла в старую мягкую пижаму и, тихонько приоткрыв скрипящую дверь спальни, проскользнула внутрь.

Только она уютно устроилась под одеялом, как под кроватью послышался странный чавкающий звук. Гойя нагнулась и увидела кошачью морду, перепачканную какой-то, по всей видимости, вкусной едой. Мех всегда ел очень неохотно, словно делая большое одолжение хозяйке. Удивленная таким аппетитом, Гойя вдруг подумала, что он ест пойманную мышь, и от этого сон как рукой сняло. Она бросилась под кровать доставать остатки, потому что спать сдохлой мышью под кроватью было совершенно невыносимо. К ее большому удивлению, под кроватью оказался склад круглых нянинных котлет в количестве шести штук.

«Странно, значит, Лив все-таки не съела их, а спрятала от няни, – у Гойи защемило сердце. – Что-то не так. Почему? Это всё из-за этой истории с поджогом дома». Гойю знобило. Она залезла под одеяло, построила себе из него кокон и попыталась согреться и уснуть.

Ночью ей приснился новый заказчик, он сидел почему-то на троне и смотрел на нее строгими глазами. Она удивлялась, почему он молчит, он должен был сказать ей что-то очень важное. Но Гойя боялась спросить. Словно внутренний голос ей говорил – не торопись. Если спросишь раньше времени, можешь всё испортить. Потом череда каких-то комнат, и она зачем-то оставила там Лив всего на минутку. Но, вернувшись за ней, уже не нашла ее там. Гойя стала бегать по комнатам и залам, громко крича и бросаясь к прохожим людям, но никто не мог ей помочь.

Какой-то человек намекнул, что пока ее не было – а не было ее очень долго (этого не может быть – всего на минутку отошла!), приходили какие-то люди и забрали Лив. Гойя, наконец, попадает в ту комнату, где ее оставила. Всё сломано, разбитая, изуродованная мебель, порванные шторы, разбросанные по полу вещи. В углу комнаты сидит, сжавшись в комочек на полу, Лив. Гойя бросается к ней и вдруг останавливается – она понимает, что это не Лив. Это просто ее оболочка. А Лив умерла. Крик души ее, она проваливается в какую-то черную дыру...

– Мам, ты подалок купила? – Лив теребила ее за плечо и заглядывала в глаза.

– Да, лапушка, купила. – Гойя пыталась прийти в себя, дышать ровно.

– А сего тада крисис? Я думала, ты забыла! – засмеялась Лив, соскочив с кровати.

– Стой! – Гойя успела ухватить дочь за краешек пижамы. – А кто котлеты спрятал вчера от няни? – Гойя старалась говорить строго.

Лив остановилась, и личико ее вдруг стало грустным.

– Я не хосю кусать. А она хосет мне давать, и, если не кусаю, она лугает.

– Милая, но надо было хоть одну-две котлетки скушать, а остальное можно было и котику отдать. Ты съела хоть одну котлету?

– Я не хосю кусать. И сяс не хосю.

– Если кушать не будешь, будешь болеть и подарки не сможешь посмотреть.

– Посему?

– Потому что сил не будет. – Гойя взяла ее на руки и понесла в душ.

Няне она ничего не сказала про котлеты, чтобы не расстраивать. Но сразу позвонила Фриде. Та долго не брала трубку, дозвонилась Гойя только к полудню.

– Фрида, это я. Как вы добрались вчера?

– Наверное, лучше, чем ты. По голосу чувствую. Что-то случилось?

– Да, Фрида, я вчера попала в аварию. Со мной всё в порядке, но девочка, которая в мою машину врезалась, в больнице с травмой головы.

– Да, вчера погода была не из лучших. – Фрида говорила каким-то заученным голосом.

– Фрида, причем тут погода? Ты хочешь сказать, что это случайность? – Гойя начинала закипать.

– Да, именно это я и хочу сказать.

– Но ты же сама говорила, что случайностей не бывает, всё связано!

Фрида выдержала паузу. Успокоила голос, включила важность.

– Предположим, не случайность. А тебе зачем знать досконально каждую деталь? Когда врач оперирует, он не говорит пациенту каждый раз о том, что он вот сейчас эту артерию берет, а теперь вот это вырезает, а теперь вот это пришивает. Ты же не врач?

– Да? А кто я? Неужели пациент? – Гойя перешла на крик. Она не могла успокоиться, ей начинало казаться, что произошел какой-то раскол, и доверие утеряно.

– Гойя, успокойся, пожалуйста! Мы обе устали. То, что Лив не покушала, не значит, что мы сбились с пути. Время идет, и мероприятия помогают нам двигаться настолько быстро, насколько возможно. Но болезнь Лив прогрессирует со своей собственной скоростью, она не пропорциональна нашей с тобой работе. Мы можем ускорить ее выздоровление или не ускорить его. Но это не означает, что надо опускать руки. Тебе вообще не надо об этом думать, тебе надо собраться для последнего проекта. Он будет самым тяжелым.

Гойя замолчала. Подавляя раздражение, она подумала, что по сути Фрида ведь права, и никто не обещал, что результат будет виден после каждого проекта. Она привыкла бороться за всё, и ей была понятна ситуация, когда любой бы опустил руки. Любой, но не Гойя.

– Прости, Фрида, ты права. Лив не кушает, и я нервничаю. Надо отдохнуть и успокоиться. Остался всего один проект. Я наберусь сил. Мне надо понять и переварить последнее погружение. Оно пока никак никуда не укладывается.

– Не торопись. Всему свое время.

– Спасибо тебе. Созвонимся еще. Пока!

– Пока!

«Мне нужно, чтобы всегда всё было быстро. А так не бывает. Я не умею терпеливо ждать. Надо учиться».

Гойя позвонила по телефону родителям девушки, чтобы узнать о состоянии ее здоровья. Девушка была в больнице и должна была там оставаться еще как минимум дней пять, но состояние ее не вызывало опасений.

Гойя обрадовалась. Ей всё еще продолжало казаться, что это ее вина в том, что девушка оказалась в больнице.

День прошел в домашних делах и тихой радости от ощущения дома и Лив.

Шаг 29

**вторник,
8 октября 2013 года**

Раскаиваться – значит прибавлять к совершенной глупости новую.

Фридрих Ницше

На следующий день с утра, подойдя к ванной комнате, Гойя увидела тельце кота, неподвижно лежащего на полу. Мех был мертв.

Она ощутила неприятный холодок на спине, глаза и руки стали мокрыми. *«Это котлеты? Для Лив? Нет, это просто совпадение. Она сама вчера ела те же самые котлеты, и с ней ничего не случилось».*

Гойя подошла к коту. Тот лежал, застывший, и смотрел ослепшими глазами в никуда.

«Бедный мой! Почему? Вчера же всё было хорошо. Надо срочно спрятать, чтобы не увидела Лив. Сказать, что Мех ушел, уехал к бабушке погостить, пока девочка о нем не забудет».

Гойя ожидала от рук отвращения, но они очень нежно подняли кота и понесли в ванную. Она достала чистое полотенце и уложила его посередине, края запахнула с двух сторон, чтобы получился конвертик.

Теперь Мех был похож на игрушечную кошку-куклу, которую укладывают спать.

– Вот и спи, мой хороший... – Слезы застилали глаза, Гойя стиснула зубы. В дверях появилась няня, подошла и вскрикнула, прикрыв рот ладонью.

– Надо закопать, пока не встала Лив. – Гойя поднялась, накинула старый халат и пошла в сарай искать лопату. Няня двинулась за ней, причитая по дороге на своем родном языке, на который она переходила только в минуты очень сильного эмоционального стресса.

Две женщины рыли яму в холодной каменистой земле сада. Лопата входила с трудом, руки соскальзывали. Они молча работали, тяжело дыша. Гойя отбросила лопату и стала рыть руками. Ей казалось, что так будет быстрее.

Кота похоронили через час, который ушел на то, чтобы вырыть в земле углубление размером с две обувные коробки.

Гойя оперлась перепачканными в земле руками на лопату и вдруг вспомнила женщину у горящего дома.

«Причем тут ты? – Она хотела было ее прогнать, но образ настойчиво возвращался. – Ну, допустим, что ты имеешь к этому отношение, – мысленно согласилась Гойя. – Тогда объясни, какое? Я не понимаю».

Голос Лив вывел ее из раздумий. Девочка стояла на крыльце дома в пижаме и мохнатых тапочках и махала ей рукой.

– Мам, ты сто делаес? Ты вся глянзая! Узе с утла! – Лив состроила строгую мордочку и покачала головой.

Гойя побежала к ней, подхватила на руки и понесла в дом.

– Теперь и ты будешь грязная! Вот смотри! – Пижама была уже вся в земле. Няня охнула, но не решилась отнять Лив у матери. Они так сильно прижались друг к другу, что, казалось, нет такой силы, которая способна их разъединить.

Шаг 30

среда,
9 октября 2013 года

«Дибук» в еврейском фольклоре – дух умершего, овладевающий телом и душой живого человека, говорящий его устами, но не сливающийся с ним. Согласно поверью, Дибук входит в тело человека, душа которого отягощена скрытым грехом.

Она стала готовиться к отъезду. Прочитала то, что удалось найти в интернете о Вьетнаме.

На визитке, которую ночной гость оставил Гойе, были указаны только номер телефона и электронная почта. И никакого имени. Гойя написала письмо на указанный адрес, и через сутки ей пришел электронный билет и короткая записка о том, что ее ожидают и встретят по прибытию.

Дни перетекали один в другой, Гойя не могла себя заставить позвонить Фриде.

Но через два дня Фрида позвонила сама.

– Как ты? – Гойя ожидала упрека, что не звонила, но его не было.

– Нормально, без изменений.

– А Лив? – Фрида произнесла ее имя как-то резко, или так показалось Гойе.

– Хорошо, только кушает не очень и уставать стала быстрее.

– После аварии ничего примечательного не случилось?

– Нет вроде. – Гойя почувствовала, как внутри что-то сжалось от слова «примечательного».

– Сожалею о коте, – Фрида запнулась, – сама «кошатница».

Гойе показалось, что именно Фрида виновата в смерти Меха. Это была странная идея, но она не могла от нее избавиться.

– Ты знаешь, что я думаю об этом? – Голос Гойи звучал спокойно.

– Да, знаю, но я ни при чем. То есть относительно ни при чем. Мы начали работу, сама идея которой нарушает движение энергии в пространстве. Такое нарушение не может остаться незаметным и безболезненным. Когда люди делают что-то, расходящееся с общим энергетическим потоком, первыми берут на себя удар животные. Функция любого домашнего питомца – максимально, насколько это возможно, отводить от своего хозяина все плохое и болезненное. Кот принял на себя то, что предназначалось тебе или Лив. То есть выполнил полностью свою функцию. Мне жаль, правда.

Гойя молчала. Фрида тоже замолчала. В трубке образовалась темная точка, из которой опять явился образ женщины у горящего дома.

– Фрида, меня преследует этот образ женщины, которая подожгла дом с кем-то внутри.

– Да, потому что ты не можешь ее простить и отпустить.

– Но как? Как это сделать? У меня не получается!

Фрида замолчала, собираясь с мыслями.

– Надо разговаривать со своим подсознанием. Попробуй, оно открывает-ся во сне. Задай ему вопрос, Гойя, другого пути нету.

Все последующие дни Гойя провела как в тумане. Она вставала утром с головной болью, плелась на кухню, варила крепкий кофе, кормила зверей. На улице шел постоянный занудный дождь, вода висела в воздухе в виде испарины и мелкой водной пыли. Казалось, что эта мокрая пыль проникала повсюду. Ночью ей снились странные сны – тяжелые и непонятные.

Время словно стало двигаться в новом ритме, слово оно застывало на месте, чтобы в последний момент, неожиданно сделать резкий рывок. И Гойя сама не понимала, как в этой пустоте с такой скоростью наступал вечер, а за ним приходила ночь.

Шаг 31

четверг,
10 октября 2013 года

Сновидения – это королевская
дорога в бессознательное.

Зигмунд Фрейд

Гойе снилось, что она ходит по городу в поисках большого куска мяса. Зачем-то ей очень нужно было получить этот самый кусок мяса. Магазин оказывался закрытым, и Гойя шла по улице дальше, думая, что же теперь делать. Потом появилась какая-то незнакомая женщина, которая откуда-то доставала этот самый кусок и вкладывала его в руки Гойи. Кусок был большой, розовый и тяжелый, и его не во что было завернуть. Гойя прижимала его к себе и торопилась домой. На руках был мясной сок. Домом оказывалась совсем чужая, узкая и тесная квартирка, в которой убирались две студентки. Гойя бережно клала кусок мяса на комод и начинала им помогать убирать квартиру. Потом спохватывалась, что надо убрать мясо в холодильник, но его уже на комод не было. Гойя в тоске думала, что придется идти на улицу и снова искать кусок мяса. Всё это было навязчивым и бесконечным.

Утром она позвонила Фриде.

– Готова к разговору? – Фрида казалась сжатой пружиной, которая только и ждала, что Гойя наберет ее номер, чтобы выплеснуть всё, что у нее накопилось.

– Фрида, я хочу поговорить про последний проект. Я завтра улетаю на встречу с заказчиком. И мне нужно знать твое мнение. – Голова раскальвалась после дурацких снов, и Гойя пыталась собрать мысли, но они все равно разбегались при каждом повороте разговора.

– Ты сама понимаешь, что это – самый сложный из всех твоих проектов и последний шанс помочь Лив.

– Фрида, этого можно было не говорить. – Гойя кусала губы – дурацкая привычка, каждый раз, когда ее что-то раздражало. – Я не самоуверенна, но я каждый раз отдаю всю себя каждому своему проекту и каждому заказчику.

– Кажется, ты не поняла меня. – Фрида, казалось, раскачивала ее внутренний стебель. – На этом мероприятии будут очень влиятельные и богатые люди со всего мира. Сложность работы с такими людьми заключается в том, что все они являются эгоцентриками по своей сути. Вся энергия, которую ты будешь им отдавать, будет падать в глубокий колодец их сознания, и обратно к тебе почти ничего не возвратится.

Гойя ощутила во рту вкус крови. Вспомнила сон, затем попыталась припомнить, бывали ли у нее мероприятия, на которых энергия к ней не возвращалась. И отчетливо поняла, что такого не было ни разу.

– Твоей энергии будет недостаточно, – продолжала Фрида. – Тебе необходимо искать помощи и поддержки в тех артистах, которых ты будешь

подбирать для работы на этом празднике. Это должны быть не просто талантливые артисты, а в первую очередь очень энергетически наполненные и энергетически щедрые люди, настолько погруженные в свое дело, что им не сложно отдать свою энергию, вложив ее в творчество.

– Ты хочешь сказать, они должны быть лучшими?

– Нет, Гойя, я хочу, чтобы ты слушала свою интуицию. Они должны быть погруженными в свое дело настолько, чтобы всё их существо и вся их энергия могли быть обращены в искусство.

Гойя прикинула, много ли таких людей вокруг нее. Да, безусловно, она знает лично много артистов и старается выбирать лучших из них. Она всегда понимала важность настроения артиста перед выступлением. Она понимала, что необходимо создать для артиста специальные условия, состояние восторга, легкости, чтобы на сцене он выдал максимальный результат. Именно поэтому она всегда пыталась убедить своих заказчиков не торговаться по цене с артистами, а как раз наоборот, немного переплатить, не выжимать из артиста все соки перед выступлением, а создать ощущение счастья. Тогда люди превосходят самих себя на сцене и творят чудеса. Но Фрида говорила немного о другом.

– Я должна руководствоваться только этим фактором? – тихо спросила Гойя.

– Только этим и ничем другим. Этот единственный фактор и есть твоя интуиция.

Лив принесла Гойе рисунок, который нарисовала ей в дорогу. На нем были нарисованы огромные цветы и круглые ягоды ярко-красного цвета. Внизу детской рукой было нацарапано «2016-2017».

– Что это, милая? – Гойя посадила Лив на колени и стала вместе с ней рассматривать рисунок.

– Это светлы для тебя. – Лив прижалась к матери и стала трогать ее волосы. Она всегда трогала ее волосы, когда волновалась.

– А почему год такой? Ведь сейчас еще не 2017-й? – Гойя удивилась.

Лив, казалось, на секунду смутилась, задумалась и потом уверенно сказала:

– Это стобы ты хланила до этого года, а потом я забелу облатно. Холосо?

А потом наступил день отъезда.

Шаг 32

Фантазия – это ткань для украшения существования души.

Соня, 8 лет

По каким законам природы два совершенно незнакомых человека в какой-то момент времени встречаются, и это определяет их дальнейшую судьбу – этого, наверное, до конца не понимала даже Фрида. Но так случается, когда должно произойти что-то важное. То, чем человек не умеет управлять.

Движение энергии в пространстве происходит по четко прорисованной схеме, строго соблюдая законы, по которым она существует. Эта схема едина для людей, животных, растений, она не делит их на более или менее совершенных. В этой схеме все равны, и всем начертан путь, который они должны пройти от начала и до конца. Конец – это узелок, который завязывается там, где кончается одна ниточка энергии и начинается другая, захватывая в себя главные составляющие предыдущей, чтобы их усовершенствовать или исправить на новом интервале пути.

На другом конце земного шара жил человек, мужчина, ему исполнилось пятьдесят лет, и звали его Платон.

В детстве Платон считал, что он Хелот из Лангедока, странствующий рыцарь. Он рано покинул дом родителей, блестяще окончил высшую школу экономики и стал видным политическим деятелем. За все годы студенчества он не приобрел ни одного друга, не влюбился ни разу. Ему не нравились шумные компании и веселые вечеринки. Ему казалось, что всё это – специально созданный антураж, чтобы отвлечь его от поиска главной цели.

Платон чувствовал, что он не такой, как все. Он ощущал некое предназначение.

Когда его партнер, принц Али пригласил его на свой день рождения, он впервые ощутил удивительное состояние легкости и волшебства: оно царило повсюду – программа праздника поражала своей гармонией и изысканностью. Декорации выглядели натурально и были выполнены со вкусом – ничего лишнего и раздражающего глаз. Музыкальная подборка была сделана настолько искусно, что ему показалось, что она угадывает его мысли и ловит его настроение. Артисты работали с энтузиазмом, и в зале царил атмосфера настоящего праздника.

Неужели арабы умеют такое придумывать? Платон нашел подходящую минуту и подошел к принцу.

– Я так рад тебя видеть. – Принц обнял его, как брата. – Боялся, что ты не вырвешься. Как тебе мой праздник? – Он не скрывал своей гордости.

– Это бесподобно, в Европе так не умеют. Видимо, сказывается волшебство «Тысячи и одной ночи». – Платон рассмеялся.

– А вот и не угадал! Это как раз сочетание двух культур. Я тебе всегда говорил, что это дает волшебные плоды. Всё исполняли мои люди, но сценарий и всю логистику придумывала девушка из Европы.

– Девушка? – Платон не смог скрыть удивления. – Ты доверил такой проект одной девушке? – Он не верил своим ушам. Он знал принца не первый год и бывал на его приемах, там всегда работали несколько профессиональных ивент-агентств, четко разделяющих между собой сферы ответственности.

– Да, Платон, девушка. – Принц потирал руки от удовольствия произведенного эффекта. – Нет, не думай, у нее есть свое агентство, совсем небольшое. Именно поэтому нужны были мои люди. Важны ее мозги и ее фантазия. Она мыслит иначе, чем другие, понимаешь? Не знаю, как сказать.

– Как ты нашел ее? – Платону становилось всё интереснее. Он словно гончая, взявшая след, боялся его потерять.

– Я увидел видеоролик одного из ее праздников и был так удивлен, что это вообще кто-то мог придумать, что пригласил ее к себе. И она сделала для меня это мероприятие. По-моему, совсем неплохо!

– Совсем, совсем не плохо, – пробормотал Платон. – Так, что ты сказал о том, что она что-то видит по-другому?

– Она ищет в людях, понимаешь? Она придумывает праздники, исходя из того, что она видит внутри людей. А она видит всё правильно.

– Как это «видит»? – Платон никак не мог поверить в удачу. – Что видит?

– Видит, что значит для тебя радость, что значит для тебя музыка, что значит для тебя красота.

– Познакомь меня с ней, Али, – попросил Платон.

Принц расхохотался, легонько пихнул друга в бок.

– Мы не в Европе, мой милый Платон. Я попрошу, чтобы тебя проводили к ней, сам познакомишься. Уверен, что для этого я тебе не нужен. Обещай только, что пригласишь на праздник, который она для тебя придумает! Я очень хочу увидеть, что она в тебе «прочитает».

Принц махнул рукой, не оборачиваясь, на ходу, и пошел к гостям.

Шаг 33

понедельник,
7 октября 2013 года

- Нельзя верить в невозможное.
- Просто у тебя мало опыта, – заметила Королева. – В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день. В иные дни я успевала верить в десяток невозможностей до завтрака.

Льюис Кэрролл,
«Алиса в Стране чудес»

Платон вернулся в Ханой в самых радужных чувствах. Он физически ощущал, что нашел последний элемент своего плана, и теперь его можно было, наконец, воплотить в жизнь. Будучи человеком осмотрительным, он не был еще до конца уверен, что эта девушка сможет создать и реализовать Тот Самый Праздник. Но, несмотря на это, интуиция ему подсказывала, что это был бы идеальный вариант: маленькое агентство, никому неизвестная девушка... Утечка информации может быть критичной, но с девушкой может приключиться все что угодно. Платон выпил стакан бульона и отправился в кабинет. Работал он по ночам с особым удовольствием.

Огромный кабинет Платона был сверху и донизу, вдоль и поперек уставлен антикварными раритетами. Попавшему туда гостю было совершенно невозможно догадаться о профессии его хозяина – ученый, врач-анатом или сумасшедший коллекционер: на огромном письменном столе черного дерева были сложены аккуратными стопками уникальные древние книги и рукописи, лежали свитки пергаментов, были расставлены в строгом порядке японские статуэтки из слоновой кости, рядом лежал череп какого-то древнего животного, покрытый толстым слоем золота, справа от него стоял невероятных размеров хрустальный шар на бронзовой ножке. Высокие готические книжные шкафы были доверху заполнены книгами, какими-то сундучками и шкатулками, в которых хранились всевозможные травы, эликсиры, выжимки из яда животных и растений. Один шкаф был полностью заполнен книгами и альбомами по искусству. Рядом со всем этим странным образом уживались венецианские маски, старинные печати, какие-то ржавые инструменты, телескоп и даже чучела животных.

Все собираемые Платоном предметы в его кабинете «чудес» несли в себе ответы на те вопросы, которые он себе задавал. Они отдавали или забирали человеческую энергию, наполняли или опустошали душу и рассказывали истории тех, кто к ним прикасался до него.

Платон неспроста поселился в Ханое. Отсюда было еще интереснее наблюдать за упадком европейской культуры, всё более отрывающейся от энер-

гетической коммуникации с миром. На Востоке и в Африке люди по-прежнему жили в глубокой гармонии с природой, и Платону это было близко. Он понимал, как это работает и зачем. В Европе люди были оторваны от энергетических источников, они рассчитывали только на свою собственную энергию, с которой было всё понятно, как с оружием, которое хранилось только на одном складе.

Платон долго искал место для проведения праздника. Африканская пустыня была не самым плохим местом, но он подумал о том, что пустота вокруг может мешать и давить на сознание людей, привыкших к городскому антуражу, к близости деревьев, зданий. Это было важно. Гости должны чувствовать себя абсолютно комфортно.

Место должно быть однозначно отдаленное, но располагающее к радости, отдыху и веселью, с теплым, приятным климатом, развитой инфраструктурой, но при этом с глубокими традициями, которые для гостей будут выглядеть полной экзотикой, чем, безусловно, можно будет воспользоваться.

Таким может быть остров с красивым названием Бора-Бора.

Или какой-то старинный замок в Европе, полный истории и, значит, легенд.

Десять предполагаемых гостей праздника не могут прибыть в одиночку. Поэтому с ними должны быть их родные и близкие в количестве девяти человек. Таким образом, на каждого гостя приходится десять пригласительных мест. Итого сто гостей.

В кабинете зазвонил телефон.

Платон взглянул на часы. Довольно потянувшись, он поднял трубку.

– Я не поздно? – В трубке послышался мягкий, чуть хриплый мужской голос.

– Тарабен, старина, я рад тебя слышать. – Платон улыбался своему отражению в огромном зеркале.

– Неужели? Ваша поездка в Саудовскую Аравию оказалась такой приятной, что вы до сих пор под впечатлением? Привезли новые идеи?

– Лучше, Тарабен, еще лучше. Я, кажется, встретил того, кого искал.

– Вы нашли организатора вашего праздника? – В голосе собеседника слышались нотки иронии. – Арабские умельцы вас покорили? Вы думаете их перебросить к полинезийским аборигенам или во французскую глубинку и создать гремучую энергетическую смесь? – Смех у Тарабена был тихий, похожий на клекот какой-то большой старой птицы.

– Зря смеетесь. Арабы поистине великие логисты, но я не про них. Я встретил девушку... – Платон осекся. Фраза, которую он произнес, была совершенно для него несвойственной, и, услышав самого себя, он сконфузился, а его собеседник немедленно почувствовал этот конфуз и отреагировал смешком. – Я понимаю вашу реакцию. – Платон справился с собой и продолжил. – Мне самому всё это странно. С другой стороны, так оно и должно было произойти. Мне нужен был именно этот формат, и я его нашел. Оригинальное мышление, восхитительная фантазия, умение проникать в другого человека, чтобы понять, что ему нужно для ощущения полного счастья, и при всем при этом – никому неизвестная, имеющая маленькое агентство. Тарабен, мы можем начать работу.

– Я ее начал еще два года назад, и скоро нам необходимо будет определиться. – Тарабен стал серьезен. – Хорошо, предположим. Когда я могу встретиться с ней? Мы находимся на финальной стадии, через месяц я должен знать точное место проведения мероприятия. Но мне необходимы комментарии организатора, так как я буду дорабатывать детали исходя из финальной идеи и концепции праздника, а самое главное – места проведения.

– Знаю, знаю, Тарабен. Через неделю она будет у меня в Ханое, мы проведем тут несколько дней. Я думаю, тебе стоит приехать.

– А если окажется, что она не та? – вкрадчиво спросил Тарабен.

– Тогда будем думать. Нам всё равно надо обсудить много вопросов. Скажи, как в итоге решился вопрос с местными властями на Бора-Бора по поводу аренды территории?

– В процессе. Тут, я вам уже говорил, вопросы аренды и продажи земли – одни из самых сложных. Люди хоронят близких в земле, на которой они жили, и земля становится частью семьи, согласие на аренду нужно получать от всех членов клана. А кланы тут огромные.

– Да, ты говорил, – Платон старался сохранить спокойствие, но было очевидно, что эта проблема его раздражает, – но это всего лишь аренда. Надо предложить больше денег.

– Платон, тут отношение к деньгам совсем иное, чем в Европе и других местах. Людям не нужны деньги. То есть они, конечно, им могут быть полезными для того, чтобы сделать жизнь комфортнее или приятнее, но по сути они им не нужны для выживания. Всё, что им нужно для жизни, люди берут из природы.

– Но ведь можно рассказать им о какой-то красивой картинке того, что за эти деньги они смогут построить или сделать для себя и для своих близких?

Тарабен усмехнулся.

– И с этим проблема. В полинезийском языке нет будущего и прошедшего времени. Люди живут только настоящим. Вы выбрали самое правильное место на земле, чтобы создать идеальное состояние счастья у ваших гостей.

Тарабен снова закатился.

– Вы – великий мастер визуальных манипуляций, Тарабен. Именно поэтому вы и возглавляете этот проект. Мне необходимо найти идеальное место для проведения самого величайшего бала в мире, и вы его найдете, я не сомневаюсь. Если людям не нужны деньги, им нужно что-то еще. И вы сможете им это предложить. Включайте вашу смекалку и профессионализм. Вы говорили, что туземцы разговаривают с деревьями? – Платон многозначительно замолчал...

– Я понимаю, о чем вы говорите. Мне не очень приятно манипулировать людьми, тем более такими доверчивыми, как полинезийцы. Я – художник, а не обманщик.

Разговор становился всё более интересным. Платон чувствовал, что он сделал правильный выбор, и от этого внутри всё ликовало. Он ждал этой реакции и был ей несказанно рад.

– Искусство – это обман двусторонний. С одной стороны, художник показывает людям то, как он видит реальность, с другой – зритель, которому ка-

жется, что он видит ту реальность, которую придумал художник. И тот, и другой заблуждаются, но это их и объединяет. Вы правильно думаете, Тарабен, я в вас не ошибся. Если это не Бора-Бора, вернитесь в старую добрую Европу, вы же подумывали насчет старинного замка? Есть на этот счет какая-нибудь конкретика?

– Замков, где возможно в одном зале собрать сто человек на ужин, не так уж и много. Если исключить те из них, которые находятся в странах с нестабильным климатом, и те, которые несут в себе тяжелое бремя истории, останется совсем ничего. – Тарабен, казалось, размышлял вслух. – Я думал про Шенонсо...

– Черная комната? Замок двух вдов? – Платон был явно недоволен выбором.

– Всё так, но этот замок имеет энергетическую основу. Она никуда отсюда не девалась с эпохи Нострадамуса. То, что вы задумали, там возможно практически с такой же силой, что и на Бора-Бора, – там всё для этого есть. Я проверял.

– Я не почувствовал там чего-то особенного, когда заезжал после охоты с Дюбуа. Просто музей, и всё. Вот черная комната – это да, но она ничего не дает, только забирает. И эта река. Она такая непредсказуемая. Она меня, откровенно говоря, пугает. Хорошо, Тарабен, будем считать, что я вам верю. Иначе зачем бы я вас нанял для этой работы?

Платон изобразил любезность, очертив голосом симпатию в этой колющей фразе. Собеседник ловил все эти уловки кнута и пряника мгновенно. Он хотел ответить, но внезапно ощутил, что мыслит иначе, чем раньше, словно это в его сознании не было ни будущего, ни прошедшего времени, а было только это – настоящее время с этим единственным закатом солнца, разливающимся розовыми лепестками по глади моря, с этим сегодняшним воздухом и этим чужим голосом в трубке, вырывающим его из этой реальности и заставляющим его думать иначе.

Платон тоже замолчал. Два человека впитывали силу и энергию друг друга через протянутые невидимые сети телекоммуникаций. Этот язык был им обоим понятен.

Наконец Платон заговорил:

– Жду вас через неделю, Тарабен. Уверен, что девушка вас порадует.

– Надеюсь. Если у нее уже будет понимание идеи мероприятия, с выбором места будет гораздо проще.

Платон положил трубку.

V I I

КОЛЕСНИЦА

Шаг 34

понедельник,
14 октября 2013 года

Мужественность – это способность проникнуть в непознанное, в мир, где ничего еще неизвестно и где необходимо создать порядок.

Несмотря на то что Гойя привыкла к длинным перелетам, этот был почему-то очень утомительным. Вьетнамские стюардессы оказались совсем не любезными, кресла неудобными, еда невкусной. Заснуть удалось буквально на несколько минут, в течение которых Гойе приснился странный сон.

В юности у нее был знакомый мальчик с заячьей губой. Он был меломаном, и на этой почве они подружились. Звали его Вова. С Вовой Гойя не виделась уже почти двадцать лет и даже не вспоминала о нем. Но во сне Гойя шла по кромке бассейна, в котором к ней кто-то плыл. Она всмотрелась в лицо и узнала Вову. Ему было столько же лет, сколько и Гойе, он вырос, но заячья губа так и осталась. Гойя обрадовалась встрече, Вова тоже. Он вылез из бассейна и спросил у Гойи, не могла бы она взять его в свою команду.

– А что ты умеешь делать, Вова? – спросила Гойя

– Я умею чистить свои ботинки, – ответил Вова, обтираясь махровым полотенцем.

– Но это совсем не то, что мне нужно. Я занимаюсь совсем другим. – Гойя была в растерянности, ей хотелось помочь Вове, но она не понимала, как можно использовать это его умение в ее профессии.

– Когда я чищу свои ботинки, они после этого исполняют лазерное шоу, – скромно добавил Вова.

Гойя проснулась от сильного толчка, не успев обрадоваться этому удивительному факту. Самолет трясло, женский голос что-то мяукал – наверное, о зоне турбулентности.

Голова раскалывалась.

Ханой встретил ее мелким ветреным дождем, воздух был насыщен запахами жасмина и каких-то специй. В зоне ожидания с табличкой вверх ногами, на которой было напечатано ее имя с тремя ошибками, стоял улыбающийся пожилой вьетнамец.

– Я – Туан. Я буду сопровождать тебя до конся. – Он улыбнулся, показав ровные, абсолютно черные зубы, среди которых красочно выделялся один золотой.

«До конца, пожалуй, не стоит», – подумала Гойя и улыбнулась с максимальной дружелюбностью, которую позволяла до сих пор раскалывающаяся пополам голова.

– Мы должны сейчас перелететь в Хуэ, там нас будет здать масина.

– Я не знала, что будет еще перелет. Я думала, что встреча будет в Ханое.

– Будет перелет недолго. Мозет, сяс. Ты устал?

– Немного, но это не страшно.

– Пойдем, мозно сйя пить, отдохнуть, есть есе немного минут. Да.

Вьетнамец говорил с натугой, казалось, что каждое слово ему давалось с большим трудом. Слушая вьетнамский язык, Гойе всё время казалось, что люди не говорят, а поют. При этом женщины часто делали какие-то птичьи движения руками в разные стороны, похлопывая себя по бокам.

Во время второго перелета Гойя смотрела вниз, видела горы и ниточки высохших рек, потом появились зеленые квадратики полей, залитые водой.

– Это рис, – прокомментировал Туан. – Лапса делать. Вкусно. Да.

В аэропорту ждала шикарная белая машина. Температура воздуха на улице зашкаливала за тридцать, жара давила на голову, становилось тяжело дышать.

«В пустыне было проще, – подумала Гойя. – Там было очень жарко, но не так влажно».

В машине было, напротив, холодно от мощного кондиционера. Гойя попросила сделать его слабее. Туан кивнул, долго крутил и переключал какие-то кнопки, но теплее не стало.

Гойя с любопытством рассматривала жизнь за окном автомобиля.

Прямые улицы сплошь заставлены узкими двухэтажными домами, большинство которых были выкрашены в ярко-бирюзовый цвет и снаружи, и внутри. Было видно, что на первом этаже, со стороны улицы люди обустроили небольшой магазинчик или лавку, а жили в задней части дома и на втором этаже. Все двери открыты нараспашку, и можно было сквозь лавку заглянуть внутрь домика и увидеть небогатое жилище.

Перед домами и прямо на тротуаре сидели на корточках или на низких пластмассовых стульчиках вьетнамцы и что-то делали: кто-то мыл голову в тазу с водой, кто-то чистил какие-то фрукты, кто-то строгал какую-то деревяшку. Тут же у домов сжигали мусор, паслись привязанные коровы и бродили сонные собаки.

Огромные рекламные щиты представляли разнообразные товары в непривычной для Гойи манере. Например, она углядела большой плакат с рекламой пиццы, на котором маленький вьетнамский мальчик откусывал кусок от треугольной пиццы, но почему-то с широкой стороны.

По улицам люди передвигались на мопедах и велосипедах. Многие были нагружены так, что было непонятно, как они вообще едут. На мопедах Гойе попадались целые семьи: сидели по четверо на одном мотоцикле, держа в руках еще какие-то коробки и тюки.

Ее поразило, что все женщины были одеты в брюки. Практически на всех были разноцветные тканые маски, закрывающие нижнюю часть лица.

– Белый коза – красивый коза, – объяснил Туан. – И есе воздух плохой, дышать плохо. Да.

В многочисленных кафешках стояли низкие пластиковые столики, стулья, как показалось Гойе, взятые из детского садика, на которых взрослый человек вряд ли поместился бы, и висели гамаки.

Гамаки висели повсюду, в каждой забегаловке.

– Когда сйя пить – отдыхать. Да, – важно говорил Туан.

Провожатый был разговорчивый. Гойя не всё понимала из того, что он лепечет, но с удовольствием его слушала.

– Фрукты побольше, хоросие, нормальные. Да, – объяснял Туан, когда они проезжали плантации фруктовых деревьев. – Скоро они таравать их и продавать на базар. Да.

Движение по мере приближения к центру города становилось всё плотнее. При этом было сложно понять правила, по которым двигаются машины, мопеды и все остальные участники дорожной жизни. Казалось, что правил нет вообще. Несколько раз у Гойи было полное ощущение неминуемой аварии, но водители не только не кричали друг на друга, но даже не выявляли никакого возмущения. Все невозмутимо и вполне дружелюбно разъезжались в разные стороны.

В обшарпанных лавках вдоль улицы продавали всякую всячину: шины для мопедов, фрукты и овощи вперемешку со стиральным порошком и ароматными палочками, одежду, обувь, мебель, пустую пластиковую тару. В лотках и на тележках люди готовили и предлагали неизвестную Гойе еду.

Ее поразило количество магазинов свадебных платьев. Они возникали среди скудного быта и облезлых местных лавочек нелепыми, чистенькими и выбивающимися из общей жизни всплесками. На белоснежной витрине, за сияющим чистотой стеклом белели сказочные подвенечные платья, расшитые бисером и золотыми нитками, с пышными юбками и глубокими декольте. Почему-то на манекены, изображающие счастливых невест, были надеты белоснежные парики, что придавало им в окружающей общей атмосфере еще более странный вид. Представить себе вьетнамскую девушку в таком платье, да еще и в белом парике, у Гойи так и не получилось.

«Прямо какой-то город упущенных возможностей», – про себя подумала Гойя и так его и окрестила. Окончательно она утвердила это название, когда машина остановилась перед светофором у небольшого отеля с чудесным названием «Веселое местечко». Внизу яркими буквами было приписано разъяснение: «Массаж, караоке, магазин».

– Мы пости приехали, – прервал ее размышления Туан. – Тут бедный человек живет, а там – они совсем богатый. Да, – он указывал вдаль на красивую аллею.

Шаг 35

Череп – это маленькая костяная коробка в скелете, в которой заключена Вселенная.

Соня, 8 лет

Машина въехала на аллею, усаженную низенькими фруктовыми деревьями. Вдали Гойя разглядела ажурные высокие ворота. Они бесшумно открылись, как только машина подъехала к ним. Гойя смотрела из окна машины на великолепный сад и думала, что устроить праздник для человека, который живет в нем ежедневно, будет очень и очень непросто.

На высокую резную террасу особняка вышел стройный брюнет лет сорока пяти в длинном оранжевом балахоне, одетом поверх широких льняных брюк цвета спелого граната.

Гойе не удалось как следует рассмотреть его лицо при первой встрече, но она сразу поняла, что это именно он. В его манерах и взгляде была та самая сила уверенного в себе человека, которую она ощутила тогда. Черты его лица были скорее правильными, и, согласно стандарту, его можно было бы назвать красивым. Но у Гойи было предвзятое отношение к мужской красоте. Ей казалось, что мужская красота не в правильности черт лица, а именно во внутреннем содержании человека, которое через эти черты передается во внешний мир. На этом лице помимо прямого тонкого носа, красивых густых бровей, пронзительных карих глаз было написано такое явное превосходство над всем и всеми, что от этого ощущения Гойе становилось не по себе.

«Это он так себя видит, – успокоила себя Гойя. – Просто мужчина в образе».

Она вышла из машины, неторопливо прикрыв дверцу. Человек спускался к ней, улыбаясь только губами. Глаза смотрели внимательно и без какой-либо радости.

– Даже не хочу спрашивать, как вы добрались. – Голос звучал приветливо. – Знаю, что тяжело. Видите ли, в места Силы всегда путь тяжелый, – он усмехнулся, – но он того стоит.

– Спасибо за заботу и за сопровождение. Оно было очень уместным, благодаря Туану я увидела по дороге много интересного.

– Не сомневаюсь, на это и был расчет. Времени не так много, и я хотел бы, чтобы вы провели его с пользой. – Он кивнул подошедшим слугам на чемодан Гойи и жестом пригласил ее следовать за собой.

Они вошли в просторный холл особняка, оставив обувь на террасе.

Роскошество – она внезапно физически поняла, что обозначает это слово. Не роскошь, не богатство. А именно РОСКОШЕСТВО.

Гойя не очень пока понимала вьетнамский стиль, но интерьер удивил и восхитил ее своей гармонией. Ничего лишнего не было в этой обстановке:

все немногочисленные элементы мебели были функциональны и, казалось, стояли на единственно возможных местах. Они были выполнены из дорогих пород дерева, разного камня и слоновой кости, с инкрустациями из белого и голубого перламутра.

Пол был деревянный, из очень гладкого черного дерева, и по нему ходили босиком.

Пройдя большой холл, они оказались в небольшом салоне с диванчиками и низким столиком. На трех старинных резных комодах стояли яркие желтые керамические вазы с изображением драконов.

Хозяин дома предложил Гойе сесть. Красивая девушка в пурпурном, закрытом по шею платье, надетом на широкие шелковые черные брюки, принесла им зеленый чай и фрукты.

«Всё красиво, – подумала Гойя. – Ничего не раздражает, не выбивается из общей гармонии». Она пыталась оценить нового заказчика с точки зрения сложности образа и гармонии внутреннего мира, но пока ей это не удавалось. Казалось, что всё наружное проявление его слишком правильное, словно он сознательно создавал то, к чему не сможет придраться ни один внимательный наблюдатель. Чем больше Гойя смотрела вокруг, тем больше она понимала, что это просто ширма.

Платон следил за ее ощущениями, медленно отпивая чай из маленькой пиалы. Гойя понимала, что ее оценивают, и старалась не делать лишних движений.

Наконец он откинулся на подушки и улыбнулся по-настоящему. Лицо преобразилось мгновенно. Гойя с удивлением поймала себя на мысли, что улыбка у него прекрасна.

– Я очень рад, что вы приехали. Гойя, правильно? Вас так зовут?

– Да, всё правильно. Я благодарю вас за приглашение и за доверие. Вы всегда доверяете своей интуиции?

Платон рассмеялся. Смех был жестким, не похожим на улыбку.

– Я доверяю интуиции, но в вашем случае одной интуицией не обошлось. Понимаю, вы задаетесь вопросом, как я мог пригласить во Вьетнам девушку, даже имя которой я не помню.

Гойя кивнула и изобразила на лице легкомысленное согласие.

– Не обижайтесь, я уверен, что выгучу ваше имя, в случае, если мы... – он осекся на секунду, сдвинул брови, – если у нас получится поработать вместе. Видите ли, мозг человека безусловно имеет массу неиспользованных возможностей, но мы используем в быту только живую память, а она, как жесткий диск на компьютере, заполняется достаточно быстро. Количество нужной мне ежедневно информации не предполагает записывать на диск информацию, которую до этого момента мозг не воспринял как нужную.

Гойя слушала внимательно, стараясь не показывать своими реакциями ничего лишнего.

«Он умеет считывать. И он зачем-то этим пользуется. Очевидно, что не для того, чтобы придумывать для людей праздники. Но тогда зачем ему это?»

– Я перейду к делу, чтобы вы не ломали себе голову, что я за фрукт и какого черта я вас сюда пригласил. – Платон поставил чашку с чаем на столик.

Гойя вся превратилась в слух. Голос Платона нравился ей, он говорил на одном языке с ней, понятными ей словами и образами.

– Я занимаю не последнее место в мире людей, которые являются ключевыми игроками сегодняшней экономики. Изначально моя задача состояла строго в выполнении дипломатической миссии, но со временем мне пришлось включаться в другие сферы деятельности, так как множество вопросов мирового масштаба приходится решать, не выводя их за рамки того самого узкого круга, членом которого я имею честь состоять.

Люди, с которыми я работаю, все очень уважаемые и состоятельные. Они тратят практически всё свое время на решение поставленных задач, но, как и любому человеку, им необходимо отдыхать. Отдых у таких людей может быть двух видов: когда они выходят из круга деятельности и просто, условно говоря, ложатся на дно на месяц-другой, чтобы набраться сил в какой-то части света, – этот отдых мы не берем во внимание. Он необходим всем, как подзарядка батареек. Это дело частное, которое касается непосредственно каждого из них.

Но регулярно, приблизительно раз в год, в каком-то месте земного шара кто-то из нас организует красивое мероприятие, на которое приглашаются все эти уважаемые люди. Это – второй вид отдыха, хотя по сути отдыхом он не является. Так как именно в таком расслабленном, неформальном состоянии и решаются порой самые важные мировые проблемы.

Пока вам всё понятно? Пожалуйста, останавливайте меня, если у вас возникают вопросы.

– Вы говорите сейчас о первых лицах государств? – Гойя задала вопрос голосом человека, который ничему не удивляется. Во всяком случае, ей самой так показалось.

– Помилуйте, Гойя, вы не похожи на наивную девушку из провинциального городка. Вы же не думаете, что мировой экономикой управляют первые лица государств. – Платон, похоже, был искренне удивлен.

– Простите, я хочу дослушать до конца, вы же еще не всё мне рассказали? – Гойя старалась говорить легко.

– Почти всё. В этом году такое мероприятия должен организовать я. И мне нужен помощник. Я видел, что вы придумали для моего друга в Саудовской Аравии. Это красиво. Вы мыслите по-другому, чем обычные люди, и мне это нравится. Но для моего мероприятия нужно что-то совсем необычное. И вместе с тем, оно должно быть, безусловно, грандиозным. А это означает, что характеристики всех его составляющих должны быть общепринятыми шедеврами. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Я понимаю, что необходима оригинальная идея, которая будет реализована лучшими артистами и в которую будут вложены лучшие ингредиенты. Правильно?

– Совершенно верно. Главное – это идея. Гостей планируется сто человек, но нас с вами интересуют только десять. Я приглашаю десять самых влиятельных людей мира. Каждого из них будут сопровождать их родные и близкие в количестве девяти человек. У нас тут во Вьетнаме любят цифру девять, знаете ли.

– Почему? – Гойя подумала о Фриде. Если бы она была рядом сейчас, можно было бы не задавать такие глупые вопросы. Но Фриды рядом не было, а Гойе очень нужно было понять то, о чем говорит Платон. Лучше выглядеть незнающей, чем нелюбопытной.

– Да потому, что жизнь состоит из четырех циклов – рождение, молодость, старость и смерть. Первые два цикла – приятные, вторые два – тяжелые. Если закончить на цифре девять, то попадешь на рождение. Цифра девять олицетворяет вечную жизнь, постоянное рождение. И дает веру.

– Я поняла. Значит, гостей будет всего сто человек, и это будет не единая масса, а все гости будут делиться на десять групп по десять человек в каждой.

– Правильно. В связи с этим что-то меняется? – Платон хитро прищурился и вопросительно посмотрел на Гойю.

– Конечно, меняется, это совсем другая энергетика общения людей. Она работает по другим законам. – Гойя даже привстала с кресла от возбуждения.

– Согласен. Задача, которую я ставлю, – сделать энергетическим центром главного гостя в каждом круге так, чтобы всё его окружение было малым кругом, а все остальные девять кругов стали большим кругом подачи энергии.

Гойя испытывала странное чувство. Ей казалось, что она, наконец, дошла до «своего клиента», который понимает, что она делает, и может по достоинству это оценить. Никогда у нее не было возможности говорить о своей работе и, тем более, о своих методах работы с людьми, понимающими то, о чем она хотела сказать. Она боялась прослыть сумасшедшей, обуянной фантазеркой и не пыталась ни с кем обсуждать, как работает механика праздника. Даже с Ирмой, которая всегда стояла сзади и верила в ее методы работы, не понимая их. Платон явно понимал, как работает энергия праздника. Более того, он диктовал ей условия игры, ей не было надобности их выявлять и создавать. Он ставил ей задачи именно в энергетической плоскости, а не в плоскости праздника, и от этого Гойе вдруг стало слегка не по себе.

– Вы сомневаетесь? – Платон смотрел спокойно и внимательно прямо в глаза.

– Я думаю, что понимаю, о чем вы говорите.

– Отлично, – он ослабил голос и отпустил взгляд. – Тогда нужна концепция праздника. Нужны ваши креативные идеи. Сколько вам нужно времени?

Гойя задумалась. Этот вопрос ей часто задавали, и она понимала, что каждый раз, отвечая на него, она обманывает и себя, и собеседника. На самом деле, на этот вопрос ответа не было. Можно было отвечать как угодно тому, кто спрашивает, и это никогда не будет правдой. Потому что ответа на этот вопрос не знает никто.

– Мне нужно семь дней, – сама не понимая зачем, сказала Гойя. Платон улыбнулся.

– Вы любите играть в красивые числа? На это нельзя обижаться. Пусть будет семь дней. Хотя Бог сотворил небо и землю и всё живое всего за шесть. Вы просите больше. Но сможете ли вы сотворить больше? Проект должен состояться тридцать первого декабря этого года, у вас на всё – чуть больше двух месяцев.

Гойя почувствовала легкое головокружение. Словно кто-то качнул ее тело.

– Я постараюсь уложиться быстрее.

– Я дам вам хороших помощников. Мой главный архитектор проекта – Тарабен. Уверен, он понравится вам. Будет здесь сегодня вечером. Он прилетает с Бора-Бора. Хотите, расскажу, как мы познакомились? Уверен, вам это будет любопытно. Тарабен изобрел интересную штуку: соединив каждую букву клавиатуры компьютера с отдельной музыкальной нотой, он мог «играть» музыку, печатая на компьютере разные тексты. И таким образом услышать, как звучит, например, слово «предательство» или слово «любовь». Ничего, казалось бы, особенного. Но он задался вопросом, есть ли музыка в стихотворениях великих поэтов? И начал перепечатывать их, вслушиваясь в те ноты, которые выдавал компьютер. – Платон сделал многозначительную паузу.

Гойя слушала очень внимательно. Ей казалось, что она во сне и разговаривает с каким-то удивительным человеком, который в реальной жизни просто не может существовать ввиду своей комплексности.

– ... Так вот, стихотворение Бродского помните?

Он прочитал, прикрыв глаза, спокойным ровным голосом:

*Истинные случаи иногда становятся притчами.
Ты счел бы всё это, вероятно, лишним.
Вероятно, сейчас
ты испытываешь безразличие.*

—
*Впрочем, он
не испытывает безразличия,
ибо от него осталась лишь горсть пепла,
смешавшегося с миром, с пыльной дорогой,
смешавшегося с ветром,
с большим небом,
в котором он не находил Бога.
Ибо не обращал свой взор к небу.
Земля – она была ему ближе.
И он изучал в Сарагосе право Человека
и кровообращение Человека –
в Париже.
Да. Он никогда не созерцал
Бога
ни в себе,
ни в небе,
ни на иконе,
потому что не отрывал взгляда
от человека и дороги.
Потому что всю жизнь уходил
от погони.*

Сын века – он уходил от своего

века,

заворачиваясь в плащ

от соглядатаев,

голода и снега.

Он, изучавший потребность

и возможность

человека,

Человек, изучавший Человека для Человека.

Он так и не обратил свой взор

к небу,

потому что в 1653 году

в Женеве

он сгорел между двумя полюсами века:

между ненавистью человека

и невежеством человека.

Гойя замерла. Стихотворение поглотило ее.

– Так вот, – внезапно сменив голос, продолжил Платон, – согласно всем буквам, знакам препинания и пропускам, и соответствующим нотам, это стихотворение полностью воспроизвело Адажио Альбиноне.

– Этого не может быть! – Гойя не могла поверить своим ушам. Она всматривалась в лицо Платона, стараясь найти там хоть какую-то тень насмешки или юмора, но не находила ничего, кроме восторга. Он говорил правду.

– Я тоже не мог в это поверить, но мне было интересно. Даже не столько само открытие Тарабена, сколько посыл человека, которому было нужно это искать. Я захотел познакомиться с ним. Это было девять лет тому назад. С тех пор мы сделали вместе много всего интересного. Тарабен – великий визуальный обманщик. – Платон с удовольствием потер руки. – А теперь я предложил бы вам отдохнуть с дороги.

Гойя и вправду почувствовала нахлынувшую усталость.

«Надо отдохнуть, голова не работает совсем. Вымотала дорога, и столько новых впечатлений. И еще надо позвонить Лив, узнать, как дела дома...»

– Куен проводит вас. – Платон что-то сказал на певучем наречии вошедшей девушке, она улыбнулась и поклонилась.

– Увидимся за ужином в компании Тарабена. Вам должна понравиться местная кухня. – Он слегка поклонился и вышел из комнаты.

Девушка по имени Куен пригласила Гойю идти за ней. Они вышли в изумительный внутренний садик с красивыми фонтанами и водоемами, в которых плавали ярко-красные рыбы и белели цветы лотоса.

Гойя спустилась к домику по дорожке, выложенной разноцветными плоскими камнями, между которыми росла нежная, словно искусственная, травка.

Небольшой красивый домик располагался в самом дальнем углу сада и внутри был идеально устроен: из просторной спальни с высокой треугольной крышей и кроватью под тонким белым балдахином открывался вид на реку. Смежная со спальней ванная комната была отгорожена от нее полу-

круглой аркой с раздвижными ставнями. Душ находился на улице, в закрытом садике, прилежавшем к ванной комнате. Там же висел гамак. Кругом росли кусты каких-то ярких цветов и нежно пахнущего жасмина.

Туан принес чемодан Гойи.

– Это – Ароматная река, – указал он на улицу. – Так называется потому, что, когда светут светлы, они падают в воду и пахнут. И есе там делают ароматные палоськи. Да.

Он поклонился и ушел, а Гойя, наконец, осталась одна, достала телефон и набрала домашний номер.

Шаг 36

вечер понедельника,
14 октября 2013 года

Ужас состоял в том, что даже в бессознательном состоянии он всегда помнил о том, что он должен произнести перед смертью.

Няня обрадовала Гойю рассказом о том, как к Лив приходила подружка и как они чудесно поиграли. Лив совсем не капризничала и даже покушала всё, что она ей приготовила.

Успокоенная, Гойя прилегла, поставив будильник на час. Вполне достаточно, чтобы восполнить разницу во времени.

Ей снилось, что она играет на сцене какого-то знаменитого театра свою собственную пьесу. И театр этот ей как бы по знакомству одолжили, возложив на ее спектакль какие-то очень большие надежды. И вот она на сцене, играет главную роль в своей собственной пьесе. И в паре с ней играет какой-то мужчина, но кто именно – Гойя понять не может. Зал молча наблюдает за происходящим.

Внезапно Гойя замолкает, у нее заканчивается текст, и она не знает, что говорить дальше. Более того, она даже не помнит, что там по сценарию должно дальше происходить. Ее партнер молчит и вопросительно на нее смотрит. Зал выжидает, но в скором времени начинаются свист и топот. Люди возмущены, они негодуют, кричат на нее, ругают и возмущенно покидают зал. Организаторы ее спектакля в панике хватаются за голову – она всех подвела и кругом виновата.

«Но текста нет и быть не может, потому что он просто-напросто еще не написан...»

Очнулась она с испариной на лбу. В комнате плавали сумерки. Гойя умыла лицо холодной водой, оделась, выпила таблетку парацетамола, выкурила подряд две сигареты и успокоилась.

Туан постучал в дверь ровно тогда, когда все приготовления были завершены, словно он всё это время наблюдал за происходящим через замочную скважину.

Они вместе спустились на нижнюю террасу, выходящую к реке. На террасе был накрыт красивый стол на три персоны, в высоких прозрачных колбах горели свечи. Вид на реку открывался замечательный: сразу напротив виллы Платона величественно раскинулся Запретный пурпурный город.

Позже Туан покажет его Гойе, на нее произведут неизгладимое впечатление не столько сами яркие храмы и пагоды, сколько их названия и энергетика, которой они были наполнены. Особенно ее поразят Павильон Величия и Небесный Алтарь.

Вечер выдался влажным и теплым, от дневной жары не осталось и следа. Гойя переоделась в белое льняное платье-балахон, доходящее ей до колен. Ветер с реки ласково щекотал спину, веяло запахами цветов и, наверное, тех самых ароматных палочек, про которые говорил Туан.

Он принес бокал шампанского, пообещал, что хозяин скоро будет, и тихо исчез.

Гойя погуляла по террасе взад-вперед, любуясь видом, и наконец, закутив, устроилась в высоком плетеном кресле. Из него вид оказался еще более интересным – похоже, кресло стояло на этом месте не просто так: снизу перспектива Императорского Дворца выглядела намного величественнее.

– Вы выбрали правильное место, – раздался позади приятный мужской голос.

Гойя вскочила, чуть не опрокинув бокал с шампанским и не перевернув плетеное кресло.

– Ой, простите, вы так тихо подошли. – Перед ней стоял статный пожилой человек, похожий на персонажа с картины Рафаэля – не хватало только бархатного берета со страусовым пером. Длинные седые волосы были завязаны в хвост и перетянуты черной атласной лентой. Восхитительные седые усы были закручены в кисточки, а сами кончики этих замечательных усов были приподняты кверху, что придавало их владельцу еще больше образности. Одет он был в дорогой льняной костюм цвета кофе с молоком. От него пахло тайной, ландышем и лимонными леденцами.

– Будем знакомы, – он, улыбаясь, протянул Гойе руку пианиста с большим перстнем на указательном пальце, – Тарабен. А вы – Гойя, чудо-девушка, которая придумывает чудо-праздники?

Гойя почему-то смутилась.

«Значит, говорят и ждут. То есть ожидают и возлагают надежды... А вдруг у меня ничего не получится?» – Гойе вспомнился сон...

– Наверное, это я, – сказала Гойя, осторожно подбирая слова. – Во всяком случае, меня пригласили, чтобы я придумала праздник. Но я не уверена, что мои идеи будут соответствовать тому, что ожидает от меня господин Платон.

– Господин Платон ожидает от вас именно того, что вы умеете делать лучше всего – придумывать уникальные сценарии.

Платон подошел сзади с бокалом шампанского в руках и улыбкой на лице, взятой из коллекции «лучших улыбок радушных хозяев».

«Так вот как надо улыбаться в высшем обществе!» – подумала про себя Гойя.

К ужину он переоделся в черный бархатный пиджак, белую рубашку и джинсы.

– Вам удалось отдохнуть? – Он молча протянул руку Тарабену, при этом глядя на Гойю.

– Да, – хором ответили Гойя и Тарабен. Вопрос явно был обращен к ним обоим. Ответ прозвучал смешно. Обстановка разрядилась.

Метрдотель пригласил к ужину. Платон уселся во главе стола, посадив Тарабена и Гойю по обе стороны от себя. Подали закуску – конечности лоб-

стера ярко-оранжевого цвета в фисташковом соусе с гарниром из тофу, кунжутных семечек и разноцветного пюре.

– Итак, господа творцы, – Платон стал серьезен, – у нас осталось два месяца, за которые необходимо придумать и реализовать проект космического масштаба, аналога которому не было, по крайней мере, на Земле. Идеи есть? – Он с удовольствием положил в рот кусок лобстера.

– Я пока могу рассуждать только о месте проведения мероприятия и советую отказаться от Полинезии – слишком много условностей, навязанных местной культурой, и мы не сможем от них отойти, а вписать их в нашу концепцию, скорее всего, не удастся. – Тарабен говорил тихо, периодически отпивая маленькими глотками шампанское из бокала.

– У меня возникла идея, учитывая важность мероприятия и количество гостей – десять групп по десять человек, сделать темой праздника Великую битву Добра и Зла и назвать всё это «Балом ста королей». – Гойя проговорила всё это на одном дыхании.

«Не поняла, когда эта мысль успела прийти мне в голову? И почему я вот так сразу ее выплескиваю на совершенно незнакомых людей, даже не пытаюсь ее как-то проанализировать и придать ей более красивый вид? А кстати, что дальше? Ты знаешь, что там дальше по сценарию?»

Фраза оказалась такой длинной, что на последние три слова Гойе не хватило воздуха, она задохнулась, словно кто-то сжал рукой ее горло, и перед тем, как сказать название праздника, образовалась пауза.

– Бал ста королей? – Платон поднял брови и странно засмеялся. – Это по Булгакову? Но там были убийцы и висельники. Интересное вы выбрали сравнение для моих гостей! Неужели я вам напомнил Воюнда?

– Нет, что вы! – Гойя запротестовала. – Я имела в виду форму власти. Добро и зло – обязательные составляющие любой власти. И любая власть являет собой и добро, и зло одновременно. Великие люди, жившие в любые эпохи, были носителями и добра, и зла. Они вершили судьбы людей и уже этим приносили им не только добро, но и зло. Они отправляли солдат на верную гибель, они отбирали деньги у бедных, они убивали и предавали, но они же строили империи и государства.

– Мне нравится эта идея, – Тарабен задумчиво покручивал ус. – Если мы возьмем за тему «Бал ста королей», то сможем охватить все эпохи, и выбор декораций и костюмов может быть очень и очень интересным и разнообразным. Условно из каждой эпохи мы сможем извлечь всё самое интересное.

– К тому же, – Гойя чувствовала необычайное вдохновение, – таким образом мы сможем создать десять энергетических групп, где в каждой будет один правитель, а вокруг него девять его верных подданных.

Платон внимательно слушал диалог, который происходил между Гойей и Тарабеном. Они сидели друг напротив друга, переполненные идеями, перекидываясь ими, словно играли в волшебный мяч. Платон физически чувствовал, как у него на глазах рождалось чудо.

– Гости будут голосовать золотыми перьями! – начал фантазировать Тарабен.

– Каждый персонаж должен быть идеально подобран под гостя. Он должен ему соответствовать не только внешне, но и по характеру. Для того, чтобы было возможно максимально погрузиться в образ, – Гойя старалась не упустить детали.

– Тогда местом мероприятия должен быть какой-то старинный замок с многовековой историей. С большими шикарными залами и множеством королевских покоев, коридоров, внутренних дворов, винтовых лестниц, – предложил Тарабен.

– А внутри замка должны быть всевозможные визуальные эффекты, изменяющие пространство и создающие ощущения другого измерения, – подхватила Гойя.

– Костюмы – очень важный момент! Костюмы! Это должна быть реальная одежда, сшитая для каждого гостя из дорогих материалов, строго соответствуя тому, что носил выбранный для него персонаж в свое время.

– А приглашением на вечер может быть какое-то украшение, которое могут носить и мужчины, и женщины. Что-то типа подвесок. Или, может быть, медальона. Да, точно, это должен быть дорогой медальон на толстой золотой цепочке с монограммой каждого гостя, – идея пришла в голову Гойе слету.

– Это будет настоящий фантастический фильм, в котором сами гости начнут играть главные роли, – представлял Тарабен.

– Мы погрузим гостей в водоворот номеров и спецэффектов, переместим их в воображаемый мир, в котором они смогут получить новую, замечательную личность, став одним из великих людей, живших сотни лет до них, – продолжала Гойя.

Принесли горячее. Но Гойя и Тарабен были так увлечены обсуждением и обменом идеями, что даже не притронулись к нему. Платон ощущал, что он держит в руках свое сокровище. Не зря он вызвал сюда эту девушку. Она вместе с Тарабеном олицетворяют одного идеального организатора. У нее – внутренняя фантазия, у него – внешняя.

Всё свершится так, как он задумал. Они всё придумают, не понимая финальной цели, но двигаясь к ней полным ходом.

Замена личности. Ну, конечно! Что может быть лучше? Когда в тебя вселяется великий исторический персонаж, и твое сознание начинает играть с ним, а потом теряет над ним контроль, не замечая, как личность великого персонажа перекрывает собственную личность человека. Первый этап манипуляции завершен, и можно смело переходить ко второму, о котором никому, кроме Платона, совершенно не нужно ничего знать.

– Платон, что скажете? – Тарабен уже три раза повторил эти слова, но Платон витал в своих мыслях.

– А? Да, я замечтался. Думаю, что мы мыслим в правильном направлении. Наверное, мне нравится идея. Нужна проработка деталей, и нужны варианты замков, о которых вы говорили, Тарабен.

– Я займусь замками, – Тарабен кивнул Гойе. – Вы не против?

– Что вы! Наоборот. – Гойя была счастлива, голова гудела от новых идей. Тарабен ей очень нравился, он с такой легкостью выдавал интересные идеи,

совсем не похожие на ее собственные, но дающие ей пищу для новых. Вместе они вырисовывали красивейший узор, и совершенно чужой человек, с каждой минутой всё больше, становился ее компаньоном, словно они состояли в стоворе и говорили на специальном языке образов и фантазий, не боясь сказать глупость, не боясь быть непонятыми.

– Я буду дорабатывать детали и писать сценарий и программу, исходя из этой идеи. Как обещала, за семь дней у вас будет сценарий. – Гойя взглянула с благодарностью на Платона. Он заметно повеселел, расслабился и снова включил «радушного хозяина дома».

– Отлично, но вы ничего не ели. Предлагаю все-таки попробовать местную кухню. Уверяю, вам понравится. – Он протянул Тарабену длинное блюдо, в котором плавало в соусе что-то зеленое.

– Благодарю, я не ем мяса, вы знаете. – Тарабен с удовольствием положил на тарелку половину блюда зеленых водорослей. – Гойя, вам положить этой вкусной травы? – Тарабен обошел стол и, встав, как положено, справа от Гойи, аккуратно водрузил на ее тарелку горку водорослей.

– Предлагаю завтра не работать, а отправиться с Туаном на экскурсию по местным достопримечательностям. Как я вам говорил, Вьетнам – место Силы. Это в первую очередь означает, что вам не нужно искать идеи – они сами вас найдут. Главное – оказаться в правильном месте в нужное время. Тарабен, вы присоединитесь к нам? – Платон явно хотел сделать для них что-то приятное, ему было важно, чтобы оба они получили удовольствие от своего пребывания здесь.

– С удовольствием, – Тарабен слегка поклонился, – тем более что я уже забыл с этой вашей Полинезией, что такое места Силы.

– А почему? Разве Полинезия – не место Силы? – спросила Гойя.

– Конечно, нет, там – другое. Там – место гармонии. В местах гармонии все силы уравновешены.

Шаг 37

вторник,
15 и среда, 16 октября
2013 года

В снах моих мир был облагорожен,
одухотворен; люди, которых
я наяву так боялся, появлялись там
в трепетном преломлении,
словно пропитанные и окруженные
той игрой воздуха, которая в зной
дает жизнь самим очертаниям
предметов; их голоса, поступь,
выражение глаз и даже выражение
одежды – приобретали волнующую
значительность; проще говоря:
в моих снах мир оживал, становясь
таким пленительно важным, вольным
и воздушным, что потом мне уже
бывало тесно дышать прахом
нарисованной жизни.

Владимир Набоков

В следующие три дня Платон устроил для Тарабена и Гойи настоящие каникулы. Туан сопровождал их, и, несмотря на его достаточно примитивный перевод, информация, которую он выдавал, была очень интересной.

В ситуации, когда он не мог ответить на вопрос, касающийся каких-то строений или памятников, он скромно опускал глаза и говорил:

– А это – культура!

Когда же речь заходила о природных явлениях или растениях, которые вызывали бурный восторг Гойи, он важно произносил:

– А это – красота!

Так мир разделился на две категории: культуру и красоту, и Гойя подумала, что такое деление тоже имеет право быть.

Платон ближе к вечеру первого дня был вынужден оставить их и вернуться на виллу по какому-то срочному делу. А Тарабен и Гойя отправились в буддистский монастырь, расположенный близ города Далата.

В монастыре жили пятьдесят монахинь и сто тридцать монахов. Туан рассказал, что стать монахом можно только с семи лет. Тут были и старые монахи, и совсем юные. Гойю удивляло всё: и то, что монастырь был смешанным, и все в нем мирно уживались; и то, что возраст монахов так различался, но все относились друг к другу с величайшим почтением. Но особенно ее восхищали названия башен, рек, водопадов. Казалось, что во всем присутствует какое-то волшебство, какая-то простая жизненная тайна, которую вот таким европейцам, как они, никогда не постигнуть, а семилетний вьетнамский мальчик ее носил за пазухой.

Гойя, затаив дыхание, обходила башню Источника Счастья, заглядывала в Благоуханную Пагоду, читала вслух стихи в Павильоне созвездия Литературы и спорила с Тарабеном о счастье у Ворот Великого Синтеза.

Ей так хотелось хоть мизинцем прикоснуться к этому миру, в котором всё обретало другой смысл.

На главной площади монастыря стояли семь огромных бронзовых урн.

Туан поведал о традиции посылать на тот свет родным и близким «нужные и приятные им вещи». Чтобы отправить такую посылку, необходимо было приобрести в городе миниатюры предметов, которые ты хочешь отправить, принести их сюда и сжечь в одной из урн. Тогда посылка наверняка дойдет до получателя в целостности и сохранности. Примечательным было то, что целый квартал города был посвящен только таким предметам: тут продавались миниатюрные, сделанные из бумаги, картона и дерева, мебельные гарнитуры, электробытовая техника, одежда, обувь и даже всевозможные домашние животные.

Гойя подумала о родителях. Интересно, что бы она могла им отправить? Мыслей не было никаких, ее мозг был не в состоянии представить, что им может быть нужно что-либо, кроме ее памяти.

«Мы – несовершенны. Мы не можем понять самые простые вещи. Мы их не слышим ни душой, ни сердцем».

Как-то вечером Туан пожаловался им, что сегодня у его отца праздник гроба, а он не может его отпраздновать, как должно, с отцом. Гойя была настолько потрясена названием этого праздника, что начала расспрашивать Туана обо всех деталях. Оказалось, что в семьдесят лет каждый вьетнамец празднует Праздник гроба в прямом смысле. То есть он покупает себе красивый гроб на случай смерти, ставит его у себя дома и приглашает всех родных и близких на большой пир. Как считают вьетнамцы, в семьдесят лет человек уже поработал сколько надо, родил детей, поднял внуков, и теперь всё время, которое ему осталось жить, он может полноценно отдыхать. А гроб так и оставался стоять в квартире до дня смерти.

Гойя вспомнила, как маленькой боялась одной заходить в подъезд, потому что по традиции соседи выставляли на лестничную площадку крышку гроба, если кто-то из близких умирал. Крышка стояла там, пока покойник находился в квартире.

Почему-то мысль о смерти после истории о Празднике гроба больше не пугала ее. Словно она избавилась от детского страха. Словно вдруг гроб перестал быть знаком чего-то страшного, а стал просто логическим продолжением жизни.

Они остались ночевать в небольшом гостевом доме при монастыре.

Вечером они любовались закатом, отражающимся в Райском озере, и солнцем, которое медленно садилось за гору Мишон с изогнутым пиком под названием Кошачий Зуб.

Рано утром Гойя вскочила и помчалась на Рассветный Мост. Там, в нежной голубоватой дымке, поднимающейся от воды, стоял Тарабен и задумчиво смотрел на горы.

– Как вы узнали, что я приду сюда с утра? – Гойя точно помнила, что ничего не говорила Тарабену о своих планах

– Доброе утро! – В утреннем свете волосы на его голове выглядели волшебным облаком, и вообще он был похож на волшебника Мерлина. – Об этом было нетрудно догадаться, учитывая, как вы пытаетесь за последние два дня постигнуть здешнюю культуру восприятия. – Он усмехнулся, глаза смотрели куда-то внутрь Гойи. – К тому же, безотносительно вас, вставать рано – моя привычка, и куда еще может вас привести проснувшаяся душа, как не на Рассветный мост?

«А что, если мой настоящий отец – именно такой: невнимательный, незаботливый, но вызывающий бесконечное восхищение своим внутренним миром, в котором он ежеминутно создает сказочно красивые образы?» – внезапно подумала Гойя и почему-то испугалась этой мысли.

Со стороны Башни Источника Счастья раздались глубокие звуки гонга. Они стояли рядом на мосту и любовались картиной гор, рисунком озера и тонкими штрихами деревьев. И эта картина со звуком гонга обрела свой строгий, идеально правильный и чистый смысл.

Оставшихся двух дней им хватило на то, чтобы погрузиться в «Бал ста королей», словно в тайный мир, который теперь их полностью объединял.

Тарабен был прирожденным артистом. Он признался Гойе, что всю жизнь мечтал быть актером, но так и не отважился на это. Вместо этого он начал свою карьеру в роли коллекционера старинных, редких, «говорящих» предметов, приносящих людям радость, каждый в свою эпоху. Открыв небольшой магазин, он понял, что людям нравится его коллекция. В выходные дни перед магазином собиралась толпа зевак, желающих посмотреть или приобрести какую-то из этих вещей. А еще он понял, что продавать что-либо – это совсем неинтересно. Другое дело, когда можно эти предметы оживить и показать людям, создать из них сказочный мир.

Так родилась идея создания волшебных декораций. Мысль о том, что предметы и само пространство, правильно озвученное, могут изменять человеческое сознание, не оставяла в покое Тарабена. Он стал изучать историю архитектуры, принцип работы галлюцинаций и визуального обмана. За тридцать лет своих изысканий он превратился в настоящего мастера визуальных эффектов. Используя в работе звуки, формы, предметы и даже запахи, Тарабену удавалось погружать людей в то состояние, которое им было задумано. И состояние это граничило с гипнозом. Он рассказывал Гойе о том, как можно затронуть воображение людей и заставить их раскрыть свое подсознание через предметы, формы и цвета.

От него Гойя узнала, что всякий внешний фактор, воспринимаемый органами чувств, вызывает в коре мозга раздражение, в ответ на которое возникает очаг торможения и, как следствие этому, смену эмоции. Так, после уличного шума мы стремимся к тишине, а после долгого пребывания в тишине нам приятны музыка, пение птиц, человеческие голоса.

Гойя старалась запомнить каждое его слово. Красный цвет считается самым возбуждающим. Он вызывает позитивные эмоции: приток энергии, ра-

дость, желание двигаться, эротические ощущения, стремление к общению, религиозный экстаз. Но его надо использовать дозированно, ибо возбуждение может перерасти в эмоции негативного ряда и вызвать жестокость, страх, тревогу и даже стать стимулом наркотического действия.

Желтый цвет вызывает положительные эмоции: веселье, душевную легкость, приятное чувство благополучия, счастья, освобождения, молодости.

Зеленый цвет действует на нервную систему также положительно: он успокаивает раздражение, снимает усталость, умиротворяет, иными словами – психологическое воздействие его обратно действию красного. Именно поэтому мы отдыхаем на природе, и нас радует пейзаж с зелеными полями и лесом.

Но если зеленый становится теплее и темнее, превращаясь в болотный, табачный, торфяной, он воспринимается как цвет гниения, распада, и в этом качестве производит неприятное впечатление.

Синий цвет – это ощущение покоя, неподвижности, глубины пространства, это цвет духовной красоты и идеала. Длительное воздействие синего изолирует от реальности, погружает в некий иной мир, свободный от забот и суеты; синий дает ощущение вечности и широкого свободного пространства.

Фиолетовый является крайним цветом спектра и самым коротковолновым. Это как бы угасший красный – такой красный, на который набросили синий покров тьмы. В нем двойственность воздействия на психику: он и возбуждает, и угнетает, одновременно притягивает и отталкивает.

Гойя узнала, что самый энергичный цвет – это белый. Он заряжает человека бодростью, побуждает к деятельности. Дневной свет рассеивает ночные страхи, прогоняет мрачные сны. Белый дает ощущение чистоты и пустого пространства; он направляет мысли на возвышенное, божественное.

Гойя чувствовала, что постигает последние этапы своей профессии, и что Тарабен рад быть ее учителем.

Она думала про наполнение своего сценария в призме того, что рассказывал ей Тарабен. Они гуляли в сопровождении Туана по самым красивым местам города, плавали вниз по реке на большом деревянном судне, на котором жила вьетнамская семья с тремя детьми, ели утку по-пекински с лотка и катались на рикшах, которые пытались им рассказывать про местные достопримечательности на чудесном англо-вьетнамском наречии.

Гойю переполняли смешные и странные мелочи, которые сами каким-то образом втекали в ее голову и оставались там маленькими яркими мазками. В какой-то деревушке, проходя мимо кузова большого грузовика, она обнаружила, что там живет целая стая голубей. В поисках туалета она набрела на надпись «Туалет “Счастливые моменты”» и подумала, что, как ни дико звучит это название для данного места, оно, по сути, выражает его сущность.

В этот же день ей на глаза попала яркая вывеска на каменоломне, которую они проезжали, – «Счастливые камни».

Они посетили буддистский храм, расположенный в гроте, и на них оттуда вылетела целая стая летучих мышей. По дороге в храм, на причале, где Гойя успела покормить хлебом стаю огромных ярко-красных рыб, к ней подошла грустная одноглазая собака. Осторожно взяла кусок хлеба и унесла его куда-то.

Шаг 38

Стыд – это огонь,
выжигающий грех
из души человека.

Соня, 8 лет

Гойе снова снились страшные сны.

В первую ночь к ней пришел дьявол, у него был один глаз совсем черный, а второй – серый, человеческий. Она не испугалась. Он позвал ее, и она последовала за ним. Рядом появились два волка, они шли по обе стороны от Гойи, и она могла трогать их густую серую шерсть кончиками пальцев. Когда впереди возникла высоченная каменная стена, вся процессия остановилась на мгновение, а потом Гойя легко оттолкнулась ногами от земли, и все взлетели в черное небо.

Сразу после этого сна в какой-то кафешке к Гойе подошла официантка с совершенно черными глазами. Гойя от удивления открыла рот, но Туан объяснил, что во Вьетнаме модно носить специальные линзы, которые делают полностью весь глаз, вместе с белком, черным.

Потом ей приснился еще более странный сон.

Она присутствовала на очень странном спектакле: действие происходило в зале с длинным коридором, по которому дефилировали один за другим артисты в костюмах. Они открывали рты, но звук доносился из каких-то динамиков, установленных за зрителем, от этого было странное ощущение. Зрители и сама Гойя располагались по двое в каких-то малюсеньких кельях, откуда они могли наблюдать за действием на сцене через круглые небольшие проемы. Когда началась сцена объяснения в любви между двумя артистами, Гойя зачем-то на четвереньках выползла на сцену, села посредине и зажмурила глаза.

Она понимала, что актеры в замешательстве, и слышала, как они придумывают спонтанно какой-то бессмысленный текст, чтобы хоть как-то оправдать ее присутствие на сцене. Гойя посидела до конца акта, а затем так же, на четвереньках, поползла за кулисы, где внезапно обнаружила, что на ней нет ни брюк, ни белья. Прикрываясь какой-то узкой полоской ткани, она продиралась сквозь узкие коридоры гримерок, где, как в сотах, вертикально стояли все люди ее команды. Она с ужасом думала, что вот теперь они все увидят ее позор и больше не захотят с ней работать никогда.

Гойя просыпалась в холодном поту. Тарабен каждый раз спрашивал, как она спала, а она стеснялась рассказать ему о своих снах.

Последнюю ночь они должны были провести в Далате, где Платон им приготовил сюрприз. Ни Тарабен, ни Гойя понятия не имели, где они проведут свою последнюю ночь во Вьетнаме.

Туан загадочно моргал и бормотал что-то о красоте и культуре. Когда, наконец, они подъехали к гостинице, удивлению их не было предела. Гойя подумала, что вьетнамцы по-другому и не могли бы придумать сказочный дом, учитывая их слияние с природой. Посредине цветущего яркого сада с экзотическими растениями расположился, словно сплюснутый с двух сторон, красочно размалеванный домик с острой крышей. Но помимо того, что он был словно сжат между двумя застывшими сгустками лавы, над ним еще со всех сторон нависали огромные каменные корни, словно щупальца гигантского каменного осьминога.

Пройдя по парку, Гойя и Тарабен обнаружили, что архитектор создал целый комплекс строений, похожих на муравейник, в человеческий рост. Дома напоминали раскуроченные сгнившие пеньки и стволы деревьев, в которых гигантские муравьи проделали множество отверстий. Огромные каменные грибы выше человеческого роста росли при входе. То тут, то там виднелась прочная веревочная паутина, сплетенная человеческими руками в лучших «паучьих» традициях.

Гойя без труда немедленно почувствовала себя муравьем. Что до Тарабена, то он долго молча рассматривал все детали, покручивая усы и тихо усмехаясь.

Внутри домиков вся мебель также была сделана из дерева и камня. Большие деревянные скульптуры животных – кенгуру, тигра, орла, – плялились на посетителей яркими электрическими лампочками красного цвета.

Между домиков протекали каналы, соединенные между собой деревянными мостиками с извилистыми перилами, сделанными из лиан и корней деревьев.

– Отель насивается «Сумаседсий дом». Креси Хаус. Да, – тихо сказал Туан, выдавая им ключи от их номеров. Ему явно не нравилось это место, он всё время оглядывался и переминался с ноги на ногу.

– Хорошо, Туан, а ужинать мы будем тут же? – Гойя хотела успеть позвонить домой перед тем, как они отправятся на ужин.

– Нет, усинать будем в холосем месте. – Вьетнамец при этих словах зачехот-то поклонился невидимому самому себе.

Тарабен, наблюдая за этой сценой, просто светился от счастья.

– Вот вам, дорогая, яркий пример того, как антураж может повлиять на психику человека. – Он усмехался, глядя вслед уходящему Туану.

– Вам тоже показалось, что ему здесь не очень комфортно? – Гойя подхватила свою сумку, но Тарабен просто забрал сумку у нее из рук и пошел вперед.

– Ему здесь не просто не комфортно, ему здесь, как рыбе на песке. Он сам не понимает, что говорит и делает. Вся сила его мозга направлена на то, чтобы бороться внутри себя с тем, что он видит. Это именно тот феномен, который мы с вами обсуждали. Человек, сотворивший этот ужас, был наделен внутренней целостностью и богатой фантазией. Именно поэтому здесь возникает ощущение, что всё настоящее, кроме вас самих.

Гойя шла за Тарабеном и раздумывала над тем, что он сказал.

«Интересно, а я целостная? Или из кусочков?» – ее снова обуревали глупые мысли.

Они остановились перед дверью домика Гойи, Тарабен повернулся и отдал ей сумку.

– Пятнадцать минут, и я буду готова ужинать даже в «Сумасшедшем доме»! – Гойя пыталась повернуть ключ в замке, но он не поворачивался.

– Нет, милочка, уж если нам суждено ночевать в «Сумасшедшем доме», благодаря нашему покровителю, – он взял из ее рук ключ и без труда открыл дверь, – то ужинать нам надо, по крайней мере, в строго противоположном месте. Встретимся у выхода на свободу.

Он повернулся на каблуках и со спины махнул Гойе рукой в стиле королевского «Виват». Гойя, улыбаясь, смотрела вслед этому смешному и гениальному человеку.

«Как хорошо, что я его встретила, и что у меня есть возможность побыть рядом с ним и послушать его».

Так мало в мире было людей, которых Гойе действительно хотелось слушать.

Она бросила сумку на кровать, покрытую ярким вязаным покрывалом, и достала телефон. Связь была плохая, но в самом домике телефона вообще не оказалось, а позвонить было просто необходимо.

Она набирала домашний номер раз пять, пока, наконец, гудки не превратились в далекий голос няни.

– Ну как? – Гойя почти кричала в трубку, ей всё казалось, что та ее не слышит. – Как Лив?

– Лив хорошо, не волнуйтесь. Сегодня играла с подружкой, рисовала, покушала немножко. Днем не спала, но и не капризничала. Не волнуйтесь, пожалуйста.

Когда няня произнесла эту фразу второй раз, у Гойи в душе что-то екнуло.

– Дома всё хорошо? – Она медленно выговаривала каждое слово.

– Да, да, всё хорошо. – Няня замолчала.

– Что случилось? Скажите мне, а то я буду нервничать. Я же слышу, что что-то не так.

– Да ничего особенного, опять всякие непонятности. – Няня явно злилась. – Или я устала, или этот дом... Как только вы уезжаете, он просто меня изводит.

– Пожалуйста, успокойтесь. Вам ничего не угрожает, ни вам, ни Лив. – Гойя знала, что няня панически боится, когда дом проявляет любые признаки жизни без чьей-либо помощи. Это происходило регулярно, и для Гойи не было основанием для беспокойства, когда сам по себе включался свет, закрывались или, наоборот, открывались двери, когда кофейная машинка включалась сама или где-то начинала играть тихая музыка.

Но няня – другое дело. Она росла в простых деревенских условиях и была совершенно далека от всяких, выходящих за рамки ее понимания, явлений.

– А я вам подарок купила! – весело и громко сказала Гойя.

– Ой, подарок! Ну зачем же вы тратитесь?! – Няня сразу переключилась.

– Красивый-прекрасивый платок! Шелковый! Вам очень будет к лицу. – Гойя раскачивала телефонный канал, по которому посылала все свои позитивные мысли в сторону няни и Лив.

– Ой, спасибо! Я так давно мечтала о шелковом платке! – Няня искренне обрадовалась. – Вот Лив хочет сказать вам... – Лив вырывала трубку.

– Алле, алле, алле! – шипение и чмокание в трубку.

– Мусечка, сладкая моя, Лив, привет!

– Привет!

– Как ты там живешь? Что ты делаешь?

– Я класу калтину для тебя. А две тысячи семнадцатый год есе не наступил?

– Нет, милая. Не наступил еще.

– Тогда я новую калтину тебе подаю.

– Ух ты! Это мне подарок? И у меня есть для тебя подарок!

– Это тигр?

– Нет, – Гойя опешила. – Почему тигр?

– У Бернабика есть длуг тигл, его зовут Теодол, и он там живет.

– Где там? – Гойя пыталась понять, откуда взялся тигр.

– Там, где ты сесяс есть. – Лив бросила телефон и убежала. Трубку подобрала няня и попрощалась с Гойей уже в хорошем настроении, забыв про все свои несчастья.

«Тигр-то тут есть, но боюсь, что привезти мне его не удастся», – Гойя смотрела на огромного деревянного тигра, вырезанного из цельного куска дерева посередине своего номера. Он был покрашен оранжевой и черной краской, и в глазах у него горели красные лампочки.

Туан ожидал их у входа.

Минут пятнадцать они шли вдоль реки в сторону центра и оказались перед небольшим рестораном у воды. Ресторан был весьма простой, с обшарпанными стенами и старыми клеенчатыми скатертями, положенными поверх пластиковых столов. Все достаточно проголодались, чтобы искать другой вариант ужина.

Ресторан был почти пустой. Только один столик был занят старым вьетнамцем. Он обстоятельно поедая свою лапшу, низко опустил голову.

Гойя раскрыла меню и со свойственным ей любопытством поинтересовалась:

– И как же называется это чудесное гастрономическое заведение?

– «Дволец ума», – не поняв юмора, спокойно ответил Туан.

– Как? – обрадовался Тарабен. – Дворец чего? – Он громко расхохотался.

– Ума. Головы. Дволец мыслей селовека. Да.

Тарабен просиял.

– Ну вот, это именно то, что нам надо. Жить в «Сумасшедшем доме» и ужинать во «Дворце разума».

– Красиво звучит, – Гойя сделала мечтательное лицо, – «Дворец разума». Если тут все названия такие глубокие, то обязательно, кроме Башни Благополучия и Храма Поэзии, должен быть Дворец Разума.

– Дворец Разума существует, Гойя, но только не здесь, – медленно проговаривая каждое слово, тихо сказал Тарабен и вдруг стал серьезным.

– А где? На Тибете? – Гойя хитро улыбнулась, не замечая изменений, происходящих в настроении Тарабена.

– Нет, вы не поверите. В Падуе...

Оба внезапно замолчали и уставились друг на друга.

Шаг 39

Вьетнамская сказка, которую Туан рассказал Гойе на прощание Жил-был на свете один богатый торговец. У него было четыре жены.

Торговец больше всех любил свою четвертую жену. Он покупал ей самые красивые наряды и самые вкусные яства, ухаживал за ней и старался всё лучшее отдавать ей.

Он также очень гордился своей третьей женой, часто хвастался ею перед своими знакомыми и друзьями и страшно ревновал ее при мысли, что она может уйти к другому мужчине.

Торговец любил и вторую свою жену. Она для него всегда была лучшим другом и помогала ему советом, когда начинались какие-то трудности и проблемы.

Первая жена торговца была очень честная и преданная, она заботилась о доме и здоровье торговца и очень любила его, но он ее не любил.

Однажды случилось так, что торговец заболел. Несмотря на лекарей и разные снадобья, которые он принимал, ему становилось всё хуже и хуже. Он почувствовал, что скоро умрет, и ему стало страшно.

– Всю жизнь я был окружен моими женами, богатством и благополучием, а теперь я должен умирать один, – подумал торговец и позвал свою четвертую жену.

– Я любил тебя больше всех жен, я давал тебе всё лучшее, что у меня было. Но теперь я умираю. Последуешь ли ты за мной?

– Ни за что! – воскликнула четвертая жена.

Услышав такие слова, словно нож вонзился в сердце торговца.

Позвал он к себе третью жену.

– Я любил тебя всю свою жизнь, теперь я умираю и не хочу оставаться один. Скажи мне, пойдешь ли ты со мной?

– Нет, – ответила третья жена. – Эта жизнь полна счастья и радости, и после твоей смерти я смогу снова выйти замуж.

От ее слов похолодело всё в душе торговца. Обратился он тогда к своей второй жене.

– Жена моя, ты всегда помогала мне в трудную минуту, и теперь мне нужна твоя помощь. Я умираю, помоги мне в последний раз. Не бросай меня!

– В этот раз, увы, я не смогу тебе помочь, – грустно ответила вторая жена. – Всё, что я могу для тебя сделать, – это проводить тебя до могилы и оплакивать твою судьбу.

Словно гром среди ясного неба прозвучали ее слова.

Закрыв глаза торговец и вдруг услышал тихий голос:

– Я пойду за тобой куда угодно, мой господин.

Он открыл глаза и увидел свою первую жену. Она была бледная, худая и постаревшая, но глаза ее горели любовью.

«Я должен был больше сил и любви отдавать тебе», – подумал торговец и умер.

В жизни каждого человека есть четыре жены.

Четвертая жена – это наше тело. Неважно, сколько сил, любви и денег мы вложим в него, оно оставит нас, когда придет время умирать.

Третья жена – это всё, что мы приобрели во время жизни: наше состояние и нажитое добро. После нашей смерти оно непременно достанется кому-то другому.

Вторая жена – это наши близкие люди, наша семья и друзья. Всё, что они смогут сделать для нас, – это оплакивать нашу участь и проводить нас до могилы.

Первая жена – это наша душа. Мы часто не обращаем на нее никакого внимания, потому что нас больше интересуют материальные и эмоциональные блага. Но только она будет с нами до конца.

Шаг 40

среда,
16 октября 2013 года

В позитиве – моя жизнь полна красивых, никому ненужных парадоксов, бытовых волшебных случайностей и замысловатых возвратов.

В негативе – я плыву по реке жизни, как человек, так и не научившийся хорошо плавать. Но вместо сосредоточенного спортивного заплыва на успех постоянно глазею по сторонам.

От этого периодически начинаю захлебываться...

На следующий день Гойя вылетала домой. Тарабен улетал из Вьетнама днем позже. Через неделю они договорились встретиться. Гойя обещала доработать сценарий, Тарабен – предложить варианты мест проведения «Бала ста королей».

Самолет приземлился в аэропорту Парижа ровно в шесть часов после полудня. Гойя прыгнула в машину, ей очень хотелось побыстрее увидеть Лив.

Дорога, на удивление, была пустой. В зеркале заднего вида разливался яркий красно-оранжевый закат, а впереди, заняв всё лобовое стекло, вырисовывалась нежная картина вечера с голубыми сумерками, белыми хлопьями облаков и невероятно крупной, словно нарисованной луной.

Мысли в голове Гойи образовали толкучку и на бешеной скорости чередовались одна другой.

Красоту заката прерывал голос Тарабена, объясняющий ей формулу пространства; на его фоне возникал еще чей-то голос, диктующий, словно для секретаря: «всё теории стоят одна другой, есть среди них и такая, согласно которой...»

«Лив – надо торопиться, ей может стать хуже в любой момент».

«Я верю в то, что у меня всё получится. Надо позвонить Фриде. Артисты. Они должны двигаться сквозь время, которое будет видоизменяться в пространстве, которое создаст Тарабен».

Дом встретил ее обиженно: дверь никак не хотела открываться, ручка была перепачкана землей – видимо, собаки прыгали на калитку. Гойя долго возилась с ключом, испачкала руку, уронила сумку.

Лив была наверху у себя в комнате. Няня хлопотала на кухне.

– Наконец-то вы дома! – Няня бросилась забирать вещи из рук Гойи.

– Да уж, словно и не уезжала. – Задумчиво произнесла Гойя, автоматически включая кофейную машину. – Хотя нет, наверное, уезжала, – она словно

очнулась от длительной паузы. – Конечно, уезжала! Столько всего видела, поняла, узнала! – Она закружилась по кухне. Радостная собака Жулик закружилась вокруг.

– Мама! – Лив кубарем скатилась с лестницы и бросилась на руки. Гойя подхватила дочь и уселась на стул.

Обцеловав все попавшиеся под руку места и проиграв битву поцелуев, обе затихли и молча прижались друг к другу, застыв на несколько секунд неподвижно.

– Теперь рассказывай, как ты тут поживала, – чуть отстранив дочь от себя, попросила Гойя.

– Я – холосо, но Мех усол от нас. – Лив грустно опустила голову.

– Куда это Мех от вас ушел? – Гойя повернулась к няне, которая потихоньку ей делала знаки руками, видимо, обозначающие, что Лив недавно обнаружила пропажу кота и очень переживала по этому поводу.

– Он усол к себе домой. – Лив говорила сосредоточенно, словно у нее в голове была уже какая-то формула.

– Да? Но он же не обиделся на нас, как ты думаешь? – Гойя была в растерянности. Она понимала, что рано или поздно придется Лив сказать правду, и эта правда ее ужасно тяготила.

– Нет, – Лив посмотрела на мать с жалостью. – Не грусти, он не обиделся. Он просто захотел узе пойти домой к себе. Его там осень здут.

– Ну, вот видишь! Значит, ему сейчас хорошо там, дома. А мы его будем помнить и любить, правда?

– Да. Но мне без него плохо. И Белнабику плохо.

– А смотри, что я тебе привезла! – Гойя открыла сумку и достала плюшевого тигренка, которого купила в аэропорту Ханоя.

– Ух! – Лив даже дыхание задержала от радости. У нее была манера Гойи очень сильно реагировать на происходящее, особенно если ей это было приятно. Она схватила тигра и стала его обнимать. – Это Белнабик будет лад. Это его длух.

Внезапно заиграл патефон. Гойя остановилась посредине кухни и застыла. Они переглянулись с няней, которая старалась изо всех сил держать себя в руках. Но такие вещи всегда выводили ее из равновесия. Она скороговоркой выпалила жесткое ругательство на родном языке, вытерла руки о передник и пошла выключать патефон.

Гойя почему-то никогда не напрягалась по поводу таких вещей. В ее системе координат это было нормальным явлением, выходящим за рамки только этой реальности.

Регулярно дом играл с ней в такие игры. Она методично по вечерам выключала лампы внизу на кухне. Ламп было много – Гойя любила старинные лампы с мутным стеклом и рассеянным светом, их было штук шесть или восемь, и каждый вечер Гойя перед сном одну за другой их выключала.

Несколько раз после того, как Гойя поднималась в спальню, внизу щелкал выключатель. Он щелкал всего один раз, но Гойя знала, что, когда она спустится вниз, все лампы снова будут включены.

– Мааам, – Лив уже минуту трясла ее за руку.

– А? – Гойя очнулась от мыслей.

– Ты тепель долго дома будес, да? – Лив заглядывала матери в глаза.

– Да, родная. Теперь мы будем тебя лечить и вылечим, чтобы ты совсем-совсем не болела – Она села на стул и посадила Лив на руки.

Телефон зазвонил и выпал из кармана. Звонила Фрида.

– Да, Фрида, привет. – Гойя вдруг почувствовала сильную усталость, словно вся тяжесть дороги, перелета и путешествия разом ударили ее по голове этим голосом.

– Привет. Как дела? Давно вернулась? – Голос у Фриды был с хрипотцой, словно она простыла.

– Только зашла. Ты болеешь?

– Немного, но мне уже лучше. Температурила несколько дней. Какие планы на ближайшие дни?

– Мне надо готовить проект, писать сценарий, продумывать логистику, подбирать артистов.

– Ты уже знаешь, как это будет выглядеть? – Гойе показалось, что в голосе Фриды проскользнуло удивление.

– Я знаю, как оно должно выглядеть, и буду стремиться к тому, чтобы оно так и выглядело.

– На какое число назначено мероприятие?

– Тридцать первое декабря. Осталось меньше трех месяцев.

– Ясно. – Фрида помолчала несколько секунд, словно собираясь с мыслями. – Мне нужно, чтобы ты съездила в одно место и поговорила с одной женщиной. Это нужно и тебе тоже.

С начала их совместной работы Фрида ни разу не заговорила с Гойей об оплате своих услуг и о том, как бы она хотела воспользоваться энергией Гойи. Периодически Гойя вспоминала про это и искала возможность задать ей вопрос, но с Фридой всё было предельно четко – ей нельзя было задать вопрос относительно того, о чем она не хотела разговаривать.

– Да, конечно, я поеду. Возможно даже завтра.

– Отлично. Я скину адрес. Это не очень далеко.

– Что мне нужно узнать у нее? – Гойя старалась говорить безразлично, но почему-то начала волноваться.

– Женщина пожилая и не совсем в своем уме, на первый взгляд. – Голос Фриды стал тише. – Про меня говорить не надо, ты пришла по своей инициативе. – Она помолчала. – Да она тебя, скорее всего, и не спросит. Если спросит, скажи – из Благотворительного фонда.

– Ты с ней знакома?

– Да. – Фрида, казалось, подыскивала форму слов, которая была бы понятнее Гойе, но отчего-то не находила. – Я знаю ее, и она меня знает. То есть когда-то знала. Сейчас – не уверена. Она болеет, ей память изменяет и даже заменяет какие-то куски жизни, каких-то людей. Ты – новый человек, у нее к тебе нет никакого отношения.

– Хорошо, я понимаю. Что я должна у нее узнать?

– Ты должна попросить ее рассказать тебе о прошлом. Все что угодно. Любая информация будет ценной.

– Но если она будет рассказывать чепуху? Ты же сама сказала, что она не в себе.

– Пусть. Мне важно любое ее слово. Чепуха не рождается из ниоткуда, ее тоже надо учитывать.

– Хочешь, я запишу на диктофон? – предложила Гойя.

– Нет, ни в коем случае. Если ты будешь записывать, ты будешь иначе ее слушать. А мне важно, чтобы ты целиком ее слушала. И потом так же целиком мне всё рассказала. По памяти.

«Как работает память? Нет, не в смысле того, как она фиксирует какие-то моменты жизни, а как она выбирает именно те моменты, которые надо зафиксировать? Правое и левое полушария. Мои воспоминания рассыпаются мелким песком и камушками. Крупные камушки иногда остаются на поверхности. Но это ничего не значит, потому что запоминается всё равно побочное. То есть, может быть, в итоге оно и есть то главное, что стоило запомнить, но на момент происходящего совсем другие вещи кажутся важными».

– Я поняла. Хорошо. – Гойя гладила волосы Лив, говоря с Фридой, и внезапно ощутила, что на нее повесили груз. Именно сейчас. Настало время платить Фриде за ее помощь. Она взяла себя в руки. В конце концов это нормально, и Фрида много, очень много для нее сделала.

– Я тебе скину адрес и ее имя. Поезжай днем, после пяти туда не пускают. Это дом престарелых. Там строго. Поговори просто с ней, о чем хочешь, спроси про то, о чем она вспоминает.

– Хорошо. – Гойя чувствовала, что Фрида говорит не то, что думает. Вернее, она не говорит главного, но это было условием платы.

Она завершила звонок и долго сидела с телефоном в руке, прижимая к себе Лив. Та замерла, прижалась всем телом к матери и тихонько уговаривала своего тигра быть хорошим. Он вроде бы и не очень возражал.

Через несколько минут на телефон Гойе пришло смс, в котором был адрес дома престарелых и имя женщины.

Ее звали Иоланта Крампс.

X

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Шаг 41

четверг,
17 октября 2013 года

Большинство людей мечтают
что-то иметь. Достаточно много
людей мечтают что-то сделать...
И единицы мечтают кем-то быть.

На следующий день Гойя проснулась в шесть утра, быстро позавтракала и умчалась в офис. Там она провела чуть больше часа, оставив указания Ирме и сделав несколько звонков. После этого прыгнула в машину и вбила в навигатор адрес дома престарелых, который прислала Фрида.

Если верить навигатору, Гойя должна была преодолеть расстояние в сто пятьдесят километров за два часа и семь минут.

Она включила радиоприемник. На канале новостей ровный голос диктора сообщил, что на Париж движется армия из более чем тысячи тракторов. Крестьяне возмущены тем, что литр молока стоит дешевле, чем литр воды. Молоко они добывают тяжелым трудом, а вода течет сама по себе. С утра крестьяне на тракторах планировали войти в город и заблокировать все въезды и выезды.

Гойя подумала о том, кому и, главное, при каких обстоятельствах могла прийти в голову мысль организовать крестьян на такой отважный и длинный поход. Эдакий яркий образец организаторского таланта, бессмысленный и беспощадный. Она переключила частоту.

Из динамика полились звуки рояля. «Я особенно скучаю по тебе, когда начинают падать осенние листья», – запел грустный глубокий женский голос. Гойя отдалась дороге и впустила в себя эту грусть и любовь. У нее часто случалось так, что организм выдавал совершенно неуместную реакцию в каких-то ситуациях: например, когда на проекте случалось какое-то ЧП, на Гойю вдруг находило такое удивительное спокойствие, словно ее душа, наконец, избавлялась от Гойи-сделанной и начинала действовать согласно совершенно другим установкам. Она могла поставить классическую музыку и десять минут просто сидеть и слушать ее. Потом встать и за пять минут решить проблему. Или в то время, когда надо было полностью сконцентрироваться на чем-то или на ком-то, она, наоборот, внезапно переключалась на запах, цвет или ощущение.

Дом престарелых с нежным названием «Ласточка», видимо, подразумевая уютные гнездышки для стариков, которые весело залетали внутрь, но достаточно скоро и так же весело их покидали, был чудовищным серо-бетонным кубом.

Гойя оставила машину на небольшом и совершенно пустом паркинге и по раздолбанной дорожке пошла к зданию.

У крыльца с потрескавшейся дверью елозил на инвалидном кресле сухонький старичок. Он часто моргал и причмокивал, яростно двигая боль-

шими ладонями колеса взад-вперед. Гойя кивнула, вежливо улыбнулась и распахнула дверь.

На нее выплеснулся запах прокисшей капусты, одиночества и старческой бессонницы.

В большом зале, куда ее вывел короткий коридор, за круглыми столами в инвалидных креслах и просто на деревянных стульях сидели старики и старухи. Между ними с видом грозного превосходства прогуливались медсестры, раздавая сидящим полдник на пластмассовых подносах.

У стариков были лица детей из детского садика, которые все одновременно повернули головы, вытянули шеи и гляделись в Гойю в надежде, что за ними пришли родители.

Несмотря на достаточно опрятный вид, всех их объединяло что-то ужасно грустное. Они, как никому ненужные обломки жизни, сидели за этими столами, только некоторые переговаривались между собой. Большинство же просто сидело молча, уставившись в никуда.

«Из них уже вынули жизнь, – подумала Гойя. – Не дыхание и восприятие окружающего, а жизнь – как что-то живое, движущееся вперед, как река. Тут не текут реки, тут просто одна большая лужа, куда посадили вместе всех этих лишних людей, и они в ней барахтаются».

Гойе стало до слез жалко этих людей, она вдруг почувствовала стыд за свою профессию, за свою жизнь, за свои проблемы. За то, что она только сегодня сюда попала и даже не могла представить, что такое бывает. Ее мозг сразу стал вписывать это человеческое состояние в параметры ее абонентов, которых надо было сделать счастливыми. Ее работа заключалась в этом. В том, чтобы придумывать, как делать людей счастливыми. Любых людей. Всех. Она должна уметь находить формулу.

Вот кому нужны ее помощь и ее дар.

Гойя гляделась в лицо какой-то сморщенной старушки, пытаясь слышать ее, когда к ней подошла одна из медсестер – низенькая крупнотелая негритянка.

– Добрый день. Вы к кому? – Медсестра, прищурившись, смотрела на Гойю, как учительница, которая смотрит на ученицу, не знающую ответа на вопрос.

– Простите, я ищу мадам Крампс. – Гойя испугалась, что ее сейчас выгонят, когда поймут, что она ни сном ни духом не знает, как выглядит мадам Крампс, которую она ищет.

– Иоланту? Вам надо подняться на второй этаж, двадцать первая комната. – Медсестра плавно махнула пухлой ручкой в сторону лифта и забыла про Гойю.

– Спасибо вам большое. – Гойя заторопилась к лифту, боковым зрением ощущая на себе взгляды всех стареньких «детей».

На втором этаже Гойя только со второго раза смогла выйти из лифта. Когда створки дверей распахнулись, сразу перед собой она увидела длинный прямоугольный стол, за которым сидели старики в креслах-катачках. Это очень напоминало картину «Тайная вечеря», только на столе было пусто. Сразу за ними находился гигантский аквариум, в котором медленно плавали

большие серебристые рыбины, едва двигая плавниками и шевеля выпуклыми глазами яблоками.

Каждый элемент этой картины сам по себе не казался безумным, но сочетание выражений лиц стариков, их поз, этого длинного стола и аквариума с серыми застывшими рыбами вызвало в душе Гойи такой ужас, что она остановилась, как вкопанная, и очнулась только после того, как двери лифта снова плотно закрылись.

Гойя нажала кнопку второй раз и резко шагнула в зазеркалье.

Крохотный кусочек мозга дал информацию о том, что, видимо, этот этаж объединяет совершенно больных стариков, сошедших с ума, пропавших без вести, отключивших функцию любой связи с внешним миром. Видимо, для того, чтобы посетитель, войдя в дом престарелых «Ласточка», увидел бы картину доброго детского садика, а не кладбища затонувших кораблей.

На нее посмотрели только те четыре старика, которые сидели прямо перед лифтом. Все остальные даже не повернули головы в ее сторону. Каждый из них был совершенно и безвозвратно утерян для социума. Глаза видели иное, уши слышали иное, душа медленно, но безостановочно покидала тело, которое, оторвавшись от нее, жило своей собственной, животнорастительной жизнью.

У одного старика половина лица была одним сплошным синяком. Гойя повернулась и резко пошла влево, словно зная, что комната двадцать один находится именно там. Зал закончился просторным коридором, по обе стороны которого располагались широкие, выкрашенные в цвет блевоты, двери палат.

Гойя, не сбавляя шаг, присматривалась к номерам.

Комната номер двадцать один оказалась на этой стороне в самом конце коридора. Дверь в комнату была приоткрыта. Стукнув три раза для приличия, Гойя аккуратно вошла внутрь.

В небольшой комнате спиной к входу и лицом к окну сидела старенькая женщина.

Гойя обошла кресло и заглянула женщине в лицо.

– Иоланта! – позвала она. – Мадам Крампс!

Старушка мелко затрясла головой и заулыбалась ртом, в котором жила совсем не идущая ей вставная челюсть серого цвета.

– Меня зовут Гойя. Можно я с вами поговорю?

Старушка с любовью взглянула ей в глаза.

«Я по-другому себе ее представляла. Более... Более космической».

– Вы из пенсионного фонда? – строго спросила старушка, продолжая улыбаться кому-то за спиной Гойи.

– Нет. То есть... Я сама по себе.

– Вы знакомы с ними? Очень приличные люди! – Старушка закивала невидимым приличным людям.

– Я в этом уверена, – успокоила ее Гойя. – У вас чудесная комната!

– Да, это приличное заведение, и поэтому комнаты такие. – Старушка чему-то обрадовалась.

– Но все-таки, наверное, немного скучно? – Гойя судорожно искала нить разговора.

– Приличному человеку не должно быть скучно. Надо работать над собой. – Старушка погрозила кому-то пальцем и, наконец, увидела Гойю.

– А вы тоже работаете над собой? – Гойе стало даже интересно.

– Конечно. Ежечасно. По-другому – просто аморально.

– Что аморально? – Гойе казалось, что она ныряет с головой в какую-то чужую историю, начала которой не помнила даже сама рассказчица..

– Жить, милочка, аморально. – Старушка выпятила верхнюю губу, опустила глаза и значимо закивала.

– Зинаида, ты опять за свое? – В палату вплыла высоченная худая медсестра, толкая перед собой кресло-коляску, в которой восседала... настоящая мадам Крампс.

Она сидела в кресле абсолютно прямо, с высоко поднятым подбородком. Большая копна седых волос расходилась густым шаром вокруг правильно очерченного овала лица. Огромные серые глаза с тяжелыми веками смотрели вполсилы, как показалось Гойе. На тонких губах было аккуратно нарисовано карандашом алое презрение ко всему окружающему миру.

На коленях у старушки лежали пачка тонких сигарет, губная помада и зажигалка.

Гойя поняла, что это настоящая Иоланта, за какую-то долю секунды до того, как та произнесла это хриплым тихим голосом, от которого по рукам побежали острые, колючие мурашки. Ненастоящая мадам Крампс, как показалось Гойе, побледнела и попыталась максимально быстро «закрыть все возможные щели, сквозь которые настоящая мадам Крампс могла бы в нее попасть». Медсестра, оставив кресло с мадам Крампс посередине комнатки, виртуозно подскочила к креслу-каталке Зинаиды и рванула его вправо с такой силой, что Гойя подумала, что, видимо, и медицинский персонал в заведении не очень-то вменяемый. Но уже через секунду, когда на месте, где строго находилась голова Зинаиды, просвистела туфля, Гойя оценила быстроту реакции медсестры.

Скорость, с которой мадам Крампс сняла с себя обе туфли, была невозможной для здорового человека.

Вторая туфля полетела уже на ходу. Медсестра, не произнеся ни слова, вывезла, наконец, бедную старушку в коридор и захлопнула дверь.

Мадам Крампс, как ни в чем не бывало, спокойно подкатила кресло к Гойе и указала ей на стул. Гойя молча присела.

– Ты ко мне? – На нее смотрели очень знакомые глаза.

– Вы мадам Крампс? – Гойя попыталась стереть последние пятнадцать минут жизни из памяти.

– Нет, она давно ушла, и ты вряд ли ее застанешь. Или придется очень долго ждать. – Женщина засмеялась глазами.

«Не может такого быть! Это опять не мадам Крампс? Это еще кто-то, кто случайно зашел в ее комнату? Но где же тогда эта мистическая Иоланта?»

Гойя вскочила, пятясь и почему-то кивая, нащупала дверную ручку и выскочила в коридор. Там высокая медсестра успокаивала Зинаиду, которая горько плакала, утирая глаза краешком платя.

– Простите, я должна переговорить с мадам Крампс.

– Она не хочет с вами разговаривать? – Медсестра, не разгибаясь, удивленно подняла на Гойю глаза.

– Нет, я просто хочу поговорить с настоящей мадам Крампс! – Гойя внезапно поняла, что говорит чепуху, и эта чепуха становится какой-то отправной точкой отсчета тому, что только начинается с ней происходить.

Медсестра разогнулась и сразу стала на голову выше Гойи. Посмотрев сверху вниз на пристыженную Гойю, она отчеканила:

– Это и есть настоящая мадам Крампс. Другой, к сожалению, здесь нет.

После этой красивой, как ей самой показалось, фразы она повернулась на каблуках и важно понесла себя по коридору к лифту.

Гойя вернулась в комнату, сгорая от стыда.

Мадам Крампс сидела вполоборота у окна, прикрыв глаза. Гойя тихо села рядом на краешек стула. Положила на пол сумку.

– Девяносто три. День абсолютной смерти, последний день Скорпиона, – прошелестели губы женщины.

– Простите? – Гойе показалось, что она ослышалась.

– Я родилась в этот день. – Иоланта открыла глаза и пристально посмотрела на Гойю.

– Я не очень разбираюсь в знаках зодиака. Это же ноябрь, правильно? – Гойя старалась говорить на той же волне, что и мадам Крампс.

– Возможно. Это не имеет уже никакого значения.

– Раз вы об этом говорите, то это, безусловно, имеет значение, – изнутри Гойю начало отпускать. Словно сильная рука, сжимавшая горло, немного ослабила хватку.

– Я стала заложницей дома. То есть его руками. – Мадам Крампс словно продолжила какой-то рассказ, который начала задолго до того. Было очевидным, будто она уверена, что начало рассказа Гойя помнит наизусть.

– В каком смысле? – Гойя попыталась вернуть историю к началу.

– В прямом. Я собирала разные старинные предметы для себя. То есть я думала, что собираю их для себя. Я приносила их в дом, и они становились на места так, словно стояли там всегда. Когда я пыталась какие-то предметы передвинуть, убрать, выкинуть или подарить, они разбивались. Я думала, это случайность. Потом поняла, что закономерность. Они не хотели покидать дом. Но мне нравился этот союз. Дом жил со мной, он разговаривал со мной, использовал меня. Моими руками старый дом возвращал себе те предметы, которые когда-то жили в нем. Дому нужна была сила всех этих предметов.

– Зачем? – удивилась Гойя.

– Я не знаю, зачем. Наступает момент, когда мы понимаем, что ничем не управляем. Что это иллюзия. Но это еще полбеды. Беда наступает тогда, когда понимаешь, что всё время жизни кто-то управлял тобой.

– Вы имеете в виду людей или...? – Гойя запнулась.

Мадам Крампс взглянула на Гойю почти презрительно и произнесла что-то совершенно непонятное, как ей показалось.

– Пронзительный, увлеченный, страшный...

– Иоланта, а вы давно покинули ваш дом? – Гойя пыталась вспомнить, где она видела такие же глаза, и не могла.

Мадам Крампс, казалось, не слышала ее вопроса. Она уставилась в окно и замолчала. Гойя сидела тихо и ждала, пока та вернется к ней сама. Наконец, она перевела взгляд на Гойю и произнесла:

– Если бы знать, зачем нам даются испытания, то тогда бы всё было во благо.

– Я могу вам как-то помочь решить ваши проблемы? – Гойе очень хотелось что-то сделать для этой женщины.

– Масло. Надо принести масло абрамелина. И закрыть уже эту тему.

– Расскажите, пожалуйста. Сначала, – взмолилась Гойя, глядя руку старой женщины. Та руку не отдернула, но как-то очень странно посмотрела на Гойю.

– Мой муж – очень влиятельный человек, у него связи и репутация. Я не могу делать вид, что я живу своей жизнью, потому что это не так. Мы все связаны в один клубок. Размотать его невозможно. – Мадам Крампс опустила голову и замолчала.

Гойя снова погладила ее по руке.

– Вы его любите? Вашего мужа?

– Кто вы? – Глаза мадам Крампс вспыхнули яростью. Она резко выдернула руку. – Уходите немедленно, кто вам позволил находиться у меня в комнате?

– Погодите, простите меня! – Гойя вскочила со стула. – Я не хотела вас обидеть. Я задала бестактный вопрос, умоляю простить меня. – Гойя изо всех сил старалась успокоить женщину.

– Я всегда была верной женой. Всегда. Ему нечего было мне предъявить. Кроме своего одиночества. – Она опустила голову так низко, что казалось, она сложилась вдвое.

– Иоланта, пожалуйста, не расстраивайтесь. Если было что-то плохое, оно осталось в прошлом, и надо жить дальше. – Гойя тихо опустилась на стул.

– Мы никогда не прикасались друг к другу. Никогда. Я знала, что нравлюсь ему безумно. Он сходил с ума по мне. И он мне так же нравился. Но я ему сразу сказала, что у меня есть муж и что я – верная жена. Мы переписывались. И только.

– Но почему вы так убиваетесь, мадам Крампс? Ведь воспоминания хорошие.

Она залилась краской, лицо потемнело. Гойя подумала, что у нее приступ, и уже собралась бежать за медсестрой, как Иоланта, наконец, справилась с эмоциями и громко выдохнула воздух.

– Люди должны быть рядом друг с другом, только если между ними есть все. Иначе это преступление, вы понимаете?

О, да! Гойя понимала. Слишком хорошо. Именно поэтому она была одна.

– Наша переписка убила его, а потом и моего мужа. И вот я одна танцую на пепелище. – Она сделала медленный танцевальный жест рукой, улыбнувшись одними губами, и закатила глаза. – Надо жить? Вы понимаете смысл слова «жить»?

Она достала из пачки сигарету и закурила. Тоненькая дамская сигарета подрагивала в сухих тонких узловатых пальцах с ярким маникюром.

– Думаю, да. Хотя не уверена, что могу ему дать точное объяснение.

– Если вы понимаете значение этого слова, как вы можете мне говорить о том, что надо жить?

Она снова начинала заводиться. Седые волосы вокруг головы стояли торчком, как пушинки одуванчика. Солнце, наконец поднявшись, светило сквозь них, обрушивая мелкие яркие пучки света на пол под ноги мадам Крампс.

– Мадам Крампс, – Гойя говорила спокойно, – я знаю, что не имею никакого права вас учить или давать советы, но... У меня очень болеет дочь. И я не знаю, что с нами будет дальше. Но я знаю, пока есть надежда на ее выздоровление... Нет, не так. Пока ее глаза смотрят на меня, пока я чувствую ее дыхание, ее тепло, я не имею права сомневаться в том, что жизнь – самое прекрасное, что у нас есть!

– Уверенность в себе – это очень красиво, – грустно посмотрев на нее, сказала мадам Крампс.

Они посидели молча еще минут десять. Гойя, наконец, поднялась.

– Спасибо вам за беседу. Мне пора идти. – Гойя погладила ее руку и пошла к выходу.

– Прощайте. Я передам, что вы заходили. – Иоланта махнула ей рукой в спину.

– Кому? – Гойя удивленно обернулась.

– Мадам Крампс.

Одуванчик на голове тихо затрясся...

Шаг 42

четверг,
17 октября 2013 года

Она часто видела эту квартиру во сне и всегда во сне ее боялась. В детстве, живя в ней, не помнила, чтобы квартира вызывала страх. Ее успокаивал только звук громко тикающего будильника или стука колес поезда.

Гойя вернулась из дома престарелых в свой дом абсолютно опустошенной.

В голове крутилась история Иоланты о ее доме, заложницей которого она стала, история ее несчастной любви. И, казалось, что между этими, на первый взгляд, разными историями есть какая-то нерушимая связь. Но какая – она не могла понять.

Зачем-то она открыла компьютер и вбила в поисковик «масло абрамелина» ...

- Масло корицы, 8 частей
- Масло мирры, 4 части
- Масло аира болотного, 2 части
- Оливковое масло, 7 частей.

«Кто такой аир болотный?»

Корневище аира жуют маленькими кусочками, принимают в виде отвара или порошка (на кончике ножа) как тонизирующее средство при угнетении центральной нервной системы, для повышения половой функции, а также при судорогах, различных психических заболеваниях, истерии, неврастении, для улучшения памяти. Растертым в порошок корнем аира присыпают гноящиеся язвы и раны.

Всё смешивается, заливается чистым оливковым маслом (на два-три пальца) и подвергается умеренному нагреванию. Смесь встряхивают несколько раз в день в течение нескольких недель.

«И сказал Господь Моисею, говоря:

23. Возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны самоточной пятьсот сиклей, корицы благовонной половину против того, двести пятьдесят, тростника благовонного двести пятьдесят,

24. И сделай из сего миро для священного помазания, масть составную, искусством составляющего масти: это будет миро для священного помазания».

Радость от понимания внезапно сменилась ощущением, что Гойя идет по кем-то продуманной и придуманной дороге, строго выполняя все указания и соблюдая траекторию.

«Я – тот колхозник на тракторе. Я даже не знаю, как выглядит тот, кто меня отправил в поход на Париж. Я просто еду на своем тракторе уже вторые

сутки по проселочной дороге в сторону Парижа, ощущая себя Последним Героем, слушаю музыку по радио и насвистываю веселую песенку.

Она говорила про то, что страшно осознать, что не ты всем управляешь. Это оно. Она считала, что ее нет. Что вместо нее остался какой-то каркас, который еще помнит боль души, что давно улетела. А боль осталась, просто по привычке».

Няня подошла, молча поставила рядом с Гойей бокал вина. И ушла.

Гойя отпила маленький глоток и набрала Фриду.

– Привет. Удобно говорить? – Гойя закурила.

– Привет. Да, я ждала. Ты уже вернулась? – Фрида всегда говорила только по существу.

– Да, я дома.

– Ты видела ее?

– Да.

Наступила неудобная пауза. Гойя ждала следующего вопроса, а Фрида надеялась, что ей не придется говорить первой.

Гойя выдержала паузу.

– Удалось поговорить? – Голос Фриды дрогнул, словно она поперхнулась чем-то.

– Немного. Она... С ней интересно говорить. – Гойя не торопилась рассказывать. Задавая вопросы, Фрида раскрывала то, чего она категорически не хотела говорить.

– Я поняла. – Голос Фриды стал жестким. – Спрашивай. Иначе мы никогда не договоримся.

– Кто она? – Гойя спросила так, словно знала ответ. Но ей важно было услышать это от Фриды.

– Моя мать. Ты довольна?

Гойя вздрогнула. Нет! То есть на самом деле она категорически не хотела этого слышать. Ей стало не по себе.

– Гойя, я не хотела тебя загружать этой информацией, ты зря потратишь свои силы, которые нам нужны для другого.

– Мои силы – не кирпичи на складе, – взорвалась Гойя. – Они берутся из того, что со мной происходит, и уходят туда же. Они текут и перетекают, Фрида. И если я не буду понимать, что я делаю, у меня будет гораздо меньше сил, чем должно быть.

Ситуация, казалось, выходила из-под контроля, запланированного ее.

Гойя двигалась по собственной траектории, сдвигая запланированный рисунок.

– Возможно и так. Но я не сужу тебя, заметь. Я тебе помогаю. Не очень понимаю, по какому праву ты можешь меня судить? У нас был договор, и я его выполняю. А ты? Да, я не могла туда поехать сама. Мне важно было с ней наладить связь. Я сделала это через тебя. Ну и что?

Голос Фриды звучал жестко, со знакомой ноткой металла. Так же, как в первый день в замке, когда ночью Гойя набрала ее номер. Только сейчас, услышав этот голос первого разговора, Гойя поняла, как она сблизилась с этой женщиной за эти несколько месяцев. И испугалась.

– Фрида, прости. Я тоже хочу помочь тебе. И не сужу. И не буду судить. Если тебе показалось, что я сужу, поверь, что это не так. – Гойя говорила, захлебываясь словами. – Я просто хотела, чтобы ты не боялась говорить мне правду.

– Хорошо. Рассказывай. Всё, что вспомнишь.

Гойя рассказала про чудовищную постройку, про старичка в коляске, про негритянку-медсестру и всех сидящих внизу стариков-детей. Она рассказала про лифт и про аквариум и даже про старика с синюшным лицом. Фрида слушала молча, иногда громко икая в трубку. Почему-то Гойя не смогла рассказать, как она перепутала Иоланту с другой старухой, этот эпизод словно стерся не из памяти, а из того, что ее мозг должен был выплунуть.

Она практически слово в слово пересказала свой разговор с мадам Крампс.

– Она сказала почему-то «девяносто три» вместо приветствия, – вспомнила Гойя.

– Число девяносто три состоит из двух цифр, – объяснила Фрида, – девять и три. Девять – очень сложное число. С одной стороны, оно означает удачу, но одновременно и неизвестность, непредсказуемость. Число три является творческим. Таким образом, число девяносто три символизирует треугольник, то есть то, что ты едина в своем пространстве с прошлым, будущим и настоящим, и всё это полностью совмещается в одной точке. Это ты.

– А что ты скажешь про день абсолютной смерти?

– Это двадцать первое ноября – день ее рождения. Это предпоследний день Скорпиона.

Гойя рассказала про дом и про то, как Иоланта собирала старинные вещи. Фрида молча слушала, не комментируя. Потом стала рассказывать про платоническую любовь к какому-то человеку. Фрида закашлялась и долго не могла успокоиться.

– Прости, я тебе открыла какую-то тайну? – Гойя испугалась.

– Нет, я знала эту историю. Я думала, что она уже из нее вышла.

– Фрида, она никогда из нее не выйдет. Наоборот, она хочет в нее полностью уйти и, может быть, кто знает, встретить там наконец свою любовь.

– Она его очень любила. Она забыла про всех, когда он появился. – Фрида разговаривала сама с собой. Гойя молча слушала. – Навсегда забыла. Кроме него никто больше не существовал. Но и он не существовал, потому что не мог жить без нее. А она не могла оставить нас. Но при этом она не замечала никого. Она страдала без него, мучила его и убивала нас. Он умер первым, за ним, спустя три месяца, умер отец. На его могиле она написала: «Пронзительный. Увлеченный. Страшный».

– Да, точно! Она говорила мне эти слова. То есть она не мне их говорила. Она просто их говорила. – Гойя плакала. – Фрида, ей же очень плохо и тяжело. Ты должна быть с ней, простить ее и помочь ей. Она – твоя мать.

– Я с ней. А теперь, благодаря тебе, еще сильнее.

К Гойе подошла Лив, одетая в платье феи, с волшебной палочкой в руках. Она тихо стала сбоку и хитро прищурилась на мать. Гойя вытерла слезы, сделала дочке жест, чтобы та не мешала. Лив застыла с поднятой в волшебном жесте палочкой.

– Надо успокоиться и просто забыть про то, что ты видела. Не потому, что оно плохое, а потому, что тебе это больше не понадобится, – Фрида говорила тихим голосом, так, как говорила во время сеансов гипноза.

– Я не уверена, что смогу, – произнесла Гойя, глядя на Лив, стоящую всё в той же позе замороженной феи.

– Сможешь, – сказала Фрида и бросила трубку.

Одновременно Лив взмахнула волшебной палочкой и прошептала какое-то волшебное заклинание.

IX

ОТШЕЛЬНИК

Шаг 43

пятница,
25 октября 2013 года

В высших сферах знать –
значит видеть.
На земле знать – значит помнить.

Вступление к книге
«История ТАРО»

Могильный камень привезли утром в багажнике открытого фургончика. В оберточной бумаге он походил на большую посылку, сулящую радость.

Водитель фургончика и его помощник в одинаковых синих комбинезонах с трудом и неудобоваримым сопроводительным текстом вытащили сверток из грузовика и, под причитания няни, как-то дотащили его до кухни, где поставили строго посредине. После чего они попросили подписать какие-то бумажки и, пока Гойя собиралась с мыслями, быстро уехали.

– Что это? – няня недоумевала. Она не могла сдвинуть с места «посылку» и ходила вокруг, не решаясь снять с нее бумагу.

– Надо распаковать, – тихо сказала Гойя, – чтобы посмотреть, не повредили ли они его.

– Кого «его»? – нНяня стала медленно распаковывать камень.

– Камень. – Гойя ожидала ее реакции, поэтому села на стул и приготовилась ее утешать. Реакция няни последовала незамедлительно. Как только показались серебряные буквы и фотография, она отпрянула от камня в ужасе.

– Кто это? Зачем это нам тут? А ребенок как? – Няня не могла скрыть испуга.

– Это моя бабушка. То есть это ее могильный камень. – Гойя говорила спокойно, разглядывая реализацию своей идеи. Большой вертикальный камень был сделан из черного мрамора, в два ряда шли буквы имени, высеченные в нем и покрашенные серебряной краской. Ниже, в выпуклой стеклянной рамке с серебряным кантом, располагалась фотография бабушки. Гойя вспомнила почему-то глаз на медальоне. Такой же выпуклый и потусторонний. Внизу были указаны даты рождения и смерти.

«Хороший памятник. Теперь дело за малым. Надо его отвезти на кладбище».

Няня продолжала ворчать и всхлипывать, гремя кастрюлями. Из спальни спустилась Лив. Она с интересом подошла к камню и обошла его со всех сторон. Остановилась перед фотографией.

– Это холосая тетя, мам? – Она повернулась к матери.

– Конечно, хорошая, милая! Это твоя прабабушка! – Гойя протянула руки к дочке, и та немедленно залезла ей на руки.

– А плабабуська важнее бабуськи? – Лив вопросительно смотрела на Гойю, улыбаясь беззубым ртом.

– Ну, это как сказать, – пробормотала Гойя. – Скорее, она старше, чем бабушка. Это мама бабушки.

– Знасит, у бабуськи тозе есть мама! – радостно сообщила Лив. Она прыгнула с рук матери и подбежала к камню.

– Пливет, плабабуська! Как ты зивес? – Она погладила фотографию ладошкой. Няня всплеснула руками и пошла в салон, чтобы не видеть этого безобразия. Гойя молча наблюдала за дочерью.

«Наверное, у Лив единственной правильное отношение к этому. Она же не анализирует, а просто делает то, что у нее в душе. А мы, взрослые, не можем. Нам надо задавать слишком много вопросов, которые часто всё усложняют, вместо того чтобы помочь понять и почувствовать».

На следующий день после обеда няня помогла Гойе погрузить камень в багажник машины. Гойя назначила сбор своей команды на семь вечера и решила, что по дороге сможет заехать на кладбище и установить камень на могилу бабушки. Непредвиденная авария на дороге испортила все ее планы. Гойя стала в безнадежную пробку и простояла в ней строго до закрытия. В итоге ей пришлось ехать прямо на собрание команды, так и не попав на кладбище. Пока стояла в пробке, она думала о бабушке и о ее могиле. Ей было неловко за то, что она не успела до закрытия кладбища, словно для бабушки это что-то могло изменить.

«Я знаю, я виновата перед тобой. Я так долго ничего не делала и даже не думала о тебе. Но теперь всё изменится. И я должна была сделать всё сегодня. Уж коли я взялась за это, пообещала тебе, что поставлю памятник, я должна была успеть. Но видишь, как получилось...»

Телефон прервал ее размышления. Ирма звонила, обеспокоенная опозданием Гойи.

– Я скоро буду, тут ужасная пробка, – Гойя говорила быстро, одной рукой пытаясь зажечь сигарету.

– Все уже собрались, мы в кафе у Франка. Если что, приходи тогда туда.

– Да, хорошо. Еще пятнадцать минут – и я на месте.

Гойя бросила трубку и закурила. Вспомнила, на чем остановилась.

«Я тебе обещаю, завтра я обязательно доеду до кладбища, поеду специально с утра, чтобы всё успеть. Пожалуйста, не обижайся на меня».

Припарковав машину около офиса, Гойя подхватила две сумки и помчалась в кафе.

На обогреваемой газовыми лампами террасе, закутавшись в одинаковые клетчатые пледы, сидели Нина, Лу и Ирма. Лу курил, Ирма что-то писала, а Нина с кем-то говорила по телефону.

– Привет! – Гойя махнула рукой издали. – Вы похожи на группу беженцев, которым пришел на помощь Красный Крест.

– Главное, что не ты пришла к нам на помощь, – язвительно заметил Лу. – Мы уже полчаса тут торчим! Холодно, между прочим.

– А где Глеб? – словно не замечая его комментария, спросила Гойя, методично здороваясь со всеми.

– Так он же к сестре уехал. Он только на следующей неделе вернется, – сказала Нина, оторвавшись от телефонного разговора. Нина всегда помнила, кто и когда должен уходить и возвращаться из отпуска.

Гойя кивнула и плюхнулась на свободный стул, извлекая из карманов одновременно телефон, сигареты, зажигалку и... квитанцию о доставке могильного камня.

– Что это? – Ирма с любопытством рассматривала листок. – Кто-то умер?

– Бог с тобой! – Гойя смутилась, забрала его из рук Ирмы. – Это я заказала могильный камень для бабушки на могилу, по интернету было быстрее и проще, и можно было на двух языках. Его вчера привезли, и я сегодня должна была его поставить на могилу, но из-за чертовой пробки я опоздала, – Гойя затаилась сигаретой.

– Так ты хочешь сказать, что он с тобой? – Лу даже привстал.

– Кто он? – Гойя, казалось, была в замешательстве. – Ты о чем, Лу?

– Я про памятник. Он с тобой? Памятник?

– Ну да, он в машине, в багажнике. – Гойя напряглась. – Если честно, мне тоже как-то не по себе от того, что он там, в багажнике.

– Как-то это неправильно, что бабушка в багажнике, – Лу выглядел серьезным и презрительным.

– Не бабушка, а могильный камень бабушки, – разозлилась Гойя. – И, если хочешь знать, я тоже считаю, что это неправильно, но ты готов тащить его сюда? Мы еле подняли его сегодня вместе с няней.

– Без проблем. – Лу встал и отдал честь. – Я готов и, думаю, Ирма и Нина присоединятся. Если надо, мы и Франка подтянем.

– Куда подтянем? – спросил подошедший за заказом Франк.

– Чтобы сюда бабулю доставить!

Лу уже тянул Гойю к выходу. Нина без комментариев пошла с ним, продолжая с кем-то говорить по телефону.

– Они сейчас вернутся. – Ирма тяжело вздохнула. – Гойя будет двойной экспрессо, можешь сразу нести.

– А что, бабуля ходить сама не может? – с нотками соболезнования спросил Франк.

– Увы, не может, – пробормотала Ирма, складывая вчетверо квитанцию о доставке могильного камня.

Через десять минут Лу, Гойя и Нина появились перед кафе с огромным черным могильным камнем. Они аккуратно протащили его между плетеных стульев веранды и газовых фонарей и поставили рядом со столом. Ирма сдвинула стулья так, что бабуля стала полноправной участницей их небольшого собрания.

– Вот. – Лу удовлетворенно потирал руки, одновременно пытаясь их согреть. – Теперь совсем другое дело!

– Пожалуй, ты прав, – улыбнулась Гойя, у которой начинала ныть спина, но зато совершенно исчезло чувство вины перед бабушкой. Наоборот, ей стало казаться, что она, в некотором роде, обретает ту самую бабушку, которую когда-то не смогла иметь.

Франк пришел с двойным экспрессо в руках и долго молча стоял в стороне, вытаращив глаза на вновь прибывшего клиента. Но Гойя уже полностью погрузилась в работу. Ребята, затаив дыхание, слушали ее историю про

«Бал ста королей», про поездку во Вьетнам и встречу с Тарабеном. Ей было необходимо заразить их своей энергией и своей мечтой, они должны были слышать ее мысли и ощущения, чтобы быть ей по-настоящему полезными в этом сложном проекте.

На следующий день Гойя рано утром отправилась на кладбище. В этот раз никаких случайных препятствий не возникло, и она доехала очень быстро.

На кладбище городка Кретей не было ни души, даже старенький сторож куда-то запропастился. Гойя стала прикидывать, каким образом она сможет самостоятельно выгрузить камень из багажника и дотащить его до нужного квадрата. Обойдя домик сторожа со всех сторон, она увидела небольшую тележку, похоже, предназначенную именно для этих целей.

«Вот теперь всё правильно, и именно поэтому всё находится и становится на места. Видишь, как здорово, что вчера мы провели вечер вместе».

Выгрузить камень из багажника оказалось все-таки очень непросто, и Гойя едва не надорвала спину. Но, когда камень был погружен в тележку, дорога до квадрата заняла чуть больше пяти минут. Гойе пришлось удлинить маршрут, так как в некоторых местах тележка не могла проехать.

Наконец, она довезла камень до нужного места, по ширине он должен был идеально встать между двумя другими камнями, один из которых был темно-бордовый, а второй – серый.

«У тебя самый красивый будет!» – Гойя попыталась повернуть тележку вниз, чтобы камень оказался как можно ниже. И затем сделала резкое движение, вытащив тележку из-под камня и подняв верх.

Гойя возилась с тележкой и тяжелым камнем не меньше пятнадцати минут и думала, что со стороны это выглядит очень жалко. В такие минуты она пыталась себя представить муравьем, который может поднимать тяжести в несколько раз больше своего веса. Это должно было помочь. Но от этих мыслей камень легче не становился.

Наконец, тележка была вынута из-под камня, а сам камень установлен строго в линию с двумя другими. Гойя отряхнула руки и присела на корточки перед бабушкиной могилкой.

«Ну вот, вроде так хорошо. Тебе нравится? Вижу, что нравится. Ну и хорошо. Хочешь, я в следующий раз принесу тебе цветов?»

И вдруг Гойя заплакала. Громко, навзрыд, словно из нее выходили все слезы, которые она должна была оставить бабушке тогда, в день ее похорон или в день смерти. И слезы о ее родителях, которые она старалась никому никогда не показывать, оберегая Лив от этой боли.

Гойя плакала, и ей было всё равно, жалко ли она выглядит или нет. Она сидела перед могильным камнем одна на кладбище и искала равновесия.

Шаг 44

пятница,
1 ноября 2013 года

Мы не должны пересекаться – мы живем в разных энергетических пластах. Между нами не должно быть связи, но она есть.

Гойе снилось, что она вместе с Лив идет кататься на каком-то аттракционе в парке, что-то наподобие американских горок. Но почему-то он очень старый и построен из очень непрочных деревянных досок, по которым надо куда-то спускаться. Гойя делает несколько шагов, следуя за девушкой, которая продала им билеты. Лив держит ее за руку. Но внезапно девушка оборачивается и говорит, что аттракцион небезопасный и надо бы вернуться. Гойя поворачивается, чтобы идти обратно, но доски проваливаются под ногами, и они с Лив падают с огромной высоты в воду бассейна. Вода очень теплая, но сам бассейн находится в ужасно темном, полностью закрытом пространстве. Гойя ловит в воде Лив, и та хватается за шею матери. Так они плывут почти в полной темноте. Гойя замечает в углу торчащую окровавленную голову мужчины. Она, не останавливаясь, плывет дальше, тщетно пытаясь найти выход. Но все двери задрены, словно в затонувшей подводной лодке...

Две недели Гойя работала с утра до вечера, почти не выходя из дома. Она прописывала все тексты, каждая минута праздника заставляла ее отвечать самой себе на десятки вопросов.

Она осунулась и похудела. Ирма звонила каждый день, рассказывая ей о том, что творится в офисе, и отчитываясь о проделанной работе.

В один из дней, утром, когда Гойя пила третью чашку кофе в поисках вдохновения, позвонила Ирма.

– Ты что, в такую рань? – Гойя уперлась глазами в кухонные часы, показывающие без пятнадцати восемь.

– Гойя, Глеб умер. – Ирма давилась словами.

– Какой Глеб?

– Наш, наш Глеб, Гойя!

Дыхание на несколько секунд пропало. Глеб был сотрудником Гойи уже пять лет. Молодой, здоровый, крепкий парень. То, что говорила Ирма, не имело вообще никакого смысла.

Ей стало жарко.

– Как умер? Он же поехал к сестре... – Гойя сама слышала каждое слово, которое из нее вылетало, и старалась убедить себя в том, что сейчас это недоразумение рассеется.

– Никто не знает толком, что случилось. Пошел с друзьями в баню. Не вернулся. Нашли на улице, недалеко от дома. Сердце.

– Не может быть! – Гойя сжалась. – Откуда ты узнала?

– Нине позвонила знакомая, которая с его сестрой общается.

Гойя плакала. Тихо, как обиженный ребенок, которому запретили плакать под страхом наказания.

Ирма помолчала с минуту.

– Похороны в понедельник. Я позвоню вечером, – и положила трубку.

Няня перестала громыхать кастрюлями. Голуби перестали ворковать, морская свинка не подавала сигналов, и даже воздух тихо качнулся и остановился.

Гойя тряхнула головой, и слезы, которые бережно накапливались в глазах, вдруг брызнули в разные стороны.

Похороны в понедельник. Девяносто три. Случайностей не бывает. Мужчина с окровавленной головой... теплая вода...

Пальцы уже набирали номер Фриды.

– Привет. – Фрида, казалось, была в хорошем настроении.

«Прикидывается. Знает. Хочет отмазаться».

– Фрида, как дела? – Гойю бил озноб.

– У меня – хорошо, работаю. А ты как? – В голосе Фриды не звучало ничего, кроме спокойствия.

– Мой сотрудник вчера умер. При непонятных обстоятельствах. Двадцать пять лет, Фрида!

– Стоп! – Фрида резко крикнула. – Ты теперь всё происходящее будешь на мой счет списывать?

Гойя рыдала в голос.

– Ты сама говорила, что случайностей не бывает.

– Не бывает. И что? В жизни этого человека не было ни одной случайности. Как и в твоей. И его смерть тоже не случайность. Но к тебе-то это какое отношение имеет?

– Мы все связаны, и этот человек был частичкой и моей жизни. И, стало быть, то, что с ним может происходить, меня тоже касается.

– Касается. А ты что думаешь, что в твоей жизни должна быть постоянно идеальная энергетическая гармония? Что всегда ты должна чувствовать полное равновесие между плюсом и минусом? Да такого в принципе быть не может!

– И что? Конечно, я понимаю, что в моей жизни должны происходить плюсы и минусы. Но причем тут этот бедный мальчик? – всхлипывала Гойя, уже осознавая, что Фрида сумела ее «выключить».

– Если не мальчик, то была бы девочка... – Фрида осеклась, – машина, ранение, родственник, собака... Кто и что угодно. Так сложилось, что именно в этой энергетической точке вы встретились. Ты совершенно ни при чем.

– Его родители тоже сделали что-то не так, Фрида? – Гойя никак не могла успокоиться.

– Гойя, траектория движения у всех разная. Я не знаю ничего про этого парня, но могу тебе сказать, что он шел к этому моменту совершенно сознательно.

Они замолчали. Гойя слышала дыхание Фриды в трубке и думала о том, что Фрида, вероятно, сама того не желая, сейчас высчитывает ее пульс.

– Похороны в понедельник, – зачем-то сказала она.

– Ты хочешь, чтобы мы пошли вместе?

– Нет. Прости. Я ничего не хочу.

Гойя положила трубку и долго сидела с кружкой холодного кофе в руках.

Она вдруг вспомнила, как они с Глебом стояли весной под крыльцом какого-то подъезда, с которого постоянно капала вода, и ждали Ирму. И было полное ощущение, что дождик идет только над этим крыльцом. На улице светило весеннее солнышко, сосульки таяли, и звук капель по металлической обивке крыльца был такой громкий и частый, что, когда они закрывали глаза, им казалось, что на сковороде жарятся котлеты. Это Глеб первый сказал про котлеты, и ей стало смешно. И когда вышла Ирма, они и ее заставили закрыть глаза и слушать, как жарятся котлеты. А потом им всем ужасно захотелось есть, и они помчались в ближайшее кафе и ели там пельмени.

X I I I I

У М Е Р Е Н Н О С Т Ъ

Шаг 45

суббота,
2 ноября 2013 года

Он физически ощущал, что для него сойти с ума было простой формальностью – словно это была какая-то дверь внутри него, которую он постоянно держал в поле своего зрения и всегда знал, что сможет распахнуть ее в любой момент.

Тарабен, покинув Вьетнам, вернулся к себе домой в Англию всего лишь на неделю. Он закрылся в своем небольшом особняке в пригороде Лондона, выключил телефон и попросил старенькую горничную не общаться с ним, а просто ставить еду на подносе в определенное время у двери его кабинета и не беспокоить его.

Через неделю горничная, наконец, была допущена в кабинет. По всем углам, столам и на полу были разбросаны карты и книги. Причем это были не только карты мира и отдельных городов и стран, но и астрологические карты, карты звездного неба, какие-то непонятные схемы и планы разных помещений.

Тарабен собрал небольшой кожаный саквояж и включил телефон. Вызвал кэб, сказал, что уедет дней на пять, и отдал распоряжение горничной протереть пыль в кабинете, но положить все вещи строго на те места, на которых они лежат.

Горничная работала у Тарабена уже тринадцать лет и хорошо знала его привычки. Если он сказал положить вещь на то же место, это означало поместить ее миллиметр в миллиметр туда, где она лежала до уборки.

Тарабен прилетел в Венецию поздно ночью. Он проспал всю дорогу и долго не мог окончательно проснуться.

Ему снилось, что он находится в огромном зале. Именно в том самом, который он ищет для проведения «Бала ста королей». Он почти уверен, что это именно тот зал, который нужен, несмотря на то что света мало и он плохо видит интерьер. Высокий сводчатый потолок, гулкий пол, по которому он старается тихо ступать. На стенах – астрологические знаки и рисунки зодиаков, посередине стоит огромная статуя коня. Он подходит к животному и смотрит ему в глаза.

– Ты еще сомневаешься? – Конь говорит с ним глазами. Ноздри его подрагивают, на морде пульсируют вены.

– Я почти уверен, что это здесь. – Тарабен ждет, что конь скажет ему что-то очень важное. Но конь молчит. Тарабен выжидает, уверенный в том, что конь должен еще что-то сказать.

– Почему тут? – Тарабен торопится получить ответ.

– Прелесть, – отвечает конь.

– Почему прелесть? Что это означает? Тебе нравится это место? Но почему?
– Хаос, – отвечает конь и закрывает глаза, чтобы показать, что разговор окончен.

– Господин... Месье! – Тарабен очнулся, стюардесса легонько постукивает его по плечу. – Самолет начал снижение, пожалуйста, пристегните ремень безопасности.

В зале багажа нестерпимо пахло цветочным аэрозолем. Люди толпились, он словно плыл сквозь них, не касаясь ногами земли. Лента выдачи багажа начала движение, но никаких чемоданов на ней не оказалось. Люди нетерпеливо вглядывались в проем, откуда должны были выехать их чемоданы, но там чернела пустота.

Тарабену показалось, что оттуда выплывают невидимые чемоданы, и сейчас подойдут какие-то люди, которые начнут с серьезным видом их «снимать» с ленты и оттаскивать на тележки...

«Это было бы неплохим розыгрышем», – успел подумать он, и лента выплонула первый чемодан. Люди засуетились, всё вошло в нормальное русло.

Пройдя длинным пластиковым коридором, он выбрался из здания аэропорта наружу. Ночь повеяла на него морским воздухом, наполненным ветром и старыми камнями. Он глубоко вдохнул и отправился на причал, где ожидали таксисты, сгрудившись в кучку подле своих катерков.

Тарабен устроился в хвосте катера, тучный итальянец с красным обветренным лицом втащил его кожаный потертый чемодан в кабину и включил мотор. Катер, скрипя и урча всем телом, плыл между толстых деревянных свай, на которых то тут, то там, почти в шахматном порядке из темноты белели неподвижные силуэты чаек.

– Отель «Даниэли», пожалуйста. – Тарабен говорил с небольшим акцентом, который можно было скорее принять за акцент жителей северной Италии, чем иностранцев.

– Как скажете, синьор. – Водитель включил четвертую передачу, и катер прибавил скорость.

Почему он решил, что место Силы будет именно в Падуе? Если бы Платон задал ему этот вопрос, он нашел бы этому сто объяснений. Но Платон пока не задавал вопросов. А Тарабену не нужно было искать объяснений. Он приехал в Венецию, где провел несколько счастливых лет своей жизни и где всегда находил ответы на вопросы, на которые больше нигде в мире ответов не было.

Венеция – город, хранящий время. Оно никуда отсюда не девается. Не уходит со сменой дней, недель и времен года, не просачивается сквозь воду и камни. Оно накапливается в каждой молекуле воздуха, в каждом всплеске воды. Оно застывает, как ртуть, и втекает в каждого, кто сюда попадает.

Катер снизил обороты и плавно вошел в канал, словно в вену спящего города. Из открытого окна раздавались знакомые звуки Карузо, голос Андреа Бочелли покрывал пространство.

«Когда он поет, он обнимает своим голосом. Когда то же самое поет Паваротти, он возносит. Одна музыка, такие разные ощущения».

Тарабен тихо улыбался в усы, рассматривая причудливые тени от спящих зачехленных гондол на стенах домов. Все ощущения были именно теми, которые он здесь ожидал.

Ночная Венеция – мистическая королева. Наконец-то, вырвавшись из цепких объятий туристов и засаленных пальцев суетливых местных жителей, она, словно цветочный бутон, раскрывалась целиком и благоухала тайной времени. Пустые площади и молчаливые каналы сливались в один прекрасный мотив, каждая нота которого была ему понятна. Словно это был еле слышный намек на детское ощущение от запахов, форм и чего-то до боли восхитительного.

«Красота – это состояние души».

Катер причалил к лестнице отеля, из недр которого, словно по волшебству, возник черный силуэт лакея в длинной ливрее и высоком цилиндре.

Он мягко промурлыкал слова приветствия, подхватил чемодан и застыл в позе гостеприимного почтения, давая возможность Тарабену подняться по лестнице первым.

В холле старинного отеля было пусто и торжественно от многочисленных светильников из муранского стекла. Свет лениво растекался по величественным картинам и панелям из черного дерева с изумительными скульптурными барельефами, выдыхая из них все пережитые в этих стенах события с точностью биографа-маньяка, обращающего внимание на каждую мелочь. Но именно эти мелочи и заставляли Тарабена верить в то, что именно так всё и было.

За стойкой привычно улыбался ночной портье. На лацкане пиджака поблескивали два перекрещенных золотых ключа – сертификат наилучшего портье Вселенной.

Странно, что есть профессии, в которых по правилам игры ты имеешь право визуально заявить всему миру, что ты лучший. Такая профессиональная выхоленность.

Тарабен кивнул ему и положил паспорт на стойку. Портье выдал ему взамен паспорта большой медный ключ с тяжелой золоченой кистью, продетой в кольцо.

Поднявшись по великолепной лестнице на второй этаж, он открыл огромную дверь номера и вошел в комнату. Не зажигая света, подошел к большому окну. Лунный свет стелился ровной дорожкой по воде до самого окна.

Тарабен ощутил пристальный взгляд, повернул голову вправо и увидел в лунном свете большой портрет Венецианского Дожа в полный рост. Даже в сумерках он чувствовал, что холодные, внимательные глаза смотрели с любопытством на нового обитателя апартаментов.

Портье неслышно внес его чемодан и щелкнул выключателем.

Тарабен обернулся. Увидев его лицо, портье поспешно поклонился и затараторил слова извинения за принесенные неудобства. Свет был немедленно выключен, а дверь прикрыта.

«Эта девочка создаст уникальный праздник, – пронеслось в голове. – Она видит. И что интересно, видит не только высокие материи, а вообще всё. Если ей помочь и создать нужный антураж, может получиться совсем неплохое мероприятие».

Тарабен стоял у окна, скользя взглядом от одной формы к другой, касаясь то тонкого силуэта остроконечной башни, то закругленного купола собора Святого Марка. Материя Венеции нравилась ему, тут было к чему приложить руку, рассказать. Тут можно было запросто увести человека в историю, которая зарождалась изнутри, возникала в дверном молотке в виде женской головки или пряталась за тяжелой бархатной шторой старого особняка, увитого древней виноградной лозой.

Он разложил вещи, облачился в шелковый халат и, не дочитав и до середины начатую страницу книги Овидия «Метаморфозы», уснул крепким сном человека, к которому обязательно должно прийти вдохновение.

Утро, неторопливо теребящее слух на протяжении нескольких часов кряду, наконец к семи часам обрушилось на Тарабена сразу всеми уличными голосами: тут были и торговцы с шуршащими пакетами, и гондольеры, стучащие веслами, и прохожие, обсуждающие новый арест министра, и туристы, звонко щелкающие затворами фотоаппаратов. К ним прибавились громко-голосые чайки и шум проплывающих судов...

Тарабен пожевал с закрытыми глазами, пытаясь из всех этих звуков придумать свою собственную историю... Запах кофе и пряных сдобных булок заставил открыть глаза.

Телефон, словно ожидая этого момента, радостно зазвонил. Тарабен не любил разговаривать утром, но, взглянув на имя звонящего, не задумываясь, взял трубку.

– Тарабен, дружище, я, наверное, разбудил тебя? – Платон и не пытался скрыть иронию.

– Я уже проснулся и как раз ждал чего-то в этом духе. – Тарабен смахнул прядь волос с лица, чуть не выронил трубку, руки еще спали...

– Значит, мы мыслим в одном направлении. Ты добрался до цели? Как прошел полет? Когда у меня будет понимание того, где именно мы будем устраивать наш пресловутый «Бал ста королей»?

– Думаю, что сегодня-завтра я смогу дать ответ на этот вопрос. Я практически нашел идеальное место.

– Где именно?

– В Падуе... – Тарабен смотрел прямо в глаза Венецианскому Дожу. Тот утром выглядел гораздо менее сурово.

– О, великая классика! И ничего, кроме классики! Тарабен, ты идешь по принципу простой логики. Удивлен. Я думал, ты придумаешь что-то гораздо более... экстравагантное.

– Что может быть более экстравагантным, чем вернуть к жизни целые столетия истории в стенах, где их тщательно закапывали? – Тарабен, говоря эти слова, внезапно отчетливо увидел двигающиеся по стенам знаки зодиака.

– Хм, такая уверенность радует. Да и времени осталось немного. Не исключено, что Падуя – неплохое место для проведения мероприятия. Всё близко и понятно. Но где именно?

– Палаццо дела Раджоне, – Тарабен произнес эти слова не своим голосом. Откашлялся. – Я думал про Дворец Разума. Я буду там через пару часов.

– Да, но ведь это Национальный музей, каким образом мы сможем договориться о проведении закрытой вечеринки?

– О, об этом можно не волноваться. С итальянцами договориться не составит труда. Астрологические фрески давно нуждаются в реставрации. Если вы сможете профинансировать реставрационные работы, то будет повод закрыть музей для посещения на неделю, пока мы подготовим, проведем и демонтируем все следы нашей вечеринки...

– У вас есть контакты? – Платон явно был приятно удивлен идеей Тарабена. Провести мероприятие в таком уникальном месте, да еще быть при этом меценатом исторического наследия – это звучало привлекательно.

– Да, есть. Я жил в Венеции некоторое время и бывал в Падуе.

– Тогда вернемся к этому разговору сегодня вечером после ваших встреч. Если нужна будет помощь – звоните в любое время.

– Разумеется. – Тарабен положил трубку, подошел к окну и долго стоял, не двигаясь.

Спину ему сверлил завистливый взгляд Венецианского Дожа, ибо Тарабен стал именно на то место и в ту позу, в которой он любил стоять и смотреть на Венецию по утрам.

Шаг 46

понедельник,
4 ноября 2013 года

Любовь – это полоса одностороннего движения. Это только то, что исходит от тебя.

Во сне Гойя была совсем крошечной, она каким-то образом оказалась внутри больших настенных часов – за стеклом, рядом с часовым механизмом. Тут же размеренно раскачивалась деревянная лошадка-качалка, которая периодически сверху превращалась в живую лошадку, копыта которой были просто зажаты каким-то деревянным постаментом. Гойя углубилась в недра часового механизма и увидела высокую статную женщину королевского вида в лиловом бархатном плаще, и рядом с ней большую собаку-волка такого же цвета.

Она пошла следом за женщиной с лиловой собакой, стараясь не отставать, потому что понимала, что если отстанет, то уже точно никогда не выберется отсюда. Но вдруг у нее под ногами оказался давно забытый открытый люк канализации. Металлическая круглая крышка была сдвинута полностью. Гойя заглянула внутрь и обнаружила там замурованную поверхность луны с кратерами, пылью и всеми подробностями. Казалось, что через маленькую дырочку люка можно увидеть только небольшой фрагмент огромного шара луны, скрытого под ногами Гойи.

Похороны были назначены на одиннадцать на Новом кладбище небольшого городка, расположенного в каких-то сорока километрах. Гойя добиралась туда почти два часа – из-за аварии закрыли главную дорогу.

По пути она высматривала цветочный магазин и никак не могла его найти. Казалось, что в этой части страны людям не нужны цветочные магазины, а нужны только бары, табачные лавки, булочные, аптеки и агентства недвижимости. Всего этого было в изобилии, а вот цветов не было и в помине.

Напротив Нового кладбища расположился такой же новый супермаркет с привлекательным названием «Пятачок». Гойя, не найдя пешеходного перехода, перелезла через два бетонированных ограждения и вошла в магазин.

Из цветов там продавали только одну белую розу в глиняном горшке.

Рассчитавшись на кассе, Гойя, прижимая горшок с розой к груди, направилась к выходу.

– Это для меня? – пошутил входящий в магазин веселый дядечка с животом женщины на шестом месяце беременности.

Гойя заставила себя улыбнуться.

«Скажи спасибо, что не для тебя».

На кладбище собирались люди. Гойя никого из них не знала, видимо, это были друзья семьи и дальние родственники. Родители Глеба должны были приехать вместе с похоронной машиной. Гойя рассматривала прибывающих

людей. Никто не был одет в черное. Многие были расслаблены, спокойно и весело разговаривали, улыбались друг другу.

Ирма и ребята подошли позже. У всех растерянные лица. Гойе даже показалось, что все они какие-то неопрятные. Или это просто взгляд изучал детали одежды, выискивая хоть что-нибудь обиденное, к чему можно было бы придраться и остаться в социуме.

Технический директор Лу был взлохмачен больше обычного, он походил на воробья, вылезшего из сугроба. Сутулясь, натянув воротник пиджака на уши, он молча курил в стороне. Ирма искренне и совершенно нескрываяемо переживала, и это было во всем ее образе: в круглых от ужаса и грусти накрашенных глазах, в строгом пиджачке, застегнутом на все пуговицы, в белом воротничке, который аккуратно был уложен поверх пиджака, в позе, в которой она стояла и смотрела поверх голов на всех участников этого грустного события.

Наконец на территорию кладбища въехал похоронный кортеж из двух машин. Из первой машины вышли одинаковые мужчины в черных костюмах и отправились к вырытой могиле что-то готовить. Из второй машины вышли родители и сестра.

Гойя хотела подойти, но круг желающих тесно замкнулся вокруг них, она видела их со спины. Родителей Глеба она почти не знала, только один раз случайно с ними встретила и удивилась, какая молодая у него мама. Она, оказывается, вышла замуж во второй раз за француза, главной страстью которого была охота. Это всё, что Гойя смогла вспомнить, пока одинаковые мужчины несли гроб к вырытой могиле, и вся огромная процессия медленно двигалась за ними. Внезапно все остановились, началось какое-то организационное движение – Гойя всегда чувствовала эти паузы, когда в каком-то действии что-то шло не так, как должно было идти, будь то спектакль, праздник или просто жизненная ситуация, которую кто-то пытался смоделировать. В этот момент словно что-то сдвигалось в воздухе и образовывался не то чтобы неправильный звук, а как бы звук настраиваемого инструмента...

К могиле быстрым шагом шел какой-то высокий мужчина в черном, отличающемся на солнце, костюме, в белой рубашке с бабочкой.

Другой мужчина, поменьше ростом, в грязной куртке, ташил на себе что-то похожее на небольшую колонку.

В руках у видного мужчины появился микрофон, в который он, зачем-то откашлявшись, стал радостно говорить.

– Дорогие друзья, мы благодарим всех за то, что вы пришли на наше мероприятие...

«Я сплю, и мне опять снится какой-то гадкий сон», – подумала Гойя.

– Мы благодарим *(гадкая искусственная улыбка на лице)* друзей и близких за то, что они нашли время почтить память того, ради кого мы все сегодня тут.

«Он забыл имя и поэтому говорит "тот, ради кого"». Я должна проснуться, это какой-то грубый фарс!»

– Если кто-то из вас желает сказать, – микрофон издал чудовищный гулкий звук, – то микрофон именно для этого тут и есть...

Желающих что-либо сказать, как ни странно, не оказалось.

К Гойе тихо подошел Лу, он стал сзади и наблюдал за ее реакцией на происходящее.

– Вот тебе поле непаханое для организации! – Он горько усмехнулся.

– Ни за что! Так и хочется ему вмазать по роже. Зачем он вообще улыбается? – Гойя старалась говорить шепотом, но у нее плохо выходило.

– Потому что так креативнее... – Лу скривился. – У Глеба всегда с чувством юмора было хорошо, он бы оценил. Родителей только жалко. Сердце. Блин, у этого придурка, оказывается, было сердце. – Он продолжал что-то бормотать, отвернувшись, чтобы Гойя не видела, как он плачет.

Мужчина в блестящем костюме, так и не дождавшись желающих сказать в микрофон слова благодарности, пригласил всех собравшихся пройти мимо могилы и кинуть в нее горсть лепестков белых роз, ибо именно белая роза является цветком мертвых.

«Не удивительно, что в супермаркете напротив продавалась только белая роза в горшке. Первый раз слышу о том, что белая роза – это цветок мертвых».

Толпа снова медленно зашевелилась и стала двигаться маленькими шажками. Родители кинули лепестки роз первыми, за ними – родственники. Гойя и ее коллеги шли в самом конце грустной процессии.

Внезапно из динамиков полилась душераздирающая грустная музыка. Гойя держалась изо всех сил, не веря, что такой простой и дешевый прием выбьет ее из колеи... Но слезы потекли сами собой, когда она остановилась у могилы. Внизу, на глубине двух метров, лежал гроб из светлого дерева, такой новенький, аккуратный, и сверху даже казалось, что он игрушечный. На нем блестящими буквами было написано: Глеб Грант. Представить себе, что там, внутри, сейчас лежит яркий, звонкий, веселый парень, было невозможно. И эта музыка. И этот человек с искусственной улыбкой и фотографией Глеба в руках, который застыл рядом с могилкой.

Гойя разжала руку, и лепестки потекли вместе со слезами на деревянную лакированную поверхность. Рука еще ощущала прикосновение живых нежных волокон, Гойя подняла глаза и увидела лицо мамы Глеба. Отец стоял рядом, бережно придерживая ее за плечи.

«Она убита. Она не ранена. Она убита, она больше никогда не вернется ни к нам, ни к мужу, ни к кому. Кроме сына».

Гойя подошла к родителям Глеба, обняла, шепча слова благодарности, гордости, снова благодарности. Ведущий с той же приклеенной улыбкой сунул микрофон в руки матери Глеба. Она растерянно смотрела на толпу вокруг. Стала лепетать что-то про звездочку в небе, про то, как она благодарна всем за всё.

Ирма жала локоть.

– Пойдем, мне кажется, что и без нас тут много народу.

Лу курил у выхода, Ирма подвела Гойю к нему и буквально передала из рук в руки. Потом так же привела Нину. Та еще всхлипывала.

– Я не могу верить, что его нет. Не могу и всё, – Нина снова заплакала.

– И я не могу, – Лу запульнул бычок в кусты. – Хрень какая-то.

Они пошли в первый попавшийся бар, где за затертым, пахнущим прогустей тряпкой столиком сидели два старых араба и играли в кости. Сели вокруг стола. Говорить не хотелось.

«Надо напиться и не думать вообще. Хотя бы полчаса».

Гойя и Лу курили, не останавливаясь. Ирма сосредоточенно переживала. Нина выключила внешние рецепторы и погрузилась в себя.

Подошел официант. Друзья переглянулись.

– Кофе.

– И мне.

– И мне тоже кофе, пожалуйста.

– Кофе.

Шаг 47

**воскресенье,
3 ноября 2013 года**

Мы в гораздо большей степени являемся суммой чужих поступков, чем своих собственных.

Жан-Поль Сартр

Тарабен добрался пешком до вокзала Санта-Лючия и сел в поезд до Падуи. Вокзал Падуи, как всегда, суетился, толкался и кричал. Тарабен постарался максимально быстро пройти через большой холл, забитый людьми, и выйти на улицу, где скучали таксисты.

Машина поплыла по утреннему городу с еще непроснувшимися статуями площади Прато-делла-Валле, где он и попросил его высадить. Пахло кофе и выпечкой с корицей.

Тарабен отправился бродить по площади, внимательно рассматривая каждую из восьмидесяти восьми статуй.

Площадь эта считалась сердцем Падуи, и Тарабен, попадая сюда, всегда ощущал, что он находится там, откуда запускается невероятная энергия города.

Площадь Прато-делла-Валле представляет из себя эллипс, поделенный на четыре равные части прямыми дорожками, каждая из которых кончается огромной вазой. Шестнадцать ваз, установленных на высоких постаментах, образуют крест. Его пересекают четыре моста – как четыре стороны света, соединяющие центральный остров Эдем с внешним кольцом каналов. Вода в них не стоит, но движется, питаемая подземными реками.

Тарабен помнил, что площадь эта повторяет форму щита – символа воинствующих монахов, а восемьдесят восемь постаментов, установленных вдоль каналов, олицетворяют восемьдесят восемь видимых из Падуи небесных созвездий и число удвоенной бесконечности.

Он поднялся вверх по улице с однопорельсовым трамваем под сводами аркад, коих в Падуе было множество. К запаху кофе и миндаля прибавился звук уличного оркестра – аккордеон с трубой. Что лучше подошло бы этому городу в это время суток?

Тарабен зашел в кафе «Pedrocchi», где заказал любимый кофе с густыми, сладкими миндальными сливками – такой кофе варили только здесь и больше нигде.

Он сделал пару звонков и отправился в сторону Палаццо делла Раджоне. Дождь моросил всё сильнее. Тарабен поднял воротник, зонта он не захватил.

Ему попадались редкие воскресные прохожие.

«Кому в такую рань и в такую погоду в воскресенье захочется выйти из дома?» – думал Тарабен, вглядываясь в лицо девушки, ведущей на поводке большого, наполовину парализованного пса.

Затем ему встретился старик, несущий в руках большой пластиковый пакет явно с чем-то тяжелым.

«Что можно нести в девять утра в воскресенье в пластиковом пакете? Ну, конечно, отрезанную голову, что же еще?»

Тарабен наслаждался странными мыслями, лезущими со всех сторон города в его голову и заставляющими его включить механизм переосмысления всего привычного. Это предвещало насыщенную и успешную работу фантазии. Он улыбался дождю и городу, бросающему в него разные знаки, среди которых он ощущал себя как рыба в воде.

Тарабен отправился гулять по Дворцу Разума, который знал наизусть. Но ему было необходимо, словно музыканту, еще раз услышать мелодию этого пространства, вспомнить все главные акценты, различить отголоски разных помещений и коридоров...

Шаг 48

Страхи настоящего ведут
к искажению прошлого.

Палаццо делла Раджоне, или Дворец Разума, находится в центре трех, соприкасающихся между собой, площадей – площади Трав, площади Фруктов и площади Дей Синьори. На двух площадях испокон веков стоят рыночные палатки со свежими овощами и фруктами.

Четыре большие лестницы с двумя пролетами ведут на второй этаж, где располагается главный зал.

Зал заседаний городского суда Дворца Разума считается самым большим залом в Европе, крыша которого не поддерживается колоннами.

Длина зала составляет чуть меньше девяноста метров, ширина – почти тридцать метров, а высота потолка в самой высокой точке достигает двадцати четырех метров. Даже летом тут всегда прохладно. Что до ноября месяца, то создавалось ощущение, что холод вливается в тебя постепенно, и что его источает каждая из трехсот тридцати трех фресок.

Джотто написал фрески в начале XIV века, но в 1420 году случился пожар и, несмотря на то, что само здание не сильно пострадало, от фресок почти ничего не осталось. Для их восстановления были приглашены два человека: мастер Николо Мирето и человек по имени Стефано – фамилию его сейчас уже никто не вспомнит, – который прибыл из Феррары. На протяжении пятнадцати лет они восстанавливали фрески Джотто и, согласно имеющимся архивам, восстановили их почти досконально.

Цикл фресок был подразделен на триста тридцать три квадрата, расположенных на четырех ярусах. Он представляет собой один из самых крупных сохранившихся памятников средневековой астрологии. Каждый знак зодиака представлен несколькими квадратами, расположенными на втором, третьем и четвертом ярусах.

После реставрации фрески просуществовали нетронутыми более трехсот лет. Но в 1756 году через Падую прошел смерч, который снес большое количество построек в городе, в том числе и огромную крышу здания Дворца. Почти десять лет, на протяжении которых шли реставрационные работы, астрологические фрески последнего яруса находились под открытым небом. В 1759 году их реставрацию поручили художнику Франческо Заннони. Он работал над восстановлением с помощью астронома – аббата Антонио Роччи. Для «успешной реставрации» фресок городскими властями Падуи была приобретена старинная астрологическая книга Петра д'Альбано под заглавием «Astrolabium Planum in tabulis ascendens».

Именно по этой причине над входом в зал заседаний суда помещен его портрет.

Шаг 49

Отдых – это работа в удовольствие.

Соня, 8 лет

Попад в зал, Тарабен мгновенно включился в работу. Он ходил по залу быстрыми шагами, резко оборачиваясь в самых неожиданных местах, словно желая убедиться, что у него за спиной никто не стоит.

Со стороны он был похож на сумасшедшего. Длинные белые волосы развевались, глаза блестели, он что-то шептал себе под нос и замерял какие-то участки зала. Несколько туристов с любопытством наблюдали за ним, но ему было всё равно.

Тарабен провел в зале почти три часа, посидел во всех углах, осмотрел каждую из многочисленных фресок на стенах и под потолком, сделал множество зарисовок в блокноте. Он дождался двенадцати часов, чтобы увидеть, как солнечный луч совпадает с линией меридиана, проходящей через центр зала.

Посередине зала возвышалась статуя коня. Тарабен внимательно рассмотрел скульптуру.

«Сон. Точно. Это был сон, – вспомнил Тарабен. – Прелесть и Хаос. Именно».

Тарабен быстро записал в тетрадь какие-то цифры, прочертил несколько линий, прошагал снова по залу наискосок и по прямой и отправился осматривать нижний ярус.

Затем он пообедал в небольшом итальянском ресторанчике и позвонил Платону.

Шаг 50

вторник,
5 ноября 2013 года

Сказка – это жизнь, придуманная душой, когда ей не подходит ее реальная жизнь.

Соня, 8 лет

Во сне Гойя стояла посередине квадратного двора старого послевоенного пятиэтажного дома. Размеренно дышало жаркое, сухое, залитое пыльным солнечным светом лето. Рядом с Гойей находилась большая облезлая чугунная плита, на которой в большой, помятой со всех сторон эмалированной кастрюле варились красного цвета кирпичи... Вода бурлила крупными, лопающимися пузырями, кирпичи ломались и рассыпались, пуская грязную глиняную слюну... Гойя с отвращением помешивала суп из кирпичей большой ложкой и думала, что портит его лишь то, что на дне проклятой кастрюли приклеились остатки горелых старых кирпичей от прошлого кирпичного супа...

Вдруг во дворе появились ее друзья и подруги. Они все собирались на какое-то мероприятие – может, в театр, а может, в оперу. Они были все красиво одеты, и никто из них не собирался приглашать Гойю с собой. Это ее страшно обидело. Она понимала, что не может оставить свой суп и пойти с ними, – ей надо обязательно его доварить, но предложить-то из вежливости можно? Она смотрела с завистью на их красивые наряды, потом им вслед, а они дружной гурьбой уходили со двора, оставляя ее один на один с этой злосчастной кастрюлей...

После похорон Глеба Гойя долго не могла найти душевного равновесия. Вдохновение покинуло ее, она старалась заниматься техническими вопросами мероприятия больше, чем креативными. Она не могла приступить к подготовке самой программы и к работе с артистами. Ей казалось, что для программы ей не хватает каких-то важных элементов. Но каких – она не понимала.

Гойя работала над проектом днем и ночью. Платон звонил ежедневно. Его интересовало всё: от выбора артистов, музыки, текстов ведущего до размера тарелок на столах и состава цветочных композиций.

Платон требовал от Гойи идеальной постановки. Он немедленно разоблачал ее, когда чувствовал, что ей не хватает какой-либо информации, и достаточно жестко обращал на это ее внимание.

Платон был не просто заказчиком – он был параллельно и великолепным учителем. Он проводил часы, разговаривая по телефону с Гойей, чтобы донести до нее те знания, которыми обладал сам.

От него Гойя узнала про заболевание, которое называется агедония. Болезнь заключается в снижении способности получать удовольствие. Богатый и властный человек достаточно быстро осуществляет свои детские мечты.

А дальше ему становится очень трудно придумать новые желания. Отсюда возникают депрессии, чувство неудовлетворенности жизнью. Если человек начинает употреблять антидепрессанты, у него постепенно наступает эмоциональная стерильность.

Платон рассказывал Гойе о том, что у сильных, властных людей принципиально иной взгляд на жизнь. Они лично зрелы и эмоционально проработаны. Все они обладают сильной энергетикой, харизмой и волей. Платон говорил и о себе тоже, так как себя он, безусловно, относил к числу сильных людей планеты. Все гости мероприятия с высокой скоростью анализируют и систематизируют большие объемы информации.

Иногда Гойя злилась на него, казалось, что он не доверяет ей и сомневается в ее способностях.

Сложность еще состояла в том, что Платон категорически отказывался общаться с кем-то из помощников Гойи. Он принимал информацию и задавал вопросы только ей самой и с нее спрашивал. И ей физически не хватало времени обработать тот объем вопросов, который сыпался на нее ежедневно.

Она выстраивала «скелет» праздника, но постоянно спотыкалась о вопросы и замечания Платона, заставляющие ее делать несколько шагов назад, углубляться в информационные источники. Наконец, после трех бессонных ночей она снова и снова понимала, что он прав...

Платон заставил ее прочитать множество книг и статей о психологии и поведении людей в обществе. Гойя стала постепенно не просто интуитивно, как она всегда делала, подбирать музыку и тексты, а руководствоваться правилами, которые она изучила. Теперь она знала, что определенные звуки оказывают положительный эффект на частоту пульса, дыхание, температуру тела, а другие – отрицательный.

Гойя шагнула в совершенно новую науку под названием психоакустика.

Среди прочего Гойя открыла для себя реакцию человеческого организма на звуки природы, обработанные электронным способом. Это были звуки океана, волн, ветра, людей и животных и электронные звуки, ускоренные и замедленные, обработанные с помощью разных фильтров и издаваемые на различных частотах.

Такие звуки ускоряются или замедляются до неузнаваемости на уровне сознания, тогда как подсознание, похоже, с легкостью воспринимает их и выдает изменения в поведении человека.

Китайцы применяли медитационные гонги; в Тибете использовались металлические «поющие» чаши, колокола, цимбалы, песнопения; в Индии – барабаны и огромное количество разных инструментов, основанных на «тоновой» ноте; при этом и то, и другое использовалось во многих других культурах по всему миру.

Гойя понимала, что кроме ее интуиции существует еще и наука, способная создать формулу идеального праздника, и от этого у нее захватывало дух.

Няня качала головой, видя, как и сколько она работает. Гойя всё чаще оставалась дома, звоня в офис и отдавая указания, что делать по проекту. Дома, закрывшись в кабинете, она и работала, и спала, и принимала пищу.

Когда она случайно засыпала за компьютером, ей навязчиво снился один и тот же сон о том, как она работает на проекте, но глаза слипаются от бессонницы, и она регулярно подходит к Ирме или к Лу и спрашивает их, скоро ли конец мероприятия. А те ей отвечают, что уже скоро, надо еще немножко потерпеть. Но ей ужасно хочется спать, она держится из последних сил, снова и снова подходит к ним с тем же вопросом – когда же конец. И вот, когда кто-то из них ей радостно сообщает о том, что настал конец мероприятия и можно идти спать, она идет к кровати и ложится, то именно в этот самый момент ее будил либо звонок будильника, либо Лив, теребящая за локоть, либо чем-то обеспокоенная няня.

Гойя очень ждала от Тарабена информации о месте проведения Бала, чтобы адаптировать структуру праздника под выбранный зал, но Тарабен с тех пор, как они расстались, прислал Гойе несколько достаточно абстрактных сообщений и никакой конкретной информации.

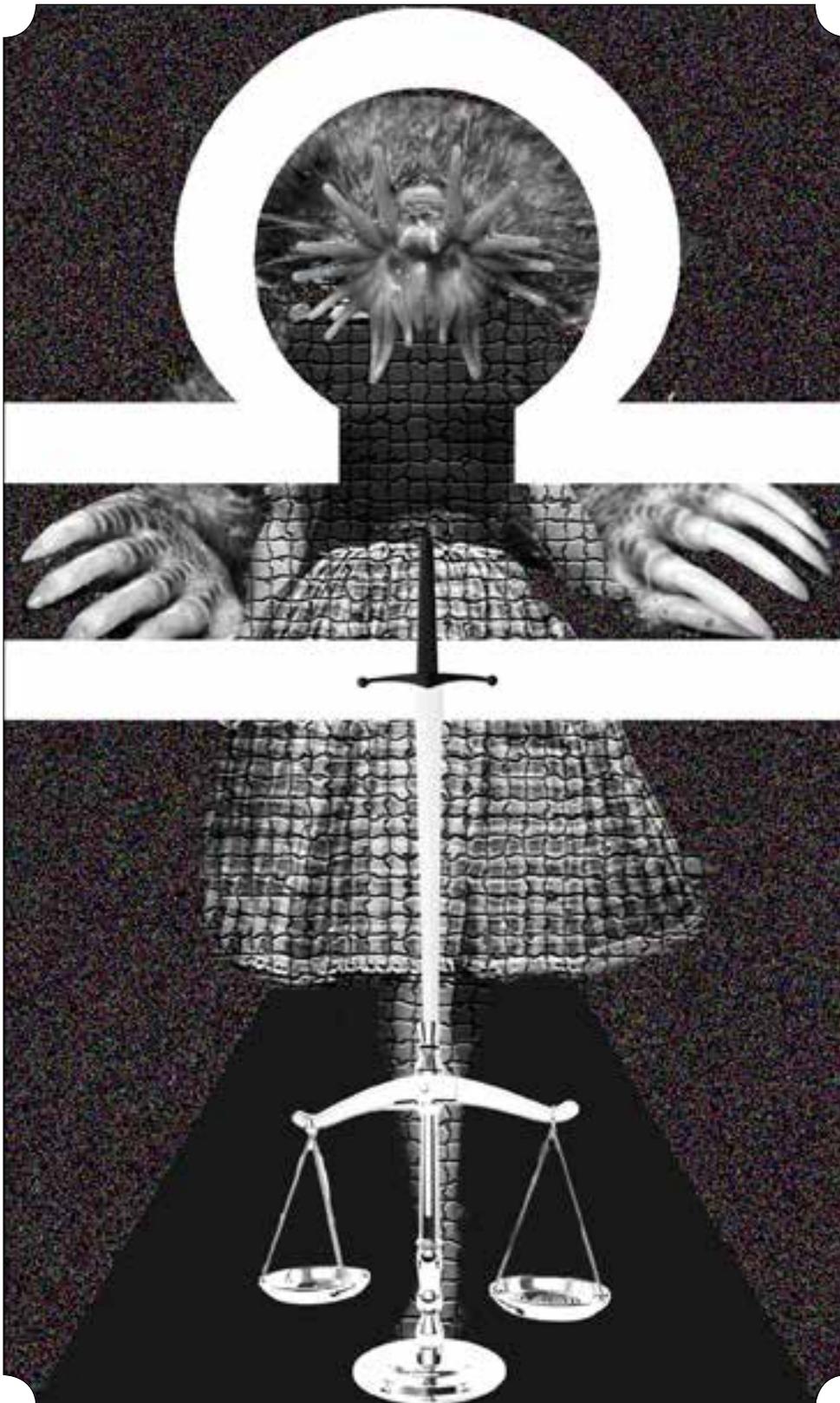
Она знала, что он уже нашел место, но по каким-то своим соображениям не хочет ей говорить о нем. Она ломала голову над причиной такого поведения, придумывала себе различные варианты, но ни один из них не соответствовал истинному характеру этого удивительного человека.

И в тот момент, когда Гойе уже казалось, что у нее просто не хватит сил дожить до дня самого мероприятия, от Тарабена пришло сообщение.

Оно пискнуло на телефоне в тот момент, когда Гойя стояла у плиты и наблюдала за тем, как варятся три яйца в кастрюльке. Она стояла и размышляла о том, что ее мозгу интересно задаваться совершенно ненужными вопросами, словно удовольствие состояло в нахождении одного-единственного ответа на вопросы, на которые никому и в голову не приходило отвечать.

– Дворец Разума, Падуя, – вслух прочитав сообщение, Гойя стояла и улыбалась посредине кухни.

«Он, как всегда, нашел единственно правильное место, – убедилась она. – Он еще тогда его нашел, во Вьетнаме. И всё это время он обдумывал находку, проверял, убеждаясь снова и снова, что выбор сделан верно».

V I I I

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Шаг 51

*среда,
6 ноября 2013 года*

Приключение – это такое необычное событие, которое изменяет чем-то твой мир и тебя.

Соня, 8 лет

На следующий день утром Тарабен позвонил Гойе и предложил ей приехать в Падую.

Гойя просмотрела рейсы, вылетающие в Венецию, – оставался всего один вечерний рейс. Билеты на него еще были.

Кинув в сумку теплый свитер, две пары носков, компьютер, косметичку и зонт, Гойя помчалась в аэропорт, дав Лив клятвенное обещание найти и привезти ей из Венеции стеклянного муравья величиной с настоящего.

Тарабен встретил ее в аэропорту Венеции. По дороге в гостиницу на катере он успел коротко рассказать ей историю Дворца Разума. Она потрясла Гойю своей связью с ее собственными ощущениями и задумками проведения «Бала ста королей». Слово кусочки одной картины собирались воедино, и становилось очевидным, что нет другого такого места на земле, где мог бы проходить такой Бал.

Получив у портье ключ от своего номера, Гойя кинула сумку на кровать и с удовольствием спустилась на террасу отеля выпить бокал вина в компании Тарабена.

От воды тянуло тиной и осенним холодом, от которого не спасали даже большие керосиновые лампы-обогреватели. На террасе оставалось очень мало людей: русская пара за дальним столиком, пьющая шампанское «Дом Периньон» со скучающими лицами, да бабулька с рюмкой ярко-желтого «Лимончелло» на высокой ножке и с тонкой черной сигаретой в ярко-красных губах. Она чем-то напомнила Гойе госпожу Крампс...

– Хорошо, что вы смогли сразу приехать. – Тарабен протянул Гойе бокал красного вина. – Я, по правде говоря, не собирался здесь долго оставаться, а показать вам Падую для меня будет удовольствием.

– Я так ждала вашего выбора места. Мне казалось, что всё уже решено, и только я об этом ничего не знаю.

– Откуда такие мысли, Гойя? Вы меня удивляете. – Тарабен, похоже, был искренне удивлен.

Русская пара, с невероятным грохотом отодвинув стулья, наконец встала из-за стола и с кислыми лицами отправилась к выходу.

– Простите, – Гойя проводила их долгим взглядом, – я, наверное, неправильно выразилась. – Она сделала большой глоток. – Или просто устала. Знаете, в последние дни как-то много всего навалилось...

– Понимаю, – Тарабен кивнул, – у любого творческого человека наступит момент, когда он заходит в тупик. И нужно искать выход. И кажется, что его нет. Но он есть всегда.

– Вы так думаете? – Гойя всматривалась в отблески фонарей на темной воде. – Возможно, и так. Несколько дней назад я похоронила моего сотрудника. Молодого мальчика. Такая странная смерть... – Гойя глотнула еще вина и села, стараясь не смотреть на Тарабена.

Ей вдруг стало неловко от того, что она вываливает свои проблемы на почти незнакомого человека. Но эта терраса и керосиновая лампа с кружащейся ночной бабочкой, эти тени на воде и красные губы старушки с сигаретой – всё словно собралось в одно большое НЕЧТО, которое дало ей право поделиться с ним всем этим. Как можно поделиться самым сокровенным со случайным пассажиром в купе поезда, зная, что никогда больше его не увидишь.

– Смерть не может быть странной. – Тарабен задумчиво смотрел на проплывающие катера.

– Отчего же? Он мог бы жить еще много лет, он ничем не болел и был полон сил. Но он умер, сердце остановилось. – Гойя достала сигареты, пошарила в карманах и, не найдя зажигалки, повернулась к старушке, которая без слов, скривив красные губы в подобие улыбки, протянула ей золотой Картъе.

– Гойя, вы – умная девушка, но порой меня удивляет ваше почти маниакальное желание мыслить, как обычный человек. – Тарабен отпил вина и подошел вплотную к сидящей на стуле Гойе. В Венеции Тарабен еще больше походил на волшебника с его длинными развевающимися седыми волосами, бородой, запахом ландыша и длинным шелковым шарфом.

– Да, я понимаю. – Гойя чувствовала, что не может сдержать раздражение. – Случайностей не бывает, и всё именно так и должно было произойти. Мы никак не можем повлиять на это и что-либо изменить.

– Конечно, можем и, конечно, влияем, и изменяем. И то, что с ним и с вами, и со мной происходит, – это совокупность наших с вами усилий и стремлений, веры и желания. Но вы не можете знать, видя человека только снаружи, что с ним происходит внутри.

– Возможно, всё так и есть, и мы сами себе выдумываем других людей, а они, по сути, совсем не такие, как мы себе их представляем. – Гойя затаилась сигаретой и незаметно улыбнулась краснотой старушке, тихо разговаривающей с рюмкой «Лимончелло».

– Главное, Гойя, это не то, какие они есть. Главное – как вы воспринимаете их, себя, окружающий мир и вообще всё. Всё в человеке выстраивается внутри его самого.

– И это говорите вы! Великий визуальный манипулятор сознания! – Гойя была в отчаянии.

– Вас это удивляет? Но я внутри самого себя знаю, что именно не так снаружи, и как это изменить, и я делаю, что могу. – Тарабен говорил серьезно, Гойе даже показалось, что он наставлял ее.

– Я тоже стараюсь делать то, что могу, но я не согласна с вами. Не всё находится внутри человека, и часто есть внешние обстоятельства, которые мешают человеку счастливо жить. И они непреодолимы.

Гойя внезапно почувствовала себя в кругу своей «семьи». Старушка с красными губами внезапно превратилась в некий синтез женской ее части, а Тарабен, возвышающийся над ней с белыми развевающимися волосами и его природным величием, стал символом мужской половины.

Он стоял и молча смотрел на нее несколько минут, пока Гойя не докурила сигарету и не сунула ее в пепельницу, где еще долго мяла пальцами и тушила уже совершенно загашенный окурочок.

– Расскажите, Гойя, – наконец произнес Тарабен. – Я уверен, что вам это поможет, а мне не помешает.

И она рассказала ему. Рассказала про болезнь Лив, про последние месяцы лечения и мучения, про то, как встретила Фриду, и что та ей предложила. Гойя говорила, прохаживаясь взад-вперед по террасе, размахивая руками, ставя бокал на стол, снова хватая его, чтобы сделать резкий глоток или едва пригубить. Она плакала, и тогда Тарабен молча протягивал ей белый носовой платок с кокетливо вышитой буквой «Т». Она смеялась и утирала рот рукавом, совсем забыв, что находится в приличном месте.

Старушка молча сидела перед пустой рюмкой и курила длинную черную сигарету. Иногда приходил официант, забирал пепельницу, полную окурочков, ставил на столик чистую и уходил.

Наконец Гойя устала от себя самой и от своей боли. Она рухнула на стул и закрыла лицо руками.

– Знаете, а я всегда знал, что где-то во Вселенной, возможно, в другой галактике, есть «правильная» планета Земля. Не такая, как наша, а правильная. На ней живут люди, животные, птицы и насекомые. На ней растут деревья и цветы. Но все обитатели планеты говорят на одном языке. Все без исключения. И люди, и животные, и птицы. И нет главных и не главных, нет охотников и добычи. Все уважают и ценят других, даже если они не такие, как ты сам. Просто потому, что понимают их и могут с ними взаимодействовать. – Тарабен присел на стул рядом с Гойей.

– Простите, что я рассказала вам о дочери и об этой истории с Фридой. Я не уверена, что это правильно. Но как-то так получилось, – Гойя смотрела на него сквозь слезы и подыскивала слова. Ей показалось, что Тарабен не знает, что теперь делать с полученной информацией.

– Не извиняйтесь. Вы правильно сделали, что рассказали мне. А вот заказчику об этом знать совершенно необязательно. Могу только сказать, что ваше горе включило вас в проект, аналога которому нет и, возможно, никогда не будет на земле. В вашей работе это, наверное, кульминационная точка, и всё остальное после нее вам покажется просто детским лепетом. То, чему вы можете научиться и уже научились в процессе работы над «Балом ста королей» – это самое ценное из всего того, что может предоставить вам ваша профессия.

Тарабен снова встал и расхаживал вдоль террасы. Старушка кокетливо поглядывала на него, словно он сам и его речь имели к ней самое прямое отношение.

– В вас есть энергия, способная творить чудеса. Это, видите ли, что-то наподобие луча света, который идет от вас вверх до бесконечности. Такой луч есть почти у всех людей, но в большинстве случаев он заканчивается в метре-двух от макушки и дальше никуда не идет. Часто люди сами и совершенно добровольно его там и блокируют. Это означает, что «потолок» их возможностей – это директор магазина или главный инженер завода (что само по себе не так уж и плохо). Заметьте, это совсем не означает, что они этого действительно добьются и придут к этому в жизни. Это просто их максимальный путь. Если они будут стремиться и идти вперед, они вполне могут дойти до этой точки, и это – их максимальная самореализация. Дальше этого они никогда не пойдут – их природа не позволит им этого.

Но иногда рождаются люди, у которых этот луч уходит в бесконечность. Их возможности безграничны. Опять же, повторюсь, это совершенно не означает, что они чего-то добьются. Многие из них спиваются, становятся наркоманами, отшельниками, монахами, бросают всё к чертовой матери и уезжают на Тибет. Это я для контраста. Неважно. Не факт, что они что-то сделают со своей жизнью. Но возможности у них бесконечны.

– И вы думаете, что я – одна из них? – Гойя устало усмехнулась.

– Я в этом абсолютно уверен. Проблема таких людей, как вы, заключается в том, что с такими бесконечными возможностями и спрос с них гораздо больший, чем с обычных. – Тарабен снова сел рядом.

– Спрос? Вы имеете в виду миссию? – В голосе Гойи скользнуло сомнение.

– Нет, я имею в виду то, что, если нормальный человек может себе позволить, например, проехать на красный свет и не быть оштрафованным, совершить в жизни ошибку или зло и не быть за них наказанным, то с такими людьми, как вы, всё происходит совсем иначе. То есть с вами всё время что-то происходит, и это нормально. Потому что каждый ваш шаг является значимым, и вы не имеете права на ошибку.

Гойя низко опустила голову, волосы закрывали ей лицо. Ей казалось, что Тарабен был в каком-то странном створе с Фридой. Словно он говорит ее словами.

– Я знаю, что не имею права на ошибку. У меня остался последний проект и последняя надежда спасти дочь. – Гойя сжала зубы, чтобы не разрыдаться.

– Всё так, Гойя, но вы не одна. С вами ваша Фрида, ваша команда, я и ваши артисты. В вас верят многие люди, и главное – вам верит ваша дочь. Но сейчас вам трудно меня понять из-за вашей привычки думать так, а не иначе... Но вы справитесь, я уверен. Пойдемте спать, завтра нам надо быть в Падуе в девять утра, а уже поздняя ночь. – Он протянул Гойе руку, чтобы помочь встать со стула.

Старушка закивала пустой рюмке и тоже поднялась. Помахала им рукой и первой скрылась в глубине гостиничного коридора.

Тарабен, как во Вьетнаме, проводил Гойю до двери ее номера.

– Спасибо вам, – Гойя обернулась. Ей внезапно стало легко, словно теперь и вправду не только она несет эту тяжелую ношу, а есть люди, которые помогают ей, и от этого она не так давит на плечи и спину, на голову и сознание...

– Последние дни перед мероприятием – самые сложные, не столько с точки зрения объема работы, сколько с психологической точки зрения. – Тарабен слегка поклонился. – В вашем случае они вдвойне тяжелее. Берегите силы, Гойя, они вам понадобятся.

Шаг 52

четверг,
7 ноября 2013 года

Любовь – это движение духа
и первостепенная энергия
Вселенной.

Данте

В вагоне было пусто. Кроме полнолицего человека с планшетом и двух японок, смотрящих в телефон со скорбными лицами, никого не было. Гойя разглядывала лица пассажиров со свойственным ей праздным любопытством. Тарабен же углубился в чтение утренней итальянской газеты.

Так они доехали до Падуи, где вышли и пересели в такси, которое за десять минут домчало их до площади Прато-делла-Валле.

Тарабен был интересным рассказчиком, и Гойя немедленно окунулась в мистический мир Падуи.

– Восемьдесят восемь постаментов на площади, имеющей форму эллипса – символа бесконечной бесконечности бытия. И только семьдесят восемь скульптур на них. Десять остаются пустыми. Подумайте, почему?

Нет, это вам кажется, что мостики на площади украшают каменные цветы, – взгляните в них: тут и лица человечков, и масонские знаки...

Ранее на этой площади располагались Римский театр и арена для скачек.

Собор Святой Юстины, где каждый год седьмого октября монахи рассыпают сверху лепестки роз и звучат женские молитвы...

Святой Лука, чьи мощи хранятся тут же. На самом деле женский символ и крылатый бык, сопровождающий его, олицетворяют женское начало.

На этом углу жил Галилео Галилей, а вон в том доме жил его близкий друг Данте Алигьери. Их третьим другом был Джотто – великий художник и учитель Леонардо да Винчи. Он расписал Капеллу Скровеньи, находящуюся неподалеку. Вы должны это увидеть, – продолжал Тарабен.

– Обратите внимание на здание второго в Италии университета, созданного в 1222 году. Здесь преподавали Везалий, Галилей, Коперник...

Нет, Нострадамуса тут не любили. Своих астрологов и врачей вполне хватало.

А это первый анатомический театр в мире, его построили в 1490 году прямо в здании университета. В те времена это было большой редкостью, да к тому же еще и преследуемой церковью. Поэтому стол в Падуанском анатомическом театре устроен так, чтобы можно было мгновенно скрыть препарированное тело – оно быстро опускалось на нижний этаж.

Я договорился, чтобы нас пустили вне экскурсии.

Видите, амфитеатр представляет собой колодец без окон (дневной свет не должен был проникать в это помещение). Посередине располагается что-то наподобие сцены со столом, на него клали труп, а зрители рассаживались

в верхних галереях, с которых отовсюду можно было наблюдать за работой прозектора.

В театре собирались почти три сотни людей.

Вскрытие занимало несколько дней, и билеты продавались, как абонемент – сразу на весь цикл. В первый день хирург в парадной одежде проникал в брюшную полость. Затем демонстрировал органы грудной клетки, на третий день вскрывал череп, затем дело доходило до костей и суставов.

В первых рядах, в самом низу, – там, где вы сейчас стоите, – сидели медики, представители власти и богатые люди города. Средние ряды занимали студенты-медики и люди благородных сословий. На верхних рядах располагались простые люди.

Вы не проголодались? – спросил он у Гойи. – Тогда я продолжу.

Обычно «спектакли» происходили зимой, так как летом трупы хранить было негде. Во время «представления» в театре играла музыка, а в перерывах публике продавали выпивку и легкие закуски. Зрители приходили с детьми, приезжали из других городов. Посещение анатомического театра позволяло продемонстрировать окружающим свою просвещенность, интерес к знаниям, да и вообще – других, столь же захватывающих зрелищ в то время и не было. Люди, путешествуя по Италии, непременно заезжали в Падую, и анатомический театр стоял на первом месте в списке достопримечательностей.

Цена на входные билеты удваивалась, если на столе анатома оказывалась женщина. Считалось, что вместе с брюшной полостью женщины публике открывается и «священная тайна деторождения».

Гойя словно слышала многочисленные голоса людей в глубоком амфитеатре, запахи пота и выкрики слабонервных. Пустые зрительные ряды наполнила толпа возбужденных людей. Все глаза были прикованы к тому месту, где лежало безжизненное тело.

– Гойя, обратите внимание на форму театра, – продолжал Тарабен. – Это опять эллипс, как и Прато-делла-Валле! Шесть зрительных рядов, расположенных один над другим, как шесть миров Вселенной.

– Каких миров? – Гойя первый раз за время его рассказа задала вопрос.

– Физический мир – первый, он определяется красным цветом. После него идет оранжевый – астральный мир звезд и также мир следствий, где умершие пожинают то, что посеяли в период своего физического существования. Желтый – это мир мысли, тот, для которого наш мозг является инструментом. Зеленый – мир ментальный. Синий – мир причинный, его еще называют Миром Разума, а фиолетовый – это мир Космического сердца, отождествленный с Высшим женским началом.

– Но ведь у радуги семь цветов! – удивилась Гойя.

– Правильно. Есть и седьмой мир, это мир проявленного Абсолюта или Божественной воли. Но с этим миром человек не может соприкоснуться.

Тарабен уже тянул ее к выходу.

– Идемте дальше, времени в обрез. Вы должны понять энергию этого города.

– Но когда же мы увидим Дворец Разума?

– Подождите, обязательно увидим. Я должен вам еще кое-что показать до этого.

Оказалось, это Святой Антоний – покровитель всех детей. Сюда со всего мира люди приносят фотографии своих детей, чтобы он помог им излечиться.

Гойя прошла вдоль стены и саркофага, полностью обклеенных фотографиями: тут были и совсем маленькие детки, и уже взрослые. На одной большой фотографии в глаза бросился крохотный малыш, весь в трубках и бинтах, лежащий в инкубаторе.

– Нам надо еще посетить часовню Святого Георгия, – прошептал ей на ухо Тарабен и взглянул на часы.

Дождик заморосил сильнее. Они перебежали из Собора Святого Антония в небольшую часовню, расположенную на той же площади. Там было пусто. Монах, дремавший у входа, продал им два билета и снова углубился в медитацию. Гойя тихо ступала по мраморному полу часовни. Голос Тарабена звучал откуда-то сверху:

– Гойя, посмотрите, на стенах часовни размещены двадцать две огромных композиции и более сотни маленьких. Фрески посвящены сюжетам из жизни Екатерины Александрийской, Святого Георгия и Святой Люции, они были закончены в 1375 году учеником Джотто.

– Почему во все времена необходимы были страдания? Они не просто существовали, они были необходимы, как часть гармонии.

Мимо Гойи смотрело лицо Святой Екатерины, которую убивали ножами, а потом сжигали на костре.

– Они все вошли в историю и увековечены на этой стене: и мучители, и жертвы. И все оставили свой след в истории... Какая ужасная глупость!

В часовню через открытую высокую дверь влетел белый почтовый голубь. Он с размаху сел на мраморный пол и огляделся. Монах, проснувшись от раздумий, медленно встал и направился к нему. Голубь, обеспокоенный движением, двинулся в глубь часовни. Монах шел за ним, не ускоряя шага. Каждый раз, когда он пытался нагнуться за птицей, она ускоряла темп. Гойя подошла к монаху.

– Разрешите мне? – предложила она.

– Пожалуйста, – удивленный монах отступил к выходу.

Гойя опустилась на колено и протянула вперед руку. Голубь остановился, обернулся и вдруг послушно пошел в ее раскрытые ладони.

Она бережно прижала к себе птицу, поцеловала белую головку. Вышла из часовни. Дождик прекратился, и прохожие останавливались, видя женщину в черном пальто, стоящую у входа в храм и держащую в руках белого голубя.

Гойя разжала пальцы. Птица и не думала улетать. Японцы защелкали фотоаппаратами.

«Концерт окончен, ты можешь улетать», – про себя подумала Гойя и сделала движение руками. Голубь тяжело взмахнул крыльями и взлетел в небо.

Она обернулась и увидела Тарабена, который стоял под сводами входа в храм и улыбался.

– Пойдемте, а то сейчас соберется толпа. – Он взял Гойю под руку.

Они прошли два квартала под сводами аркад, уличные музыканты исполнили едва узнаваемую мелодию «Бесаме Мучо».

Зонт сломался, и со сломанных спиц на Гойю текла вода.

Они вышли на большую площадь, посередине которой возвышался, словно перевернутый корабль, Дворец Разума. Перед ним расположился небольшой рынок: с десятков торговцев установили под брезентовыми навесами свои прилавки с ящиками овощей и фруктов. Покупателей не было, видимо, из-за дождя.

– Пойдем? – Тарабен обернулся.

– Сейчас. Подождите. Дайте посмотреть! – взмолилась Гойя, она стояла и не могла оторвать глаз от Дворца.

Внезапный порыв ветра сильно толкнул ее и, переломив зонт пополам, радостно унес самую красивую его половинку. За несколько секунд от рыночной площади не осталось и следа. Первыми улетели шаткие навесы. За ними один за другим стали опрокидываться прилавки, падать ящики, из которых радостными яркими шариками по площади рассыпались апельсины. Продавцы метались по площади в тщетном порыве спасти хоть часть своего товара.

Тарабен остановился и внимательно посмотрел на Гойю.

– Что? – Гойя почему-то почувствовала себя виноватой.

– Мы не одни, – вдруг тихо сказал он и жестом позвал Гойю за собой.

«Высокая лестница в два пролета. Можно подъехать на каретах. Кареты высаживают гостей у самого входа. Терраса. Горят факелы. И должны сновать такие маленькие человечки-гномы с небольшими керосиновыми фонариками в руках. Идеальное место для коктейля. Лютневая музыка. Вот дверь, ведущая в зал судебных заседаний. Над ней – портрет астролога Пьетра Д'Альбано. Он же может и встретить гостей у входа...» – Гойя мысленно рисовала антураж будущего мероприятия.

– Кстати, судьи в зал попадали отнюдь не через этот вход. – Тарабен хитро прищурился. – Видите вход со стороны восточного крыла? Привилегией власти было входить с восточного крыла – как начало дня и новой жизни – через тоннель, ведущий из соседнего здания, в котором располагалось распятие. Перед тем как судить, каждому необходимо было покаяться в своих собственных грехах, а потом уже входить в здание суда.

– Логично, – согласилась Гойя.

– А вводили приговоренных в западное крыло, то есть к их концу, но и там было распятие, перед которым они могли напоследок покаяться.

Огромный зал был сверху и донизу покрыт великолепными фресками. Фрески располагались в четыре ряда. Нижний ряд занимали изображения всевозможных животных и гербы. Тарабен объяснил, что каждый герб или символ животного относился к определенной провинности, и судья ставил свой стол именно под этим знаком, когда судил. Другие три яруса предназначались для знаков зодиака и всего, что с каждым из них было связано.

На северной стене Дворца были изображены зима и осень, на южной – весна и лето. Год начинался с весны, как с зарождения новой жизни. К каждому

знаку зодиака был приурочен один из апостолов. На других фресках были изображены все качества и пороки людей, принадлежащих к тому или иному знаку. Гойя с любопытством рассматривала нарисованные истории.

«Интересно, как он отапливается? Свет проникает через высокие окна, темнеет около половины пятого. Статуя коня. Ее непременно надо использовать. Где будут гримерки и выход артистов? Со стороны входа для власти, где же еще! Смешно... Сцена... Справа от коня. Столы полукругом», – мысленно Гойя не переставала расставлять декорации.

Она прислонилась к стене, закрыла глаза. Заиграла музыка, сверху струился нежно-голубой свет, падающий отдельными снопами на центр каждого из десяти столов.

Случайные туристы, забредшие в этот дождливый день во Дворец Разума, на протяжении двух часов могли наблюдать странную картину: пожилой господин с растрепанными длинными седыми волосами и молодая женщина в длинном черном пальто бежали по огромному залу, периодически обмениваясь странными репликами, останавливаясь, чтобы достать очередной план или схему, о чем-то оживленно спорили, вырывая друг у друга из рук какие-то записи. Потом началось совсем неожиданное: женщина стала принимать позы нарисованных на стене персонажей и медленно двигаться в их образе, а мужчина снимал это на небольшую видеокамеру.

– Я ужасно замерзла! – Гойя вдруг поняла, что не чувствует ног.

– Мы закончили, – подвел итог Тарабен.

– Нет, нам остался еще один знак. – Гойя обернулась к знаку Стрельца.

– Не думаю, что я смогу вам рассказать что-то, чего вы не знаете про ваш знак.

– И все-таки... – Гойя вздрогнула.

– На хвосте у Скорпиона находится Черная Дыра, ее называют Глазом Дьявола. Стрелец находится прямо напротив этой дыры. Он боится того, что, когда наступит конец, он будет первым в очереди тех, кого она поглотит.

Гойя подумала, что он шутит, но ни в голосе, ни в лице Тарабена не было ничего веселого. Наоборот, глаза смотрели грустно и тревожно.

«Столы должны стоять тоже в виде эллипса... А на террасе белые голуби должны клевать хлебные крошки...» – несмотря на сказанное Тарабеном, мозг Гойи продолжал работать.

III

ИМПЕРАТРИЦА

Шаг 53

суббота,
9 ноября 2013 года

Человек в смертную ночь свет
зажигает себе сам; и не мертв
он, потушив очи, но жив;
но соприкасается он с мертвым –
дремля, бодрствуя – соприкасается
с дремлющим.

Гераклит Эфесский

Париж – такой город, он подхватывает любую печаль или проблему и превращает ее в стихотворение Рембо или Флобера, расплескивает ее в луже на бульваре Сен-Жермен, слегка забрызгав ботинки; выставляет ее в витрине антикварной лавки в виде никому не нужной грустной фарфоровой куклы со сбившимися волосами или странной кубической скульптуры в галерее изобразительных искусств рядом с Пале-Рояль...

В Париже ты как бы ни при чем, и это дает тебе право быть сразу везде и со всеми: вместо тощего негра помешивать специальной палочкой каштаны в его большой ржавой сковороде; поправить в цветочной лавке свежесрезанные цветы в больших прозрачных колбах; полистать красивые книги букиниста на берегу Сены; выпить горячий шоколад за стойкой бара и услышать последние новости от самого болтливого бармена города; заскочить в шикарный холл дорогого отеля и «отработать» лицом все возможные приемы важной светской состоятельности; безуспешно ловить такси около здания Гранд-Опера и, наконец, плюнув на всё, поехать на метро...

Для некоторых людей Париж открывает свой источник вдохновения, и тогда людей охватывает невыносимая жажда творчества. Для других, вроде Гойи, город становится чем-то наподобие промокашки, впитывающей всё лишнее, оставляя на листе души только самое важное.

Гойя бродила по городу, всматриваясь в лица людей, наслаждаясь той жизнью, которую они оставляли на улице. Она искала кусочки, которых не хватало для ее картин, сама еще толком не понимая, на что они могут быть похожи.

Вечер медленно погружал город в синеватую дымку, перемешивая запахи еды с запахами городского транспорта. Гойя зашла в маленький магазин детских игрушек и купила для Лив красивую фигурку голубой лошади с крыльями.

Улица, на которую она забрела, заканчивалась небольшой круглой площадью, на которой ютились три кафе с уютными круглыми столиками и плетеными стульями, стоящими прямо на тротуаре.

Гойя села за крайний столик, достала пачку сигарет и телефон. Подошел немолодой официант в грязном фартуке, она заказала бокал красного вина.

Он кивнул и молча ушел, вернулся через несколько минут с вином и баночкой фисташек.

Посередине площади худенькая женщина с рыжей копной кудрявых волос, одетая в длинное черное платье, устанавливала пюпитр. Рядом на табуретке важно восседал пианист, полностью сошедший с картин Тулуза-Лотрека: несмотря на вполне теплую для осени погоду, на нем было зимнее твидовое пальто, густая седая борода наполовину укутана в большой красный шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи; из-под пышных бровей на Гойю глядели веселые глаза давно и регулярно пьющего человека. Инструмент, за которым он восседал, внешне в большей степени напоминал деревянный ящик, который забыли выкинуть после переезда, – вместо задней панели была прибита простая фанерная доска, желтые от времени и табака клавиши, казалось, вот-вот выпадут из своих пазов.

«Сейчас будет интересно», – подумала Гойя, усевшись поудобнее и затянувшись сигаретой.

Женщине, в конце концов, удалось как-то закрепить шатающийся пюпитр на булыжной мостовой, она подхватила меховой шарф и зябко укутала чуть приподнятые плечи, сжалась, как пружина, и так и застыла на несколько секунд.

Пианист, внимательно следящий за всеми ее движениями, коснулся узловатыми пальцами клавиш старого пианино. Неожиданно инструмент извлек сильный и красивый звук. Женщина опустила руки и прикрыла глаза.

Музыка наполнила площадь нервной плачущей ностальгией. Обернулись даже щебечущие подростки, сидящие за соседним столиком с пивом.

– Нет, ни о чем, нет, я ни о чем не жалею. – Голос певицы немедленно подхватил Гойю и унес ее в другую жизнь. Перед ней возникло лицо Пиаф, ее огромные глаза, прямая сильная энергия ее души, не спрятанной никакими женскими ухищрениями.

Певица стояла, вытянувшись, глядя в одну точку, она почти не двигалась, когда пела, но казалось, что она летает по этой площади, и волна от ее полета опрокидывает всех до единого. Голос Пиаф сотрясал ее тело. Только в конце она прижала сжатые в кулаки руки к груди, и на последнем вздохе – «моя жизнь начинается заново» – пальцы вдруг разжались и подарили публике два волшебных крыла...

Гойя сидела, затаив дыхание, и впитывала в себя эту энергию, это страдание и силу. Жизнь подарила ей еще одну встречу, и она ощущала всю важность момента.

Певица пела о любви в розовом цвете, о милорде и о карусели, которая разлучает двух влюбленных... А Гойя плавала в музыке этого голоса, ее мозг уже слышал его на «Балу ста королей»... Он был способен разбудить души людей, которые уже слышали всё ожидаемое. Тут было неожиданное, сильное и настоящее.

Певица поклонилась. Пианист убрал пальцы с клавиш и закашлялся в шарф. Несколько человек подошли к артистам, чтобы положить деньги в плетеную корзинку. Гойя только сейчас обратила на нее внимание.

Быстро расплатившись, она дождалась, пока артисты останутся одни. Подошла к корзинке, положила бумажку в пятьдесят евро.

Пианист удивленно поднял на нее глаза.

– Не часто приходится встречать такую щедрость на улицах Парижа. – Он усмехнулся в прокуренные усы. Певица обернулась к Гойе и просто протянула ей руку.

– Меня зовут Ирен. А вас?

– Гойя. Мне очень понравилось ваше выступление. Вы работаете только в формате «улицы» или... – Гойя подбирала слова, но Ирен ей помогла.

– Мы работаем по-разному. Бывает, что и в дорогих клубах. Но уличные выступления имеют свой шарм. Когда я пою на улице, мне кажется, что я пою всему Парижу. – Она тихо рассмеялась.

– У вас удивительно похожий голос, вы поете только песни Пиаф?

– Не только, но на всё остальное у меня есть другой голос.

– Как другой?

– Свой собственный. Но это сложная история, боюсь, вам будет неинтересно.

– Ой, напротив! Могу я вас пригласить на чашку кофе или чего-нибудь другого? Мне очень хочется узнать побольше о вашей работе, пожалуйста! – Гойя почти упрашивала. Она так боялась, что Ирен уйдет и не захочет с нею разговаривать.

– Вы журналистка? Вы пишете статью про уличных артистов?

– Нет, что вы! – смутилась Гойя. – Я организую различные мероприятия, и мне очень нравится, как вы поете. Я хотела бы с вами обсудить возможность поработать вместе на одном очень необычном празднике.

– Хорошо, конечно, сейчас Жак поможет собраться, и мы можем посидеть в кафе рядом. Вы мне всё расскажете, а я расскажу что-нибудь вам. – Ирен улыбнулась.

Гойя почувствовала, что кусочек для картинка найден. Внутри тепло разливался голос Пиаф, она заказала еще бокал красного вина и стала ждать Ирен. Официант принес второй бокал точно так же, как и первый, казалось, что он с точностью маньяка повторяет все движения: траекторию подхода к столику, место, куда он ставит бокал вина и фисташки, выражение лица, когда он кладет на столик маленький бумажный чек, припиленный к пластмассовой тарелочке.

«*C'est mon plaisir!*» – вспомнила Гойя девиз одного замка, где ей доводилось проводить праздники. – *Он от этого ловит кайф... Ему нравится делать одно и то же с маниакальной точностью*».

Гойя подумала о своей морской свинке. Свинка Чарли всё время делала одно и то же, двигаясь по одной и той же траектории своей клетки. Менялась она только тогда, когда раз в несколько месяцев у Гойи доходили руки ее постричь: длинная пушистая шерсть делала из зверька огромный шарик,

* Это мое удовольствие! (пер. с фр.)

который постепенно заполнял всю клетку, и когда, наконец, шерсть сбрасывалась, казалось, она превращалась в другого зверя.

Лив предположила, что это оттого, что свинке кажется, что она переехала в новую, большую квартиру из своей прежней – маленькой. Идея эта очень понравилась Гойе – Чарли кажется, что после ее стрижки изменился мир, а не она сама.

«*Вот бы нам всем так жить и думать, что мир изменился*».

Ирен тихо присела рядом.

– Ну, вот, я бы тоже с удовольствием выпила бокальчик. – Она подняла руку и махнула официанту, сделав при этом какой-то замысловатый жест пальцами, указав на Гойю, на ее бокал и показав ему два пальца.

Тот кивнул, и через минуту второй бокал стоял на столе.

«*Как быстро она его постригла...*» – с иронией подумала Гойя.

– Ирен, давайте сперва я расскажу вам, что я задумала и как я себе представляю ваше участие в моем спектакле. Говорят, что первым всегда говорит тот, кто нуждается во втором. Вы мне, безусловно, нужны больше, чем я вам.

– Это еще неизвестно, – рассмеялась Ирен, – этого никто знать не может. Но я с удовольствием послушаю.

Гойя рассказывала о «Бале ста королей», проговаривая в очередной раз для себя самой все важные моменты, акценты и детали. Она видела, как меняется лицо певицы. Она слушала сперва серьезно и внимательно, потом щеки ее покраснелись, в глазах появился блеск, словно она сама жила всеми теми переживаниями, которыми была наполнена Гойя. Чем дольше говорила Гойя, тем больше им обоим казалось, что они знакомы тысячу лет, и этот самый проект невозможно представить без Ирен и ее волшебного голоса.

– Ну, вот, – наконец подвела итог Гойя, – до проекта осталось меньше двух месяцев. Я продолжаю работать над программой, хотя главные линии мне уже понятны. Вы согласны со мной работать?

– Гойя, то, что вы рассказали, – это нереально! – Ирен волновалась и не могла подобрать точные слова. – Мне трудно представить, что такое вообще возможно реализовать. Это какое-то волшебство мирового масштаба! Нас приучили к тому, что волшебство – это что-то маленькое, живущее в коробочке... А у вас оно огромное. Дайте прийти в себя. – Она отпила вина и зажмурилась, показав восхитительные морщинки вокруг глаз. – Конечно, я готова. На любых условиях. – Она заметила удивление в глазах Гойи. – Не беспокойтесь, мне, конечно, как и всем, нужны деньги. И я уверена, что вы заплатите мне хорошие деньги за мое выступление. Но никто еще не подсчитал, сколько стоит отдать душу какому-то делу или сколько стоит сердечная боль? Никому неизвестно, во что можно оценить свои эмоции. Я предоставляю это вам, потому что я вам почему-то доверяю. Главное для меня – это стать частичкой этого космического проекта.

Гойя слушала ее и думала, что такая женщина, как Ирен, с таким голосом, наверное, и не могла ответить по-другому.

– Ирен, спасибо вам! Вы не представляете, как я счастлива, что встретила вас. Но расскажите про ваш голос и про Пиаф. Вы обещали. – Гойя говорила так, словно они старые друзья, которые не виделись сто лет.

– Да... да, я расскажу. Если вам интересно. Этот голос – голос Пиаф. Он как бы живет во мне. Вообще-то у меня совершенно другой голос, я училась музыке и пению в музыкальной школе, закончила музыкальное училище и мечтала стать джазовой певицей. – Она подмигнула и сделала большой глоток вина. – Вам трудно, наверное, это представить, после того, что вы услышали? Но поверьте на слово. – Она рассмеялась, тряхнув волосами, и вдруг запела сильным глубоким голосом первую строчку песни Фитцджеральда.

От удивления Гойя застыла с бокалом в руках и открытым ртом. Лицо Ирен так изменилось, словно она стала другой женщиной. От образа Пиаф не осталось и следа, на его место пришел образ яркой, звонкой джазовой души, звенящий от вибрации и ритма...

Ирен рассмеялась при виде лица Гойи и вдруг погладила ее руку.

– Приятно видеть, что вам это нравится. Меня это сначала очень пугало. Пиаф вселилась в меня, не спрашивая моего разрешения. Однажды.

Она вдруг стала серьезной и заговорила быстро, словно хотела побыстрее рассказать о чем-то мучительно тяжелом.

– Я снимаю квартиру на мансарде недалеко от площади Алигр, знаете? Там по средам и воскресеньям всегда рынок и очень шумно. Окна выходят на крыши, можно даже летом вылезать и смотреть на закат над Парижем. Я там живу уже давно, лифта нет, до четвертого этажа лестница нормальная, а потом идет винтовая – еще три этажа. Узкая и крутая.

Мой брат – у меня есть старший брат – принимал наркотики, родители не могли с ним ничего поделать, хотя пытались. Он не смог доучиться, не смог получить профессию. Теперь живет на улице, под Новым мостом, там еще несколько таких же, как и он, живут. Я хотела забрать его к себе, но он не хочет нигде больше жить. Наркотики он не принимает, но пьет, и эта уличная жизнь его втянула, он не хочет ни на что ее менять. – Ирен вдруг замолчала, уставившись на вывеску магазина напротив.

Гойя тронула ее за плечо. Она словно очнулась от мыслей, отпила вина.

– Я говорила про брата? Так вот, – продолжала она, – однажды брат сильно выпил, это было в ноябре пять лет тому назад. Шел сильный дождь, и он решил прийти ко мне переночевать. Но лестница, я вам говорила, с очень крутыми ступеньками, он оступился и упал. Сильно ударился головой, спиной, сломал руку. Попал в больницу, провел в ней почти три недели. Я часто навещала его. Там он встретил Жу, она была медсестрой и ухаживала за ним. Она ставила ему песни Пиаф и много рассказывала о ней. Я впервые видела брата таким счастливым. Когда я приходила, он всё время говорил про Жу, про то, что он пойдет работать и сделает ей предложение, когда поправится. Он говорил, что песни Пиаф и ее непростая жизнь изменили его взгляд на мир.

Она машинально достала из пачки Гойи сигарету и закурила.

– Такие мечты у него были. Я так радовалась за него. Кроме меня, у него никого не было, родители не хотели и слышать о нем, сколько я не пыталась их переубедить. А тут появилась Жу...

Официант пришел, принес еще два бокала красного вина, поклонившись, поставил на стол со словами «От заведения», забрал пустые бокалы и уда-

лился. Ирен сидела, прикрыв глаза, глядя мимо Гойи, которая застыла, боясь услышать конец этой истории, ощущая кожей, что сейчас случится беда...

– Его выписали из больницы, он стал искать работу. Пару раз они встречались с Жу, должны были прийти в гости. Жу подарила ему все пластинки Пиаф, он хранил их у меня, потому что не хотел признаваться ей, что живет под мостом. Говорил, что живет со мной. А два месяца спустя она умерла от рака.

Ирен сидела, сгорбившись, похожая на нахохлившуюся птицу, тонкая рука с сигаретой подрагивала, глаза смотрели на Гойю так, словно ждали какого-то объяснения всей этой истории. А Гойя зачем-то в голове перебирала своих предков и их грехи, словно выискивая ответ на вопрос: почему так, а не по-другому закончилась эта недолгая история любви...

– Брат не забрал пластинки, – тихо сказала Ирен, – не приходил, не звонил. Я ходила к нему под мост, он там до сих пор живет. Иногда ношу ему продукты или вино, когда появляются деньги. Я слушала эти пластинки, мы тогда играли в джаз-кафе на Монпарнасе, знаете? Я думала, возможно ли перепеть какие-то хиты в другой аранжировке. Мы с Жаком решили попробовать. Он как-то сел за пианино, и я запела. Запела совсем не тем голосом, каким хотела запеть. Ее голосом, понимаете? Я запела ее голосом!

Ирен почти кричала. Гойя гладила ее по плечу, бормоча какие-то извинения за свое неучастие, невозможность помочь, за брата, который оставил пластинки, и за Пиаф, которая не попросила разрешения. И эти три женщины сидели сейчас за столиком парижского кафе и вместе оплакивали необратимость судеб – Гойя, Ирен и... Пиаф.

Шаг 54

понедельник,
11 ноября 2013 года

Мысль – самая мощная после любви
сила в мире.

Соня, 8 лет

Утро этого ноябрьского дня выдалось холодным и туманным. Гойя присела на табуретку, сделала маленький глоток кофе из большой теплой чашки и сквозь слегка запотевшие стекла веранды стала наблюдать за вороной, которая клевала красные ягоды рябины. Собака немедленно улеглась рядом, голуби заворковали, морская свинка зашуршала древесной стружкой...

«Э, нет, друзья, вы всё перепутали. Сегодня рабочий день, а не суббота».

Гойя запретила себе смотреть на ворону и заставила войти в ритм нормального рабочего дня. Няня спустилась на кухню через несколько минут. Стала греметь посудой.

Для нее утро рабочего дня всегда начиналось с гроыхания посудой, при этом Гойя никогда не могла понять, как можно ею так греметь, если всё убрано, помыто, сложено с вечера на свои места и полки, а достать с полки тарелку или чашку можно без такого шума...

– Лив не проснулась еще? – Гойя хотела увидеть ее перед отъездом на работу.

– Я смотрела, спит еще. Не хочется будить, сегодня ей всё равно не идти в садик.

– Как это? – Гойя с удивлением взглянула на няню.

«Сумасшедшая, безусловно, но не до такой же степени! Сегодня же понедельник или?»

– Понедельник, понедельник, но ведь какой-то праздник... То ли день мертвых, то ли день воскресших... Я всё время путаю. – Няня громыхнула кастрюлей так, что Гойя вздрогнула.

«То ли мертвых, то ли воскресших... А в чем разница? А животные все-таки были правы насчет выходного дня. Это у меня всё смешалось в голове. Выбрала единственный день на неделе, чтобы съездить в офис, а тут такое... Всё равно поеду, раз собралась. Назло всему. И хорошо, что никого в офисе не будет, спокойно поработаю».

Гойя поставила чашку на стол, достала из холодильника банку йогурта.

– Надо холодильник разморозить и помыть. – Она вернулась в реальность.

– Сегодня вечером обязательно помою. – Няня яростно гремела сковородками.

Гойя схватила сумку, ключи и пошла в гараж за машиной. В ней пахло дождем. Гойя вспомнила аварию, ту девочку, которую держала на руках, сидя в луже...

«Зачем сегодня столько неправильных мыслей?»

Как-то всё не заладилось с утра. Это потому, что мозгом овладел ступор. Иногда, когда Гойя себе давала команду «Придумай!», ее мозг, словно в насмешку, отказывался работать в нужном направлении. Вот и сегодня так же. Уже три дня Гойя искала какой-то важный потерянный кусочек пазла и никак не могла его найти.

Машина мягко плыла в тумане. Белая пелена стелилась по земле, сгущаясь в пятидесяти метрах в плотное облако... А на расстоянии ста метров уже не видно было передних машин.

Из тумана на дорогу метнулась стая птиц, чуть не задев машину.

Слава Богу, в это время дня, да еще и в праздничный день, движение на дороге было полусонным. Гойя ехала и размышляла о проекте. Если новые мысли не приходят в голову, надо смаковать старые, придавая им всё более конкретные и красивые формы.

Вдруг впереди начали возникать очертания огромной золоченой кареты...

– Всё! Приплыли! Это последняя стадия «делириум тременса»... – Гойя заговорила сама с собой, чтобы хотя бы голосом вернуть себя к реальности.

Но видение никуда не исчезало. Карета была молочно-белого цвета, с золочеными скульптурами на боках и плюмажем на крыше. Она скользила по автодороге впереди машины Гойи. Несколько секунд Гойя раздумывала над тем, к какой категории «знаков» отнести эту ситуацию.

«Хочу увидеть лошадей... Раз она едет, впереди в тумане должны скакать лошади».

Гойя легонько нажала педаль скорости и поравнялась с каретой. Увидела красивый, обшитый голубым шелком диванчик. В карете никого не было. Да и перед каретой не было никаких лошадей. Зато там была разгадка всей этой невероятной ситуации.

Карета, как оказалось, стояла на низкой платформе прицепа грузовика, за рулем которого сидел толстый бородатый дядька. Он повернулся к Гойе и заговорщицки подмигнул ей на ходу. Гойя опустила глаза и увидела на дверце грузовика номер телефона и название фирмы. Рука сама потянулась к телефону. Она на ходу набрала номер. Толстый бородач улыбнулся ей большим зубастым ртом, и Гойя нажала на газ.

– Алло! – это было «алло» пожилого человека, живущего в провинции.

– Здравствуйте. Простите, пожалуйста, меня зовут Гойя. Я только что увидела вашу карету. Я хотела узнать, возможно ли взять ее в аренду и сколько это может стоить?

– Простите, какую карету? – Человек явно был удивлен вопросом.

– Разве это не ваша карета едет по автодороге восемьдесят шесть на грузовике?

– А, эта карета! Конечно, это моя карета. И она арендуется. Я не понял, какая именно карета вас интересует. Простите, мадам.

Сердце Гойи затрепетало от радости.

– Вы хотите сказать, что у вас их несколько?

Человек хохотнул, откашлялся.

– У меня их восемьдесят, и все они были созданы для исторических фильмов.

– Не может быть! – Гойя ликовала. Это было именно то, что она, сама не понимая, безрезультатно искала все эти дни. – Вы сами их делаете? Вы – мастер по каретам?

– Да, именно так. Я их делаю, я их реставрирую, я покупаю старинные кареты и даю им вторую жизнь...

– Адрес! Дайте мне ваш адрес! Когда я могу приехать? Прямо сейчас могу? Вы на месте?

Собеседник, казалось, был слегка напуган таким неподдельным интересом к своей работе. Он выдержал паузу в пять секунд и с важностью ответил:

– Да, вам повезло. Сегодня я у себя, завтра уезжаю на съемки. Я смогу вас принять после обеда. Вас это устроит?

– Разумеется, я приеду. Диктуйте адрес.

Гойя положила трубку и некоторое время ехала, улыбаясь. Потом поняла, что едет совсем не в ту сторону.

«Это всё потом, сейчас главное – увидеть этого человека». – Сердце Гойи билось так сильно, словно она, наконец, отыскала ключ и собиралась открыть сундук с сокровищами. Она доехала до выезда с автодороги и повернула в обратную сторону.

Дорога пролегла сквозь красивый осенний лес, огибая дуга и поля, на которых вызревали рожь и кукуруза. Маленькие домики с палисадниками выстроились вдоль дороги, деревушки чередовались через каждые пять километров. Во всех обязательно были пивной бар, булочная и церковь с прилегающим к ней кладбищем, а между маленькими домиками за высоким чугунным витым забором обязательно возвышался замок аристократа, которому когда-то это всё принадлежало.

«Как чудесно, что это всё так и сохранилось и теперь существует по другим законам, но несет в себе историю, в которую можно окунуться, ничего не распыляя и никого не беспокоив» ...

Часа через два Гойя подъехала к красивому старинному поместью, расположенному прямо среди полей. Посредине возвышалась маленькая красивая башенка голубятни, внизу – длинные, тоже старинные ангары, похожие на конюшни.

Под навесом стояла старая упряжка, из-под нее торчали две маленькие ножки в грязных штанах и грубых, сбитых ботинках.

– Простите, – Гойя приблизилась, насколько позволяло приличие, – я вам звонила.

– Да, да, – раздался знакомый голос откуда-то из недр ржавой повозки. – Иду, иду.

На свет вылез маленький человечек со смешным лицом доброго, пожилого, солидного гнома, перепачканный и взлохмаченный. Он протянул Гойе грязную круглую пятерню.

– Очень приятно, девушка, – так говорили только провинциалы. – Эрмин.

– Это ваше имя? Я очень рада знакомству.

– Напомните, что именно вас интересует. – Он вытер руки об штаны и направился к ангарам.

– Кареты. Вы сказали, у вас их восемьдесят штук. Я хочу их увидеть и, возможно, арендовать для мероприятия.

– Давайте я вам покажу всё, что есть, а потом вы сами решите.

Человечек быстро засеменял к ангарам. Гойя еле успевала за ним. Поместье было огромным, очень хорошо организованным. Эрмин собирал еще и декорации для съемки фильмов, и ангары были наполнены всевозможными предметами, большинство из которых Гойя узнавала без труда по известным кинокартинам.

– Как вам удастся держать всё в таком порядке? – восхитилась Гойя, входя в очередной ангар.

– Это мои родители. Они очень помогают, мама не любит беспорядка.

Гойе показалось, что она ослышалась. На вид Эрмину было лет шестьдесят пять.

– Ваша мама тут наводит порядок? – переспросила она.

– И папа тоже. Они каждый день перебирают, чистят, раскладывают все декорации, а мама еще и реставрирует те, которые нуждаются в ремонте.

– Я была бы счастлива с ними познакомиться, – воскликнула Гойя. Она не могла поверить в то, что существуют такая вот мама и такой папа.

– Конечно, после визита, мама приготовит нам чай.

Они направились к последнему ангару. Гойя обратила внимание, что повсюду – на улице и внутри помещений – стоят одинаковые стулья. Эрмин, увидев ее вопросительный взгляд, разъяснил ситуацию.

– Мама сдала за последний год и, когда она устает, она любит сидеть в разных местах поместья и смотреть на пейзаж. Стулья поставлены там, где она больше всего любит отдыхать.

– Ваши родители занимались каретами до вашего рождения?

– О, нет! – Человечек рассмеялся. – Отец был дипломатом, а мама – инженером. Они и не думали, что будут когда-то этим заниматься. Это мы с братом решили так десять лет назад.

– И брат тоже работает на вашем предприятии? – Гойя спросила больше из вежливости.

– Брат умер три года назад. Заснул с сигаретой и сгорел. – Эрмин сказал это так просто, отчего стало ужасно грустно.

Огромные двери последнего ангара разъехались в разные стороны с ужасным скрипом. Человечек проскользнул в темноту, что-то щелкнуло, и свет вспыхнул сразу во всем огромном помещении, бросив в лицо Гойе великолепие экипажей и карет, стоящих в аккуратной симметрии.

– О, Боже! – Гойя не смогла сдержать крик. – Это великолепно! Это невозможно! Какой-то сон! – Она вбежала в ангар, коснулась пальцами деревянных ангелов на торце черной кареты, погладила золотой герб с короной на гладкой дверце королевского экипажа. – И это всё создали вы?!

– Не все, но большинство, – скромно и гордо произнес человечек. – Некоторые я выкупал после съемок или в музеях и реставрировал. Но вы должны посмотреть внутри. Эти модели – точные копии тех экипажей, которые были давным-давно. Я сохранил полностью и стиль обивки, и устройство интерьера.

Он распахнул перед Гойей округлую изящную дверцу голубого с золотом экипажа, опустил трехступенчатую лесенку, и Гойя поднялась по ней внутрь. Села на стеганый атласный диванчик. Дверца захлопнулась. Гойя откинулась на сиденье.

Внезапно память Гойи, в благодарность за эти чудесные ощущения, подарила ей яркое воспоминание из детства: почти утерянная карета-светильник с огоньком внутри, который зажигался, как ночник. Она продавалась в магазине «Кожгалантерея», что был рядом с домом, и Гойя после школы забежала туда посмотреть на это чудо. Ей казалось, что это самая волшебная и красивая вещь в мире. Денег у Гойи не было, чтобы купить карету, она просила у родителей, но они почему-то ей отказали, сославшись на то, что это – не игрушка. Так умерла мечта, и вдруг она явилась Гойе в таком ярком сиянии, что она вспомнила всё до мельчайших подробностей... Вот она, эта детская карета с огоньком внутри. Гойя сидит внутри и посматривает из-за шторки на мир...

«Сейчас произойдет волшебство, я выйду из кареты и окажусь в гостях у Мариш-Антуанетты. Она спросит меня, как я добралась, а я начну ругать дороги и кучера и смеяться от радости, что по дороге на нас не напали разбойники. А потом мы обнимемся и станем пить чай».

Дверца открылась, Гойя выглянула наружу. Эрмина не было, вместо него на Гойю внимательно смотрела маленькая, сухонькая, аккуратная и очень подвижная старушка. В руках у нее был молоток.

– Мадемуазель, спускайтесь осторожно, эти ступеньки рассчитаны на маленькие ножки, а вы, я вижу, ростом удались. В ту эпоху девушки были миниатюрнее.

Гойя смутилась. Последний раз она стеснялась своего роста в восьмом классе, когда на танцах выбор кавалеров ограничивался только тремя мальчиками, так как все остальные были на голову ниже. Но старушка сказала это так, что Гойя решила побороть в себе комплекс Алисы в Кроличьем Домике.

– Здравствуйте. Вы мама Эрмина? Он рассказывал про вас.

– Как так? Вы же только что приехали, когда он успел?

«А действительно, когда он успел?»

Гойя не задумывалась об этом, ей казалось, что она тут уже очень долго. Взглянула на часы, оказалось, всего сорок минут.

– У вас тут столько всего интересного, можно устраивать такие красивые мероприятия! – Гойя, наконец, вышла из кареты, и старушка аккуратно прикрыла за ней дверцу.

– Ааа... Так вы не из кино? – В голосе старушки слышалось разочарование. – Да, можно много чего делать красивого, но только разве это кому-нибудь нужно?

– А разве нет? – удивилась Гойя.

– Вы говорите про праздники? На моем веку таких праздников никто не устраивал. Всем бы только поесть, выпить да потанцевать. Вот кино – другое дело, там можно всё что угодно придумать.

Гойя шла за старушкой в сторону большого старого дома и раздумывала над тем, что та сказала.

«Сколько ей лет? Ну, наверное, лет восемьдесят пять, а то и все девяносто. Она никогда не видела ничего другого, кроме вот таких праздников. Людям ничего не надо, если они не знают, что оно существует. Раньше ведь как-то жили без мобильных телефонов, без телевизоров, без машин, без поездов и самолетов. И это было не надо. В какой же момент людям становится необходимо что-то новое. С чего оно начинается?»

Из приоткрытой двери дома выскочил похожий на сосиску бассет-хаунд с заплаканными глазами и длинными, обвислыми, как тряпки, ушами. Он, смешно виляя задом, подбежал к Гойе и понюхал ее джинсы.

Гойя погладила его за ушами, отчего они смешно задвигались у основания яйцеобразной головы.

– Холмс, домой! – приказала старушка, и пес радостно побежал в дом. – Я приготовила чай с домашним печеньем. Эрмин сейчас вернется, и вы сможете обо всем поговорить.

Старушка распахнула двери дома, и Гойя вошла в просторную старомодную гостиную, где над большим камином красовался овальный портрет, видимо, родственницы – строгой тетеньки в белом чепце и высоком кружевном воротничке. Кресла с обтертыми сидениями из гобеленовой ткани, длинный деревянный стол, покрытый вышитыми кружевными салфетками, на котором стояло блюдо изумительно пахнущих печений... Старушка исчезла в двери, ведущей, по всей видимости, в кухню. Холмс важно улегся на специально для него построенную деревянную кровать.

Гойя присела на высокий стул.

В гостиную с улицы вошел большой сутулый старик с поленьями для камина в руках.

Он кивнул, чуть улыбнулся Гойе и молча прошествовал к камину, обстоятельно уложил все дрова в камин и в специальный ящик. Вытер руки полотенцем и только потом подошел к ней представиться.

– Очень рад вашему визиту, мадемуазель. Как вам наше скромное хозяйство? – Он говорил, тщательно артикулируя. Такую речь Гойя не слышала давно. Вообще всё здесь было словно из другой эпохи.

«Какая милая семья! Какие чудесные старики! Как, наверное, им тяжело было пережить смерть сына...»

Раскрасневшийся Эрмин вернулся через несколько минут, тяжело дыша. Видно было, что он бежал.

– Ну, давайте обсудим ваш проект. – Он уютно уселся в кресло и заболтал ногами, которые не доставали до пола. Из кухни появилась мама с чайником. Папа уселся около камина и чиркал спичками.

– Мне нужны ваши кареты, наверное, штук двадцать в общей сложности. Возможно, еще понадобятся какие-то декорации. Я организую мероприятие через два месяца. Это будет большое костюмированное шоу. Гости будут в образах великих исторических персонажей. Они должны прибыть на праздник в ваших каретах.

Гойя рассказывала, Эрмин внимательно слушал, иногда задавая вопросы. Да, конечно, это возможно. Хотя он никогда такого не делал. Еще ни разу

никто не арендовал у него столько карет. Нужны грузовики, люди, логистика будет сложная. Для каждой кареты понадобятся две, а то и четыре лошади. Лошади передвигаются в специальных контейнерах, и им необходимо прибыть на место мероприятия за день до этого. Нужны конюшни и еда для животных, жилье для конюхов. Дистанция должна быть небольшой, чтобы гости не устали от езды в каретах – на многих не стоят рессоры, поэтому езда достаточно жесткая. Необходимо понимать точно, кто именно из исторических персонажей прибудет на праздник, чтобы подобрать кареты соответственно статусу и эпохе каждого героя. У Эрмина были разные кареты и повозки – от эпохи египетских фараонов до конца XIX века.

Гойя не заметила, как стемнело, они пили чай с печеньем и обсуждали разные детали. Было уютно и тепло.

– А вам случайно не нужен отличный фокусник? Уникальная личность. Я с ним несколько раз был на съемках. Он много работает для кино – создает различные спецэффекты. – Эрмин говорил вдохновенно. Было видно, что он действительно восхищен этим человеком.

– Нужен. Я могу с ним встретиться? Если он такой уникальный, как вы говорите, я с удовольствием возьму его в проект. – Гойя достала блокнот, чтобы записать номер телефона.

Эрмин замешкался. Видно было, что он почему-то колеблется.

– Вам неудобно давать мне его номер? Дайте ему мой – пусть он сам мне позвонит, – попыталась разрешить ситуацию Гойя.

– Нет, что вы, я просто подумал, что, возможно, он покажется вам странным, даже не совсем адекватным. – Эрмин смутился.

– То есть? Что вы имеете в виду? В чем его странность?

– Знаете, – в итоге Эрмин затараторил, – вы взрослая девушка. Я вам, пожалуй, дам его телефон, а дальше вам будет виднее, работать с ним или нет. Я не знаю даже, захочет ли он сам с вами работать. Я только могу сказать, что он – гений. И, как все гении, человек не вполне адекватный.

Гойя вышла на улицу, попрощавшись с милым семейством. Вдохнула чистый деревенский воздух. На душе было тихо и светло. Эрмин долго махал пухлой ручкой ей вслед.

Вернувшись домой, Гойя застала няню с Лив собирающими осколки салатницы с пола, на белом кафеле красовался натюрморт из всех овощей, которые до этого были совместным салатом.

– Что случилось? Вы посмели обидеть миску с салатом? – Гойя весело подхватила Лив на руки. Та, разжав ладошку, подарила ей кусок морковки...

– Вечно вам смешно, – няня явно была не в настроении. – Только что всё помыла и убрала. Сама эту миску убирала наверх, никак она упасть не могла оттуда. Открываю дверцу холодильника, чтобы достать кефир для Лив, и тут на меня прямо выпрыгивает эта гадская салатная миска. – Лицо няни покрылось красными пятнами от возмущения. – Это еще что! – продолжила причитать няня. – Мы с Лив почти всё убрали. Тут такое было – соус и салатные листья повсюду! – Она чуть не плакала.

– Дазе у няни в голове был салат, – весело шепнула на ухо Лив.

Гойю разобрал смех, но она сдержалась. Где-то далеко в сознании только аукнулось утреннее обещание няни помыть холодильник...

– Не надо было ему обещать, – строго сказала Гойя вслух.

– Кому обещать? Что? – Няня смотрела с непониманием то на холодильник, то на Гойю.

– Холодильнику обещать. Помните, вы утром сказали, что помоее его?

Няня застыла на четвереньках с губкой в руках, а Лив тихонько слезла с рук, подошла к няне и погладила ее по голове.

– Надо делать, сто обесяес, тогда он не будет селдица...

XVII

ЗВЕЗДА

Шаг 55

среда,
13 ноября 2013 года

Есть ли в твоей жизни человек, перед которым ты не боишься быть маленьким, глупым, безоружным, во всей наготе своего откровения? Этот человек и есть твоя защита.

Из письма отца к сыну

Сказка о драконах

Когда-то давным-давно, до нашей эры, на земле жили драконы. Это были огромные летающие существа с телом бегемота и крыльями огромной летучей мыши. Они обитали в диких лесах и были безобидными. Питались они травой, орехами и корой деревьев. У драконов была особенность – они искали всю жизнь свою вторую половинку. Часто они не могли найти ее и тогда жили и умирали в одиночестве. Но, когда кому-то из них удавалось встретить настоящую «драконью любовь», они оставались верными ей до конца жизни. Если их вторая половинка умирала от болезни или старости, второй дракон обязательно умирал практически сразу после смерти первого. Маленькие драконы рождались только от союза двух таких драконов. Поэтому происходило это не часто.

Люди охотились на них, потому что мясо дракона было вкусным, а из его шкуры они шили одежду и накрывали крыши своих домов. Из зубов драконов делались разные предметы утвари, а жир дракона мог излечить от многих болезней.

Люди истребили практически всех драконов, пока кому-то из них не пришла в голову мысль разводить драконов именно для их нужд. Тогда они стали их ловить и обрезать им крылья, чтобы драконы не могли улететь. Непригодный для ходьбы дракон, лишившись крыльев, превращался в абсолютно беспомощное и неповоротливое существо.

Бескрылые драконы в неволе становились всё более и более похожими на бегемотов. Они больше не искали свою вторую половинку, смирились с судьбой и спаривались с драконами, которые так же, как и они, находились в неволе.

От невозможности летать крылья их становились всё более слабыми и маленькими, и в один прекрасный день родился первый бескрылый дракон.

Так на земле появились бегемоты, а драконы прекратили свое существование.

Гойя проснулась в шесть утра, за минуту до того, как прозвонил будильник.

Поцеловала за ухом спящую Лив, подоткнула одеяло. Тихонько выскользнула из спальни. Включила горячую воду. В душе на потолке ее поджидал неожиданный гость – маленький черный паук с одной лапой, длиннее, чем другие.

«Привет, братец, зря ты сюда залез. Не самое безопасное место для жизни».

Гойя мылась душистым сиреневым мылом и думала о том, что надо позвонить фокуснику, не откладывая. Времени оставалось мало, надо было быстро определиться с выбором артистов и начать репетировать.

Утро Гойя провела в старом халате, в бумагах и книгах про великих людей.

После обеда, созвонившись с девушкой-секретарем фокусника и получив разрешение приехать немедленно, она быстро натянула джинсы и свитер и, пообещав Лив вернуться к ужину, помчалась на встречу.

Солнце светило не по-осеннему ярко, въезжать в город не потребовалось, и Гойя с удовольствием любовалась красивой проселочной дорогой.

Через час езды дорога уперлась в поле, на котором созрела то ли пшеница, то ли что-то другое. Оно блестело на солнце и пахло домом.

Дом фокусника оказался шикарным. Высокий забор из туи скрывал красивую геометрическую панораму парка, разноцветные песочные дорожки, ведущие к дому, и сам волшебный дом с желтыми круглыми башенками по бокам. На фасаде дома был изображен трехглавый дракон, нарисованный искусной рукой художника во всю длину стены. С двух сторон от дома располагались какие-то постройки, похожие не то на склады, не то на хозяйственные помещения.

У вольера с белыми голубями стояла молодая девушка, приветливо улыбаясь, словно ожидая Гойю.

Они поднялись по красивой лестнице, утопающей в зелени, и вошли в дом. Пройдя прихожую с черно-белым шахматным паркетом и головами драконов на стенах, девушка распахнула перед Гойей двустворчатую готическую дверь гостиной.

Это было жилище настоящего колдуна – во всяком случае, в голове Гойи это прозвучало именно так. Посредине, в огромном камине, выложенном из черного круглого булыжника, ярко горел огонь. Рядом с камином на полу лежала огромная медвежья шкура, вдоль стен стояли высоченные книжные шкафы черного дерева, забитые книгами, пергаментами и всевозможного размера банками с какими-то заспиртованными животными. На стенах висели картины в тяжелых деревянных рамах, на которых были изображены какие-то мифические монстры и, как показалось Гойе, сцены из Библии.

Огромный деревянный стол был завален книгами, там же валялись пара дуэльных пистолетов, плетка, несколько фехтовальных шпаг и еще какие-то старинные непонятные предметы.

Девушка тихо исчезла, предложив ей подождать. Гойя ходила по огромному залу, осторожно переступая. Странное ощущение чужого пространства – чужого не оттого, что незнакомого, а оттого, что оно было жестким, с полным отсутствием мягких форм, слов, эмоций.

Гойя обошла периметр вокруг камина, постеснялась внимательно рассмотреть детали картин, словно за ней кто-то следил и диктовал время, которое она может использовать на каждое действие, и, наконец, села на табуретку рядом с камином.

Несмотря на хорошую погоду, камин радовал теплом и уютом.

Дверь скрипнула, и в зал вошел невысокий худой человек средних лет. Походка легкая, жесты уверенные. Из тени выплыло его лицо: властные черты, нос с горбинкой, холодные цепкие глаза под густыми бровями, тонкие губы и ямочка на подбородке.

Человек подошел на расстояние, нарушающее пространство Гойи, и кивнул ей, не подавая руки.

– Здравствуйте. Виктор? – Гойя зачем-то вскочила с табуретки и оказалась выше его почти на полголовы. Но от этого комфортнее не стало, а почему-то захотелось извиниться и уменьшиться в размере.

– Привет, – просто сказал человек. Голос у него был низкий.

– Спасибо, что согласились меня принять. – Гойя пошла за ним, он двинулся к столу. Сел. Гойя села поодаль и решила, что не стоит затягивать паузу. – Мне о вас рассказывал Эрмин, он чудесный...

– Да, Эрмин... Мы работали несколько раз вместе. – Человек сидел, положив ногу на ногу, скрестив руки на коленях, и спокойно смотрел Гойе прямо в глаза.

– Я перейду сразу к делу, – затараторила Гойя, опуская глаза. – Дело в том, что я организую очень важное мероприятие, и оно состоится очень скоро. Это будет что-то наподобие «Путешествия во времени», и мне обязательно нужно шоу иллюзии, но не просто шоу, а настоящее волшебство!

– Волшебство...? – Казалось, Гойя произнесла слово, которое не следовало произносить. Оно дало право человеку проникнуть в ее глаза, а она не успела их отвести... Всё, что происходило в следующие несколько минут, можно было назвать как угодно, но не деловым разговором.

Гойя упала резко, всем телом в эти глаза, которые подхватили ее и обняли со всех сторон. Она внезапно ощутила, как сильные руки приподняли ее тело над землей и уронили на медвежью шкуру. Она услышала совсем близко его дыхание и задохнулась от запаха плоти. Пальцы скользили по ее телу, ласки наполняли ее какой-то животной силой, которую необходимо было выплеснуть. Два зверя впивались друг в друга зубами, до крови кусая кожу и извлекая из тела всю силу страсти. Пот струился по лицу и телу Гойи, немой крик рвался наружу и улетал неслышимым облаком, окутывая ее целиком...

Никогда Гойя не испытывала такого. Ее тело не принадлежало ей, ее душа смотрела сверху на происходящее и категорически ничего не хотела делать.

Достигнув наивысшей точки блаженства, то, что раньше было Гойей, стиснуло зубы и забилося в агонии в жестких объятиях того, кто пришел как хозяин и взял то, что ему принадлежало всегда...

– Я буду с вами работать. – Голос Виктора прозвучал хрипло, он устало прикрыл глаза.

– Что? – Гойя словно очнулась от глубокого гипноза. Она тяжело дышала, лицо было мокрым, она во все глаза уставилась на человека, спокойно сидящего напротив нее. Он был в той же позе, только руки теперь лежали на столе, а голова была откинута на высокую спинку кресла. Гойя с трудом встала, ей нужно было пройтись. Голова кружилась, ломало всё тело. Странно, но

она больше не боялась ходить по этому залу. Казалось, что она бывала здесь уже много раз и знает каждую мелочь... Гойя рассматривала картины, взяла со стола и стала перебирать пальцами четки или какие-то бусы...

– Я сказал, что готов с вами работать, – снова сказал Виктор. – Хотите кофе?

Он тяжело поднялся со стула и пошел на кухню. Гойя не успела ответить на предложение. Из кухни раздался голос:

– И здесь можно курить, пепельница на столе. Хотя это и вредно. Особенно женщине.

«Откуда он... Ах, да... Как странно... Мы же просто сидели, он не двинулся с места... Он даже не коснулся меня...»

Гойя достала из сумки сигареты и поняла, что руки дрожат.

Виктор появился в проеме кухни с двумя чашками в руках, поставил их на стол, подошел к камину, подбросил полено в огонь и снова сел.

– Эрмин говорил, что вы необыкновенный, – сказала Гойя дрожащим голосом, понимая, что говорит пошлость. Он с удивлением посмотрел на нее. – Вы покажете мне вашу работу? – попробовала исправиться Гойя.

В зал вошла молодая женщина, кивнула им и пошла в кухню что-то делать.

Виктор взял со стола большую связку ключей.

– Пойдемте со мной.

Гойя вскочила, чуть не опрокинув на себя чашку с кофе, и послушно пошла за фокусником.

Они вышли из дома и направились в сторону пристроек. Виктор открыл ключом небольшую дверь, и Гойя оказалась в концертном зале. То есть снаружи невозможно понять, что это были зал и сцена. Внутри же всё было оборудовано так, как должно быть в первом классе театральном пространстве. Сцена была оснащена не только кулисами, паркетом и двойным занавесом, но и огромным количеством разной световой аппаратуры, которая фиксировалась на металлических платформах сверху и по бокам сцены. Кресла зрителей из красного бархата с позолоченными подлокотниками стояли в несколько рядов, изящно огибая сцену. Подняв глаза, Гойя с удивлением обнаружила даже наличие балкона.

– Боже! – Гойя не могла скрыть своего восторга. – Как вам удалось воссоздать прямо тут целый концертный зал. Сколько же сил тут было вложено?

– Это было непросто, но необходимо для продолжения работы, – скромно сказал Виктор. Он рукой указал Гойе на кресло, куда она послушно села. Сам он поднялся на сцену. Вспыхнули софиты.

– Вы говорили мне про волшебство. – Голос Виктора звучал глухо. Откуда-то сверху, как показалось Гойе, появилось какое-то эхо, хотя он говорил без микрофона. – Что для вас волшебство?

Гойя задумалась. Как объяснить это иллюзионисту?

– Волшебство – это когда человек совершает что-то, ему не свойственное в повседневной жизни, и это дает очень сильный энергетический заряд тем, для кого он это делает. Наверное, так... – Гойя начинала сомневаться.

– А может быть, волшебство – это когда вы не понимаете, как и откуда человек вам дает очень сильный энергетический заряд? При этом он делает то, что делает каждый день, – голос стал звучать вкрадливо.

Гойя вжалась в кресло, ей показалось, что ее волос коснулась крылом какая-то огромная птица. Она обернулась, но задние ряды зала оказались в темноте, видимо, свет погас сразу после того, как Гойя уселась в кресло. Когда она повернула голову в сторону фокусника, у него на плече сидела большая белая сова.

– Мне трудно спорить с человеком, для которого волшебство является способом жизни, – тихо сказала Гойя, уставившись на сову.

– Я не собирался с вами спорить, я просто хотел узнать, что для вас есть волшебство. Как и понимание красоты, музыки и радости, понятие волшебства у каждого свое.

Гойя вдруг ощутила тепло, исходящее откуда-то сверху. Она подняла глаза и с удивлением увидела, что прямо над ней, на расстоянии высоты потолка, ярко светит какой-то огонек. Словно звездочка. Огонек увеличивался и становился всё ярче и ярче, словно планета, витающая только над головой Гойи.

Она замороженно смотрела на него.

– Что это? – спросила она фокусника, не отрывая взгляда от светлого шарика.

– Видимо, это то, что для вас является волшебством. – Гойе показалось, что голос фокусника прозвучал совсем близко. Она посмотрела на сцену, но на сцене уже никого не было. Да и сцены тоже не было. На месте сцены был красивый пруд, заросший камышом, и в нем плавал белый лебедь. Гойя вскочила с кресла, оглянулась. Позади кресла росли яблони, часть из них была еще в цвету, а на некоторых уже висели плоды. Она сделала шаг в сторону деревьев.

– Вам нравится такое волшебство? – Голос фокусника прозвучал откуда-то сверху, словно с потолка. Гойя задрала голову. Виктор вышел из-за деревьев совсем с другой стороны.

– Я... да, мне нравится. Но я не понимаю...

– А если вы поймете, оно и дальше будет волшебством? – Глаза Виктора пронзительно смотрели на Гойю. Ее стало знобить, она вспомнила сцену в доме и свои ощущения.

– Вы уверены, что делаете добро? – с удивлением для себя вдруг выпалила она.

– Я уверен, что делаю волшебство. Мы не договаривались о понятиях добра и зла, поэтому они не в счет.

– Но волшебство всегда предполагает добро. Иначе оно называется... – Гойя не успела ничего сказать, в этот момент большая белая сова тяжело приземлилась ей на плечо, задев крылом лицо. От неожиданности Гойя вскрикнула и пошатнулась, но удержалась на ногах.

– Не бойтесь, это Мега. Она решила, что так будет понятнее. – Гойе показалось, что он улыбается.

Она осторожно покосилась на сову, которая крутила головой на сто семьдесят градусов и прикрывала по очереди то один, то другой глаз.

– Это называется колдовством? – продолжил Виктор, оказавшись уже в том кресле, где раньше сидела Гойя.

– Да, именно.

– Нет, потому что оно не используется ни для каких других целей, кроме как дать вам, как вы сами выразились, очень сильный энергетический заряд.

– Разве иллюзия – это не техника и мастерство? – Гойя разозлилась, она не понимала, что происходит, у нее было ощущение, что он играет с ней, как кот с мышью.

– Иллюзия – да, но вы же пришли за волшебством?

– Да, я пришла за волшебством, – тихо повторила Гойя. – Вы отдаете мне свою энергию, превращая ее в волшебство... – Она говорила словно сама с собой.

– Нет, это ВЫ отдаете и уже отдали мне СВОЮ энергию, и это ВАША энергия превращает мое мастерство в волшебство.

Он легко вскочил с кресла и хлопнул в ладоши. Вспыхнул яркий свет. Гойя вздрогнула и зажмурила глаза. Сова слетела с плеча. Когда она их открыла, то оказалась в совершенно пустом помещении, посередине которого стояло одно, то самое кресло, в котором она сидела. Рядом с креслом стоял Виктор, а на золоченом подлокотнике уютно устроилась Мега.

– Я думаю, на сегодня достаточно. – Он шагнул к Гойе. – Условия договора приходит вам моя секретарша. Вам пора ехать, у меня еще много дел.

– Нам надо обсудить ваши условия. Мне нужно большое красивое шоу. – Гойя старалась говорить деловым голосом, но у нее плохо получалось.

– Условия просты. – Виктор говорил так, словно уже давно всё решил. – Оплатите дорогу и работу моим помощникам, и мы сделаем вам такое шоу, которого вы никогда не видели.

– А ваш гонорар? – Она впервые после истории в гостиной решилась взглянуть ему в глаза.

– Я его получил. – Виктор протянул руку и поправил прядь волос, упавшую на лицо Гойи. От этого единственного реального прикосновения у Гойи немедленно вспотела спина и сильно застучало сердце.

«Да что со мной, черт возьми! Почему я не могу взять себя в руки?»

Гойя не знала, что говорить дальше. Она стояла рядом с чужим человеком, в полной его власти, не умея найти ни слов, чтобы ему ответить, ни жестов, чтобы его остановить.

В зал вошла девушка, которую Гойя встретила в кухне. Она подошла к ним и протянула Гойе бумаги.

– Я приготовила вам описание нашего шоу и бытовой райдер. Тут вы всё найдете. Репетиция обязательна, нам нужно, как минимум, четыре часа на площадке. Месье Виктор должен прибыть на место за сутки до мероприятия.

Гойя взяла листок, кивнула и торопливо стала его запихивать в сумку.

– Мне пора, спасибо большое. – Она обращалась к девушке, ощущая на себе пристальный взгляд Виктора.

Та кивнула, и Гойя, не подав фокуснику руки, вышла из зала и быстро пошла к машине. Дрожащими руками повернула ключ зажигания, выехала из ворот, не смотря в зеркало заднего вида, и нажала педаль газа.

«Это всё мне приснилось. Этого никогда не было и быть не могло. Этот человек мне совершенно чужой».

Так говорила себе Гойя, уезжая из дома фокусника. А душа ее, смеясь над ней, бережно складывала в памяти ощущения, обмененные на любовь, которую за несколько минут забрал у нее иллюзионист Виктор.

Шаг 56

пятница,
22 ноября 2013 года

В голове – какофония мыслей, словно в сознании есть две партитуры, и каждая в отдельности звучит волшебю. Но по каким-то необъяснимым правилам они то звучат одновременно, то есть параллельно, образуя чудовищный хаос, то одновременно замолкают, создавая убивающее одиночество.

От других людей Ларри Азь отличали, на первый взгляд, две вещи: он был с рождения хромым, и еще он очень любил деньги. Он любил их с детства. Когда ему было шесть лет, он нашел на улице пять франков. Гордый и богатый, он принес находку домой. Его отец был бакалейщиком, он держал небольшой магазин в цокольном этаже жилого пятиэтажного дома. Над магазином висела вывеска, которую Ларри ненавидел с детства. На ней было написано «Мр. Азь и сын». И все приятели Ларри, проходя мимо магазина, кричали и свистели: «Эй, мразь, выходи!»

И в школе его так называли, а то и хуже...

Вообще Ларри от сверстников порядком доставалось. Небольшого роста, хромой на левую ногу, широкоплечий, с мелкими и острыми чертами лица, Ларри был похож на юного лешего.

Но вернемся к нашей истории. Отец Ларри, увидев у сына в руках такие деньги, предложил ему просушить их на батарее. Сын так и сделал. Наутро денег на батарее не оказалось. Эта история как-то всё выстроила в его голове, создала некую схему, в которой ключевым элементом стала эта самая банковская купюра.

Он сказал себе, что хочет иметь много денег и славы и добьется этого любой ценой. А еще он не хочет, чтобы над ним смеялись. Никогда.

Учился Ларри плохо. Школа его совсем не интересовала. Окончив восемь классов, он пошел искать работу. Но на работу хромого Ларри брали неохотно. У отца в магазине он работать категорически не хотел и устроился, наконец, конюхом на ипподроме.

Оказалось, что лошадям совершенно всё равно, какой Ларри на вид. Он любил их, и они отвечали ему тем же. Ларри очень быстро научился ездить верхом и всё свободное время проводил на лошади. Но все лошади на ипподроме, казалось, были несовершеннолетними для него. Он искал настоящую лошадиную красоту. Его возмущало, что лошадям стригут гриву: в гриве была не только вся удивительная красота этого животного, но и его внутренняя сила.

Поднакопив денег, он, наконец, приобрел себе жеребенка, которого стал сам растить и дрессировать. Ларри не нравилось, когда люди били лошадей, ему казалось, что лошадь понимает голоса, просто у людей не хватает терпения, чтобы управлять только голосом, и они распускают руки.

Первый конь Ларри слушался только его самого. Ларри научил его пригнуться, чтобы он мог вскочить в седло с больной ногой. Имея сильный перевес тела в левую сторону из-за своей хромоты, он обучил и адаптировал коня к этому перевесу. Он слушался Ларри и мог исполнять разные трюки, даже когда Ларри стоял поодаль.

Увидев это, дрессировщики и конюхи ипподрома поручили Ларри еще нескольких лошадей.

Но Ларри уже понял, что лошади – это его мир и его сила. Через три года он покинул ипподром и купил в кредит небольшое поместье за городом.

Учиться профессии пришлось долго, постепенно и во многом – самому.

Через шесть лет в конюшне Ларри было уже десять лошадей, и все они были выдрессированы уникально. Они не боялись огня, выстрелов. Они умели сидеть, ложиться и падать по команде Ларри.

В это время в мировом кинематографе, когда нужно было снять падающую лошадь, использовали стальные тросы, которые протягивали под коленом животного. После съемок погибало большое количество лошадей, и Ларри решил, что это его шанс.

На тот момент он был единственным дрессировщиком, который знал, как сделать так, чтобы лошадь упала сама, без чьей-либо помощи, только по его команде.

Развернулась большая кампания против использования таких суровых методов съемки лошадей в кино. Ларри выступал в защиту лошадей и победил. В Америке, а затем и в Европе запретили использовать стальные тросы.

Ларри получил возможность снимать лошадей в кинофильмах лучших мировых режиссеров.

У него появились деньги. Большие деньги. Ларри тратил их всегда с большой неохотой, у него всегда было плохое настроение и самочувствие в день, когда надо было платить жалование конюхам и помощникам.

Он никогда не покупал своим детям игрушки, считая это совершенно бессмысленной тратой денег. Закрывая договоры с кинорежиссерами или продюсерами, он был невыносимым занудой, выбивая из них дополнительный сухой паек или оплату бензина, тогда как утвержденный гонорар более чем достаточно покрывал все его расходы.

В то же время Ларри изменил свою фамилию и, как многие артисты, взял себе сценическое имя – Ларри Браун. После этого он придумал себе новую историю своей жизни и практически потерял контакт с родителями.

Навещал он их исключительно на Рождество и только ради своих детей, которым, как считала его жена, нужны бабушка и дедушка.

Гоя была знакома с Ларри давно. Он неоднократно делал для нее и рыцарские турниры, и конные шоу. Она знала, что, несмотря на его плохой характер и любовь к деньгам, он был лучшим в своей профессии.

Гойя оставила сообщение на автоответчике Ларри и спустя несколько часов получила смс, где было написано: «Завтра в двенадцать у меня решим».

На завтра ровно в двенадцать дня Гойя приехала в поместье к Ларри. Она въехала в огромный прямоугольный двор и припарковала машину.

В два ряда справа и слева от паркинга располагались просторные каменные конюшни с деревянными воротами резного дерева и медными кольцами, вставленными между булыжниками стен.

Из просторных денников высовывали головы породистые лошади...

Посередине двора был огромных размеров крытый манеж, рядом с ним еще два других: один – маленький и круглый под крышей, второй – открытый, и по нему бегал фантастической красоты черный конь с длинной до пола гривой серого цвета...

Гойя вдохнула воздух, пахнувший дубленой кожей и сеном. Рядом с большим манежем она заметила девушку. Идеальная фигура – тонкая талия, красивый изгиб бедер, стройные изящные ноги в высоких сапогах... Со спины девушка выглядела божественно. Но когда Гойя приблизилась к ней, на нее обернулось лицо немолодой, неухоженной женщины с явными признаками алкоголизма.

«Надо же! И так бывает, оказывается», – подумала Гойя.

Женщина приветливо улыбнулась, показав прокуренные зубы, и предложила проводить.

Гойя шла за ней, не переставая удивляться такому невозможному сочетанию.

Они поднялись по очень крутой деревянной лестнице и через двойную дверь, похожую на вход в какой-то ангар, попали внутрь большого помещения с высоким потолком.

Помещение было похожем на специально выстроенный в стиле гигантской хижины музей, посвященный индейским прикладным искусствам. В центре зала стояли черные кожаные диваны, образуя центральный квадрат, а по периметру зала были выставлены витрины, в которых были представлены всевозможные индейские атрибуты: томагавки, стрелы, плевательные трубки, чехлы и мешочки для сбора трав и растений с бисерной вышивкой.

Рядом с диванами красовалось чучело лошади в полной военной амуниции американских индейцев.

На персидском ковре у входной двери валялись кожаные ковбойские сапоги со шпорами в виде звездочек. Стены украшали огромные картины из жизни индейцев, головы чучел гигантских бизонов, а также индейские народные костюмы. На специальных подставках красовались индейские головные уборы с перьями. На бронзовых крюках в аккуратном порядке были развешаны редкие уздечки и седла; серебряные пряжки, изысканные узоры, драгоценные камни украшали кожаные ремни.

Напротив чучела лошади, на противоположной стене висел портрет самого хозяина дома в полный рост и в натуральную величину. На нем Ларри, несколько поглупевший лицом, был облачен в яркую вишневую бархатную ливрею с золотыми пуговицами и вышивкой на рукавах и воротничке.

Изящная белоснежная рубашка с пышным жабо слегка приоткрывала грудь, на которой сверкал медальон в виде змеи, вписанный в шестигранник, который в свою очередь был вписан в круг.

Пока Гойя рассматривала затейливый портрет, сзади раздался почти неслышимый шорох. Она быстро обернулась и встретилась глазами с молодым человеком с бледным лицом и грустными глазами.

– Ой, простите, я жду Ларри. Мы договорились встретиться. – Гойя почему-то чувствовала себя воровкой...

Молодой человек кивнул и вышел из гостиной, явно не приглашая с собой Гойю. Она постояла еще немного перед портретом, но потом решила, что лучше позвонить Ларри по телефону, чтобы он сам нашелся. Телефон не отвечал.

Гойя стала раздумывать, не пойти ли ей следом за молодым человеком, чтобы тот все-таки помог ей найти Ларри. Мысль была правильной, но ноги Гойи сами развернули ее в сторону кухни. За кухонным столом, накрытым на четыре персоны, сидел тот самый бледный юноша и ел хлеб. При виде Гойи он вскочил и покраснел.

– Э... я... простите. – Гойя стояла в недоумении.

«Он же только что вышел в другую дверь...» Гойя вспомнила, что Ларри когда-то говорил, что у него кроме дочки есть еще два сына-близнеца. Но она их за столько лет совместной работы так ни разу и не видела.

– Я ищу Ларри, вы не знаете, где он может быть?

– Д... думаю, что он в седле, – чуть заикаясь, произнес юноша и снова сел за стол. – Обычно он в с... седле, если он не дома.

Гойя подумала, что Ларри, видимо, комфортнее всего в седле, откуда он надменно и гордо может смотреть сверху вниз на всех и где его хромота перестает быть видной.

– Я прошла мимо манежей, но его там не видела. Может, он уехал куда-нибудь?

– Н... невозможно, – тихо икнул молодой человек. – Он должен быть в конюшнях.

Гойя поблагодарила немногословного юношу и решила выйти на улицу.

С крутой лестницы было видно, как ко входу в конюшни подъехал огромный черный джип с затемненными стеклами. Гойя подошла, стекло водителя опустилось, и она увидела Ларри. Он был чертовски доволен чем-то, глаза сияли, на губах витала улыбка.

– Привет, Гойя! – Ларри делал акцент на последней букве ее имени всегда и сознательно. – Как жизнь?

– Привет, Ларри, всё отлично! Видела твоих сыновей. Большие...

– А, это тебе повезло. – Ларри, кряхтя, вылез из машины. – Я сам могу не видеть их неделями, хотя живем в одном доме.

Он поковылял к манежу.

Как только он вылез из машины, к нему мгновенно подбежали две овчарки, они неустанно следовали за ним повсюду. Ларри отдал указания молодым людям, чистившим коня рядом с конюшнями. Те кивнули и ушли.

Пока они ждали, он направился к черному коню, бегающему по манежу. Свистнул. Конь немедленно подошел к нему и стал ласкаться.

«Как собака... нет, даже больше, чем собака...»

Ларри издал короткий рыкающий звук, и конь встал на дыбы, длинная грива заколыхалась от движения. Это было удивительно красиво. Конь покорялся каждому движению Ларри, он мотал головой и заглядывал ему в глаза, словно спрашивая, чем он еще может доставить хозяину радость... Такого слияния животного с человеком Гойя не видела никогда.

«Он – конный Бог, он умеет с ними разговаривать».

– Так что у нас за новый проект? Денег много платят? – Ларри обернулся к Гойе с видом человека, который настроен торговаться.

– погоди, Ларри, про деньги. – Гойя всегда очень осторожно говорила о бюджете, а такому человеку, как Ларри, его вообще нельзя было предъявлять. – Сначала надо понять, что мы можем сделать. Мероприятие необычное, тебе придется работать с лошадьми внутри здания.

– В зале? – Ларри поднял бровь, Гойя почувствовала, что цена сразу выросла почти вдвое.

– Да, Ларри, в зале, где гости будут сидеть и ужинать. Мне нужно что-то необыкновенное. Твое самое ювелирное шоу.

Тем временем из конюшни вывели красивого, серого в яблоках жеребца. Грива у него была волнистая и доставала почти до земли.

Ларри свистнул, и лошадь села, словно собака. Он легко вскочил в седло, верхом он больше не был хромым лешим, он выглядел королем из волшебной сказки.

Конь стал гарцевать на месте, копыта били по булыжникам, высекая искру. Ларри въехал в манеж, откуда-то сверху раздались звуки классической музыки. Он закрыл глаза, сделал незаметное движение хлыстом, едва поглажив им спину животного.

Конь взвился, все мускулы напряглись, и они взлетели, оторвав все четыре ноги от земли. Танец, который за этим последовал, был настоящим признанием в любви. Не лично ей, Гойе, а всей земной красоте и гармонии мира. Тела Ларри и жеребца слились в одно целое, они двигались в такт музыке, раскачивая энергию, которая расходилась от них кругами по всему манежу. Гойя стояла, раскрыв рот, поглощенная этим волшебством.

Музыка оборвалась. Ларри подъехал к ней, улыбаясь.

– Ты хотела увидеть что-то в этом духе?

– Я... – Гойя не могла подобрать слов. – Да, я не ожидала, что это так сильно. Это поразительно!

– Я знал, что это то, что тебе нужно. – Было видно, что Ларри в голове уже прикидывает, сколько денег он может запросить за этот номер.

Он свистнул, лошадь села, как собака, и он с легкостью соскочил на землю. Гойя не могла прийти в себя.

– Да, Ларри, этот танец и надо будет сделать. Только ты один и вот этот конь. Это будет восхитительно.

– Думаю, что коня придется взять другого. Этот почти продан, хотя с ним это выглядело бы шикарно. – Он подмигнул Гойе, поглаживая холку коня.

– А когда ты его должен продать? Может, к моему мероприятию еще не продашь?

– Я его уже почти продал и не могу распоряжаться чужой лошастью, сама понимаешь. – Ларри сделал театральную паузу. – Но могу поговорить с владельцем – вдруг за небольшую плату он разрешит выступить на его лошади?

Гойе удалось сдержать раздражение. Она очень не любила, когда ее принимали за дурачку.

– Ларри, давай договоримся. Номер мне нужен. С этой лошастью или с другой – но он нужен в том ключе, который я видела. И никак по-другому. Подумай и посчитай, и дай мне знать о твоих условиях.

– Ты же знаешь, что я всегда подстроюсь под те условия, которые диктует реальность, – Ларри взял Гойю за локоть и заглянул в глаза.

«Боже мой, сколько ухищрений ради денег... И самое интересное, что заработок этот в сравнении с заработками со съемок абсолютно незначительный, но для Ларри было приятно в принципе обсуждать вопросы денег. Каждый раз Гойя страдала, обсуждая с Ларри его гонорар, но была счастлива, когда он выступал. Каждое его выступление было сильным, красивым по-настоящему...»

– Хорошо, я тогда сама сделаю тебе предложение, и ты примешь решение. – Гойя почувствовала, что устала.

– Давай это сделаем параллельно. Интересно, кто из нас предложит больше?

– Уверена, что в этом тебе нет равных.

Гойя вдруг вспомнила, как однажды на одном из проектов они все очень замерзли и отправились в деревенское кафе согреться и выпить по чашке кофе. Их было человек восемь: она, Ларри и его ребята-каскадеры. Но Ларри заплатил строго за свой кофе и, не заботясь об остальных, вышел из кафе. Гойе пришлось заплатить за всех, потому что ей было неловко перед ребятами.

– Я им плачу достаточно денег, чтобы они пили и ели за свой счет, – отрезал Ларри, когда понял, что Гойя расплатилась за всех. – И не стоит их баловать.

Она протянула руку Ларри, который пожал ее без интереса.

Как всегда. Но Гойя была довольна. Он ее точно не подведет.

Итак, в ее копилке лежали уже четыре сокровища: сказочные кареты Эрмина, колдовское шоу Виктора, волшебный голос Ирен и Ларри со своим конным танцем.

Каждый из этих людей был уникален в своем деле и создавал именно то энергетическое пространство, которое было необходимо Гойе для наполнения Бала.

Шаг 57

среда,
27 ноября 2013 года

Его космос как раз и состоит из слияния невероятной душевной силы и уязвимости.

Есть люди, к которым как-то сразу хочется припасть, как к роднику со сверкающей ледяной водой. Гойя это чувствовала каждый раз, когда жизнь дарила ей такие встречи. Подарок судьбы или очередной этап в познании мира – она, как губка, впитывала каждую секунду таких встреч.

Лет десять тому назад Гойе для одного из проектов понадобились огромные живые бабочки. Она оборвала телефон, но ни у кого не было бабочек нужного ей размера. И наконец она нашла его, Кожана.

Его настоящее имя было другим, но все его звали Кожаном. Он привез ей огромных бабочек – с тельцем размером с маленького котенка; их толстые лапки липко цеплялись за одежду, в пустых черных бусинках глаз застыл насекомый секрет, увеличенный до невероятных размеров.

Пожилой человек, привезший этих монстров, был сам похож на какого-то лесного зверя: на помятом от времени лице крупным штрихом торчали густые колючие брови, из-под которых смотрели ярко-голубые мальчишеские глаза. Смех его походил на крик какой-то лесной птицы.

Позже Гойя попала к нему в дом, и портрет его полностью прорисовался в ее душе до мельчайших штрихов: старый дом с обрушенным балконом и почти обвалившимся потолком кухни стоял посередине леса, в котором жили олени. Кожан просил закрывать плотно дверь дома, иначе олени заходили внутрь и ели всё, что было забыто на обеденном столе. На втором этаже в огромном зале располагались невероятных размеров камин, старый рояль, несколько кожаных продавленных кресел, три чучела лежащих львов и тигра, спящего на ковре, и две большие овальные картины, изображавшие, видимо, предков Кожана.

На правой картине была изображена тучная женщина с недобрим лицом в чепце и закрытом платье. Эта картина была в трех местах прострелена из револьвера. Кожан признался Гойе, что портрет был прострелен морским офицером, однажды гостившим у него и изрядно выпившим под Рождество.

На второй картине был изображен строгий дядечка с усами и ружьем.

С Кожаном было всегда интересно. Он мог часами рассказывать про любых животных, он знал, как сделать любой трюк с ними. Двадцать лет назад, когда в кино возникла необходимость использовать животных, обращались именно к нему. Ведь он знал, как сделать так, чтобы бабочка села на нос главной героине; чтобы стая рыб в пруду поплыла одновременно в одну сторону; чтобы медвежата бежали по луку и кувыркались именно в том месте, где это задумал режиссер. Для него было просто снять тигра, разгуливающего в цен-

тре города, или аиста, летящего на высоте триста метров от земли. Он заставлял мух лететь на камеру роем; пчел – сидеть на человеке, полностью покрывая его тело, и не кусать его; ворон – спускаться на поле битвы и клевать трупы убитых солдат... Он лично знал многих легендарных артистов и режиссеров и рассказывал про них так, что потом Гойе казалось, что она тоже их знает...

Но шло время, Кожан старел, а кинематограф всё больше использовал компьютерную графику, заменяя ею живых зверей. Многочисленные жены Кожана покидали его, устав от его безудержной любви к животным; дети вырастали и уезжали кто куда. Дом понемногу ветшал, но ему было всё равно. Казалось, что он не замечал этого.

Гойя пробовала уговорить его расстаться с частью животных: кормить шесть тигров и трех львов, а также двух гепардов, тридцать сов и орлов становилось всё труднее. Но он не мог. Как-то он дал объявление в газету о том, что бесплатно отдает в хорошие руки тигров и львов. Желающих приобрести животных оказалось не так много, но и те мгновенно исчезли, как только Кожан дописал в тексте объявления, что в случае смерти животного он забирает его себе.

– Мертвый тигр куда интереснее людям, чем живой, – грустно говорил Кожан, почесывая за ухом огромную полосатую кошку, а она мычала от удовольствия и терлась об его руки...

Гойя ездила к Кожану не часто, но каждый раз это было событием. Когда тигрица родила тигрят, Кожан позвонил ей и предложил привезти Лив. Ей тогда было три года. Фотография, на которой девочка прижимает к груди малюсенького тигренка, стала любимой фотографией Лив. Она висела в ее комнате над кроватью, и всем, кто обращал на нее внимание, Лив торжественно сообщала: «Тигл настоящий!»

Для Гойи невозможно было представить уникальный проект без участия этого человека – с его энергетикой и удивительными животными. Она должна была поговорить с ним и убедить его включиться в ее сценарий.

С годами Кожан становился всё тяжелее на подъем. Ему нравилась неуемная энергия Гойи, ее фантазии и выдумки, но они никак не влияли на его решение. Оба это понимали. А от чего зависело его решение – не знал, скорее всего, и сам Кожан.

Он почти никуда не выезжал из своего дома, затерянного среди охотничьих угодий и лесов. Поговорить с ним по телефону было проблематичным из-за связи, поэтому не было другого выхода, как поехать к нему самой. В среду с утра Гойя так и сделала.

Она гнала машину по прямой асфальтированной трассе, пролегающей по яркому осеннему лесу. Навстречу всё чаще попадались треугольные знаки с прыгающей косулей. Дорогу от леса отделяла только тоненькая полоска грунта. Никакого ограждения не было предусмотрено, чтобы уберечь лесных жителей от столкновений с машинами.

Солнце путалось в лесных кронах, периодически выстреливая на дорогу ярким косым лучом. Надо было вернуться домой до пяти – няне сегодня необходимо было уехать. Гойя спешила.

Впереди на дороге показались четыре маленьких темных пятна. Еще несколько секунд – и Гойя рассмотрела четырех котов. Они сидели кружком строго посередине дороги, словно обсуждая какой-то важный вопрос. Гойя сбавила скорость. Коты обернулись на звук мотора. Их разделяло расстояние в сотню метров. Гойя затормозила настолько, насколько здравый смысл подсказывал время, достаточное для котов, чтобы убежать с дороги.

Три кота именно так и поступили... Четвертый, не мигая, посмотрел на Гойю и бросился прямо под колеса. Звук удара о бампер заставил внутри что-то сильно сжаться. Сердце словно подскочило и упало в пустоту.

Гойя остановила машину.

Медленно, как во сне, вышла, тихо притворив за собой дверь, словно боясь кого-нибудь разбудить. Ноги почему-то не шли, она стала разговаривать с ними... или не с ними... С деревьями, с котами, глядящими на нее из кустов... С кем-то, кто непременно должен был стать свидетелем этой сцены...

Кот лежал посередине дороги совершенно не раздавленный, с широко распахнутыми мертвыми глазами и открытой пастью. Гойя присела на корточки перед ним и поняла, что это больше не кот, а оболочка. Кошачья душа ускользнула так быстро, что тело не успело с ней попрощаться...

«Я убила кота, – пронеслось в голове. – Я – убийца».

Гойя подняла с земли обмякшее тело и бережно перенесла на траву.

Руки дрожали, слезы текли, словно пот, неслышно и сами по себе.

До дома Кожана оставалось каких-то десять километров.

Гойя вернулась к машине, села за руль.

Закурила, пытаясь унять дрожь. Опустила голову на руль.

– Эй, – позвала кошачья душа, – тебе страшно?

– Очень, – призналась Гойя. – Я не знаю, что теперь делать.

– Ты стала рычагом, но не виновницей.

– Ты меня просто успокаиваешь. Я могла остановиться совсем. Просто остановиться перед этим собранием котов. Понимаешь? Не притормозить, а остановиться! – Гойю бил озноб.

– Могла. А кот, как и другие коты, мог убежать – ты дала ему на это достаточно времени. Почему же он не убежал?

– Я не знаю, почему он не убежал. Он не двигался и смотрел на меня.

– Ему не было больно.

– Почему ты меня жалеешь?

– Потому что ты – жива. Нужно всегда жалеть живых, а не мертвых.

– Эта смерть была бессмысленной, я убила невинное существо.

– Не тебе это решать...

Голос Фриды в телефоне зазвучал жестко. Гойя очнулась и поняла, что она так вдавила телефон в ухо, что оно затекло.

– Успокойся и езжай аккуратно, – продолжила Фрида.

Гойя в растерянности выключила телефон и бросила на сидение рядом.

Остаток дороги она ехала без мыслей.

Машина остановилась перед огромными деревянными воротами. Забор, в который они были встроены, да и сами ворота напоминали чем-то въезд в

парк Юрского периода... Каждый раз, когда она подъезжала, у Гойи захватывало дух, словно за высоким забором ожидал какой-то совершенно невероятный, но при этом совсем небезопасный зверь...

За воротами послышался шорох, и в приоткрытую щель просунулась взлохмаченная голова Кожана.

– Моя малышка! – Брови начали жить своей веселой полноценной жизнью, рот превратился в улыбку Чеширского Кота, а голубые детские глаза наполнились счастьем. Кожан неторопливо, как медведь, шел ей навстречу в своей вечной ярко-голубой толстовке. Сгреб в охапку. Обнял. Присмотрелся.

– Что случилось? Тебя укусила муха цеце? Слон наступил на больную мозоль?

Гойя с трудом выдавила улыбку. Скупно рассказала о случившемся в дороге. Лицо Кожана стало серьезным лишь на время рассказа. Словно он сосредоточенно вбирал в себя весь ее страх.

– Кот на небесах. Так было написано на его кошачьей судьбе. Ты доехала, цела и невредима. Я, как видишь, еще ковыляю и даже что-то соображаю. – Он хитро подмигнул. – Входи осторожно, а то они все могут повеситься...

– Кто может повеситься? – Зная старика, Гойя не переставала удивляться его манере переключаться.

– Тсс! – зашипел на нее Кожан. – Они могут услышать и тогда точно повесятся.

– Так кто повесится? – шепотом спросила, двигаясь строго за ним, Гойя.

– Тсс! – прошептал в ответ Кожан.

Гойя увидела перед домом высокий, установленный горизонтально шест длиной под четыре метра, на котором важно сидели, пристегнутые за ногу, совы.

Они крутили головами практически на триста шестьдесят градусов и медленно моргали круглыми желтыми глазами. Причем моргали они не только вверх-вниз, но еще, как почудилось Гойе, и вправо-влево.

Кожан застыл перед ними с поднятыми, как у дирижера, руками и внезапно издал громкий, пронзительный крик.

– Совы! Вот кто повесится!

От этого крика все совы по очереди резко сделали выпад вперед и повисли вниз головой, болтаясь на кожаном шнурке, привязанном к одной из ног.

Выглядело это настолько странно и смешно, что Гойя не удержалась. Вместе с Кожаном они хохотали как ненормальные, глядя на упитанные тушки болтающихся на шнурках сов, из которых ни одна даже не пыталась снова принять вертикальное положение.

– Ну, вот, – старик вытер с лица слезы, – теперь придется этих глупых куриц сажать снова на палку! Но чего только не сделаешь, чтобы рассмешить друга!

Гойя с благодарностью смотрела в спину Кожана, который методично возвращал птиц в изначальную позицию. Наконец все снова уселись на палку и застыли.

– Пойдем выпьем кофе, ты мне расскажешь, что за дело у тебя ко мне. Я надеюсь, ты приехала не только для того, чтобы поведать историю про собрание котов на дороге? А потом я покажу тебе кое-что...

Гойя шла за ним в сторону дома и думала о том, как ей просто и хорошо с этим человеком.

«А может быть, у меня именно такой отец?» – Мысль пронеслась в голове, одновременно вызвав жалость к себе и раздражение. – «Ты теперь про каждого мужика после шестидесяти будешь так думать?» – одернула себя Гойя.

При входе валялись огромные оленьи рога. Они вместе переступили через них, чтобы попасть в дом.

– Вот, собираю по лесу, недавно отпали, – кивнул в сторону рогов Кожан. – Не интересуют?

– Да, наверное, нет, – произнесла Гойя, зацепившись на секунду за смысловую абсурдность сказанной фразы. Настроение улучшалось просто на глазах. Словно кошачья душа простила ее, и пальцы, сжимавшие горло, стали медленно отпускать хватку.

– Иди вари кофе, а я пока зажгу камин. – Кожан тяжело потопал наверх по деревянной лестнице, а Гойя отправилась в кухню.

Кухня, когда-то просторная и, видимо, неплохо оборудованная, хронически страдала отсутствием женщины, как минимум, последние десять лет. Изношенные, давно вышедшие из моды шкафы хранили в себе старую, местами битую посуду; в ящиках покоились такие же старые приборы и почти стертые от старости кухонные ножи. Чайные чашки с поблекшими рисунками некогда веселых зверюшек хранили внутри пятна и подтеки от быстрой мойки. На столе, покрытом клеенчатой скатертью, валялись хлебные крошки и половина багета. Гойя попыталась его укусить, но он оказался каменным.

«Видимо, даже не вчерашний...»

Гойя достала из шкафа пакет с кофе и протерла тряпочкой кофейник. Она всегда хозяйничала в кухне, когда приезжала. Ей нравилось ухаживать за Кожаном, она чувствовала, как он радуется ее незамысловатой стряпне и теплу, которое она привозит с собой из «цивилизации». Кожан с удовольствием слушал рассказы про ее проекты и сам рассказывал ей всевозможные истории про животных и людей, имеющих к ним отношение.

В кухонную дверь влетела колибри, ярким пятном метнулась к окну, затем в противоположную сторону и, наконец, примостилась под потолочной балкой.

Приятный терпкий запах кофе перемешивался с запахом горящих дров в камине и настраивал в душе состояние уюта.

Гойя поставила на поднос кофейник, две чашки, разорванную пачку сахарного песка и поднялась в салон. У камина в старом кожаном кресле сидел орангутанг Стефан. Кожан любил его. Стефан был первым его искусственным животным, которого он сделал из овечьей, выкрашенной специально краской, шерсти и резины. Потом Кожан создал сотни других животных для кинофильмов, они нужны были для экстремальных съемок или съемок с людьми. Все они походили на настоящих, хотя часто были полностью сделаны из искусственных материалов. Стефан был абсолютно настоящим, и выражение морды у него было такое внимательное, словно он понимал, что происходит вокруг него, и был готов во всем принять участие.

Гойя разлила кофе в чашки, уселась в большое кресло поближе к камину.

– Ну, что скажешь? – Кожан ворошил поленья в камине.

– Мне нужна твоя помощь, Кожан. – Гойя старалась вложить в слова всю свою убедительность. – Я буду делать проект, аналога которому не было в мире.

– Неужели это еще кому-то нужно? Ну, кроме тебя, конечно. – Кожан тихо засмеялся.

– Да, нужно. У меня есть клиент, который хочет провести такое мероприятие. Приглашенные гости видели уже всё, что только можно придумать. Концепция заключается в полном погружении гостей в исторические образы великих людей.

Кожан смотрел на огонь, прищурившись, отпивая маленькими глотками кофе из большой потертой чашки, которая в его огромной ладони казалась смешной игрушкой.

– Я назвала этот проект «Балом ста королей». – Гойя выдержала паузу.

– Погоди, – Кожан переглянулся с орангутангом, словно взывая к нему о помощи. – Это не по Булгакову ли? Бал сатаны! – Он расхохотался.

– Нет. То есть да, но не совсем. – Гойя вдруг подумала о том, что эту тему ощущают все, но о ней никто не хочет разговаривать... Кроме Кожана.

– Бал ста королей – это бал великих людей всех времен и народов. В одном месте мы собираем тех, благодаря чьей силе, власти и энергии создавалась цивилизация.

Кожан слушал, глядя на огонь. Теперь его лицо стало задумчивым. Гойя воодушевленно продолжала:

– Мне нужно, чтобы программа этого вечера была уникальной, чтобы гости увидели вещи, которые они никогда и нигде не видели. Но это не всё. Мне нужно, чтобы артисты работали так, чтобы гости, подхваченные их энергией, могли полностью погрузиться в своих персонажей и оторваться от реальности.

– Ты хочешь обмануть, показывая настоящие вещи? – Кожан усмехнулся. – Странно, обычно всё происходит иначе – люди создают спецэффекты, рисуют ненастоящих животных, чтобы все подумали, что они живые. А у тебя всё наоборот – ты хочешь использовать живых зверей, чтобы люди перестали себя ощущать собой и погрузились в образ несуществующего персонажа...

– Да, ты правильно всё понимаешь. – Гойя обожглась кофе, прикусила губу...

– Ну, а старый медведь чем может тебе помочь? – он тяжело поднялся с дивана и пошел переворачивать поленья. Словно в подтверждение его словам, Гойя уперлась глазами в его спину и ощутила, как ему тяжело дается движение...

– Ты, твои эксперименты с животными, то, как ты наблюдаешь за их поведением и что из этого получается в итоге – это чудо. Мне нужен всего один номер, но нереальный.

Кожан вернулся на диван, сел и уставился на нее своими голубыми глазами. Гойе показалось, что он уже всё решил для себя и просто дразнит ее.

– Я не знаю, душа моя, кому еще, кроме тебя, это может быть интересно – мои глупые игры с животными.

Колибри вернулась в салон и пролетела совсем низко над его головой. Оба проводили ее взглядом.

– Ты знаешь, что это интересно, тебе просто лень делать из этого шоу.

– Да, лень, – признался Кожан. – Пенсия – это узаконенная лень, между прочим. Можно ведь и до этого времени дожить, это не воспрещается законом.

– Я всё организую, тебе не надо будет... – Гойя осеклась, понимая, что говорит глупость.

– Да, да, правильно, моя дорогая, главное – вовремя остановиться. Мне не надо будет нервничать, репетировать, тащиться на место проведения твоего «Бала ста королей», тащить туда два десятка сов, театральные декорации, устанавливать сцену... – Кожан хитро улыбался.

Гойя просияла. Бросилась к нему, крепко обняла, чем смутила старика окончательно.

Он неуклюже погладил ее по волосам.

– Что ты придумал с совами? Что за театр? Расскажи! Ну, пожалуйста!

– Я тебе лучше покажу сначала, а потом, если захочешь, расскажу. Идем.

В такие минуты Гойя полностью превращалась в Лив, она не могла угомонить в себе жажду поскорее раскрыть секрет, увидеть чудо. Она по-настоящему становилась пятилетней девочкой, переставала ощущать свой возраст, тело, мозги куда-то проваливались, оставляя душу трепетать в единственном порыве, которому она себя целиком отдавала.

Кожан шел по дорожке, ведущей к студии, Гойя шагала рядом с ним мимо клеток с тиграми. При виде Кожана тигры издавали мычащий звук. Олень, следовавший за ним, остановился только у входа в студию, немного постоял и повернул обратно в лес.

В огромной киностудии, которую Кожан когда-то построил именно для съемки животных, было полутемно. Он пошел куда-то в угол, щелкнул переключателями. Через несколько секунд громко включились прожекторы, и зеленый цвет хромакея брызнул на Гойю со всех сторон.

Посередине студии был установлен небольшой кукольный театр: бархатные красные занавеси были кокетливо подвязаны с двух стороны золотыми кистями, нижнюю часть театра украшали декоративные панно, изображающие деревья с золотыми яблоками и птиц, сидящих на ветках.

Перед театром стоял стул, словно специально приготовленный для Гойи.

Два помощника Кожана стали вносить сов одну за другой и рассаживать на установленные в сценическом проеме жердочки.

– Видишь ли, душа моя, я обнаружил интересную штуку, – конфиденциально зашептал Кожан. – Диапазон звуков, которые может издавать сова, чрезвычайно широк. Самый распространенный известный человеку крик совы – это заявление о территории. Совы могут шипеть, визжать, свистеть и издавать еще немало различных вокализаций. Сова издает гортанный звук, когда слышит ультразвук определенной чистоты. Этот звук можно симули-

ровать специальным аппаратом. И тогда, по желанию, можно сделать так, что сова будет «петь» ...

– Потрясающе! – Гойя рассматривала приспособление, соединяющее жердочки с чем-то, напоминающим отдаленно клавиатуру пианино.

– Это еще не всё, принцесса! – Кожан загадочно подмигнул. – На сову также влияет температура. И выяснилось, что если изменить температуру жердочки, то звук, который сова издает, будет всё более высоким. Другими словами, чем выше температура, тем выше звук, который издает сова.

Гойя не могла поверить, что это возможно. Это было настолько неправдоподобным, что она еще раз обошла вокруг клавиатуры пианино, чтобы проверить, не разыгрывает ли он ее.

– А сейчас, дамы и господа, для вас впервые прозвучит песня в исполнении хора сов! – Кожан картинно поклонился и предложил Гойе сесть на приготовленный стул.

Она молча уселась и, затаив дыхание, уставилась на сов. Они спокойно сидели каждая на своей жердочке, только головы крутились в разные стороны и глаза моргали вверх и вниз и справа налево. Кожан включил музыку, зазвучала мелодия известной детской песенки про брата Якова... И вдруг все двадцать сов, как одна, стали урчать в унисон. Это даже не было пением, это было какое-то рокошущее гортанное лопотание. На фоне музыки стал внезапно создаваться мотив известной песенки. Он звучал четко и ясно, от ноты к ноте, совы крутили головами и дружно поднимали звук вверх или опускали ноту вниз, строго выпевая мотив. Гойя, раскрыв рот словно ребенок, смотрела во все глаза на это чудо, забыв про всё на свете.

– Кожан, это невероятно! Этого не может быть! Это же грандиозно!

Старик отошел куда-то в сторону и вернулся в огромных очках в роговой оправе. Очки крепились на крупный совиный клюв, который превратил его лицо в голову смешной мультяшной совы.

– Как тебе мой сценический костюм? Ты думаешь, я должен дирижировать? Или лучше просто стоять в сторонке?

– Кожан! Ты – гений! Ты просто уникальный! – Гойя не могла успокоиться. – Мы просто уьем всех этим номером!

– Думаю, что надо продумать репертуар. Эта песня вряд ли подойдет твоим гостям.

– А ты можешь сделать и другую песню? – Гойя вскочила со стула, запрыгала вокруг старика, прихлопывая в ладоши от радости.

– Видимо, не только в старости людям сносит крышу, – смотря на нее, усмехнулся Кожан. – Я могу разучить другую песню, но мне нужно время. Подумай и скажи быстрее, что ты хочешь, чтобы мы исполнили. Только, пожалуйста, не сложное, мы пока еще не готовы к сложным композициям.

– Да, да, конечно, дай мне пару дней, и я скажу!

– погоди радоваться, не факт, что этот аттракцион придется твоим гостям по вкусу.

– Даже не сомневайся! Я точно знаю, что это именно то, что нужно!

Гойя крепко обняла его.

– Ты останешься ночевать? Завтра утром привезут круассаны для оленей – будет смешно!

Гойя взглянула на часы. Было четверть пятого. Она абсолютно забыла про время.

– Кожан, мне срочно надо ехать обратно. Няня должна сегодня идти к врачу, я обещала вернуться до пяти, теперь уже точно опоздаю.

– Как всегда, куда-то мчишься, – проворчал расстроенный старик, идя за ней к выходу.

– Нет, обещаю, в следующий раз приеду и останусь! Честное слово!

– И малышку привезешь? – Кожан улыбался, вспоминая Лив.

– Привезу обязательно и будем кормить оленей круассанами.

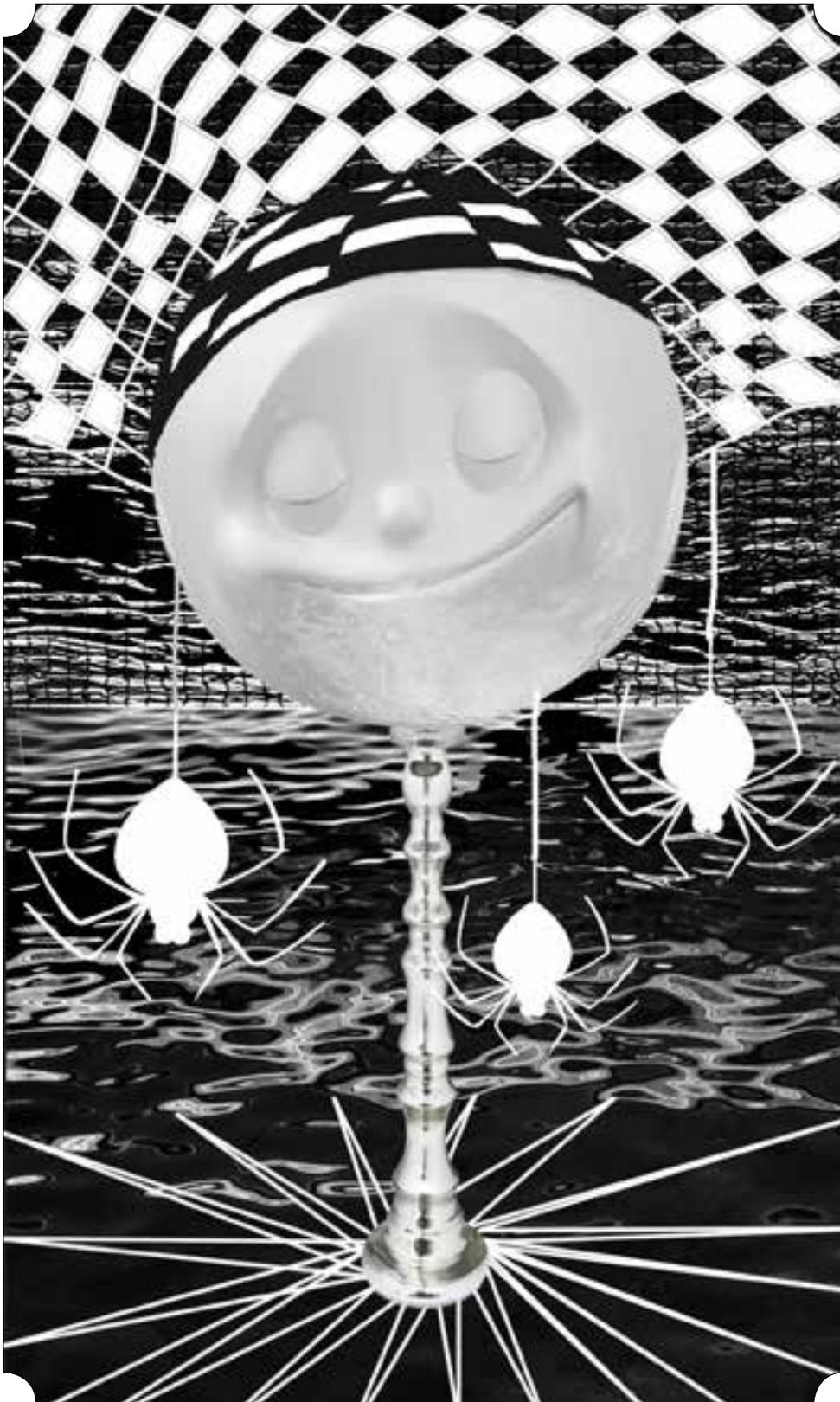
Она поцеловала Кожана в небритую щеку и прыгнула в машину. Нажала на газ.

– Через деревню будет короче выехать на автодорогу, – кричал ей вслед Кожан.

Но она уже не слышала, она мчалась по дороге, одновременно набирая номер няни, чтобы предупредить об опоздании.

Гойя терпеть не могла опаздывать.

Вдоль дороги по высокой траве, специально для нее сойдя с дорожного знака, вровень с машиной бежала косуля...

X V I I I

ЛУНА

Шаг 58

Воспитание состоит в том,
чтобы либо научить, как выходить
из тяжелых ситуаций, либо в том,
чтобы научить тому, как в них
не попадать.

Гойе снова снился сон. На этот раз во сне совсем не было изображения. Всё происходило только на уровне ощущений. Голос, которому она полностью доверяла, сообщил ей, что она больна раком. Она приняла это как данность и не испугалась. Только подумала о том, что надо бы узнать, где покупают парик – у нее же должны все волосы выпасть. Потом, также на уровне ощущений, она почувствовала, как в ее тело входит игла, и поняла, что это начался курс лечения химиотерапией. Сразу возник вопрос: а волосы сразу выпадут после укола или немного погодя? Всё еще без картинки, она стала разговаривать с мамой по телефону.

– Мама, у меня рак, – спокойно произнесла Гойя.

– Ах, да? – удивилась мама. – Ну, что же, тогда надо сделать вот что...

И тут, наконец, появилась картинка. Пустынная улица с высокими тротуарами, металлическая, выкрашенная в зеленый цвет мусорная корзина, как те, что стоят в городских парках. И мама – со спины. Она идет мимо этой корзины и, не останавливаясь, кладет в нее старую женскую сумочку. Сумка эта из черного кожзаменителя, вся потертая и местами порванная. Она пустая, но не помещается в мусорное ведро, поэтому лежит сверху. А мама уходит по улице дальше. Гойя стоит и думает: вот теперь, благодаря мне, она сможет купить себе совсем новую, красивую, модную сумку... И на душе от этой мысли стало радостно.

1965 год

Если кому-нибудь рассказать историю жизни этой женщины, он не поверит и подумает, что в какой-то момент рассказчик просто решил поиздеваться над терпением слушателя. Но Гойя точно знала, что именно такие невероятные истории и бывают самыми правдивыми, ибо их невозможно выдумать.

Ей было двадцать лет, и она третий год училась в железнодорожном институте на одной из самых сложных кафедр, где изучали строительство мостов и тоннелей. Жила в общежитии города Ч... в небольшой комнате с другой девочкой. Учиться ей нравилось, она занималась с удовольствием, в то время как другие ходили на вечеринки, гуляли и встречались с мальчиками.

Однажды вечером в их комнату зашел парень. Он пришел к ее соседке, которая как раз упорхнула на одну из таких вечеринок, одолжив у Ники ее единственное выходное платье.

Парень был высокий, крепкий, с темной от солнца обветренной кожей, грубыми чертами лица и выцветшими густыми волосами. Он был похож на цыгана или на большого медведя. Нике никогда не нравились такие. Но она была воспитанной девушкой и решила, что будет вежливым, если она заговорит с ним и предложит чашку чая. От чая парень не отказался, выпил две чашки, поговорил ни о чем и ушел спустя два часа, оставив Нику нагонять упущенное для занятий время.

На следующий день он пришел снова, но подружки снова не оказалось. Он принес два билета в кино на вечерний сеанс и расстроился, что купил зря. Его было жалко, Ника решила, что он, наверное, потратил все свои деньги на эти билеты, она согласилась пойти с ним в кино, чтобы хоть как-то его утешить.

После кино он проводил ее домой, и Ника подумала, что ей с ним скучно. Но виду не подала, иначе это выглядело бы некрасиво – он же не виноват, что он – из простой крестьянской семьи и не знает, о чем разговаривать с девушкой.

Через несколько дней начинались каникулы, и Ника должна была ехать к маме в их родной город. Идя в сторону вокзала, Ника несла в одной руке свой маленький чемоданчик, а в другой – книжку Эмиля Золя «Страницы любви», в которой лежал закладкой билет на поезд.

Парень шел прямо ей навстречу по другой стороне тротуара. Он перешел на ее сторону, взял у нее из рук книжку, из которой выпал билет.

Поднял билет с тротуара, посмотрел на него внимательно и... порвал на мелкие кусочки. В этот момент Ника не успела ничего подумать.

– Ты не поедешь сейчас к маме, мы поедем к моим родителям – знакомиться, – сказал ей парень.

– Почему? – удивилась Ника.

– Потому что я хочу на тебе жениться, – объяснил парень.

Ника чувствовала, что всё это ужасно. Что она совсем его не любит и совсем не хочет за него замуж. Но кусочки билета улетали вместе с пылью и ветром, а в руках у парня появились два билета на другой поезд.

Ника успела подумать, что надо предупредить маму, чтобы она не волновалась. Нашла телефонную будку, дозвонилась.

– Дай мне трубку, пожалуйста, – попросил парень и, не дожидаясь ответа, взял из ее рук трубку сам.

Он представился маме и сообщил, что они уже больше года знакомы с Никой, любят друг друга и хотят пожениться. Потом он попросил маму Ники разрешить дочери поехать с ним к его родителям знакомиться.

Мама разрешила.

«Как неловко теперь говорить маме, что он наврал, – подумала Ника. – Мама решит, что я совсем ненормальная».

– Пойдем, мы можем опоздать на поезд. – Парень подхватил ее чемоданчик.

Ника шла за ним по платформе, и ей казалось, что это происходит не с ней.

В купе она уселась у окна и стала его рассматривать. Нет, он определенно ей не нравился.

На станции к ним подседа семья цыган. Трое маленьких детей, толстый мужчина, источающий пот, в яркой нестиранной рубашке, и женщина с усиками в сарафане и платке.

«*Может, к ним прибиться?* – мелькнуло в голове у Ники. – *Буду кочевать из деревни в деревню. Какая разница? Уж лучше, чем замуж...*»

Поезд стучал колесами и убаюкивал. Когда Ника проснулась, оказалось, что она укрыта его курткой. От куртки пахло табаком.

На маленькой станции вышли из поезда только они вдвоем. Да и ждали на ней только их. Высокий старик с тонкой шеей и большой кепкой на голове восседал на телеге, запряженной усталой рыжей лошастью с плачущими глазами.

Лошадь сопровождали мухи, от которых она лениво, но безостановочно отбрыкивалась всеми частями тела.

«*Сейчас доедем, и я им всё скажу. Это какое-то недоразумение!* – думала про себя Ника. – *Просто погощу день-другой и уеду*».

Дом оказался добротным и ухоженным. В сенях к Нике бросилась немолодая женщина.

– Ну, наконец-то, кровиночка наша! Дождались! Так хотела такую вот девочку! Ты моя родная! – Женщина еще долго причитала и обнимала ее со всех сторон.

«*Как неудобно теперь будет огорчать ее,* – подумала Ника. – *Ведь она искренне хочет, чтобы мы поженились*».

– Я постелю вам вместе? – Мама засуетилась в гостиной.

– Нет, – хором воскликнули Ника и ее жених.

– Мама, мы до свадьбы не хотим, – смущенно сын стал объяснять матери. Два дня прошли спокойно.

Родители старались всем, чем можно, угодить Нике, а ей было неловко им отказывать, и поэтому она всё время что-то ела, пила, слушала, рассматривала семейные фотографии, успокаивая себя тем, что скоро она вернется домой.

Книжку «Страницы любви» Ника забыла в поезде.

Вернувшись к матери, Ника не смогла рассказать ей правду. Мама спросила про родителей, про парня. А он и сам приехал спустя неделю, привез маме немецкий чайный сервиз и духи.

«*Может быть, будет еще время всё изменить,* – с надеждой думала Ника. – *Ведь очереди в загсе огромные – пока пройдет время, возможно, всё само как-то успокоится*».

Словно читая ее мысли, он прислал телеграмму: «Договорился, свадьба через неделю в загсе города М...»

В день свадьбы она плакала. Мама зашла к ней в комнату, обняла, прижала к себе.

– Доченька, всё еще можно остановить. Не надо выходить замуж, если ты его не любишь.

«Нет, нельзя так», – сказала себе Ника, вспомнив, что мама потратила все деньги на ее свадебное платье и что гости уже собрались, и ресторан оплачен на тридцать персон.

Она вытерла слезы и села в машину.

Их расписали, сыграли свадьбу, и Ника вернулась обратно в институт. Доучилась оставшийся год, муж снял квартиру, у них родилась дочь.

Проработав на химическом заводе больше пяти лет, она уволилась, забрала дочь, взяла два билета на поезд и уехала к маме. Позже подала на развод.

С тех пор прошло больше десяти лет, но Ника так и не вышла замуж.

Стала думать, чем заняться, и поступила в танцевальную школу. Почему в танцевальную и какая связь между химией и танцами – было понятно только Нике, но связь была всегда. Ей казалось, что, танцуя, она обретает ту самую свободу, которую не позволяла себе в жизни никогда. Ее тело служило ей рычагом, который активировал в душе какую-то сложную систему, позволяющую ей быть другой. Легкой, свободной, почти невидимой. Несмотря на то что она танцевала на сцене, ей всегда казалось, что люди смотрят на нее не глазами. Очень быстро переросла уровень танцевальной школы, отправилась в столицу, а потом за границу, где ее с удовольствием приняли в танцевальный коллектив с именем.

Дочку отдала в хорошую школу, дети быстро схватывают и культуру, и язык.

Ника танцевала всё время, спектакли проходили по несколько раз в день, иногда приходилось переезжать из города в город ночью, а днем танцевать. Но ее это не волновало. Ее нетребовательность и неприхотливость к условиям работы и то, что она отдавала залу, и сделали из нее настоящую «звезду». Она была востребована и любима публикой. Однажды она увидела по телевизору старый документальный фильм тридцатых годов, где женщина танцевала, как цветок: костюм был сделан таким образом, что от плеча и дальше по руке тянулся длинный, около двух метров, тонкий прут, на который была натянута ткань, отчего руки превращались в крылья бабочки. Танцовщица, кружась и взмахивая руками, повторяла движения крыльев, и у зрителей создавалось ощущение, что он видит то птицу, то бабочку, то огонь...

Ника была под таким впечатлением от этого танца, что несколько дней не могла вообще танцевать. Коллеги думали, что заболела. Но она, словно гусеница, пролежав три дня дома в полном одиночестве, внезапно осознала, что именно для этого танца она и была создана. Только он даст ей ощущение полной свободы и невесомости, которое она ищет. Ее внутренняя природа внезапно нашла свою форму выражения в этом танце и костюме. Она пришла в театр и сказала, что уходит из труппы. Заложила в ломбард мамино обручальное кольцо и пошила себе костюм...

Гойя встретила ее спустя пять лет после этой истории. Ника танцевала на фестивале, номер назывался «Танец огня», и Гойя была поражена той экспрессией, которую она увидела в танце Ники. Они познакомились, и через некоторое время Ника рассказала историю своей жизни, которая была настолько непонятна Гойе, что она стала смотреть на Нику как на иноплане-

тянку – ведь Гойя привыкла всё всегда решать самостоятельно и не выносила никакого давления снаружи. Эта женщина таила в себе две крайности – невероятную свободу и полную покорность судьбе.

Когда Гойя стала работать над «Балом ста королей», сразу подумала про Нику – ее танец обязательно должен произвести впечатление на гостей вечера.

Шаг 59

пятница,
29 ноября 2013 года

Мудрость – это мера между «мало»
и «много».

Соня, 8 лет

Гойя позвонила ей, оставила сообщение. Ника постоянно забывала, теряла, ломала свой телефон. Дозвониться ей с первого раза было практически невозможно. Но она всегда перезванивала, спокойно извиняясь, что снова его сломала, снова забыла или потеряла... Гойю это веселило.

– Ника, ты не меняешься, и это прекрасно! У меня к тебе есть предложение по работе, очень интересное. Я хочу пригласить тебя в один проект.

– Ты же знаешь, я с удовольствием. – Голос по телефону у Ники был всегда такой, словно она долго сидела у аппарата и ждала, что ей позвонят, и наконец-то дождалась.

– Ты можешь придумать самый обворожительный танец, на который ты способна? – Гойя, как всегда, говорила с вдохновением, передавая его собеседнику.

– Придумать? – Ника засомневалась. – Я не умею придумывать танцы, я умею танцевать... Для этого, наверное, нужен хороший хореограф.

– Я буду твоим хореографом, можешь завтра со мной встретиться? – Гойе внезапно пришла идея, вернее, она вспомнила об одном волшебстве, которое однажды увидела на сайте одного ученого... Как кстати!

– Где? Я могу только с утра, потом уезжаю.

– Давай с утра у меня дома. Сможешь приехать? Мне надо показать тебе кое-что.

– Смогу, только адрес скинь, я давно у тебя не была. Не помню уже.

Гойя помчалась в магазин и купила двенадцать вентиляторов. Выгнала машину из гаража, поставила их по кругу. Круг получился порядка трех метров в диаметре.

Когда все двенадцать вентиляторов были включены, Гойя бросила в центр круга два шелковых платка – черный и красный...

Ника приехала на следующий день с утра, как договаривались. Вне сцены она выглядела всегда серой мышкой. Это умиляло Гойю. Ника никогда не красилась в обычной жизни, носила спокойные, неброские вещи, опускала глаза и говорила тихо... Глядя на нее такую, Гойя так ясно представляла, как она выходила замуж, как ехала в поезде, как знакомилась с родителями жениха и хотела уйти с цыганами... Та история словно жила в ней, в этом образе тихой, покорной судьбе женщины.

Гойя потащила ее в гараж, включила вентиляторы.

– Ника, я хочу, чтобы ты просто посмотрела на это некоторое время, а потом сказала, что ты из этого можешь сделать. – Гойя включила музыку и бросила в круг воздушного течения два платка.

Платки, словно языки пламени, обвивали друг друга, разлетались и соединялись в одно целое в потоках воздуха. Случайность движения незаметно накладывалась на мелодию, создавая чарующий танец.

– Как это? – Ника восторженно смотрела на танцующую ткань. – Как это получается? Я не понимаю, как это возможно! Гойя, они же идеальны!

– Нет, это просто случайное движение от круговой подачи воздуха. – Гойя ликовала, она произвела именно то впечатление на Нику, которое хотела.

– Не может быть! – Ника не верила своим глазам. – Смотри, как они любят друг друга! – Черный платок обвил красный, словно рука мужчины обнимала за талию стройную женскую фигуру.

– Да, так кажется. А теперь представь, что ты танцуешь вместе с ними...

– Гойя, идея неплохая, можно попробовать... Я не знаю, что из этого получится. Я так никогда не делала.

– Это же прекрасно! – Гойя обняла Нику за плечи. – В этом и есть уникальность этого проекта. Никто никогда так не делал.

Гойя почувствовала на себе взгляд и обернулась. Через открытые ворота гаража на нее смотрела няня, застывшая с открытым ртом и поливающая уже десять минут один и тот же кустик шлангом.

Шаг 60

В твоём мире есть только то,
на что направлено твоё внимание.

Гойя ежедневно пролистывала в голове и воскрешала в памяти свои прошедшие мероприятия, стараясь собрать воедино тех артистов, которые когда-то произвели на нее сильное впечатление.

Связь между жизнью, даже не целой жизнью, а, скорее, детскими воспоминаниями и творчеством человека для нее была незыблемым фактом наличия той самой энергетической силы, о которой говорила Фрида.

Ребенок, ищущий выход из трудной жизненной ситуации, обращает ее в творчество, в искусство, задача которого, в первую очередь, помочь будущему творцу найти свою душевную гармонию. Но так как гармония эта питается настоящими чувствами, не надуманными, она имеет такую силу, что пленяет и других людей, будучи им совершенно понятной.

1971 год

Это происходило в Советском Союзе. Нинель родилась, как тогда говорили, в интеллигентной семье. Внешне это означало, что все члены этой семьи имели, как минимум, одно высшее образование. Больше это не означало ровным счетом ничего. Надо сказать, что в этой семье со времен прабабушки правил жесткий матриархат.

Прабабушка Нинель была шестой сестрой в семье из восьми девочек. Она вышла замуж за доброго, безвольного человека и всю жизнь удачно им руководила. Прадед был этому рад, потому что, вернувшись с войны, где им руководил командир полка, он не понимал, как ему жить дальше. Прабабушка Нинель заменила ему ротного командира до конца жизни. Она родила только одного ребенка – бабушку Нинель, которую воспитала со всей строгостью и любовью, на которую была способна.

Бабушка Нинель была красивой, доброй, глупой и абсолютно неприспособленной к жизни. Она не умела готовить, убирать, шить, вязать, водить машину, ездить на велосипеде. Она не знала, что такое очередь в магазине, какое лекарство надо давать от укуса комаров и зачем надо играть с ребенком. Она выросла, стала профессором и преподавателем марксистско-ленинской этики, и это было самое важное событие в ее жизни. Муж не оправдал ее надежд. И, несмотря на родившуюся маму Нинель, она все-таки развелась с ним, окрестив его местечковым евреем. Развелась, между прочим, по политическим соображениям – мужа не интересовала политика вообще, он был ученым и любил свою работу и свою семью. Но бабушке Нинель этого было недостаточно. Она встретила, наконец, идейного и политизированного еврея – второго дедушку Нинель. Он был доктором наук, профессором философии и диссидентом.

Маму Нинель воспитывали няньки, которых у нее было четыре. Первая – домработница Дуся, которая готовила, убирала и гладила белье. Вторая занималась с мамой Нинель игрой на пианино. Третья была учительницей рисования, а четвертая занималась с ней английским языком. Мама Нинель росла красивой, умной и не заласканной. Она окончила школу с золотой медалью и поступила на психологический факультет университета. Там она влюбилась и вскоре родила ребенка. Ей на тот момент стукнуло двадцать лет. Ребенок был совершенно не нужен, но делать аборт было уже поздно. И тут на помощь пришла бабушка. Она была еще молодой и приняла решение забрать ребенка себе. В то время родить ребенка вне брака означало вылететь не только из университета, но и из комсомола. А это означало конец карьеры и жизни.

Девочку назвали Нинель. Это бабушка нашла в газете – Ленин, только наоборот и с мягким знаком.

Ее баловали потому, что она была «брошенным ребенком». Нинель хорошо помнила, как неоднократно бабушка жаловалась приходящим гостям – мол, понимаете, она ведь брошенный ребенок... Родители совсем не интересуются. Нинель привыкла к статусу «брошенного ребенка» и весьма ловко им пользовалась.

Когда бабушка и дед куда-нибудь уходили и оставляли ее с няней, она ставила пластинку «Болезнь куклы» Чайковского, доставала катушку ниток и обматывала всю комнату, цепляя нитки за всё подряд, так что пройти было невозможно. Потом ложилась на пол и начинала «умирать»... Когда няня заходила в комнату, картина была более чем убедительная: лежащий на полу, рыдающий ребенок, кругом паутина из ниток... И музыка Чайковского. Няня в панике звонила дедушке и бабушке, и они немедленно возвращались из гостей.

Из детства Нинель помнила очень мало фактов, у нее вообще память работала как-то выборочно. Она не помнила целые годы своей жизни, зато могла порой вспомнить какую-то никому ненужную деталь или ситуацию.

Одним из самых ранних воспоминаний было воспоминание о том, как дедушка-философ рассказывал шестилетней Нинель теорию Дарвина. Он объяснял подробно и долго, а Нинель слушала и кивала.

– Ты уверена, что всё поняла? – Дедушка строго сдвинул брови и постарался придать себе устрашающий вид.

– Конечно, – ответила Нинель.

– Вопросы есть? – весело рявкнул дедушка. Он любил всё делать громко и с удовольствием.

– Есть! – радостно воскликнула ему в тон внучка.

– Задавай! – обрадовался дедушка.

– А конкретно в нашей семье кто именно от обезьяны произошел?

Но этим дело не кончилось. Когда Нинель пошла в школу, ее приняли в пионеры. Это длилось почти полгода, пока в школе не устроили КВН. Нинель, как самую активную в классе, выбрали капитаном команды. Она очень гордилась своим статусом. Одним из конкурсов на КВНе была загадка, которую надо было загадать команде противника. Нинель вдруг вспомнила – Бог знает, откуда! – суперзагадку. Она была уверена, что противоположная

команда никогда ее не разгадает. Настолько уверена, что всей своей команде просто махнула рукой – мол, не волнуйтесь, товарищи! Сейчас мы победим! И на весь актовЫй зал школы, где сидели и наблюдали за игрой более трехсот учеников, она с выражением прочитала:

– Две рыкалки, две сыкалки, посередине фыкалка.

АктОВЫй зал замер. Ни учителя, ни ученики, ни команда противника не нашли отгадки, а может быть, и не хотели искать. Поэтому через три минуты Нинель гордо сообщила отгадку:

– Это же РСФСР!

После этой истории Нинель исключили из пионеров, и это было позорно.

А еще через полгода в школе решили, что иметь исключенного из пионеров ребенка – это постыдно, и ее приняли обратно, взяв с нее клятвенное обещание больше не хулиганить.

Вероятно, понятие «хулиганить» было разным у классной руководительницы и у самой Нинель, потому что еще через полгода детям задали сочинение на уроке русского языка. Темой сочинения были «Советские праздники». Нинель поняла, что получит двойку, так как ни одного советского праздника она вспомнить не могла. То есть она гипотетически помнила, что есть День металлурга, День учителя, День строителя, но на какую дату каждый из них приходится и что в этот день люди делают, она не знала. Ситуация была критической. Внезапно двенадцатилетняя Нинель вспомнила, что, когда они были маленькими и учились в первом классе, во дворе дрались мальчишки, и сильный говорил слабому:

– Ну, ладно, сегодня тебя убивать не буду! Сегодня – День защиты насекомых!

Нинель вдруг пришло в голову, что если она напишет про День защиты насекомых, то даже учительница не будет знать про такой советский праздник, и она сможет придумать от начала до конца всю историю этого чудесного советского праздника и получит хорошую отметку. План казался ей гениальным. Нинель сдала сочинение с двумя дополнительными исписанными листами.

Непонятно, что больше сыграло роль – сама тема сочинения Нинель или эти два злосчастных дополнительных листа, но из пионеров ее опять исключили и уже навсегда.

А потом бабушка и дедушка уехали за границу и оставили Нинель с мамой и отчимом.

Маму Нинель не знала, но помнила, что она виновата в том, что Нинель – брошенный ребенок. С мамой жила младшая сестра, родившаяся от другого отца спустя три с половиной года после рождения Нинель. Сестра была доброй и покладистой. И ее все любили. И никто не бросал. А Нинель не любили. И поэтому для начала Нинель решила всех наказать и уйти из дома. Но ее быстро нашли, вернули и наказали в ответ.

Мама Нинель никак не могла привыкнуть к тому, что у нее двое детей. Она не знала, как общаться с Нинель, ей было тяжело само ее присутствие в доме. Она страдала, и Нинель было ее ужасно жаль.

У Нинель начались кошмары. Ей казалось, что мама должна прийти ночью и задушить ее. Засыпая, она просила сестру смотреть на дверь. А сама наблюдала за движением теней на стене. В конце концов она убедила себя, что если будет смотреть, не отрываясь, на тени на стене, то с ней ничего не случится. Словно сами тени останоят их владельцев и не позволят ее обидеть...

Эти тени на стене перемешивались в детской голове с грузинскими сказками про Дэвов – духов тьмы, с «Мифами Древней Греции», которые ей читал дедушка, с детскими страхами и обидами, и в итоге они образовали целый мир, в котором Нинель чувствовала себя в безопасности, словно она могла управлять этими тенями и духами.

Важный момент ее жизни – это когда в эпоху советской «оттепели» учеников спецшкол стали отправлять по обмену в страны ближнего зарубежья. Так Нинель оказалась в Чехословакии. Сейчас уже никто не станет разбираться, кому тогда в голову пришло сделать такую культурную программу для детей средних классов, но на протяжении десяти дней пребывания в Чехословакии Нинель посетила двенадцать хранилищ костей.

Тогда это было просто логическим продолжением ее ночных кошмаров, и только позже она поняла, что получила сильнейший энергетический ожог.

Скопление останков, следов жизни, отголосков человеческих страданий в едином месте создавало такую энергетическую воронку, в которую мог не попасть только взрослый человек, но никак не ребенок. Нинель часто вспоминала детей, которые были с ней в этой поездке. Все учились в разных, но очень престижных школах. Ей было интересно, что с ними случилось потом, чего они достигли после того, как получили такую же травму.

Эта история, словно вирус, поселилась в ней и заявила о проделанной работе только много лет спустя, когда Нинель уже была взрослой и жила за границей.

Она выросла в неуклюжего, полноватого подростка с запрятым взглядом и сутулой спиной. Она очень неохотно появлялась на людях и мало разговаривала.

Всё, чему ее пытались учить в школе, не имело для нее никакого смысла. Это были просто упражнения на память и на выносливость. Ее не интересовала школа. Она хотела управлять тенью. Но где этому учат – она не знала.

Она мечтала поступить в театральный институт, но ее туда не приняли. Тогда она записалась в библиотеку и стала изучать книги и документы про китайский Театр теней. Там она узнала, что, согласно одной из версий, Театр теней возник в Китае благодаря горю одного из императоров XI века. У императора умерла жена, и он был так несчастен, что на время даже перестал управлять государством. Но его помощники, увидев, как дети играют с тенями на улице, решили изобразить его жену благодаря теневому театру, и император пришел в восторг, когда увидел свою жену, ожившую в виде тени на стене.

Нинель часами находилась у себя в комнате, экспериментируя со своими руками и разными предметами.

А потом наступил развал Советского Союза, и Нинель с ее мамой и сестрой выслали за границу, туда же, куда уехали бабушка с дедушкой.

Учиться Нинель не захотела, но зато достаточно быстро устроилась работать уборщицей в детский сад и начальную школу. Иногда она готовила с детьми разные представления. Накопив немного денег, она купила билет в Пекин и отправилась на родину Театра теней. Там она прожила девять лет, в течение которых полностью отдалась своему любимому делу.

Именно в Китае, когда в очередной раз Нинель перебирала яркие осколки своего советского детства, она внезапно ощутила, что Ленин перестал быть для нее добрым лысым дедушкой, любящим детей, а стал взрослым, самоуверенным и одержимым мужиком. Тогда она поняла, что выросла.

Вернувшись в Европу, Нинель стала зарабатывать себе на жизнь выступлениями в стиле оригинального жанра Театра теней.

С годами она всё больше приходила к выводу, что мир теней и есть настоящий мир, где всё именно так, как хотела она. В этом мире красота принимала совсем другие формы и предметы, чем те, которые были красивыми в жизни. Ничего не означающие формы приобретали важность и смысл, а сама Нинель могла превращать обычные предметы в волшебные и управлять ими... Для этого ничего не нужно, кроме света, тени и ее собственных рук.

Шаг 61

Игра – это взаимовыгодная
понарошность.

Соня, 8 лет

Они были близнецами. Причем похожими как две капли воды. Мать их родила поздно, когда ей было далеко за сорок. И все вокруг пугали ее больным ребенком. В итоге, когда родилась двойня, вся родня впала в ступор. Дети были абсолютно здоровыми, но с необычным врожденным дефектом – у каждого из них было по шесть пальцев на каждой руке. Все пальцы были функциональными, и, несмотря на уговоры родственников, она решила не делать детям операцию.

Она назвала детей Лео и Александр. Потому что вместе получалось двенадцать букв, как двенадцать пальцев.

Мальчики росли здоровыми и очень активными. Им постоянно надо было двигаться, куда-то лезть, бежать, откуда-то прыгать. Мать не знала покоя практически до их совершеннолетия. Учились дети плохо, зато по физкультуре у обоих была твердая пятерка. Сверстники их побаивались не только из-за пальцев на руках, хотя это, безусловно, откладывало свой отпечаток на детские умы.

В школе, где они проучились все десять лет, преподавал учитель истории – лысый пожилой дядечка, не выговаривающий букву «р», с ласковым именем Роберт Яковлевич. У Роберта Яковлевича рук не было вообще – дети думали, что он потерял их во время войны, но, как оказалось, он просто таким родился. Рук не было, но при этом к правому плечу был пришит один палец, которым Роберт Яковлевич очень ловко хватал за погончики школьной формы бегающих на перемене мальчишек.

Детское сознание не фокусировалось на том, что пришитый к плечу палец – это почти невозможно. Для детей это было что-то обыденное и повседневное, они росли и сталкивались с Робертом Яковлевичем ежедневно. В памяти останется его окрик:

– Разошлись, поганцы! Тут вам не там! – и длинный костлявый палец вылезал из пустого рукава пиджака, чтобы ухватить того, кто не успел вернуться.

Пальцы каким-то образом стали неким камнем преткновения в жизни близнецов. После школы оба брата поступили в цирковое училище, куда их приняли почти без экзамена. И тут двенадцать пальцев тоже сыграли не последнюю роль.

Несмотря на внешнее сходство, братья были очень разными по характеру. Лео вырос романтиком и мечтателем. Он был ласковым и домашним. Александр же, наоборот, был резким и не любил каких-либо физических контак-

тов ни с братом, ни с матерью. Но, как всех близнецов, их объединяло что-то большее, они не могли подолгу расставаться и очень скучали друг без друга.

Мать не дожидаясь звездного часа сыновей – умерла от рака за год до их выпуска из училища.

Братья очень долго не могли оправиться от ее смерти. Мама была их самым близким другом.

После окончания училища с дипломом профессии «Акробат-эквилибрист» они были приглашены на работу в цирк.

Цирковая жизнь, в некотором роде, заменила им семью. А через год после смерти матери с ними произошло событие, на первый взгляд, печальное, но предопределившее их дальнейшую карьеру.

В новогоднюю ночь братья выпивали в цирке с семьей лилипутов и тремя воздушными гимнастками. Возможно, водка была «паленой» или просто было много выпито, но Лео после шестой рюмки почувствовал себя неважно и решил, что должен поехать к своей подруге, которая, возможно, еще ждет его у себя дома. Он поймал такси и отправился за город. На улице стояли декабрьские морозы, а когда машина выехала за город, городская пыль и грязь исчезли, и всё кругом оказалось совершенно белым. Лео сам не мог себе объяснить, зачем он остановил машину посреди дороги, заплатил водителю и отправился пешком напролом по сугробам в поле. Он просто шел вперед и ни о чем не думал. Ноги проваливались в сугробы, оставляя глубокие дыры в снеговой подушке. Идти становилось всё труднее, и он остановился. Снег доходил ему почти до колен. Он сел в сугроб и стал смотреть на звезды. Их было так много, и казалось, что они крутятся по кругу и подмигивают ему. Вдали виднелись домики с тоненькими струйками дыма. Лео задремал и увидел, что сзади подошла мама. Она склонилась над ним и погладила его по голове.

– Шапку потерял, – ласково прошептала она, – уши отморозишь.

Лео улыбнулся и потерся об ее теплую руку. Она подняла ворот его куртки и накинута на голову капюшон.

– Так лучше, – мама взяла его за руку, – а теперь вставай, а то замерзнешь.

Лео попытался встать, но ноги подкашивались. Мама тянула его за руку.

– Вставай! Надо идти!

– Я не могу, я устал. – Лео тряс головой и мычал.

– Нет, ты можешь! – Она почти рывком подняла его из сугроба.

Он встал на ноги и, шатаясь, побрел к домам. Они, почему-то, не приближались. Но мама шла рядом, и каждый раз, когда он хотел присесть, снова заставляла его подняться. Так они шли долго, почти не разговаривая, потому что маме было тяжело его толкать, а Лео было тяжело разговаривать.

Наконец впереди залаяли собаки, Лео облокотился о забор и медленно, держась за него обеими руками, дошел до калитки.

– Звони, – сказала мама и ушла.

Он протянул руку к звонку и понял, что не чувствует пальцев. Когда дверь распахнулась, он просто упал на руки какой-то женщине, которая стала кричать и звать на помощь.

Они вызвали «скорую», стали растирать его спиртом. Увидели обмороженные пальцы и стали поливать их горячей водой. Наверное, думали, что так они согреются. Потом врач сказал, что если бы не поливали, возможно, могли бы избежать ампутации...

Когда Лео выписали из больницы, у него все двенадцать пальцев были отрезаны до сгиба, и они напоминали странные непослушные палочки. Александру казалось, что теперь всё изменится в их жизни. Но Лео и не думал бросать цирк. Когда пальцы зажили, они начали репетировать новый номер.

В цирке работал старый технарь Палыч, которому надоело заниматься наукой, и он решил приложить свои знания механики в сферу спецэффектов цирка. Палыч помог Лео сделать первые механические перчатки. Лео долго привыкал к ним, культы сильно болели, и поначалу у него плохо получалось управлять механизмом наращенных пальцев. После первых перчаток последовали вторые – улучшенная версия Палыча, который успел найти знакомого врача-протезиста и вместе с ним попытался создать шедевр механики. Новые перчатки крепились специальными ремнями на всю длину руки и фиксировались через плечо на талии, но зрителям этого не было видно. Таким образом сила подъема этих перчаток была гораздо больше. Внешне не было никаких сомнений в том, что в перчатке двигаются целые настоящие пальцы. Только эти пальцы были гораздо сильнее настоящих: Лео теперь мог запросто ловить брата одним или двумя пальцами, когда тот делал двойное сальто, или служить ему подвеской для акробатических трюков.

Позже он даже научился стоять на пальцах рук, чем вызывал бурную овацию зала. Специально для этого трюка был сделан круглый высокий подиум, откуда зрителям было отлично видно, как Лео стоит на кончиках пальцев рук.

На цирковой афише братья стояли, обнявшись, в голубых костюмах, вытянув правые руки перед собой, словно призывая к полету. И на этих руках было по шесть пальцев.

Это было сенсацией. Мало кто знал, что у Лео нет пальцев и что вместо них работает механический хват, за который Александр мог уцепиться, как за крюк.

Гойя познакомилась с братьями совершенно случайно. Они с Лив отправились в цирк, куда Гойя ходить не любила. Ее детские воспоминания о цирке очень разнились с тем, что показывали сегодня, и почему-то всегда возникало ощущение какого-то обмана по отношению к ее памяти. Но пойти в цирк захотела Лив, и Гойя согласилась, бега ознакомившись с программой. Ирма тоже пошла со своим сыном. Гойя опаздывала. Когда они с Лив подбежали ко входу в цирк, прозвонил уже второй звонок. Ирма была рассержена на своего девятилетнего сына, но в чем была проблема, в первом акте узнать не удалось. И только когда они в антракте вышли в фойе цирка и стали в длинную очередь за сахарной ватой, всё выяснилось!

– Ребенку девять лет, а он считать до десяти не умеет. – Ирма сокрушалась, роясь в сумочке в надежде найти мелочь для буфета.

– Умею я считать! – пробурчал Тема, низко опустив голову. Так он походил на обиженного бычка.

– Слышишь, Ирма, ну чего ты завелась! Умеет он считать! – Гойя, пытаясь примирить мать и сына, подмигнула Теме.

– И я умею, – важно добавила Лив, которой тогда еще не было четырех лет. – Пясь, сесь, адин...

– Гойя, он на афише насчитал по шесть пальцев у акробатов! Понимаешь? Ну, как это вообще возможно? – Ирма явно негодовала. – Я же не прошу до ста уметь считать, хотя я уже в семь лет прекрасно считала!

– Тогда другие дети были, Ирма, – задумчиво сказала Гойя.

– Там было шесть пальцев, – с упорством процедил Тема.

– А пойдем мы посчитаем вместе! – Гойя взяла Тему за руку. – Покажи мне твою афишу. А вы пока постоитте, – обернулась она к Ирме, – мы пойдем считать. Надо же нам тебя реабилитировать!

Тема отвел Гойю к злосчастной афише, и они вместе посчитали пальцы на руках акробатов. Гойя просияла.

«Афиша была нарисована. Возможно, это прикол художника и такая задумка для внимательных детей, чтобы вопросов побольше задавали».

Она взяла Тему за руку и отправилась в администрацию цирка. Там ей с гордостью сообщили, что, действительно, у этих акробатов по шесть пальцев на руках, и они выступают во втором отделении представления. Надо было срочно бежать, потому что скоро должен был прозвенеть второй звонок. Гойя, схватив Тему за руку, побежала обратно. Ирма уже покупала две огромные сахарные ваты.

– Ну, что вы так долго? Ты, похоже, тоже считать разучилась? – Она с усмешкой протянула Гойе сахарную вату.

– А ты сама-то их считала? – хитро улыбнулась Гойя.

– Да... ну, в смысле, я не понимаю вопроса. Зачем считать пальцы на руке? Объясни мне.

– А затем, что их там и вправду шесть!

Ирма застыла с ватой в руках.

– Это такой прикол художника? – пыталась угадать она.

– Я тоже так подумала, поэтому пошла в администрацию, где мне всё рассказали.

Гойя коротко пересказала то, что узнала в администрации цирка, и они помчались в зал.

Во втором отделении Гойя очень ждала выступления необычных акробатов. Когда же они выступили, Гойя поняла, что это – чудо. Она первый раз видела, как люди превратили свою необычность в свою уникальность, а свою травму – в свой козырь. И это было так красиво и эмоционально правильно, что она с того самого выступления хранила в душе этих артистов и всегда вспоминала о них, когда в проекте можно было использовать акробатику.

Итак, все артисты «Бала ста королей» были тщательно подобраны Гойей и утверждены Платоном. Гойя дописала сценарий – на это ушла еще

одна неделя. Сценарий поместился на сорока восьми страницах и состоял из семи «ступеней», каждая из которых должна была продвигать гостей в новые ощущения и новое состояние. Гойей были прописаны не только все тексты и реплики артистов, но и атмосфера, которая должна была возникать на каждой ступени мероприятия: музыка, запахи и цветовая гамма.

Шаг 62

пятница,
6 декабря 2013 года

Авидсофобия – это боязнь быть превращенным в птицу.

Тарабен прибывал в Венецию всего на сутки, за это время они должны были решить все оставшиеся организационные вопросы.

Гойя прилетела утром вместе с Лу и Ирмой.

Тарабен позвонил, как только самолет приземлился.

– Вы прилетели? – Голос в трубке звучал весело.

– Тарабен, здравствуйте! Только что! Где мне вас найти? – Гойе не терпелось познакомить свою команду с этим удивительным человеком.

Словно прочитав ее мысли, Тарабен быстро произнес:

– У нас небольшие изменения в программе сегодняшнего дня. Платон прилетает вечером, с ним планируем работать завтра с утра. А сегодня нам с вами вдвоем предстоит посетить одного необычного господина ...

– Господина? – зачем-то переспросила Гойя. – Чем же он необычен? – Ирма успела подхватить сумку, которая выпала из рук Гойи.

– Я думаю, что он в целом необычный, иначе Платон не настаивал бы так на нашей с ним встрече.

– Это он попросил вас встретиться с ним?

– Да, он. Сколько вам нужно времени, чтобы разобраться с вашими людьми?

– О, они гораздо автономнее, чем вы думаете, – усмехнулась Гойя, видя краем глаза, как Лу, бешено размахивая руками, торгуется с водителем катера на смеси английского и немецкого языков.

– Тогда берите водное такси и приезжайте к отелю «Даниэли», я буду ждать вас в холле.

Гойя вспомнила старушку с черной сигареткой в красных губах, и на душе потеплело.

– Отлично! Я буду минут через тридцать.

– Это прекрасно. – Тарабен завершил звонок одновременно с Гойей.

Ирма уже стояла на носу катера. Лу вместе с водителем, с которым почти успел подраться десять минут назад, дружно грузили чемоданы. Гойя достала сигареты, закурила и медленно двинулась к катеру.

– Что-то не так, Гойя? – Ирма с беспокойством раскачивала лодку.

– Нет, просто я с вами не еду. Мне нужно встретиться с одним человеком.

– А нам куда? Лу, ты слышишь? Она нас бросает!

– Поезжайте в гостиницу, разместитесь и отправляйтесь в Падую. Встретимся вечером во Дворце Разума.

Лу кивнул. Пока Ирма причитала, он прикидывал в уме, что может сделать на месте без Гойи. Она же окликнула водителя близстоящего катера и поспешила на встречу с Тарабеном.

Квартира профессора, к которому Платон отправил Тарабена и Гойю, занимала весь старинный особняк, расположенный в двух кварталах от отеля «Даниэли». Они добрались до красивого подъезда с барельефами фантастических животных всего за десять минут.

Им открыла дама неопределенного возраста в длинном красном платье с губами, явно отказывающимися ее слушаться.

Она приложила руки к груди, низко опустила голову и почтительно произнесла вместо приветствия:

– Девяносто три!

Гойя с Тарабеном переглянулись.

«Где-то я уже это слышала – девяносто три» ...

Тарабен снял шляпу и пробормотал что-то в ответ, а Гойя просто кивнула.

Дама проводила их в кабинет профессора и предложила подождать.

Кабинет был завален книгами и разными странными предметами. Среди них была огромных размеров глиняная ладонь с поднятыми вверх тремя пальцами. По ладони техническим штрихом прочерчены рисунки линий жизни. На огромном столе, заваленном бумагами и книгами, сушились куски кожи, натянутые на палочки или булавки, были разложены тыквы, перед камином стоял низкий столик с бронзовыми вставками, на которых были написаны какие-то латинские слова.

– Помните, как явился Хачатуряну Сальвадор Дали? – тихо спросил Тарабен Гойю, которую вся эта атмосфера начинала угнетать.

– В танце и голый? – Гойя попыталась представить такое появление профессора. В данной обстановке это было бы вполне гармонично.

– И с цифрой девяносто три на груди. – Тарабен тихо засмеялся.

В этот момент двери распахнулись, и к ним вышел очень маленький, сухонький человечек в мятом бархатном пиджаке с тонким шарфом на шее, завязанным, как большой старомодный бант. На его подвижном морщинистом лице не было ни одного волоска – казалось, что природа полностью лишила его какой-либо растительности. Зато два детских, удивительно синих глаза смотрели совершенно в разные стороны. Гойя и раньше встречала людей с таким изъёмом, но она всегда могла поймать линию хотя бы одного глаза и сфокусироваться на ней. В данной ситуации это было категорически невозможно, так как оба глаза профессора смотрели строго мимо Гойи.

Он подошел к ней быстрыми шагами и протянул твердую острую ладонь, почти мгновенно выдернул ее из рук Гойи и с интересом покосился на Тарабена.

– Профессор, – Тарабен почтительно поклонился.

– Круле-Пальме, – человек выдержал театральную паузу, – Спартак Калинович. – Он говорил с явным русским акцентом, но на вполне хорошем итальянском.

«Всё становится более странным, – подумала Гойя, услышав невозможное имя профессора. – Снять кино с таким персонажем было бы гротеском, а вот в жизни, оказывается, бывает и такое».

– Вы из России, профессор? – Гойя зачем-то присела в реверансе, задавая этот вопрос, чем ужасно насмешила Тарабена. Он старательно разглаживал усы, чтобы не расхохотаться.

– Когда-то... Давно... Очень давно. – Спартак Калинович отвечал Тарабону, казалось, он категорически отказывался замечать присутствие Гойи.

– Профессор, мы очень благодарны, что вы нашли возможным нас принять.

Старичок-профессор, только что усевшийся в большое кожаное кресло, внезапно выскочил из него, словно резиновый мячик, и, подскочив к Тарабону, спросил его почти шепотом:

– Платон говорил, что вы – великий оккультный плотник. А алтарь сделать для меня сможете?

– Алтарь? – Тарабону показалось, что он ослышался. Определение его профессии хоть и не совпадало с его собственным, но ему однозначно понравилось.

«Так теперь и буду писать на визитке – великий оккультный плотник ...» – подумал он.

– Да, алтарь. Я покажу модель. Она находится в Капелле Скровеньи в Падуе... Но мне нужна упрощенная модель, разборная. – Профессор захихикал тоненьким голоском, родившимся из шепота, и театральным жестом пригласил их следовать за ним.

– Зачем? – Тарабону становилось всё интереснее. Они шли по узким, плохо освещенным коридорам апартаментов, словно по лабиринту.

– Я планирую ездить по стране. Много заблудших душ. Времена беспокойные. – Старичок прибавил шагу, выписывая невозможные зигзаги всеми десятью пальцами обеих рук. Они вошли в большой полутемный зал с огромной хрустальной люстрой. Старичок щелкнул выключателем, и зал ожил в лучах пестрого света.

– Хорошо, я думаю, смогу вам это построить. – Тарабен хотел уже закрыть эту тему, но старичок буквально повис у него на руке.

– Мне еще гроб нужен, – почти неслышно прошептал он в ухо Тарабону так, чтобы Гойя ничего не услышала.

– Гроб? – специально громко сказал Тарабен, стараясь при этом сохранять лицо в порядке, физически ощущая что-то, напоминающее слюну, на правой щеке. – Тоже сборный?

Гойя обернулась.

– Тсс! – шикнул на него профессор. – Совершенно верно, вы всё понимаете. Он будет стоять за занавеской.

– Вот с занавеской я вам вряд ли помогу. – Тарабону начинало казаться, что он принимает участие в каком-то шизофреническом розыгрыше, только было непонятно, кто и кого именно разыгрывает. На каждое слово Тарабена у профессора был заготовлен ответ.

– Что вы, я сам занавеску повешу. – Профессор часто закивал. Гойя отошла в другой конец зала, делая вид, что рассматривает сквозь витражи окон пейзаж за окном.

– А почему нельзя просто сделать гроб, не сборный?

– Так мне надо, чтобы он поместился в багажник моего старого фиата. Сами понимаете, места не много. Тут, в Италии, с большими машинами нельзя, видите ли.

– Так положите его на заднее сидение машины, он вполне туда войдет. – Тарабен начал уставать от сюжета.

– Нет, – профессор погрузился, – там будут сидеть Верховная Жрица, брат Марсий и Единорог.

– Ясно. – Тарабену вдруг очень захотелось выйти на воздух и вообще прекратить эту беседу. Гойя вовремя пришла на помощь.

– Профессор, мы пришли к вам по рекомендации господина Платона. Он сказал, что вы сможете рассказать нам много интересного.

Профессор замер на несколько секунд, подняв указательный палец, словно прислушиваясь к самому себе или к кому-то постороннему, потом сел на небольшой диванчик, прикрыл глаза и быстро заговорил:

– Энергия земли. Вы понимаете, о чем я? – Он внимательно и строго посмотрел мимо Гойи и Тарабена.

– Безусловно, – за обоих ответил Тарабен.

– Хорошо. – Профессор повеселел. – Энергия человека зависит от трех причин, которые создают магнитное поле. Прежде всего, это ионные токи, возникающие вследствие электрической активности клеточных мембран – главным образом мышечных и нервных клеток.

Другой источник магнитных полей – мельчайшие ферромагнитные частицы, специально введенные в организм. Эти два источника создают собственные магнитные поля. Кроме того, при наложении внешнего магнитного поля проявляются неоднородности магнитной восприимчивости различных органов, искажающие наложенное внешнее поле. Вам понятно?

Тарабен слегка улыбнулся.

– Профессор, мне кажется, вы напрасно взялись разъяснять нам азы азов. Может быть, вы могли бы нам просто сообщить результат, не рассказывая о процессе?

– Сеньор. – Глаза профессора Круле-Пальме одновременно погрузились. – Я уверен, что вам нет необходимости это всё разжевывать, но молодой даме это также необходимо понимать, и я не уверен...

– Вы напрасно думаете, что «молодая дама», – Тарабен подмигнул Гойе, – не в теме вашей презентации. Поверьте мне, вы можете многому у нее поучиться. – Гойя покраснела до корней волос и опустила голову.

– Хорошо, – грустно кивнул профессор, похожий в этот момент на ребенка, которому не дали до конца рассказать его любимую историю. – Тогда результат: энергия земли меняется. Отсюда землетрясения, катаклизмы и прочее.

Климат, в связи с этим, тоже меняется, а с ним меняется и энергия людей.

То, что работало вчера, сегодня не работает. Решение, которое было правильным вчера, может быть совершенно неверным сегодня.

Люди не понимают, что происходит, и многие погибают в этой энергетической воронке. Для того чтобы продолжать двигаться вперед, надо «услышать» новую энергию и настроить свою собственную энергию на нее. Для большинства людей это сделать очень сложно.

Человек, по своей природе, ленив. Если у него есть кресло, он с него никогда не встанет самостоятельно. – В подтверждение своих слов профессор плюхнулся в большое кожаное кресло.

– Ему надо дать волшебный пинок. Это называется «эволюцией». – Он достал золотой портсигар и, изящно пританцовывая пальцами, достал из него папироску. – С человеком начинают происходить разные несчастья, у каждого более или менее ужасные. Это зависит от толщины кожи – для некоторых достаточно, чтобы у них заболел ребенок, – он многозначительно помолчал, затягиваясь папироской, – и они понимают это, как пинок, и что-то изменяют в своей жизни. Другим же надо, чтобы у них ампутировали руку. А у некоторых должна вся семья погибнуть.

Но цель оправдывает средства, ибо ей нет никакого морального дела до этих самых средств. Ей важно «настроить» энергию человека на новый лад. Любой ценой. Этот механизм работает безотказно.

– Но есть же люди, которые вообще не способны настроиться на новый лад. – Гойю пробрала дрожь.

– Есть, – радостно согласился профессор. – Но они не выживут. Для этого есть разные способы, например, грипп, чума... – Он помолчал с полминуты. – Ну, или СПИД, в конце концов.

– Зачем вы нам это рассказываете, профессор? – Гойя обернулась к Тарабену, словно в поисках защиты. Тот стоял, опустив голову и глядя в пол.

– Платон просил меня поговорить с вами обоими. – Он стал рассказывать от одного к другому. – Лаборатория, которую он создал и в которой я имею честь работать, находится в Праге. Мы изучаем этот вопрос много лет и работаем над машиной, которая помогла бы людям адаптировать их энергию под новое состояние энергии земли без каких-либо усилий с их стороны.

– Профессор, не очень понятно, какое отношение наше совместное творчество имеет к энергии земли и конкретно к вашей лаборатории? Меня и эту молодую даму пригласили для организации праздника. Безусловно, праздника, выходящего за рамки стандартной vip-вечеринки, но, тем не менее, чего-то, что останется в формате «приятного развлечения» и не более. – Тарабен нервно крутил ус, Гойя впервые видела его в таком состоянии.

– Не кипятитесь. В нашем с вами случае, увы, банан – это не просто банан! – усмехнулся Спартак Калинович.

– Вы хотите сказать, что мы организуем не праздник, а сеанс энергетического гипноза? – Тарабен смотрел в упор на разбегающиеся глаза профессора.

– Нет, я хочу сказать, что вы организуете праздник с целью создать волшебную атмосферу для того, чтобы гости себя ощутили абсолютно счастливыми. И последние месяцы вы оба погружаетесь в самые глубинные недра человеческой сущности, чтобы разобраться, как она работает.

«Кто ему сказал? Неужели Платон так характеризует нашу работу?»

– Это всё – последовательность причин, – засмеялся колокольчиком Спартак Калинович, и его обе руки затанцевали в воздухе.

– Это эфемерно. Мы создаем мгновение. – Тарабен откровенно злился.

– Вы создаете идеальный праздник, где гости должны пережить моменты абсолютного счастья. – Профессор, похоже, подбирал слова.

– Какое отношение ваша лаборатория имеет к нашему празднику и всему, над чем мы сейчас работаем? – недоумевал Тарабен.

– Самое прямое. Мы разработали машину, способную измерять состояние счастья. – Профессор гордо выпрямился, снова подняв указательный палец вверх.

– Измерять состояние счастья?! – Гойя восхищенно смотрела на профессора.

– Именно! Мы готовились к этому празднику более десяти лет. Господин Платон убежден, что для того, чтобы создать у человека состояние счастья, необходимо знать досконально всю его жизнь. На протяжении всех этих лет мы собирали информацию о наших уважаемых гостях и форматировали ее в виде цифровых кодов. Учтено было всё, что можно знать о них, начиная с самого рождения. Всё до малейших подробностей: физические черты, достоинства и недостатки, склонности и неприязни, болезни и происшествия, любовные переживания, отношения с родственниками, супругами и коллегами, успехи и неудачи любого масштаба и вообще любые события, наложившие отпечаток на их жизнь. Благодаря вашей идее с медальоном, – он подмигнул мимо Гойи, – мы смогли внедрить в медальон, который будет носить каждый из приглашенных, помимо камня турмалина, идеально проводящего энергию, еще и датчики, которые будут посылать сигнал нашей машине. Таким образом мы сможем наблюдать за прогрессией психологического состояния каждого гостя.

– Потрясающе! – восхитилась Гойя и обернулась к Тарабену.

Тот молчал, грустно глядя в окно.

– Тарабен, неужели вам н-не нравится идея д-делать людей абсолютно счастливыми, пусть даже на некоторое, совсем к-короткое время? – Гойя так разволновалась, что начала икать.

– Я не понимаю, зачем это всё? – Тарабен был в раздумьях. – Профессор, а вы уже проводили тесты с вашей машиной?

– Конечно. И неоднократно. Машина может не только измерять состояние счастья, но и модифицировать его в нужном нам направлении. – Спартак Калинович запнулся и замолчал.

Тарабен смотрел на него, ожидая продолжения, но его не последовало. Профессор Круле-Пальме внезапно сделал невероятное сальто обеими руками и воскликнул:

– Но я совершенно забыл предложить вам кофе или чай! Прошу меня извинить, я увлекся! Чашечку кофе? – Он подхватил Гойю под локоть и увлек ее в соседний салон.

– Да, с удовольствием. – Гойя едва успевала за юрким профессором.

Тарабен шел сзади.

Они попали в уютную гостиную с двумя бархатными диванами и кучей подушек разных форм и оттенков. Спартак Калинович усадил Гойю на диван и позвонил в колокольчик. На пороге гостиной почти мгновенно появилась уже знакомая дама, на ней зачем-то была надета венецианская маска.

– Гера, принесите нам кофе, пожалуйста. – профессор слегка поклонился вошедшей.

Она кивнула и вышла.

Тарабен стоял в углу зала, скрестив руки, лицо его осунулось.

– Профессор, вы начали разговор об энергии земли и почему-то закончили машиной счастья. Какая связь между ними?

Гойе показалось, что Тарабен чем-то ужасно огорчен. И он даже не скрывал этого.

Спартак Калинович осторожно присел в кресло и затушил папироску в большой бронзовой пепельнице в виде летучей мыши.

– Видите ли, господин ...

– Тарабен, – тихо напомнил тот.

– Да, господин Тарабен. Есть понимание социального здоровья общества. Этот параметр касается большинства людей, в том числе тех, от кого зависит наш с вами завтрашний день. Любой человек, независимо от своего статуса, богатства и возраста, может болеть, страдать и неадекватно реагировать. Но в наших силах сделать так, чтобы люди, управляющие миром, были здоровы и счастливы. Это, безусловно, отразится на их поведении и, стало быть, на нашей с вами завтрашней жизни.

– Профессор, а эти люди знают о существовании вашей машины? – Тарабен говорил так тихо, что Гойе становилось не по себе.

В комнату вплыла дама в маске с тяжелым овальным подносом, на котором тихо звенели изящные чашки на ножках, сахарница и молочник. Она аккуратно водрузила поднос на стол и, присев на колени, стала по очереди выставлять на стол одну за другой чашки с кофе.

– Наши гости приглашены на «волшебный праздник». Вас выбрали как лучших организаторов и творцов. Если мы раскроем до начала мероприятия все карты, согласитесь, это будет, как минимум, скучно. – Профессор захихикал и подхватил чашечку со стола.

– Но вы планируете им сообщить о вашем эксперименте? – настаивал Тарабен.

– Обязательно планируем сообщить. – Профессор Круле-Пальме закивал круглой лысой головой. – Вы, насколько я знаю, визуальный аналитик, архитектор эфемерного?

– Не далее как полчаса назад я был оккультным плотником, – усмехнулся Тарабен.

– Не обижайтесь, господин Тарабен, и это тоже одна из ваших компетенций. Вы создадите фантастические декорации и спецэффекты, которые помогут нашим гостям погрузиться в другое измерение. В этом ваша главная задача.

– Ну, допустим, – Тарабен кивнул.

– Ваша коллега, эта молодая особа, как выразился Платон, имеет нестандартное мышление и интуитивно чувствует людей и их потребности. – Он вопросительно повернулся к Гойе.

– Это господин Платон вам так меня охарактеризовал? – удивилась Гойя.

Профессор молча поклонился.

– Вместе вы сможете создать уникальный праздник, с тем чтобы гости почувствовали себя абсолютно счастливыми. Наша же задача – только контролировать энергетический процесс и помогать вам в вашем деле.

– Каким образом вы можете нам помочь? – Тарабен нахмурился.

– Я смогу сообщать вам о действии того или иного вашего визуального эффекта на психику людей, и это будут совершенно точные и проверенные данные, неужели вам это неинтересно? – Профессор, казалось, был удивлен.

– И всё же вернемся к энергии земли. Я так и не понял, к чему этот разговор. Вы хотите использовать вашу машину для того, чтобы настроить энергию гостей вечера на энергию земли?

– В этом нет необходимости, господин Тарабен. Все наши гости – люди уникальные и более чем продвинутые в энергетических сферах. Для них нет риска сойти с орбиты. А вот для многих других эта машина, безусловно, могла бы стать настоящим ресурсом и дверью в новую жизнь.

– Хорошо. Я понял. Но тогда объясните мне, зачем нам необходима эта информация? Я не первый год работаю с Платоном. Он никогда не выдает ненужной информации.

– Совершенно верно. Эта информация – более чем нужная для вас, так как вы подошли к заключительной части подготовки «Бала ста королей», и на этом этапе вы должны понимать всю ответственность ваших действий перед теми, для кого вы это создаете. Господин Платон настоятельно просил меня организовать для вас визит в нашу лабораторию и показать вам, как это работает.

Гойя была счастлива. Неужели она сможет всё это увидеть своими глазами? Это казалось невыносимым.

Тарабен, похоже, был не в восторге от идеи посещения лаборатории. Но, тем не менее, любопытство ученого взяло вверх.

– Когда вы планируете эту поездку? У нас еще много дел в Падуе.

– Предлагаю отправиться незамедлительно. За пару дней вы закончите здесь все ваши дела, и мы можем вылететь в Прагу.

Тарабен вопросительно взглянул на Гойю. Та умоляюще смотрела на профессора и Тарабена. Ей безумно хотелось увидеть лабораторию и волшебную машину.

– Ну, хорошо, мы поедем, – ответил за двоих Тарабен. – Гойя, вы сможете отлучиться на пару дней из дома ради такого визита?

Тарабен явно говорил всё это больше для проформы. Было и так понятно, что Гойя ни за что не откажется от этой поездки.

– Великолепно! – подскочил профессор. – Прекрасно! Тогда разрешите с вами распрощаться на сегодня.

Спартак Калинович внезапно резко ускорился, словно был лимитирован временным отрезком, в который однозначно не укладывался. Он молниеносно подскочил к Тарабену и сжал его руку, затем проворно ухватил Гойю за локоть, увлекая ее к выходу. Они прошли два коридора на достаточно большой скорости – Гойе даже показалось, что они бегут. Она не успела оглянуться, как оказалась стоящей на лестничной площадке. Тарабен надел шляпу, запахнул пальто и жестом пригласил Гойю спуститься по лестнице первой.

Шаг 63

среда,
11 декабря 2013 года

Импровизация – это игра воображения со словами, звуками, красками, чтобы быстро получилось что-то новое.

Соня, 8 лет

Лаборатория Платона находилась в самом центре Европы. Так было удобно. Многочисленные ученые и специалисты, которых он привлекал к работе на разных ее этапах, съезжались со всех концов мира, и логистика требовала, чтобы место лаборатории было не только конфиденциальным, но и абсолютно центральным. Руководствуясь этими двумя причинами и ничем другим, Платон создал лабораторию в Праге.

Прага оказалась кружевным, лубочным городом, наполненным запахами специй и пива. Мощные улочки старого города с острыми шпилями серых построек и чистенькими ретро-трамваями покорили Гойю. И дома, у каждого из которых есть свой неповторимый номер, один на весь город; деревянные куклы-марионетки с грустными глазами и несъедобный кренделек, продающийся на каждом углу с не выговариваемым названием «трдльник».

После того как Платон окончательно утвердил сюжет «Бала ста королей», работа в лаборатории не прекращалась даже по ночам.

Для каждого гостя был подобран исторический персонаж. Благодаря точным биографическим справкам относительно жизни гостей ученые определили для каждого из них великого исторического героя, прославившегося в свое время могуществом, храбростью, своими мыслями, военными подвигами и т. п. Сравнительный анализ в данном случае должен был быть безупречен – слияние каждого гостя со своим персонажем должно быть максимальным, чтобы первый мог действительно почувствовать себя на месте второго.

Все персоналии гостей были тщательно проанализированы, вся собранная информация внесена в разные программы, каждая из которых отвечала за один аспект личности. Параллельно были также просчитаны характеристики более тысячи великих людей, живших еще в эпоху Римской империи и до конца девятнадцатого века.

Наиболее похожие типажи складывались в отдельную папку и затем сравнивались, пока из нескольких десятков отобранных не оставался один, который максимально соответствовал характеру конкретного гостя.

Таким образом были отобраны Клеопатра, император Нерон, Юлий Цезарь, Екатерина Медичи, Генрих Второй, король Артур, Людовик XIV, Наполеон, Иван Грозный и кардинал Ришелье.

При лаборатории была создана огромная костюмерная мастерская. Первый зал был посвящен выбранным персонажам и их эпохам. Тут были

представлены музейные экспонаты костюмов, иллюстрации и картины с изображением моды того времени. Здесь историки работали с документами, уточняя материалы, фактуры, ткани, цветовые красители, украшения, которые использовались в эпоху жизни каждого из героев.

В следующем зале психологи анализировали всю информацию о гостях – любимые цвета, формы, стили, запахи и привычки в одежде.

Два других зала занимал пошивочный цех, где создавались оригинальные костюмы для самого праздника. Специальный компьютер создавал модель каждого гостя в формате 3D, чтобы костюм подходил ему с точностью до миллиметра. Затем портные получали точную выкройку, по которой уже шили оригинальный наряд.

Тарабен и Гойя прибыли в Прагу днем. В аэропорту их встретил лимузин, который доставил их в лабораторию.

Спартак Калинович ждал Гойю и Тарабена в просторном холле.

То ли высота потолка делала его еще ниже ростом, но Гойе показалось, что он стал еще меньше, чем был в Венеции. Тоненькие ручки профессора беспрестанно что-то теребили и жили не просто насыщенной, а очень нервной жизнью, унять которую у их владельца явно не получалось.

В первую очередь они посетили зал, где располагалась энергетическая машина.

Зал представлял собой полукруг, в центре которого располагался огромных размеров розовый камень, похожий на огромный кристалл.

Сверху и снизу к кристаллу крепились сложные устройства, состоящие из металлических трубок и хромированной капсулы, соединяющие кристалл с десятью компьютерами, за каждым из которых сидел сотрудник лаборатории. Перед компьютерными мониторами был установлен огромный экран во всю стену, поделенный на десять квадратов, в каждом из которых мелькали какие-то цифры. Профессор старался объяснить всё доходчиво:

– Принцип работы машины достаточно прост: в медальон с турмалином вставлена небольшая микросхема. Каждый гость на протяжении вечера носит на шее медальон, который замеряет энергетическое состояние человека и передает его машине. Большой кристалл турмалина принимает сигнал и посылает его, уже в виде электроволн, на общий диск. Система анализирует энергетический код человека и получает что-то наподобие индивидуальной энергетической формулы каждого. Кристалл турмалина, обладающий свойством производить энергию при контакте с энергией человека, получает обратно энергетическую формулу каждого гостя и в случае необходимости может так же через медальон послать ему дополнительный заряд его же энергетической формулы или, наоборот, ослабить существующий, если в этом есть необходимость. У каждого из десяти гостей есть личный куратор, который следит за его энергетическим состоянием.

Спартак Калинович долго и пространно рассказывал Гойе и Тарабену о многочисленных функциях и возможностях машины, после чего они разделились: Гойя отправилась посещать следующие залы лаборатории, а Тарабен остался вникать в действия машины.

I

МАГ

Шаг 64

Маска – это лицо одного выражения.

Соня, 8 лет

Гойя, попав впервые в такое место, была потрясена серьезностью, с которой здесь относились к каждой детали. С разрешения профессора Гойя отправилась гулять по костюмерным цехам.

– Душечка, вы, наверное, Гойя? – Навстречу ей из первого зала, куда она попала, выплеснулся немолодой юноша с нежной кожей и девичьей улыбкой на выбритом лице. – Белкин. Модельер, стилист, дизайнер одежды, создатель настроения, отражатель внутреннего мира... Как вам больше нравится. – Он улыбался самому себе.

– Очень рада знакомству. – Гойя пожала пухленькую деликатную ладонь модельера.

– Не пугайтесь, у нас тут такой ужас! – Белкин тянул гласные нараспев, при этом очерчивая глазами и бровями невозможные дуги. У него были фигурные брови, словно созданные именно для таких движений.

Гойе на секунду показалось, что он просто кривляется или проживает какую-то роль. Позже она удивится тому, что не ошиблась. Май Белкин действительно постоянно жил в той комической гротесковой роли, которую он сам себе «сшил» в юности, словно в насмешку над самим собой. Острый ум, хороший вкус, талант художника и тончайшее чувство юмора, объединенные в этом человеке, трансформировали его вот таким образом, помогли найти себя и остаться верным себе.

– Душечка, пойдете, я покажу вам наши «Авгиевы конюшни». – Он галантно подхватил Гойю под руку и увлек за собой по просторным залам костюмерных салонов.

Гойя шла за ним, рассматривая каждую мелочь. Ей казалось, что она спит и во сне видит всё происходящее. Она знала, что детали важны, особенно когда делаешь чудо. Но она и представить не могла, что есть множество людей, чья работа состоит в том, чтобы относиться серьезно к вещам, которые, в лучшем случае, просто вызовут улыбку у большей половины человечества...

– Значит, вот, душечка, ты уже, наверное, поняла, что все костюмы шьются по новейшим технологиям, но при этом полностью соответствуют аутентичному костюму каждого героя, вплоть до материала изготовления. Они с точностью до миллиметра подгоняются под наших дорогих гостей. – Май шел впереди, неторопливо виляя бедрами и показывая своей пухлой ручкой то в одну, то в другую сторону.

– А зачем нужно такое предельное сходство? – недоумевала Гойя.

– Как зачем? – Белкин резко остановился и развернулся к ней на каблуках так внезапно, что Гойя, не успев замедлить своего хода, чуть не сбила

его с ног. – Что значит зачем? – Он надул губы, сделал страшное выражение глаз. – Это же верх от кутюр! Это, можно сказать, вершина возмоооожного! Одежда не просто возрождается, душечка. Она возрождает того великого человека, который был в нее облачен. Вместе с костюмом мы стараемся передать человеку все те ощущения, которые испытывал Иван Грозный, когда он надевал это платье. И учитывая мноооожественные похождения наших дорогих гостей и выбранных великих людей, всё в совокупности должно дать уникаааальный результат.

– Вам необходимо, чтобы гость почувствовал себя Иваном Грозным по-настоящему? – Гойя внезапно ощутила слабое головокружение, словно кто-то сзади вцепился ей в затылок и слегка качнул. Она обернулась. На большом металлическом столе были разложены десять одинаковых медальонов на толстых золотых цепочках. Круглый ярко-малиновый прозрачный камень был вставлен в оправу из бриллиантов.

– Да, душечка, конечно, по-настоящему. Мы тут всё делаем, видишь ли, по-настоящему. Ибо за те деньги, которые нам плааают, по-другому и быть не может.

– Но зачем? – Гойя подошла к столу и взяла в руки один из медальонов. Состояние головокружения уступило место тупой головной боли.

– Тончайшая ювелирная работа. – Белкин надел один из медальонов себе на шею. Цепочка была достаточной длины, чтобы сам медальон оказался как раз в точке солнечного сплетения.

– Что это за камень? Рубин? – Гойя, преодолевая головную боль, любовалась камнем на свет.

– Нет, это турмалин. Турмалин, душечка, благотворно действует как на тело, так и на разум – Белкин стал расхаживать взад и вперед, с удовольствием погружаясь в образ учителя. – Он создает чувство покооооо и защищенности, он также способен пробуждать твоооорческие способности, вызывать жизнерааадостное настроение. Бесцветные турмалины очищают сознание, создают равновесие духовных и физических сил. Черные турмалины открывают дар предвииииидения. Зеленые турмалины ускоряют процессы мышлееения. Красные и малиновые турмалины приносят счастье и успех в любви мужчинам, повышааают их биоэнергию и укрепляет потеееенцию... – Он сделал многозначительную паузу. Гойя собралась было сказать ему комплимент о его познаниях, но он продолжил:

– Голубые турмалины в Индии считаются камнем Космоса, используются йогами и астрологами для получения информации от Выыыышнего разума. Розовые турмалины помогают несчастным влюбленным. Синие турмалины – камни мира и спокойного сна.

– Спокойного сна... – задумчиво повторила Гойя.

– Да, спокойного сна. Такой медальон получит каждый гость в качестве приглашительного на Бал. Он должен будет надеть его на себя и не снимать весь вечер. Мы специааально оформили камень в оправу из бриллиантов, чтобы по стилю медальон подходил под любой костюм. Обратите внимание, душечка, бриллианты серого цвета, а не белого. Это очень редкий камень.

Гойя вдруг поняла, что ее недомогание связано каким-то образом с этим камнем – турмалином. Как только она положила медальон на стол и отошла, ей стало немного легче.

– Май, вы сказали, что камень должен приносить счастье и повышать биоэнергию?

– Именно, душечка. – Белкин уже тянул ее дальше, не замечая ее состояния.

– Но у меня почему-то он вызывает головокружение. – Гойя недоумевала, но он не дал ей опомниться.

– Пойдемте тогда поскорее отсюда, я вам наконец-то покажу наши шедевральные костюмы!

Белкин буквально тащил Гойю за собой, сгорая от нетерпения. Они почти вбежали в следующий пошивочный цех. Здесь работали более двадцати человек. На пришедших никто не обратил внимания. Все были заняты делом. Гойя увидела, как делается на ткани вышивка настоящей золотой нитью, как вплетаются в нитку полудрагоценные камни и бисер. Белкин нежно поглаживал ткани пальцами и рассказывал Гойе об их происхождении: этот шелк был привезен из Китая, а вот эта тесьма – прямиком из Японии, ее делают только в одном месте мира. Эти страусовые перья были доставлены вчера, их еще надо красить в бордовый цвет и потом сверху наклеивать маленькие стразы.

Вот мастер по пуговицам, он отливает точно такие же пуговицы, как были на кафтане Людовика XIV, – из серебра с позолотой.

А это мастер-башмачник, приехал из Севильи. Почему оттуда? А потому что он уникальный, он делает только штучную обувь, и кожу для нее привозит только из одного места в мире. Говорит, что там – особый корм дают животным, чтобы кожа была мягкой. Зато мясо при этом практически не съедобное...

Май Белкин мог говорить часами без остановки. Несмотря на его манерность, доведенную до комичности, Гойю это почему-то не раздражало. Пока они сидели и пили невкусный кофе с корицей, он рассказал Гойе о своей семье.

Прадедушка был известным купальщиком и купал самого императора Александра. А дед был знаменитым танцором Парижской оперы. Пока Гойя пыталась вникнуть в смысл профессии купальщика, Белкин, заливаясь смехом, уже рассказывал ей, как чуть не стал врачом.

– Нет, душечка, вы и представить себе не можете! Мои родители развелись, когда мне исполнилось пять лет. После развода у них были сложные отношения, но оба меня безууумно, – он очертил бровями огромные дуги, – слышите? Безуумно любили! У меня, как вы можете догадаться, было хрупкое здоровье, и я часто болел. Так вот, именно тогда, когда я болел, родители объединялись и вместе везли меня в больницу или к врачу. – Май Белкин потянулся, как довольный кот.

– И с тех пор вы захотели стать врачом? – сдерживая улыбку, спросила Гойя.

– Нет, с тех пор я очень полюбил больницы и врачей. Но родители не поняли, что это для того, чтобы они были вдвоем со мной. Наверное, любой

любящий ребенок хочет, чтобы оба родителя были рядом. Но мои «старички» не сопоставили эти факты и просто решили, что я должен стать врачом.

– И как вы их смогли разубедить?

– А никак. – Белкин элегантно отпил кофе из маленькой чашечки, оставив в сторону пухлый мизинчик. – Я пошел учиться на врача. И отучился три года, а потом бросил.

– А как же вы стали стилистом после медицинского образования? – Гойя старалась держать чашку с кофе так же красиво, как Белкин, но ручка выскользнула, и она пролила полчашки себе на свитер.

– Я с детства рисовал всё подряд. Без конца, каждый день я рисовал всё что происходило в нашей жизни, – Белкин важно протянул Гойе салфетку.

– В смысле – всё подряд? – Гойя промокнула большое коричневое пятно.

– Ну, категорически всё: как я иду в школу, как мама печет блины, как сестра проливает чай. – Он кивнул Гойе, словно она и была его сестрой. – Такая летопись в картинках, знаете ли. – Он тихо засмеялся.

– А потом?

– А потом я стал рисовать чужие картины на свой манер. Ну, мне было тогда лет девять. Я смотрел на картины Пикассо, Дали, Ван Гога и рисовал то, что я видел.

– Вы копировали?

– Ничуть, я просто рисовал то же движение, но в своей манере, часто другими цветами и по-другому. И знаете что? Не все узнавали, что это картины Дали или Пикассо. Многие думали, что я – гений. – Он прикрыл ручкой рот и засмеялся.

– Но вы и вправду очень талантливый стилист! – Гойя говорила с энтузиазмом.

– Кстати, – он подскочил, – совсем забыл вам показать свои шедевры!

Май Белкин сломя голову понесся в кладовые, откуда один за другим стал выносить роскошные костюмы морепродуктов и фантастических райских птиц и животных.

Каждая подача блюд должна была сопровождаться балетом, исполняемым танцорами Парижской оперы. Эти костюмы создавались строго в соответствии с утвержденным меню.

Прощаясь с Белкиным, Гойя была наполнена его светлой энергией, оставляющей в душе такое тепло, словно она встретила старого друга после долгой разлуки.

Вечером Гойя улетела домой, а Тарабен решил задержаться в Праге еще на сутки. Они договорились встретиться в Падуе.

Гойя прилетела поздно вечером и домой добралась уже за полночь, но, несмотря на поздний час, сразу позвонила Фриде. Та не спала.

– Я ждала твоего возвращения.

– Фрида, прости за поздний звонок, но у меня столько впечатлений от поездки в Прагу! – Гойю переполняли эмоции.

– Больше, чем от поездки в Падую? – В голосе Фриды скользящая усмешка.

– Я даже не знаю. Я думала, что я одна такая сумасшедшая, но в моей профессии есть реально уникальные люди, и они делают такое, что мне и не снилось!

Гойя взахлеб стала рассказывать про профессора и энергетическую машину, про пошивочные цехи и Мая Белкина. Фрида слушала очень внимательно, иногда задавая короткие вопросы. Казалось, ее не удивляло то, что рассказывала Гойя. Наоборот, у Гойи создалось ощущение, что это она, Гойя, наконец, дошла туда, откуда Фрида вернулась давным-давно.

«Она знает всё наперед. Возможно, она даже знает, поправится Лив или нет. И просто не говорит мне об этом».

Шаг 65

суббота,
14 декабря 2013 года

В течение жизни этой, и не только этой, человек теряет себя по кусочкам. Он оставляет части своей души, которые оказываются привязанными к людям, местам, предметам. Теряя части своей души, мы теряем свою силу.

Гойя не любила день своего рождения. Она с какой-то маниакальной опаской ждала звонков и поздравлений от коллег и друзей. Ей казалось, что она должна сделать что-то особенное, как-то отблагодарить всех, кто о ней помнит, но пригласить людей на праздник у нее не хватало душевных сил. При своей богатой фантазии она совершенно не могла заставить себя сделать праздник для себя самой.

С самого утра она постоянно поглядывала на часы, торопя время, ожидая, когда же, наконец, она «выйдет» из опасной зоны «дня ее рождения» и окажется в нейтральных водах.

А самое неприятное заключалось в том, что в этот день Гойя словно «впускала» в себя всех своих ближних и дальних родственников, которые наперебой начинали говорить, объяснять, сожалеть и раскаиваться в чем-то, к чему Гойя напрямую не имела никакого отношения, но чему она была, если не прямой, то, безусловно, косвенной причиной.

Ей хотелось совсем другого: оглянуться и радостно принять то, что у нее, вокруг нее, внутри нее накопилось за прожитые годы, но вместо этого она видела только то, чего была лишена.

Словно только в этот день все ее «тараканы» вылезали наружу, как монстры из шкафа, и она не могла никуда спрятаться и была совершенно беззащитной. День этот был сильнее самой Гойи, ее воли и характера. Он накрывал ее и диктовал свои правила, которым она беспрекословно подчинялась, бесконечно страдая.

Учитывая профессию, Гойя стыдилась этого состояния и этого дня, но ничего не могла с собой поделать. Словно какая-то ужасная тайна нависала над ней, и ее необходимо было скрыть от чужих глаз.

В это утро Гойя никак не хотела просыпаться. Сон, словно обещая защитить ее от предстоящих волнений, хватал ее за краешек сознания каждый раз, когда она пыталась проснуться.

Наконец, окончательно открыв глаза, Гойя обнаружила, что пока всё не так плохо: Лив сладко посапывала под боком, телефон вел себя очень тихо. И вообще всё было как-то не так, как обычно. Сквозь щелочку в плотных шторах струился яркий и радостный свет зимнего солнца, выхватывая из су-

мерек комнаты разные предметы: крупные круглые бусы, висящие на носу деревянного аиста; лицо Девы Марии на овальной иконе; выразительные носы венецианских масок и ломаные силуэты прикроватных ламп.

Гойя села на кровати, обхватив подушку, прислушалась.

Ей на долю секунды показалось, что она слышит голоса. Но нет, кругом было очень тихо. Несмотря на эту полную тишину, она слышала, как дом, ликуя вместе со всеми обитателями, одушевленными и частично одушевленными или одушевленными только воображением Гойи, тянется к ней, льнет, словно большой теплый мохнатый зверь. Она зажмурилась и замерла в его ласковых лапах...

Электронные часы подарили ей цифру 08:08. Она улыбнулась подарку и, стараясь не разбудить спящую Лив, вышла из комнаты, тихонько прикрыв дверь.

На этот раз дверь спальни открылась легко и без шума. Пол не скрипел.

Собаки немедленно выбежали ей навстречу, радостно виляя всем телом.

– Да ладно вам, ребята! Подумаешь! Даже и не круглая дата. – Гойя погладила собак.

На завтрак ее ждали чудесные блинчики – фирменный подарок няни.

Лив проснулась спустя полчаса и принесла ей рисунок. На рисунке были нарисованы человек и конь, а сзади было написано, что это произведение искусства.

Шаг 66

вторник,
17 декабря 2013 года

Бизнес – дело интимное.

Платон позвонил Гойе с утра.

– Доброе утро, как настроение? – Голос у него был весьма довольный.

– Спасибо, всё отлично. А у вас? – Гойя ждала объяснения раннему звонку.

– Я послал к вам курьера, он привезет вам личные дела гостей. Еще раз хочу обратить ваше внимание на то, что это конфиденциальная информация. Ознакомьтесь с ней и, если возникнут вопросы, звоните.

– Возможно, мне не следует знакомиться с полным досье гостей. – Гойя смутилась. – Мне достаточно знать ряд их привычек и предпочтений и больше ничего.

– Вам не интересно знать, женат человек или нет, принимает ли он наркотики, есть ли у него дети, и почему он боится животных? – Платон, похоже, был искренне удивлен.

– Наверное, нет. – Гойя задумалась. – Мне не интересно знать, по каким причинам человек страдал. Мне важно понять, как сделать так, чтобы он улыбался.

– А разве можно сделать так, чтобы человек улыбался, не зная причин, по которым он страдал? Разве это не связанные вещи? – Платон говорил вкрадчиво, или так показалось Гойе.

Она промолчала.

– Возможно, в этом и есть великая тайна любого праздника, – подытожил он.

– Не думаю. – Гойя больше не сомневалась. – Простите, но я не могу с вами согласиться. Для того чтобы понять, почему человек страдал, и помочь ему, надо заставить его задействовать свои собственные силы, а это забота психолога. Для того чтобы человек улыбался, ему просто можно отдать свои силы, ничего не требуя от него взамен. Это пассивное состояние, а не активное. Мне так кажется. Это я умею делать...

– Красиво. – Платон задумался. – Я подумаю над этим. Держите меня в курсе, как получите пакет, и звоните по необходимости.

– Да, конечно. – Гойя задумчиво положила трубку.

Через пару часов Гойя получила из рук взъерошенного рыжего курьера пухлый пакет, внутри которого оказалась папка с написанным на ней крупными буквами словом «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО».

Платон предупреждал ее, что в целях безопасности и сохранения конфиденциальности только он сам имеет доступ к полной информации о гостях. Все сотрудники лаборатории работают сегментарно и имеют доступ только к своему сегменту.

В папке находилась подробная информация о каждом из десяти гостей Бала, собранная в отдельные файлы из разноцветного картона.

Гойя отправилась на кухню, достала из старинного буфета самую большую кружку, которую нашла, и заварила себе крепкий кофе.

Усевшись в салоне на диван, она с удовольствием открыла папку и стала изучать то, что службы Платона сочли важным указать про каждого гостя мероприятия.

В каждой папке было по пятнадцать-двадцать страниц, испещренных какими-то графиками, цифрами и комментариями. Имен гостей указано не было, они значились под именами своих исторических персонажей, которые были для них отобраны.

На первой красной папочке было написано крупными черными печатными буквами: «Наполеон Бонапарт».

Раскрыв ее, Гойя прочитала:

«Исходные данные: гражданство США, владелец компьютерной компании. Позднее вкладывал деньги в телекоммуникации, интерактивные средства массовой информации и в производство компьютерных развлечений.

Сензитивность*: (от 1 до 10) 8

Реактивность / Активность (от 1 до 10) 3

Пластичность / Ригидность (от 1 до 10) 2

Темп реакций (от 1 до 10) 9

Экстраверсия / интроверсия (от 1 до 10) 2/8

Эмоциональная возбудимость (от 1 до 10) 2

Семейное положение: женат, второй брак, трое детей, с женой отношения – 3/10.

Средний ребенок погиб три года назад при непонятных обстоятельствах.

* **Сензитивность** определяется тем, какова наименьшая сила внешних воздействий, необходимая для возникновения какой-либо психологической реакции.

Реактивность характеризуется степенью непроизвольности реакций на внешние или внутренние воздействия одинаковой силы (критическое замечание, обидное слово, резкий тон — даже звук).

Активность свидетельствует о том, насколько интенсивно (энергично) человек воздействует на внешний мир и преодолевает препятствия в достижении целей (настойчивость, целенаправленность, сосредоточение внимания).

Соотношение **реактивности** и **активности** определяет, от чего в большей степени зависит деятельность человека: от случайных внешних или внутренних обстоятельств (настроение, случайные события) или от целей, намерений, убеждений.

Пластичность и **ригидность** свидетельствуют, насколько легко и гибко приспосабливается человек к внешним воздействиям (пластичность) или насколько инертно его поведение.

Темп реакций характеризует скорость протекания различных психических реакций и процессов, темп речи, динамика жестов, быстрота ума.

Экстраверсия, интроверсия определяет, от чего преимущественно зависят реакции и деятельность человека — от внешних впечатлений, возникающих в данный момент (экстраверт), или от образов, представлений и мыслей, связанных с прошлым и будущим (интроверт).

Эмоциональная возбудимость характеризуется тем, насколько слабое воздействие необходимо для возникновения эмоциональной реакции и с какой скоростью она возникает.

После этого – антидепрессанты и алкоголь.

Гастрономические привычки: белое вино, вегетарианец. Рыба (сом и до-рада), не курящий.

Цветовые и вкусовые особенности: цвета – серый, бледно-голубой и темно-коричневый, запахи – только травяные.

Предпочтение неяркому свету.

Личное пространство оценивается как максимальное».

Следующая папка была оранжевого цвета, на ней значилось: «Иван Грозный». Гойя пропустила все цифровые графики и углубилась в детали, имеющие отношение к ее работе.

«Гражданство Норвегия, финансист, заслуживший репутацию “захватчика компаний”».

Лидер, сосредоточенный на сути проблемы, с трудом признает ошибки, должен быть правым во всем, честолюбив, сильный эгоцентризм, направленность на себя, вспыльчив.

В детстве – единственный сын знаменитой матери, у которой никогда не было времени на своего ребенка. Отец также был постоянно занят собой. В пять лет пережил психологическую травму – отправленный в лагерь на море, получил от матери посылку с надувной лягушкой. Воспитательницы сочли некорректным отдать игрушку имениннику, а решили, что сначала вся группа должна в нее поиграть. В итоге – порванная игрушка и рана в душе.

Семейное положение: разведен, сын от первого брака, многочисленные связи.

Гастрономические привычки: мясо с кровью, красное вино не моложе пятнадцати лет (не больше трех бокалов), затем виски и только трехсолодовый. Не ест морепродуктов, редко ест рыбу.

Цветовые и вкусовые предпочтения: не выносит громкую музыку и запах пачули. Астматик. Не курит. Не любит яркие цвета.

Личное пространство оценивается как среднее».

Третья, желтая папка была посвящена гостю под именем «Император Нерон». Гойя прочитала:

«Гражданство Великобритания, компания звукозаписи.

Непоследовательность, непредсказуемость, живой интерес к происходящему, смелость, спортивный экстрим.

Чрезмерная доверчивость, внушаемость.

Семейное положение: женат, третий брак, двое детей от первых двух браков.

Многочисленные гетеро и гомосексуальные связи.

Гастрономические привычки: гурман. Морепродукты и шампанское.

Курит сигары.

Аллергия на грибы и арахис. Любит танцевать.

Цветовые и звуковые предпочтения: классическая музыка и спокойный лаунж, в детстве слушал Секс Пистолз, любимый цвет – зеленый.

Бойтся крупных животных, но тщательно это скрывает. Акрофобия.

Личное пространство оценивается как максимальное».

Четвертая папка была зеленой с надписью: «Клеопатра».

Гойя отпила горький кофе из кружки и погрузилась в чтение:

«Гражданство Великобритания, нефтяные разработки. Известна также как человек, сменивший американское подданство на британское, носящая титул Герцогини и постоянно передающая огромные суммы денег британским церквям и музеям.

Высшая цель – люди и их благополучие, коммуникатор, высокая чувствительность, образное мышление, интуиция, психолог.

Принимает антидепрессанты уже более пяти лет, употребляет легкие наркотики в умеренных дозах.

В возрасте семи лет сталкивалась с проблемой педофилии.

Семейное положение: не замужем, связей нет последние три года. Детей нет, курит тонкие сигареты с запахом кофе.

Гастрономические привычки: сырое мясо или слабо прожаренное, козий сыр и слегка обжаренная свекла. Любимое блюдо – цесарка. Шампанское, вино только белое, умеренно.

Цветовые и звуковые предпочтения: умеренный теплый свет, свечи, музыкальных пристрастий нет.

Личное пространство оценивается как среднее, может доходить до минимума».

Пятая папка была изумрудного цвета, и на ней было написано: «Король Артур».

«Самый богатый человек планеты, один из основателей и бывший президент компьютерной корпорации.

Семейное положение: женат, второй брак, четверо детей. Проблема со старшим сыном (наркотики).

Первая жена умерла от рака, сильное потрясение и шок.

Гастрономические привычки: вегетарианец, любит сладости (мороженое и шоколад). В присутствии других людей пьет мало. Один – напивается. Не выносит запаха табака.

Цветовые и звуковые предпочтения: бежевые и коричневые тона, джаз, звенящие звуки.

Увлечения: яхты, конные прогулки, гольф, шахматы».

В шестой голубой папке хранилась информация о госте под именем «Екатерина Медичи»:

«Одна из наиболее значительных современных медиамагнатов США. Владеет основными телевизионными сетями. Свои миллионы заработала, сделав бизнес на группе независимых телевизионных станций.

Является одной из наиболее щедрых мировых “благотворителей”. В среднем жертвует различным фондам до одного миллиарда долларов в год, причем большая часть денег идет на развитие медицины и на поиски новых вакцин.

Семейное положение: вдова, трое сыновей.

После смерти мужа вступила в секту сатанистов.

Гастрономические привычки: рыба, курица. Морепродукты, в особенности морские ежи, шампанское. Не расслабляется в мужской компании.

Интроверт. Эзотерик. Имеет слабость к юношам до тридцати лет.

Цветовые и звуковые предпочтения: белый и контрастный синий, духовые инструменты, тибетские звуки, звуки природы».

Седьмая папка была синей, на ней значилось: «Кардинал Ришелье».

«Немецкий миллиардер, основатель крупной сети бакалейных магазинов, торгующих со скидкой. Это предприятие контролирует шестьдесят пять процентов немецкого рынка бакалейных продуктов. Самый богатый человек в Европе.

Также является большим поклонником спорта.

Семейное положение: холост, официальных детей нет, есть два внебрачных ребенка, с ними практически нет связи.

Гастрономические привычки: пиво и колбаски – любимое блюдо, но приучает себя к правильному питанию.

Цветовые и звуковые предпочтения: Бах, Шопен, опера, классическая струнная музыка. Лютня.

Сам играет на лютне. Предпочтение слабому освещению, удобной мебели и темным тонам во всем (одежда, интерьер)».

Восьмая папка была фиолетовой, и на ней было написано: «Мария-Антуанетта».

«Владелица итальянского косметического холдинга, перешедшего к ней по наследству от отца.

Семейное положение: замужем, муж старше на пятнадцать лет. Брак по любви, двое своих детей от первого брака и трое детей мужа. Совместных детей нет.

Гастрономические привычки: биопродукты, не любит молекулярную кухню. Не выносит запаха трюфеля. Аллергия на манго и экзотические фрукты.

В детстве прожила пять лет в Индии, где однажды упала в сточную канаву. После этого долго болела и как результат – повышенная брезгливость и страсть к чистоте.

Цветовые и звуковые предпочтения: в детстве занималась балльными танцами, хорошо танцует и любит танцевать, в связи с этим – любая ритмичная музыка, приглашающая танцевать.

Блестящие цвета (золото, серебро, бронза, желтый, оранжевый).

Боится полных женщин».

Девятая папка была коричневой, и на ней было написано: «Гай Юлий Цезарь».

«Владелец крупной гонконгской корпорации (самый богатый человек в Китае). В основном прибыль приносит развитие инфраструктуры (мосты,

тоннели, электростанции, телекоммуникации). В предприятие также входят агентства, торгующие недвижимостью, компании, производящие сталь, фармацевтические фирмы и т. п.

Семейное положение: женат, третий брак, дети от первого брака – два, от второго – два, от третьего – один ребенок.

Отец пытался сделать из сына самурая, но сын не оправдал надежд отца и позорно сбежал от учителя ночью после первой физической схватки со сверстниками.

Тем не менее, спустя год пережил уличное нападение, следствием которого была сильная травма позвоночника. Находился в больнице почти год. С тех пор очень беспокоится о своем здоровье.

Регулярно принимает гомеопатические препараты.

После этого исчез более чем на пять лет, во время которых отправился на Тибет в буддистский монастырь. По возвращению воссоединился с отцом, который умер год спустя, оставив сыну всё свое состояние.

Гастрономические привычки: традиционная китайская кухня, итальянская кухня. Не употребляет алкоголь. Не курит.

Цветовые и звуковые предпочтения: фиолетовый и темно-красный цвета, аллергия на синтетические ткани, поэтому носит только шелк, хлопок, шерсть».

Десятым гостем из черной папки был «Чингисхан». Гойя без труда узнала в нем своего заказчика – принца Али.

Про него было сказано следующее:

«Член королевской семьи Саудовской Аравии, частный предприниматель и инвестор. Имеет самые крупные вложения в американские корпорации во всем арабском мире. Особое внимание уделяет беспроводной телефонии и интернет-коммуникациям (важную часть бизнеса составляет также недвижимость, самый влиятельный из миллиардеров на Ближнем Востоке).

Новорожденный, как утверждают врачи, принимавшие роды, сжимал в ладони сгусток крови, что предвещало ему славное будущее властелина мира.

В детстве укусила змея, на протяжении месяца находился между жизнью и смертью, а следующие два месяца был практически полностью парализован.

С дарованиями полководца соединяет организаторские способности, непреклонную волю и самообладание. Щедрость и приветливость достаточны, чтобы сохранить привязанность своих партнеров. Не отказывая себе в радостях жизни, остается чужд излишествам, несовместимым с деятельностью правителя и бизнесмена.

Семейное положение: холост.

Гастрономические привычки: мясо – баранина, говядина.

Цветовые и звуковые предпочтения: фиолетовый, лиловый и золотой».

Шаг 67

воскресенье,
29 декабря 2013 года

Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это.

*Михаил Булгаков,
«Мастер и Маргарита»*

Этой ночью Гойя почти не спала. В голове бесконечным потоком крутились образы людей, музыка, голоса. Она судорожно перебирала в мыслях каждую минуту программы, проверяла ее своевременность, прислушивалась к своим ощущениям.

Словно музыкант, настраивающий свой инструмент, она отлаживала каждый звук этого праздника.

В пять утра, когда прозвонил будильник, она лежала с открытыми глазами, пытаясь рассмотреть на балках потолка какие-то знаки, получить какой-то сигнал о том, что всё пройдет хорошо, услышать чей-то голос, который бы успокоил, унял внутреннюю дрожь.

Она вспомнила почему-то, как в детстве ее восхищало, что у взрослых утром – одно лицо, а вечером – другое. Она по утрам рассматривала свое лицо, но оно было совершенно такое же, как и вечером. А ей так хотелось с утра быть заспанной, с помятыми щеками и маленькими щелочками вместо глаз. Это было такое детское чудо.

Лив спала, причмокивая губами, от нее веяло теплом и печеньем. Гойя потерялась о теплую ладошку дочери, перебрала пальчики, поцеловала.

Рядом на подушке в аккуратном порядке спали два муравьеда – Бернабик и Теодор, привезенный из Вьетнама тигр и енот по имени Бернар.

Пора идти, вставать, начинать. Она боялась расплескать себя по комнате, тихо села, долго смотрела на свои голые ноги, щупая пальцами пол. Потом встала, прислушиваясь к тишине дома, сделала два шага к двери. Обычно упрямая, она открылась охотно и без шума.

Пол перестал скрипеть. Гойя побрела в душевую. Горячая вода включила одновременно мысли, кожу и мышцы.

«Я справлюсь, всё получится. Даже дом мне помогает. Не может быть по-другому».

Чемодан был собран уже неделю тому назад.

Собака лизнула руку «королеве» Гойе.

«Опять не дождалась, когда Лив проснется...»

Няня незаметно перекрестила Гойю, когда та уже бежала к машине.

Самолет взлетел ровно в семь, ни одной минуты опоздания. При самом дешевом тарифе это выглядело почти вызывающе.

В самолете Гойя пыталась выровнять жизненный темп. Поиграла в игру на телефоне, полистала глянцевый журнал, послушала разговоры двух женщин, сидящих рядом, о воспитании детей. Время немного притормозило, дышать стало легче.

Ребята должны были прилететь на следующий день, у нее в запасе были целые сутки, чтобы осмотреться самостоятельно. Это всегда было для нее важным. К тому же в Падуе уже неделю работал Тарабен.

В аэропорту Венеции Гойю ждал высокий человек «без лица» в черном костюме с табличкой, на которой было написано ее имя. Он кивнул, молча подхватил ее чемодан и жестом пригласил следовать за ним.

Машина медленно выезжала из аэропорта на трассу.

Обрывки музыки, которые Гойя записывала для Бала, перемешивались в голове с голосом Лив, с болтовней няни и лаем собаки... Размотать этот клубок не получалось.

«Пусть пока будет так, оно само должно как-то "устаканиться"».

– Палаццо дела Раджоне или отель, синьора? – Это была единственная фраза, которую Гойя угадала по движению губ водителя в зеркале.

– Давайте сразу во Дворец. – Гойя взглянула на часы – сейчас должны были монтировать декорации. Звук и свет уже установлены. Надо было ехать.

Водитель едва кивнул и превратился в часть машины.

Через сорок минут они остановились перед входом во Дворец Разума.

Гойя вышла из машины. Водитель же, словно в рапиде, открыл багажник и достал ее чемодан.

– Спасибо за все. – Гойя быстро взглянула в лицо человека «без лица».

«Венеция. Маски. Интересно, почему он сегодня не надел? А может, он, как и я, – ему тоже лень "краситься"? Или не нужно просто?»

Она взяла чемодан и медленно стала подниматься по длинной лестнице.

– Я приеду за вами через три дня, чтобы отвезти вас в аэропорт. – Голос прозвучал, как обещание чуда.

Гойя остановилась. Обернулась. Машина уже отъехала.

«Скорей бы», – подумала Гойя и взялась рукой за бронзовый молоток.

«Любое творчество – это побег от осторожности», – Гойя успела подумать об этом, пока шла по длинному узкому коридору с низким потолком. В небольших нишах, на одинаковых расстояниях по всей стене, были расставлены свечи в глиняных плошках.

Коридор заканчивался второй дверью, такой же старой и скрипящей, как и первая. Гойя нажала на ручку и оказалась внутри довольно большого помещения. Сразу стало понятно, что это уже не кулисы, а официальные помещения Дворца: на стенах висели темные портреты в массивных золоченых рамах, потолок был расписан ангелами и облаками. Мелкий, слегка потемневший от времени паркет мягко поскрипывал под ногами. Посреди не зала стоял длинный стол из темного дерева с массивными стульями. На столе были разложены какие-то планы и чертежи. Вокруг стола прямо на полу высокими стопками были сложены книги. Свет проникал в помещение с улицы через узкие высокие окна с витражами. Тарабен, сидящий за

столом, обернулся и радостно вскочил ей навстречу. Поверх белоснежной сорочки на нем было надето что-то наподобие халата – шелковое и широкое, перевязанное тугим кожаным поясом с тяжелой пряжкой на талии. Голову украшала небольшая круглая шапочка-пирожок.

«Так он похож на Нострадамуса. – Гойя вспомнила портрет великого астролога на книге, которую купила. – И этот антураж... Словно откуда-то из прошлого».

– Наконец-то! – Тарабен, похоже, был искренне рад ее видеть. – Я так устал за эти две недели от этих маленьких, подробных людей! – Он обнял Гойю.

– Вы не похожи на измученного работой человека.

Гойя с удовольствием рассматривала шелковый узел яркого платка, заправленного в ворот рубашки и заколотого рубиновой булавкой... Усы Тарабена были подкручены вверх, и от него, как обычно, нестерпимо пахло ландышами. Гойя обожала ландыши, но никак не могла увязать этот запах с человеческим, особенно с мужским...

– Послезавтра настанет самый главный день, к которому лично я уже три года готовлюсь. И да, я устал, даже если это не видно непосвященным...

В голосе скользнула обида. Гойя уже была готова броситься исправлять ситуацию, но Тарабен хитро улыбнулся и переключился на другое.

– Гости почти все уже прибыли. Вчера кое-кого я встретил в баре отеля «Даниэли». Все остановилось в Венеции – в Падуе нет достойных отелей. Костюмы доставлены им в номера. Белкин прибыл позавчера и с тех пор, говоря простым языком, выносит мне мозг относительно каких-то исторических деталей костюма Наполеона, которые он, видите ли, упустил из виду. Иногда мне начинает казаться, что кругом – одно сплошное сборище нездоровых людей.

– Странно, что именно вы об этом говорите. – Гойя улыбнулась. – Вы проводите меня в зал?

– Разумеется. – Тарабен галантно распахнул двустворчатую дверь.

Пока они шли к бальному залу, Тарабен рассказал Гойе последние новости.

X V

ДЬЯВОЛ

Шаг 68

понедельник,
30 декабря 2013 года

Детство – это восход судьбы
в человеческой жизни.

Соня 8 лет

Главный зал Дворца Разума было трудно узнать. Весь потолок и стены были покрыты тонкой сеткой, словно паутиной, и поделены на сектора. Тарабен изначально планировал, что декорации зала так же, как и его освещение, будут меняться по ходу вечера. По периметру потолка на специальные рельсы устанавливались видеопроекторы, которые потом тщательно прятались в блоки лепнины, добавленные поверх настоящих барельефов и сделанные из папье-маше. Но снизу они ничем не отличались от оригинальных.

– Я всегда очень боялась работать в таких исторических местах, – восторженно произнесла Гойя. – Так важно не испортить ничего, и совершенно непонятно, как и куда крепить то, что необходимо.

– В наше время это перестало быть проблемой. Гойя, сегодня всё можно нарисовать. Вы даже не представляете, насколько это просто. Посмотрите на потолок.

Гойя подняла глаза.

– В начале XIV века Джотто расписал стены и потолок этого зала фресками. На потолке было изображено ночное небо и семь тысяч звезд, а по стенам шли астрологические фрески. Во время большого пожара в 1420 году фрески и потолок полностью сгорели, но фрески были восстановлены почти досконально в 1425 году.

– А ночное небо и семь тысяч звезд? – Гойя, задрав голову, смотрела на потолок.

– Терпение. Ураган 1756 года полностью разрушил крышу Дворца, и в течение десяти лет фрески находились под открытым небом. Можно только предположить, в каком состоянии они были.

– Вы вернули звезды на место? – Гойя восторженно вглядывалась в деревянное покрытие купола, обитое по всему периметру тончайшей сеткой.

– Я попробовал мыслить так, как мыслил Джотто. И вот что у меня получилось.

Тарабен подал знак рукой кому-то в глубине зала, и внезапно освещение в зале начало изменяться, словно ускорился световой день и солнце стало быстро заходить. Лики святых и прочих персонажей на стенах приобрели золотистый оттенок, а потом стали погружаться в голубые сумерки вечера. Купол огромного Дворца Разума сначала покрылся дымкой, словно настоящие облака проплывали низко и скрывали небо, но спустя несколько секунд, они рассеялись и на небе, которое еще в конце зала отливало ярким цветом заката, начали одна за другой зажигаться звезды.

Гойя выдохнула не сразу. Это было настолько реалистично, что она была в замешательстве.

– Как вам удалось это сделать? Эти облака... Они как настоящие. Откуда да... – Она недоумевала.

– Это несложно, Гойя. Мы установили несколько датчиков тяжелого дыма наверху, и благодаря горизонтальным потокам воздуха, выходящим из вентиляционных трубок, которые проходят по периметру зала, можно регулировать движение дыма максимально точно. Ну, а видеопроекция дальше сделала остальное. Кстати, звезды строго соблюдают строение звездного купола.

– Боже, это невероятно! Это волшебно!

– Но это еще не всё. Согласно вашей программе и семи артистам, которые будут выступать на вечере, фрески на стенах будут оживать и сопровождать ваших артистов, с тем чтобы усилить эффект, который должно произвести их выступление.

Гойя смотрела на Тарабена, как на великого волшебника. Этот человек творил поистине настоящие чудеса. Тарабен снова подал кому-то знак и жестом пригласил Гойю посмотреть на северную стену Дворца. Она заметила, как начали изменяться лица персонажей на фресках. Внезапно Тарабен громко хлопнул в ладоши, и всё остановилось. Лицо его изменилось, Гойя чувствовала, что он в ярости.

– Что-то не так, Тарабен? По-моему, все очень красиво! – Гойя старалась изо всех сил его успокоить, но было поздно. Он уже завелся и не мог остановиться.

– Это невозможно! – кричал Тарабен в сторону технической зоны. – Я боролся с вами четыре дня и объяснял вам сто раз, что мне не надо рисовать сверху Джотто – он уже все нарисовал. Мне надо только продолжить движение его персонажей. А вы что делаете? Мероприятие завтра, а я должен еще сегодня всё корректировать! – Он побежал в техническую зону, на ходу махнув Гойе.

Пока техники получали взбучку и что-то корректировали, Гойя обходила зал, в котором устанавливались столы и стулья для ужина.

Команда официантов, накрывающих столы, строго соблюдала указания, которые были прописаны для каждого стола в отдельной толстенькой папке. На каждом столе были свои цветочные композиции и свечи, свои приборы и свой фарфор.

Лу настраивал звук и микрофоны в зале, как всегда громко и занудно. Ирма проверяла таблички с именами гостей и следила за правильной сервировкой каждого из столов.

Тарабен снова включил видеопроекции, и Гойя с восторгом наблюдала, как медленно двигаются персонажи, переплетаясь между собой, как вспыхивают за их головами яркие, и не очень, нимбы. Она уловила усмешку на губах одного из апостолов, грусть в глазах другого. Фрески жили и дышали... И по мере того как Гойя двигалась по залу, движение это словно сопровождало ее. К ней подошел Тарабен.

– Они могли бы и разговаривать между собой, – усмехнулась она, с восторгом глядя на Тарабена.

– Это было бы возможно, но тут это лишнее – слишком много народу. – Тарабен рассмеялся. – Персонажи с картин бывают такими болтливыми, уж поверьте мне на слово...

Вслед за техниками и флористами во Дворец начали прибывать артисты. Ирма всех провожала в гримерную зону, которая находилась в отдельном здании, соединенном переходом с главным залом Дворца Разума. Репетиции каждого артиста были заранее распланированы, но, как всегда, они не укладывались в отведенное им время и собирались в главном зале в ожидании своей очереди. Гойя уже привыкла к этому, это было чем-то вроде негласной традиции – собраться всем вместе и посмотреть, как репетируют другие.

Первым прибыл фокусник Виктор с десятком молодых людей, одетых в черное. Они собрались в углу зала и что-то обсуждали. Гойя приветствовала их издали, боясь приближаться к фокуснику. Но, наблюдая, как Ирма спокойно разговаривает с ним, тоже подошла поздороваться. Ничего не произошло. Виктор смотрел на нее совершенно обычно, она перестала ощущать какой-либо дискомфорт от его взгляда, за что была ему бесконечно благодарна.

Пока фокусник репетировал, никто не мог находиться в зале, кроме технической команды. Ирма пригласила всех артистов спуститься на площадь и выпить кофе в знаменитом кафе Redroschi. Гойя пошла со всеми, планируя еще раз обговорить с каждым в отдельности и со всеми вместе общую идею вечера и задачу каждого.

Ирен крепко обняла ее, как родную.

Эрмин привез Гойе коробку домашних печений от своей матери и большой привет от отца.

Кожан сразу нашел общий язык с Эрмином, они чем-то были похожи – два лесных жителя: один – добрый гном, а второй – добрый леший.

Акробаты Лео и Алекс держались поодаль от всех. Алекс, казалось, сильно нервничал, он всё время курил и иногда кидал резкие реплики Лео, смысл которых был понятен только его брату.

Нинель и Ника заказали зеленый чай и тихо беседовали в уголке. Они встречались только на мероприятиях Гойи, но каждый раз как близкие подружки с удовольствием делились новостями. Вскоре к ним присоединилась и Ирен.

Ларри приехал последним и зашел в кафе только поздороваться, все его люди ждали на улице. Лошади находились в двух больших фурах, которые не смогли проехать ко Дворцу и остановились возле площади дельла-Валле, откуда он планировал привести их во Дворец своим ходом.

Гойя попросила минуту внимания, когда все собрались. Артисты притихли, все взгляды обратились к ней. Гойя почувствовала, как каждый из артистов словно бросил ей канат – канал, по которому она имеет право проникнуть внутрь... Гойя говорила спокойно и уверенно:

– Друзья, нам завтра предстоит очень важное выступление. Для меня это – самое важное мероприятие, которое я когда-либо проводила. И, как бы оно не прошло, я хочу поблагодарить всех вас за то, что вы согласились

принять в нем участие. – По залу кафе прошел легкий шорох. – Я пригласила всех вас принять участие в этом мероприятии не просто потому, что вы – великолепные артисты, – голос Гойи дрогнул, – а потому, что каждый из вас живет своим талантом и полностью отдан ему. Люди, для которых мы будем выступать в этот раз, уже видели множество уникальных номеров и могут себе позволить лично пригласить на любое свое мероприятие любую труппу или любого артиста, существующего на земле. – Гойя сделала паузу. – Наша задача – не просто показать им красивый номер, а увлечь их в вашу стихию, в ваш мир так, словно они сами являются частью вашего номера. Только этим мы можем их удивить. – Гойя встретила глазами с Ирен, которая ей улыбнулась и кивнула.

– Вы все прекрасно знаете, что такое магия искусства и энергия праздника. Благодаря вам мне удастся создавать то волшебство, которое позволяет гостям принять вашу яркую энергию и отдать вам свою. Этот обмен и является смыслом и успехом любого мероприятия. Но гости нашего мероприятия – не совсем простые люди. И в этот раз нам придется исходить только из нашей энергии и наших сил, рассчитывать только на самих себя. Если вы сумеете вернуть себе энергию, значит, вы смогли сделать чудо. Если же мы не сможем сделать так, чтобы люди отреагировали, я вас прошу, по крайней мере, сказать себе, что вы сделали всё, что в ваших силах, чтобы у нас это совместно получилось.

Образовалась пауза, во время которой Гойя почти физически ощутила, что думает обо всем сказанном каждый из артистов. Она не ждала никакого ответа, но Кожан сказал за всех:

– Гойя, мы понимаем, сколько сил и ресурсов было потрачено на это мероприятие, и будем стараться быть на высоте. Ты же знаешь, по-другому никто из присутствующих не умеет. – Он весело засмеялся и разрядил обстановку.

Репетиции продолжались до поздней ночи. Когда все столы были накрыты, Гойя сверяла с каждым из артистов траекторию его движения в момент выступления, слушала музыку каждого номера, меняя каждый раз стол, садясь на главный стул за каждым из них.

Остаток вечера и часть ночи прошли с поваром, летающими девушками-гимнастками и командой официантов, с которой Гойя обсуждала сервис за столами и еще раз проверяла все гастрономические пристрастия десяти главных гостей. За каждым из десяти главных гостей были закреплены по два официанта и по одному сомелье.

В четыре часа утра Тарабен настоял на том, чтобы Гойя отправилась спать. Все уже уехали в Венецию, они остались во Дворце вдвоем. Гойя в сотый раз перечитывала сценарий и делала поправки, Тарабен обрисовывал лицо последнего из апостолов.

– Если вы не поспите хотя бы два часа, ваш мозг завтра откажется работать на сто процентов. Вы уверены, что вам хватит? – Тарабен умел находить слова, заставляющие Гойю задуматься. Она закрыла папку и убрала ее в портфель.

– Да, пожалуй, пора ехать в гостиницу.

– Я всё забываю вас спросить, когда приезжает ваша ... э... ясновидящая? – Тарабен помог Гойе одеться и теперь стоял перед ней в фетровой шляпе и длинном пальто, похожий на дядюшку Сэма.

– Завтра. – Гойя сжалась внутри при мысли о завтрашнем дне и Лив.

– Я буду рядом, – сказал Тарабен, закрывая на ключ главный вход в зал Дворца Разума.

Шаг 69

вторник,
31 декабря 2013 года

Бесплатно –
очень дорогое слово.

Костюмы гостей были доставлены в номера отелей накануне, немедленно по прибытию главных участников Бала в Венецию. Каждый костюм главного гостя был бережно упакован в некое подобие вертикального кофра-шкафа, сделанного из драгоценных пород дерева, на котором, помимо великолепного бронзового скульптурного замка в виде змеи, обвивающей шею цапли, красовался герб исторических персонажей, выбранных для них. Кроме самого праздничного костюма, в специальное отделение кофра в бархатные мешочки были бережно уложены все аксессуары – от нижнего белья до обуви и головных уборов. Для каждого главного гостя полагалась, в дополнение к костюму, шпага, скипетр или кинжал – в зависимости от эпохи и выбранного героя. Все эти предметы были выкуплены на аукционах Drouot или Sotheby's и являлись реальными атрибутами каждой эпохи. Их упаковали отдельно в красивые шкатулки и коробки. Остальные девять костюмов для сопровождающих лиц доставлялись в плотных матерчатых чехлах, а аксессуары к ним – в кожаных сумках. Медальоны с турмалином были отправлены лично каждому из гостей за месяц до проведения Бала вместе с приглашением, написанным рельефными золочеными буквами на великолепной бумаге с золотым кантом и специальным матовым покрытием, сделанным по последним технологиям шелкографии.

Ровно в семь часов вечера за гостями в Венецию прибыли гондолы. Гондольеры по такому случаю сменили обычные соломенные шляпы на черные маски Пульчинеллы и длинные атласные черные плащи.

На носу каждой гондолы был зажжен большой старинный фонарь. Пахло конопляным маслом.

Гондольеры доставляли гостей на материк, где их уже ожидали лимузины. Водители машин почтительно распаивали дверцы сверкающих «бентли» и «ролс-ройсов».

Приблизительно через сорок минут пути гости оказывались в Падуе. Машины останавливались близ полуразрушенной средневековой стены города, где гостей встречали «Гигантские фонарики» – сказочные венецианские персонажи на ходулях, с масляными фонарями в руках. Они двигались плавно, молча, издавая при ходьбе переливчатый звук колокольчика. От запаха конопляного масла, звука колокольчика и длинных угловатых теней фонариков, скользящих по древним обломкам стен, создавалась атмосфера «Великой Тайны», в которую каждый гость погружался, словно в бокал с шампанским, пересаживаясь из лимузина в элегантный экипаж.

Каретный мастер Эрмин настолько точно подобрал кареты для каждого из десяти гостей, что, казалось, сама эпоха встречала своего героя. Гости

прибывали в окружении свиты и рассаживались в две кареты: четверо гостей во главе с главным гостем – в первую, более шикарную, а остальные – во вторую, попроще и попросторнее.

Первая карета была тяжелее из-за изысканных барельефов и декоративных элементов, согласно каждой эпохе, которые Эрмин добавил на фасад. В нее были впряжены четыре лошади. Вторую карету везли только две лошади, хотя гостей там было больше.

Кареты медленно двигались по задуманному маршруту города, делая почетный круг на площади дельла-Валле, где Гойя устроила для гостей небольшой сюрприз: статуи стояли только на семидесяти трех из восьмидесяти восьми существующих постаментов, и Гойя использовала пустые постаменты для того, чтобы поставить на них живых артистов, загримированных под статуи. Они должны были совершать легкое, едва заметное движение при приближении того или иного гостя, согласно персонажу и его истории.

Спустя пять минут кареты доставляли гостей на площадь дельла Фрутта, где по периметру горели бра Zero и факелы, отбрасывая веселые ломкие тени на старинные фасады зданий и булыжную мостовую.

Как только кареты останавливались, к ним приближались фантастические персонажи в золоченых ливреях с головами собак. Они распахивали дверцы и с почтением провожали гостей до главной лестницы Дворца. С двух сторон от лестницы при их приближении включались фонтаны, образующие высокую водную арку, сквозь которую гости попадали на лестницу. При появлении каждого нового гостя в окружении свит водные струи меняли цвет.

Тарабен оборудовал каждую из двадцати одной ступени лестницы звуковым детектором. Таким образом, каждое прибытие гостей и их подъем по лестнице сопровождалось мелодией в стиле их эпохи.

На верхней террасе Дворца Разума, занимающей весь периметр колоннады, девушки в невесомых платьях медленно опускались с потолка на почти невидимых нитях, предлагая гостям шампанское в конусах из муранского стекла.

На каменных балюстрадах белые голуби, с легким золотым налетом на перьях, мирно клевали крошки, а среди гостей сновали крохотные человечки в расшитых фраках и беретах с перьями, поднося гостям деликатесы в маленьких рюмочках и тарелочках.

По четырем углам колоннады были установлены огромные морские раковины, сделанные из цельных кусков льда, наполненные белужьей икрой и морепродуктами.

Фрида приехала рано утром и постоянно находилась в зале Дворца Разума. Платон прибыл одновременно с ней, и Гойя была вынуждена познакомиться с ними.

По лицу Платона было непонятно, рад ли он знакомству. Он сухо поздоровался, улыбнувшись краешками губ, поцеловал воздух у тыльной стороны ладони Фриды и поклонился Гойе. Он выглядел напряженным, несмотря на то что костюм Генриха II был ему очень к лицу.

«А ведь он никому не сказал, что выбрал себе этого персонажа. Или это не он выбирал, а ему выбрали? Но ведь Генрих II умер от удара копьём, от щепки, попавшей ему в глаз... Странный выбор...»

Гойя всматривалась в лицо Платона. Она понимала, что сейчас каждый из них должен включиться в свой сегмент работы, чтобы вместе они смогли реализовать то, что задумали. Фрида тоже казалась очень взволнованной предстоящим мероприятием.

Профессор Круле-Пальме периодически появлялся в зале, облаченный в седой парик и длинную ливрею с огромным переливчатым орденом на тощей груди.

Гойя, одетая в узкие прямые брюки черного шелка и бархатный готический пиджак с пышным белым жабо, стараясь оставаться незамеченной, стояла у входа на лестницу, внимательно наблюдая за реакцией прибывающих гостей.

Первой на «Бал ста королей» прибыла Клеопатра. Ее позолоченная карета с посеребренными колесами совершила два круга по площади под звуки флейты и кифар, окутанная дымом благовоний, пока, наконец, не остановилась прямо перед главной лестницей Дворца. Лакеи распахнули дверцу, и Гойя увидела бархатный пурпурный интерьер – тот самый, подаренный ей детской каретой-ночником из галантереи. Клеопатра вышла из кареты в наряде Афродиты, по обе стороны от нее немедленно оказались мальчики с опахалами в виде эросов. Гойя с восторгом заметила, что ее каретой управляли две служанки в одеяниях нимф.

Следом за ней появился кортеж Чингисхана. Впереди верхом на восхитительном вороном жеребце ехал знакомый ей принц Али. Следом за ним на гнедых жеребцах в расшитых кожаных седлах восседали его преданные воины в дорогих парчовых костюмах. Женщины в образах восточных принцесс ехали на большом деревянном обозе в креслах, покрытых тигриными и лисьими шкурами.

Фрида улучила момент и неслышно подошла к Гойе сзади узнать, как дела.

– Еще не все собрались, ждем оставшихся гостей. – Гойя нервничала. Пока всё шло по плану, но она чувствовала, что расслабляться нельзя ни в коем случае.

– Ты должна оставаться спокойной и не тратить свои силы попусту, – тихо заметила Фрида.

– Я стараюсь. Но у меня не получается. Я всё время думаю об этой энергетической машине. – Гойя попыталась стряхнуть с себя эти мысли.

– Это не имеет для тебя никакого значения, Гойя. Ты просто должна понимать, что сегодня – самое главное мероприятие твоей жизни. Твоя энергия сегодня должна включить весь этот праздник, а дальше источникам энергии нужно будет всего лишь помочь тебе усилить воображаемый мир каждого гостя, чтобы он мог максимально почувствовать себя своим персонажем. В этом же главная идея, и ты справишься.

– Ты всё правильно говоришь, но иногда мне кажется, что мы делаем что-то не так...

Их беседу прервало появление двух последних гостей – Людовика XIV и Наполеона Бонапарта. Для Короля Солнца была подана огромная золоченая карета, сопровождаемая четырьмя всадниками верхом на белых лошадях и двумя небольшими каретами для фрейлин. Выйдя из кареты, фрейлины сразу направились ко входу на лестницу, в то время как королевская карета совершила еще один почетный круг по площади.

Наполеон же прибыл в черном лакированном экипаже, с двумя горящими по обе стороны от важного кучера фонарями. За ним следовал точно такой же экипаж, и завершал шествие стройный брюнет в костюме маршала верхом на гнедом жеребце.

Прозвучали фанфары, и Гойя, включив рацию, помчалась в зал.

Через пять минут гостей пригласили в главный зал Дворца Разума. Высокие двустворчатые двери гостеприимно распахнулись, и два лакея склонились в почтительном реверансе. Гости, медленно переговариваясь, входили в зал, где на северной стене, прямо на глазах, выросла стена красных, розовых и молочно-белых роз, а на южной стене привлекали внимание гостей японские махровые камелии.

Шаг 70

Роль – это жизнь,
которой живут в игре.

Соня, 8 лет

Прошло десять минут, гости, наконец, расселись за столами, за которыми стояли один трон и девять одинаковых кресел.

На шелковых скатертях стояла посуда из тончайшего французского фарфора. Он был специально заказан и расписан для каждого стола в стиле главного персонажа. В центре каждого из столов были установлены высокие канделябры с золотыми свечами, обрамленными яркими цветками орхидей и пионов.

Каждая тарелка была бережно накрыта куполом из тончайшей золотой сетки, под которым на кружевной салфетке сидела огромных размеров живая яркая бабочка. Если гость приоткрывал купол, она радостно выпархивала на свободу, медленно кружилась вокруг стола и потом усаживалась на близстоящие предметы, откуда официанты и снимали ее, чтобы унести прочь.

Церемониймейстер появился в зале в шикарном серебряном сюртуке с золотыми галунами, стукнул об пол три раза жезлом и немедленно с четырех сторон в зал под музыку стали вносить холодные закуски. Официанты двигались точно в такт музыке вслед за балетными танцорами, одетыми в костюмы морепродуктов, выполненных из гофрированной органзы. Под музыку оркестра закружились балетные пары.

Гойя наблюдала за гостями. Эти властные люди, как дети на маскараде, постепенно втягивались в игру. Она видела, как каждый из них уже в душе согласился играть роль отведенного ему персонажа и, хотя понимал, что это игра, старался делать это со всей уважающей себя серьезностью. Достаточно было понаблюдать за походкой Людовика XIV или за жестиком Марии-Антуанетты, чтобы увидеть, как меняются на глазах их настроение и энергетика.

В зале снова раздались фанфары.

Немедленно за ними в луче света появилась тоненькая фигурка Ирен. Свет словно выхватывал ее из темноты, которая образовывала сгусток только вокруг нее, а дальше распадалась на тысячи звезд, которые теперь покрывали не только купол Дворца, но и все стены. По полу заструился тяжелый дым. Голос Ирен пронзил пространство. Эдит Пиаф собственной персоной улыбалась гостям, прижимая руки к груди и восходя по невидимой лестнице в звездное небо.

Гойя стояла у восточной стены зала под знаком Льва. Фрида подошла и стала рядом с ней. С первыми звуками голоса Ирен Фрида сняла с шеи медальон и попросила Гойю закрыть глаза.

Гойя сделала глубокий вдох, словно набирала воздуха перед тем, как уйти глубоко под воду, и начала медленно погружаться в полугипнотическое состояние. Она никак не могла полностью оторваться от реальности, словно ее что-то держало. Ей казалось, что она по-прежнему слышала и видела всё, что происходило в зале, но при этом внезапно почувствовала пронзительный запах осенней листвы.

Ее окружали деревья – высокие прямые сосны с гладкими стволами, уходящими высоко в небо, много опавших листьев и иголок. Волна жара накрыла ее. Гойя почувствовала острую боль внизу живота. Она слабо вскрикнула и открыла глаза.

Фрида по-прежнему была рядом. Гойя видела Тарабена на противоположной стороне зала – он неподвижно стоял и смотрел куда-то в глубь зала. Платона не было видно. Она окинула взглядом гостей.

«Стол номер три – нужно добавить вина в бокал Наполеона. Стол номер пять – чуть убавить освещение, император Нерон жмурится. Стол номер девять – почему они так странно смеются? Им уже подали закуску?»

Фрида жестом показала Гойе, что дает ей передышку. Та немедленно включила рацию и отдала указания официантам и Ирме.

Гойя не ошиблась – выступление Ирен произвело на гостей сильное впечатление за счет неожиданного голосового и энергетического сходства и той энергии, которую Ирен вкладывала в исполнение каждой песни. Клеопатра сидела с совершенно счастливым лицом, король Артур нежно обнимал свою супругу и с улыбкой слушал ее восторженные комментарии.

Выступление закончилось бурными овациями зала. Ирен поклонилась и исчезла в звездной мгле.

Прозвучали фанфары, которые анонсировали вынос горячей закуски. За ними последовал балет в костюмах райских птиц. Гойя посмотрела на часы – с начала вечера прошло всего полтора часа. Она незаметно прошла среди столов и с удовольствием заметила, что гости всё больше вживаются в роли своих героев. С одного стола до нее донеслась фраза: «И я, как король Франции...»

Игра по-прежнему оставалась игрой, но что-то изменилось. Гости словно задалась целью быть максимально похожими на своих персонажей.

Зазвучала музыка, и в центре зала засветились два черных крыла танцовщицы Лой Фюллер. В кругу из двадцати спрятанных в кофры вентиляторов взлетели и ожили двухметровые шелковые ткани – красная и белая. Черный костюм танцовщицы переплетался с двумя невидимыми танцорами, чьи полупрозрачные наряды соединялись и разлетались в бесконечной нежности танца.

Одновременно с четырех стен зала стали медленно тянуться длинные стебли экзотических растений, образуя вокруг танцующих вычурные заросли, которые вибрировали в такт музыке... В воздухе запахло нежным жасмином...

Гойя вернулась на свое место и послушно прислонилась к стене. Фрида тихо заговорила, медальон медленно раскачивался перед глазами. Глаз из медальона внимательно смотрел на Гойю.

Лес сразу упал на нее светом, звуками и запахами. Голос Фриды звучал глухо, ей казалось, что она не может разобрать слов и вязнет в этом голосе. На самом деле это ее ноги вязли в прогнившей листве, иголки больно кололи щиколотки. Боль в животе заставила согнуться пополам. Одежда ее была мокрой, и от нее дурно пахло. Гойя бежала по лесу, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь. Она держала какой-то сверток из грязных тряпок. Он мешал ей двигаться. Было страшно и холодно.

Фрида хлопнула в ладоши и заставила ее вернуться в реальность.

Гойя дрожала, лоб ее покрыла испарина. Ей стало холодно и трудно дышать. Она встретилась взглядом с Тарабеном. Тот вопросительно кивнул, Гойя ответила тоже кивком – всё нормально.

«Зачем она врет? Возможно, он мог бы ей помочь».

Гойя огляделась.

Номер закончился, а ей казалось, что она всего на минуту оказалась в страшном лесу.

В зале царил энергичное веселье. Играл симфонический оркестр, расположенный Тарабеном под куполом зала на специальной полукруглой платформе. Екатерина Медичи что-то доказывала Императору Нерону и даже топала на него ножкой, он же смотрел на нее с видом охотника, который наблюдает за последними минутами жизни подстреленной им лани... С другой стороны зала кардинал Ришелье что-то шептал на ухо официанту, указывая рукой на короля Артура. Платон с лучезарной улыбкой переходил от стола к столу, обращаясь к каждому гостю согласно этикету.

– По-моему, они реально начинают себя ощущать своими персонажами. – Ирма тихо подошла и жалобно зашептала ей на ухо. – Меня только что чуть не поколотила охрана за то, что я прошла слишком близко от стола Чингисхана...

– Не волнуйся, Ирма, это и есть часть сегодняшнего плана – полное погружение людей в своих персонажей. – Голос Гойи прозвучал слабо. Ей самой начинало казаться, что они где-то просчитались.

Ноги ее подкашивались. Она вызвала по рации Лу, проверила готовность следующего блока и вышла на колоннаду.

Во влажном воздухе Падуи слышались нотки апельсинов. Новый год подбирался неслышно, исподтишка, без предупреждения. Площадь была пуста. Кроме трех карет, припаркованных на противоположной стороне, и охраны у входа на главную лестницу, не было ни одного человека. Ветер раскидывал по площади остатки осенних листьев, и они закручивались в нервном танце.

Гойя уже повернулась, чтобы уйти, но вдруг, всмотревшись в темноту, заметила посредине площади неподвижно сидящего лицом к ней большого толстого кота с обрубленным хвостом. Дрожащей рукой она затушила сигарету и вернулась в зал.

Официанты быстро убрали тарелки после горячей закуски. Подали главное блюдо. После грандиозного вступления симфонического оркестра начался балет фантастических животных. На стенах ожили, наконец, фрески Джотто, поскакали олени, побежали львы и козероги... Женщины стали

причесывать свои длинные волосы и прихорашиваться, старцы – записывать что-то в свои фолианты. Вынос главного блюда сопровождался видео-проекцией в сочетании с балетом.

Выступление фокусника Виктора было, возможно, самым ярким и последним осознанным воспоминанием гостей на этом вечере. В момент, когда от стены отделился один из апостолов и спустился к гостям, уже никто ничему не удивлялся. Виктор хлопнул в ладоши, и с противоположной стены, прямо из фрески на него вылетела полярная сова.

– Мега, – вспомнила Гойя, – так ее зовут.

Она вернулась к Фриде. Та с беспокойством смотрела на нее.

– С тобой всё нормально? Ты бледная.

– Вроде да, только сил нет совсем. Давай продолжим.

Гойя посмотрела в сторону Виктора, когда тот взмахнул рукой, и над столом Ивана Грозного появилось небольшое голубоватое мягкое облако.

Гойя закрыла глаза. Боль, которую Гойя предощущала в животе, немедленно вернулась. Сверток мешал двигаться, но надо было идти быстрее. Ее лицо исказилось. От кого она бежит? У Гойи кружилась голова, она пыталась опереться о ствол дерева, но он выскальзывал у нее из рук, словно кусок мыла. Она упала на колени, сверток в правой руке, прижат к груди. Дышать становилось всё труднее.

Фрида хлопнула в ладоши. Гойя открыла глаза.

Освещение в зале поменялось, теперь от фресок исходило какое-то желтоватое свечение, персонажи почти не двигались, но словно дышали, и вокруг голов светились неяркие нимбы. Купол Дворца теперь украшали яркие, и не очень, звезды, среди которых периодически возникали и падающие кометы, и звездные дорожки...

Гойя подумала о Лив. Она сейчас крепко спит, а может быть, проснулась и смотрит в темноту и тоже видит звезды и свечение вокруг...

Тело онемело, ей было тяжело двигаться. Гойя включила рацию.

«Стол Наполеона Бонапарта – белое вино, температура шестнадцать градусов. Стол Ивана Грозного – уже пора принести виски, трехсолодовый. Без льда. На стол императора Нерона надо вернуть морепродукты – там изъявили желание продолжать с шампанским и устрицами».

Тарабен тихо подошел к Гойе и взял за локоть. Она вздрогнула.

– Что с вами? Вам нехорошо? Вы еле стоите на ногах, Гойя.

– Нет, всё нормально. – Гойя попыталась выпрямиться. – Почему-то в этот раз мне очень тяжело дается погружение, – тихо пробормотала она. – Но мне надо дойти до конца.

– В зале всё идет лучше, чем я ожидал. Гости практически полностью погружены в своих персонажей, заказчик должен быть доволен. – Тарабен привычным жестом разгладил усы. – Я только что спускался в техническую зону. Профессор в восторге, говорит, что их машина определила энергетический подъем до шестидесяти процентов, что нереально много. И самое главное – он поднимается равномерно у всех участников мероприятия. Вам удалось сделать чудо, Гойя. – он с улыбкой поклонился ей.

– Это ваша заслуга, Тарабен, вы сделали фантастические декорации! Любой бы погрузился в сказку, даже без моей программы. – Гойя оперлась о стену, ноги были ватными. – Простите, я должна возвращаться к Фриде. Она ждет меня. – Гойя нетвердыми шагами пошла в сторону западной стены.

«Лев – символ мистической силы и космической энергии. Гонг – космический кислород, энергия в чистом виде».

Церемониймейстер стукнул жезлом об пол. Лу включил два прожектора в центре зала. Верхний свет погас, и на высоте пяти метров от земли появились два кольца. Акробаты спускались с потолка на невидимых канатах до уровня колец, где на несколько секунд застыли, словно неживые статуи, и резко упали в пустоту с первыми звуками музыки...

Гойя медленно, держась руками за стену, дошла до Фриды. Та по-прежнему стояла у знака Льва. Гойе показалось, что у Фриды поменялось лицо: оно стало, как в первый день, одутловатым, некрасивым.

Платон подошел к ней с другой стороны. Словно не замечая ее состояния, он тихо сказал о том, что музыку надо сделать громче, а свет – тише и закрыть главную дверь зала. Гойя кивнула ему, передала информацию по рации. Ирма услышала.

– Да, она поняла, что надо делать.

Тарабен удивленно переспросил, чтобы быть уверенным, что правильно понял указания.

Гойя закрыла глаза.

Голос Фриды звучал, как приговор.

XVI

БАШНЯ

Шаг 71

...Однако фантазия моя разыгралась, и разыгралась нехорошо, увесисто, как пожилая, но всё еще кокетливая дама, выпившая лишнее.

Владимир Набоков

Гойя опускается на колени в листву и иголки, наконец кладет сверток на землю и начинает разгребать руками листья, пока под пальцами не появится мерзлая земля. Она роет, земля больно врезается под ногти, руки немеют. Ей надо выкопать ямку, чтобы спрятать там сверток. От кого? Зачем? Почему она так торопится? К горлу подступила тошнота, она наклоняется вперед и громко стонет.

Фрида трясет ее за плечи, она открывает глаза и смотрит на нее. У Фриды недобрый взгляд. Требовательный. Она что-то говорит, но Гойя не разбирает слов.

Ей кажется, что она слышит чей-то голос. Ну, конечно, она узнала его. Это голос женщины-дьявола. Она просит поторопиться, иначе лиловые собаки настигнут ее, и ей уже не спастись. Гойя оборачивается и видит, как Дьявол протягивает ей руку и пытается забрать у нее сверток. Она прячет его на груди. Дьявол в ярости. Гойя бежит вперед и пытается взлететь, но листья мешают ей оторваться от земли.

Внезапно кто-то сверху протягивает ей руку, за которую она успевает схватиться, чтобы взлететь, пусть не высоко, но этого достаточно, чтобы не вязнуть в мокрой листве.

Она поднимает глаза. Мама смотрит на нее ласково.

– Мама? Ты живая?!

– Конечно, Лив! Я с тобой.

Гойя кричит и падает на землю. Чьи-то руки поднимают ее и прислоняют к стене. Фрида массирует ладонь. Потом куда-то отходит. Гойя стоит, вжавшись в стену, и смотрит на гостей в зале. Она словно слышит всех вместе и каждого в отдельности. Похоже, гости полностью погрузились в образы своих персонажей – наконец происходит настоящая встреча великих людей всех эпох и времен! Нерон высказывает королю Артуру свое мнение по поводу выступлений гладиаторов; Людовик XIV объясняет Ивану Грозному сложности придворных этикетов; а Клеопатра делится с кардиналом Ришелье секретом приготовления безотказного и безболезненного яда.

Взгляд Гойи скользит от одного гостя к другому, словно ощупывая и замеряя состояние каждого из них.

Ирма вызывает ее по рации, надо встретиться у входа, «Театр теней» должен быть следующим номером, но гости настолько погружены в свое

общение, что, возможно, номер придется задержать и сделать десятиминутную паузу.

Гойя поворачивается лицом к стене и, опираясь о нее руками, медленно идет к выходу. Под пальцами оживают фрески Джотто, собака виляет хвостом, птица перелетает с ветки на ветку.

«Добрые фрески о злой человеческой жизни...»

Гойя доходит до запасного выхода из зала и оказывается в коридоре. Там открыто окно и можно немного подышать свежим воздухом. Ирма ждет ее. Лицо у нее испуганное.

Она что-то говорит Гойе, но та ее не понимает. И не мудрено – как можно понять язык чужого человека? Ведь каждый человек говорит на своем собственном языке!

«Гойя, вернись! Гойя, ради Лив! Вернись!»

Гойя подходит к окну и дрожащими пальцами касается створки окна. Створка резко хлопает, сильный порыв ветра ерошит волосы и ударяет в лицо.

Она трясет головой, и слова возвращаются к ней. Платон стоит рядом. Он недоволен. Машина показывает, что энергия гостей, дошедшая до восьмидесяти, начала резко падать. Возможно, это связано с тем, что Гойя вышла из зала. Он хочет, чтобы она немедленно вернулась. Необходимо восстановить равновесие.

Да, она слышит. Да, она сейчас же вернется. Фрида ее ждет.

– Ирма, запускай «Театр теней», – сказала Гойя ничего не говорящими губами.

Ирма кивнула, пряча слезы, и пошла в сторону техзоны. Гойя проводила ее долгим взглядом.

«Подальше. Пусть она уйдет подальше...»

Шаг 72

Ухо – это ловушка для звуков
у живых существ.

Соня, 8 лет

Гойя возвращается в зал, теперь она может передвигаться, только держась за стены, которые, к ее великой радости, погружены в темноту. Звучат звуки сказочного шоу теней, и Гойя улыбается душой при мысли о том, как Нинель сейчас превратится из испуганной застенчивой женщины в королеву света и тени. Фрида подошла к ней сама.

– Ты в порядке?

– Да, мы можем продолжать. – Гойя слабо кивает.

– Ты уверена? Я говорила с Платоном, он хочет, чтобы ты постоянно находилась в зале.

– Да, я поняла. Продолжим. Поторопись.

Фрида поспешно снимает с шеи медальон.

Гойя закрывает глаза и снова видит себя роющей землю. Руки в крови от мелких острых камней и мерзлой земли. Волосы лезут в рот и в глаза, и этот запах от одежды... Запах смерти... Он преследует ее. Она не хочет там находиться. Она хочет обратно, к Лив, домой!

В старое кресло, к собаке, которая лизнет ее руку...

«Боязнь быть превращенной в птицу...»

Лив, которая всё время трогает кончики волосиков подушечками пальцев.

Бедный Вова, который научился чистить свои ботинки и делать лазерное шоу.

Сторицей будет вознаграждена за это хозяйка бала!

Нострадамус...»

Гойя сидит на полу, прислонившись к стене. Над ней стоит Тарабен, у него взволнованное лицо. Платон стоит рядом с ним, но смотрит мимо нее.

Он что-то говорит Тарабену. Или нет – это Тарабен что-то говорит ему. И Фрида с ними вместе. Платон недоволен, но что она может поделать? Почему-то они все друг с другом не согласны.

Но в чем – Гойя не может разобраться.

Шаг 73

Если тебе не нравится то,
что ты получаешь,
измени то, что даешь.

Она смотрит на гостей, свет мелькает в зале, с гостями что-то произошло. Они больше не гости, а исторические персонажи. Они не могут вернуться в свое обычное состояние – их герои полностью оккупировали их сознание.

Гойе кажется, она чувствует то, что переживает каждый из них, словно она и есть тот самый аппарат, который деформирует их изнутри. Император Нерон сидит, выпрямившись, на своем троне – перед ним две крысы, которые совокупляются... Видны крупные детали: усики, глаза, гениталии... Это какое-то порнографическое безумие...

Гойя содрогается от отвращения. Переводит взгляд на Клеопатру.

Та покачивается из стороны в сторону и смеется. Перед ней – тысячи рабов вылизывают языками дорогу, на которую она ступает, отпихивая их головы носком золотой туфельки...

Наполеон Бонапарт лезет на стол, в руках у него салфетка. Но это не стол – это гора человеческих трупов, и он взбирается по ним на самый верх, чтобы водрузить знамя своей победы на вершину.

Кардинал Ришелье, только что целовавшийся с фрейлиной, уже отталкивает ее и впивается губами в новый рот очередной дамы. Его руки притягивают к себе третью даму, при этом ловко снимая с нее колье...

«Наверное, он будет кидать украшения под стол. А потом потихоньку переложит в чемодан...»

Тарабен подхватывает ее на руки и куда-то несет. Фрида бежит за ними. Гойя видит, как мелькает шлейф ее фиолетового платья. Они проходят по коридору, спускаются в техническую зону, потом еще ниже.

Но ниже – только лаборатория.

Гойя летит куда-то вниз. Разум не поспевает за ней, он отстал и выплескивает какие-то яркие лоскуты ее жизни.

Девочка, которая всю жизнь из кожи вон лезла, чтобы поглупеть.

Мертвый голубь у входа в подъезд, и сразу в этот же день – смерть попугая. Это значит – попасть в поток.

Древ – это помесь льва и дракона.

Мальчик, бегущий к автобусу. Так хочу, чтобы успел! Беги, ты успеешь! Я помогу.

Голос гида у здания Музея изобразительного искусства Падуи: «Сюда на выставки привозят какие-то Ван Гоги...»

Темнота.

Шаг 74

Человек – это такое живое существо,
у которого есть разум, речь, умелые
руки и способность решать, как всё
это использовать.

Соня, 8 лет

Гойя потеряла сознание, когда Тарабен опустил ее на кушетку в лаборатории. Оставив с ней Фриду, он помчался обратно в зал, где подавали сыры, фрукты и орехи и должен был начаться номер с хором сов.

Он быстро отдал указания Ирме, связался с Лу и запустил видеопроекцию тропического леса, прорастающего из глубин фресок.

На небольшом подиуме высветился ярко-алый занавес, он распахнулся, и двадцать совиных голов повернулись в сторону гостей. Совы восседали на жердочках, с важным видом крутили головами в ожидании первого такта музыки.

Музыка заиграла, и совы дружно затянули на три голоса первый куплет знаменитой песни... Тарабен в восхищении смотрел на птиц, пока взгляд его не привлекли гости. В зале началось какое-то непонятное движение.

Создавалось ощущение, что главные гости всё больше погружаются в какое-то подобие наркотического состояния, в котором каждый видит только свой праздник, и видения эти становятся всё ярче и чаще, перекрывая полностью реальность. Между реальностью и тем, что видит каждый из гостей, возникает ощутимый разрыв.

«Почему так? Возможно, что все эти исторические персонажи просто не привыкли делить энергию с кем-либо еще? Если каждый из гостей полностью погрузился в своего героя, он должен почувствовать себя на вершине абсолютной власти, и значит каждый из них будет требовать полного подчинения своей воле, – Тарабен вздрогнул от этой мысли, но чем внимательнее он наблюдал за гостями, тем очевиднее эта мысль становилась. – Эти абсолютные властители не умеют делить с кем-либо свое пространство, не могут допустить наличия рядом кого-либо столь же могущественного...»

Тарабен нашел в зале Платона, он сидел за столом императора Нерона и, похоже, был вполне удовлетворен результатом.

– Тарабен, дружище, как там наша чудо-девушка Гойя? Это всё нервы, вы столько работали последние дни. – Он похлопал Тарабена по плечу.

– Я не уверен, что это нервы. Мне кажется, что ваша задумка с перевоплощением зашла в почти неуправляемое русло. Вы уверены в результатах ваших исследований? – Тарабен нахмурился.

– Да полно вам, Тарабен. Мы все отлично поработали и видим первый результат наших трудов: энергия человека в совокупности с креативностью

и грандиозными визуальными эффектами дает результат, схожий с наркотическим, тогда как, заметьте, ни один из гостей не принимал наркотиков. – Платон с удовольствием отпил вина.

– И вам кажется, что они счастливы? – Тарабен кивнул на императора Нерона, который кончиком языка лизал свой меч.

– Я в этом абсолютно уверен. Просто для вас их состояние кажется странным, так как вы не в том же энергетическом формате, что они. Не переживайте, лучше вернитесь к машине. Энергия начинает спадать, и надо реанимировать нашу чудо-батарею – Гойю. Только вам, мой друг, это под силу.

Тарабен повернулся на каблуках и молча пошел в техническую зону. Гойя по-прежнему лежала на кушетке. Рядом сидела Фрида и держала ее за руку.

– Как она? – Тарабен подошел ближе.

– Ей лучше, она пришла в себя, но наша работа не закончена. – Фрида сжала пальцы Гойи. Та застонала и открыла глаза.

– Я готова, Фрида, давай продолжим. – Гойя смотрела потухшими глазами сквозь Тарабена.

Фрида подала знак Тарабену, он не посмел послушаться и вышел, тихо приотворив дверь. Фрида заговорила, и Гойя ударила руками о землю, словно ее швырнули откуда-то сверху. Ладони начали гореть и сочиться кровью. Она взяла в руки сверток и уложила его в вырытую ямку. Он поместился туда без труда. Гойя начала сгребать землю и листья, чтобы засыпать яму, но внезапно до нее донесся какой-то слабый звук. Этот звук, пробиваясь сквозь толстые стены Дворца, громкую музыку, голоса, заставил ее перестать дышать.

Под полусгнившими листьями и землей, из глубины этих самых грязных тряпок тоненько хныкал ребенок...

Силы оставили ее. Внезапно она всё поняла... Эта женщина, пятая из ее рода, совершила самое страшное из преступлений – детоубийство. Она закопала в лесу живого младенца... Младенца, которого она только что произвела на свет...

Гойя на грани обморока. Вдруг она увидела глаза Лив, ее улыбку... Она попыталась встать с колен, но ей не хватило сил...

Шаг 75

Бывают такие мгновения,
когда всё становится чудовищным,
бездонно-глубоким, когда, кажется,
так страшно жить и еще страшнее
умереть.

Владимир Набоков

В зале Дворца Разума подавали королевские десерты и засахаренные фрукты. Играла классическая музыка. Церемониймейстер объявил конное шоу.

Красивый, серый в яблоках, с волнистой белой гривой, достающей почти до пола, конь открыл танец, грациозно вышагивая между столами испанским шагом в такт «Болеро» Равеля.

Но гости были уже далеко, их сознание включилось в другую реальность, в ту, где каждый из них проживал только свою историю.

Наполеон вместо танцующей лошади видел лошадей, несущихся в бой, и военных с шашками наперевес.

Юлий Цезарь, счастливо улыбаясь, созерцал мчащиеся колесницы и гладиаторов в золоченых латах.

Людвик XIV скакал впереди королевского кортежа на охоте, рядом с ним бежала огромная свора собак...

В зале началось хаотичное движение и невозможная сумятица.

Профессор Круле-Пальме, пробираясь между возбужденными гостями, нашел в зале Платона, встал на цыпочки и прошептал ему что-то на ухо. Тот кивнул и быстрым шагом вышел из зала. Профессор еле поспевал за ним.

Они вбежали в зал управления одновременно. Гойя всё еще лежала на кушетке.

– Что здесь происходит? – Платон выглядел недовольным и не скрывал своего раздражения. – Профессор, вы же говорили, что риска никакого нет.

– Я говорил и говорю, но никто не мог предвидеть, что девушке станет плохо. – Он сокрушенно развел руками.

– Так сделайте что-нибудь! На каком мы сейчас этапе?

– Девяносто три, – тихо сказал профессор. – Нам не хватает всего семи процентов.

– Так приведите ее в чувство! – Платон выкрикнул это в лицо Фриде.

Та, поджав губы, промолчала и, взяв Гойю за руку, надавила двумя пальцами на ладонь.

В дверях показался Тарабен, он устало опустился на стул при входе.

– Если девушка не очнется, то мы не сможем вернуться к актуальной цифре. Без подпитки энергия начнет снижаться, ее необходимо поддерживать на одном уровне. – Профессор чуть не плакал.

– Что вы предлагаете? – Голос Платона дрожал, на лице выступили красные пятна.

– Возможно, если источник энергии замкнуть напрямую на машину, мы сможем достаточно быстро получить нужный нам заряд, чтобы дойти до ста процентов, – почти неслышно прошелестел профессор и опустил глаза.

– Вы имеете в виду – подключить Гойю к машине? – Платон удивленно поднял брови.

– Именно. – Профессор смотрел прямо перед собой.

– Чем это чревато? Она может умереть? – Платон говорил быстро.

– Не думаю. Она молодая, и у нее сильная энергия. В любом случае, у нас нет выхода. – Профессор вопросительно повернулся к Фриде. Та кивнула.

– Тогда не будем терять времени. Тарабен, помогите мне перенести ее к машине.

Тарабен не двинулся. Он сидел, опустив голову на руки, и смотрел себе под ноги. При словах Платона он выпрямился и взглянул ему прямо в глаза.

– Что с вами, дружище? Вы сомневаетесь в том, что интересы общества могут быть главнее интересов индивидуума? Вы меня удивляете, Тарабен. – Платон сделал шаг ему навстречу, но Тарабен медленно встал со стула и перегородил собой лежащую Гойю.

– Я не позволю вам сделать что-либо с человеком в бессознательном состоянии, – тихо, но твердо сказал Тарабен.

Платон помрачнел, в глазах мелькнуло короткое замешательство, но он быстро взял себя в руки, нажал кнопку рации и сказал всего два слова. В зал немедленно вбежала охрана, два крепких парня схватили Тарабена под руки и, буквально подняв над землей, вынесли его. Двое других, вошедших следом, легко подхватили Гойю и уложили на металлический стол, расположенный у машины.

Профессор, держащий электроды наготове, тут же подскочил и стал закреплять их у нее на голове и груди.

Фрида молча наблюдала за происходящим.

После того как все десять электродов были подключены, профессор проворно, точно обезьянка, прыгнул за компьютер и стал быстро-быстро что-то набирать. Похоже, что машина меняла программу в срочном режиме. Раздался громкий сигнал, и в мониторах что-то затрещало.

Шаг 76

Вы смеетесь надо мной,
потому что я отличаюсь от вас,
а я смеюсь над вами, потому что
вы не отличаетесь друг от друга!

Михаил Булгаков

Тело Гойи вздрагивает, как от удара током. Она открывает глаза. Незамедлительно Фрида оказывается рядом с ней, она заставляет ее смотреть на медальон и шепчет ей в ухо:

– Гойя, надо вернуться в последнее видение.

– Я не могу, – шепчут губы. Перед глазами возникает маленькое, перепачканное землей и кровью лицо плачущего младенца.

– Гойя, вернись к той женщине. Ты должна вернуться. – Фрида говорит почти умоляюще. – Ради Лив!

Гойе кажется, что время перенеслось в одну большую обшарпанную квартиру, по которой она бродит, переходя из одной комнаты в другую. Кругом – скопище котов, они молча следят за ней. Но женщины нигде не видно...

Она должна понять ужасный поступок своей прародительницы. Понять, чтобы простить. Чтобы смочь расплатиться за самый тяжкий грех своей семьи. Фрида всё время ей напоминает об этом! Но как можно простить женщину, убившую собственного ребенка?

Наконец Гойя видит ее: женщину держат за руки солдаты, вокруг нее – всадники. Ее допрашивают.

Они хотят знать, где ребенок, которого она родила. Она молчит, низко опустив голову...

Гойя словно парит над ней, невидимая ни для кого. Солдат хватается за волосы, и Гойя замечает на шее женщины родимое пятно в форме звезды. Где-то она уже видела такое...

Она ловит ее взгляд за несколько секунд до того, как та гибнет под мечом одного из солдат.

Гойя не может оторвать взгляда от ее остекленевших глаз.

Фрида шепчет ей о том, что надо искать выход. Она с трудом отводит глаза от женщины, теперь лежащей на земле. Над ней склоняется человек. У него властный голос и мундир маршала.

Он бледен, по лицу его течет пот. Он произносит в ярости: «Если мы не найдем ребенка живым, мы не сможем победить в этой войне...»

Над головой Гойи пролетает яркая колибри...

Шаг 77

Единственный по-настоящему мудрый советчик, который у нас есть, – это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, что всё складывается плохо и ты на грани краха, повернись налево и спроси у нее, так ли это.

Профессор не ошибся: как только Гойя была подключена к машине, энергия гостей стабилизировалась и стала медленно ползти вверх.

Платон напряженно следил за процессом.

Внезапно в зал управления врывается Тарабен, он с разбегу бросается на Платона. Потасовка выглядит странно – ни один из них не приспособлен для драки. Профессор и Фрида пытаются разнять дерущихся, но выходит еще хуже: в тесном пространстве лаборатории падают мониторы, рвутся провода; откуда-то из-под нижней панели машины начинает струиться едкий серый дым. Охрана, появившаяся в дверях, боится войти, остановленная профессором, который еще надеется спасти свою машину от дерущихся мужчин.

После очередного удара Тарабену удается подняться на ноги, тогда как Платон, поскользнувшись на разбитом стекле, падает, ударяясь головой об угол металлического стола. Он лежит неподвижно на полу, из-под головы сочится тоненькая струйка крови.

Тарабен, тяжело дыша, немедленно подскакивает к профессору и отталкивает его от Гойи.

– Вы сделаете еще хуже, одумайтесь! – Профессор жалобно скулит.

– Как ее отключить? – Голос Тарабена срывается. – Нет, как ей вернуть энергию, которую вы у нее забрали? – Он хватается профессора за лацканы ливреи и трясет с такой силой, что у того хрустят шейные позвонки.

– Надо повернуть ручку в обратном направлении, – произносит профессор сдавленным голосом и обмякает в его руках.

Он разжимает пальцы. Профессор, словно кукла-марионетка, оседает на пол. Тарабен бросается к машине, находит ручку и поворачивает ее влево. Раздается резкий металлический звук, что-то щелкает в недрах машины. Из бального зала раздаются крики, какой-то шум и грохот. Мониторы начинают взрываться один за другим...

Тарабен поручает Гойю Фриде и выбегает из зала управления. Через минуту он оказывается у дверей бального зала.

Там хаос достигает своего апогея: свет начинает мигать, видеопроекции ускоряются и, наконец, крутятся на бешеной скорости, превращаются в одно мигающее пространство. Конное шоу перестает быть цирковым номером, семь лошадей встают на дыбы и испуганно ржут... На стенах то тут, то там

вырастают длинные страшные тени, словно души гостей вырываются наружу и пускаются в бешеный пляс... Вечер превращается в огромную оргию: тела гостей сплетаются между собой, повсюду раздаются крики и стоны.

Тарабен, содрогаясь всем телом, захлопывает двери бального зала, за чем-то подпирая их стулом, и бросается обратно в зал управления.

Шаг 78

Ты сейчас не можешь меня понять
из-за своей привычки думать так,
как ты смотришь.

Лив просыпается в двенадцатом часу ночи. Она думает о том, что мама, наверное, еще не вернулась, а няня спит, и можно тихонько посмотреть, принес ли Дед Мороз ей подарки. Она неслышно встает с кровати и, надевая тапочек, на цыпочках, спускается в салон, где светится волшебными огоньками душистая елка. Под елкой лежат подарки, бережно завернутые в золотую бумагу, перевязанные яркими лентами.

Лив садится на корточки, берет в руки самый большой и прижимает к груди. Потом кладет его на место и берет другой, поменьше. Он потяжелее. Она нюхает его, встает с колен и делает шаг к двери.

На светящемся циферблате электронных часов – 23:23.

Дед Мороз о ней не забыл! Вот только пол и камин куда-то уплывают.

Лив роняет подарок и проваливается в темноту.

Шаг 79

Тогда Цинциннати брал себя
в руки и, прижав к груди, относил
в безопасное место.

Владимир Набоков,
«Приглашение на казнь»

Тарабен зовет Гойю, он приближается к ней, гладит по голове дрожащими пальцами. Она слышит его голос, он говорит ей о причине и мотивации.

«А что это – мотивация?»

Она видит глаза этой женщины и ее лицо, обращенное к лицу ребенка, на которого она смотрит с любовью, прижимает к себе... Она любила его! Любила больше всего на свете!»

Голос Фриды сливается с голосом Тарабена. Они спорят о чем-то. Хлопает дверь. Полная темнота. Гойя умерла или просто в комнате выключили свет? Из-под земли, откуда-то изнутри Вселенной слышны рыдания, крики – постепенно всё стихает...

Конец света... Абсолютная темнота...

На часах – 23:23.

Шаг 80

Верить – значит отказываться
понимать.

Поль Бурже

В половине двенадцатого поднялся страшный ветер. Он разметал факелы и опрокинул две кареты, стоящие в углу площади.

Обезумевшие лошади шаркались в разные стороны, запутавшись в оглоблях и вожжах, пока кучера тщетно пытались их успокоить.

Час спустя вокруг Дворца Разума в Падуе началась невообразимая суматоха.

Звуки приближающихся полицейских машин перекрывали сирены скорой помощи. Гости покидали зал с очень разными выражениями лиц: на некоторых – блаженство и экстаз, на других – гнев, но все вели себя более чем странно... Повсюду сновали санитары. На Наполеона, призывающего свою воображаемую армию в атаку, надели смирительную рубашку...

Гойя очнулась лежащей на твердой холодной кушетке, тихо подрагивающей в такт движению машины скорой помощи. Откуда-то снаружи, из другого мира раздавались голоса и звуки сирены. Она осторожно открыла глаза. Тарабен сидел рядом и держал ее за руку. Он грустно улыбался, тихонько постукивая по ее руке ладонью в такт движению.

– Всё будет хорошо. – Тарабен говорил так, как говорил когда-то ее отец. Гойя улыбнулась онемевшими губами. Внезапно она вспомнила все произошедшее, лицо ее искажилось.

– Мне надо домой! Мне надо позвонить домой! – Она затряслась, заметалась на узкой кушетке в поисках телефона.

– Он у меня. – Тарабен протянул ей телефон. – Он выпал, когда вас увозила скорая. Я подобрал.

Гойя вцепилась в телефон непослушными пальцами. Включила экран. На экране – три пропущенных звонка от няни и одно смс. Гойя секунду медлит, ей вдруг становится безумно страшно.

Тарабен, следивший за ее реакцией, забирает телефон из ее рук.

– Давайте я прочитаю? – Он ласково смотрит на нее. – Всё равно прочитать придется.

Она подчиняется.

Шаг 81

Я сижу на скамье в парке,
Глядя вослед проходящей семье.
Мне опротивел свет.
Это январь. Зима
Согласно календарю.
Когда опротивеет тьма,
Тогда я заговорю.

Иосиф Бродский

Тарабен включает телефон, смотрит на смс и тут же, словно обжегшись, поднимает глаза на Гойю. Даже не на Гойю, а куда-то сквозь нее.

– Что? Что с Лив? – Гойя говорит с трудом.

– Она в больнице. Уже два часа. Я сейчас попрошу нас отвезти. – Он поднимается и идет к окошечку, соединяющему кабину водителя с кабиной больного.

Через минуту машина делает резкий разворот и едет в противоположном направлении.

Гойя садится на кушетке. Всё ее существо собирается в какую-то пружину, готовую разжаться последний раз, уничтожив мир и себя саму этим невозможным концом. Пропадают слезы, исчезает дрожь в руках, ноги возвращаются на место, и она может пошевелить ими. Мысли проясняются.

Шаг 82

среда,
1 января 2014 года

Твоя радость будет настолько
большой, что будет переливаться
в души других людей.

Гойя уже больше часа сидит в зале ожидания детской больницы и ждет врача. Она устала так, словно не спала всю жизнь, лицо ее осунулось, во рту – вкус крови и сигарет...

Врач появляется в окружении трех ассистентов, он чрезвычайно взволнован... Гойя поднимается ему навстречу: она готова.

«Нет, она совершенно не готова. Она очень боится услышать то, что он ей сейчас скажет».

Врач подыскивает слова – он не знает, как ему говорить.

– Я хотел бы, в первую очередь, принести вам свои извинения. – Он запнулся.

Гойя молчит. В голове крутится проклятый катрен.

Лив, которую Гойя носит в себе, сжалась в комочек и застыла так в самом центре ее существа, ожидая приговора.

– То есть, по сути, я не могу сказать, что чувствую себя виноватым. – Он обращается к своим коллегам, которые начинают все вместе кивать.

– Мы делали всё, что в таких случаях положено делать, и поверьте, у нас работают высококвалифицированные специалисты. – Он снова призывает на помощь коллег, которые снова кивают Гойе.

– То, что мы сейчас наблюдаем, выходит за рамки рационального и, с медицинской точки зрения, совершенно исключено. – Коллеги шепчутся и разводят руками. Доктор делает паузу и растерянно смотрит на Гойю. Он выглядит разбитым.

– Что исключено? – тихо, как эхо, повторяет Гойя, поднимая, наконец, на него глаза, которые поднять невозможно.

– Девочка упала в обморок, и совершенно естественно, что ее привезли именно сюда, ведь мы наблюдали ее больше года, и я лично администрировал препараты и химиотерапию. – Врач снова замолкает и долго смотрит куда-то в пол.

– Так скажите, что исключено? – Гойя внезапно приходит в себя, она отгоняет усталость и заставляет себя выпрямиться и взглянуть доктору в глаза.

– Мы взяли пять анализов крови с интервалами в десять минут. Никаких признаков заболевания раком у Лив не обнаружено... Да, девочка обессилена, ей нужен полный покой хотя бы несколько дней, но...

Шаг 83

Я объявляю на космической доске
объявлений всем частицам души
моей, потерянным во Вселенной,
украденным кем-то или подаренным
кому-то, вернуться ко мне
и воссоединиться со мной!

Он продолжал говорить, но Гойя уже не слушала его. Она ринулась вниз по лестнице, пронеслась по коридорам больницы к выходу и дальше по улице, до угла и в парк...

Тарабен ждал ее на скамейке, Гойя бросилась к нему.

– Она здорова! – Гойя захлебывалась от слез и слов. – Лив здорова! У нас получилось! – Гойя скакала и пританцовывала на месте, хватала Тарабена за руку и отбегала от него, чтобы снова броситься ему на шею.

Он улыбался и слушал снова и снова о словах доктора и реакции его коллег. Гойя повторяла без остановки каждое его слово, каждую интонацию голоса, желая донести до Тарабена весь смысл произошедшего.

Через десять минут, когда Гойе удалось немного оправиться от первых эмоций, они отправились бродить по аллеям парка. Тарабен ждал, а внутри Гойи словно что-то ежеминутно взрывалось, напоминая о том, чего просто не могло быть, но что случилось в ее жизни и изменило ее всю целиком.

Шаг 84

Чтобы изменить человека,
нужно начинать с его бабушки.

Виктор Гюго

Час спустя, когда Гойя, наконец, смогла его выслушать, Тарабен изложил ей то, что ему удалось обнаружить.

После того как Гойя рассказала ему о ее первой встрече с Фридой, Тарабен решил сам ознакомиться с теорией грехов семи поколений. Почти одновременно с этим произошел некий интересный инцидент: просматривая папки с информацией о гостях Бала, он наткнулся на отдельную папку под именем «Генрих II». Тарабен наизусть знал всех приглашенных и прекрасно помнил, что такого героя среди гостей нет. Он подумал, что, скорее всего, эта папка относится к какому-то дополнительному гостю, которого, в итоге, не пригласили. Но, ознакомившись с информацией и описанием гостя, он пришел к заключению, что речь, возможно, идет о самом Платоне. Его догадка подтвердилась, когда он в лаборатории попал в костюмерный цех и увидел предназначавшийся Платону костюм.

Из папки Тарабен узнал, что у Платона есть сестра-близнец, которую он по каким-то, не указанным в деле причинам тщательно скрывал от общества.

Войдя в доверие к профессору Круле-Пальме благодаря сборному алтарю и гробу, который Тарабен все-таки построил для него, ему без труда удалось задействовать информационные источники лаборатории, чтобы навести справки о некоей Фриде – ясновидящей. И стало очевидным, что между Фридой и Платоном есть безусловная связь. Не сложно было догадаться, что Фрида и есть та самая пресловутая сестра-близнец, которую Платон скрывал. Скорее всего, и отношения между братом и сестрой были очень и очень непростыми.

– Но зачем? – Гойя была ошарашена этой историей.

– Терпение, друг мой! – Тарабен просиял от мысли, какое он сейчас произведет впечатление своей историей на Гойю. Он поправил шелковый шарф и важно продолжал повествование. – Теория грехов семи поколений касалась не только вас, но и семьи Фриды и Платона. Согласно этой теории, Платон не мог достичь тех высот в карьере, о которых мечтал. Фрида это прекрасно знала и, скорее всего, сообщила ему об этом. Она помогала брату в его начинаниях и следила за его карьерным ростом. Она знала о существовании лаборатории и создании энергетической машины. И идея собрать вместе самых могущественных людей мира на уникальную вечеринку, вполне вероятно, принадлежала именно ей. Так как она в большей степени, чем Платон, работала с энергией и понимала важность таких энергетических влияний на психику людей.

– Но каким образом Платон смог оказаться на мероприятии в Саудовской Аравии? – Гойя была так потрясена, что в ее голове Фрида и Платон никак не хотели соединиться.

– О, это был вопрос случая. Вы работаете на очень состоятельных людей. И Платон, безусловно, входит в круг ваших потенциальных клиентов. Фрида сообщала ему о ваших передвижениях, и, как только подвернулся удобный случай, она вас с ним познакомила.

– Это невероятно! – Гойя не знала, что говорить. – А почему она от меня скрывала факт их родства?

– Да потому, что тогда бы вы поняли, что погружаетесь совсем не в своих предков!

Гойя замолчала. Всё это никак не укладывалось в ее голове. Обшарпанная квартира Фриды и шикарный особняк Платона никак не хотели склеиваться в одну семью. Тарабен, словно не замечая ее состояния, продолжал:

– Я познакомился с Платоном именно тогда, когда он начал создавать лабораторию, задачей которой было изучение мозга человека и всевозможных внешних влияний на него. Десять лет спустя появились первые интересные результаты исследований: они указывали на то, что человек, достигая экстатической радости, становится абсолютно восприимчивым, так как его разум утрачивает «бдительность», складывает оружие и те защиты от внешнего мира, которые он выстраивает для себя на протяжении жизни. Такое «детское» состояние делает его чрезвычайно уязвимым.

– То есть вы знали о существовании энергетической машины? – Гойя в упор смотрела на Тарабена

– Господь с вами! Я знал о существовании лаборатории и о тех исследованиях, которые там проводились.

– Но вы же понимали, что это откровенная манипуляция сознанием людей?

– Первые опыты, проведенные на людях в состоянии хронической депрессии, показали, что, влияя на определенные зоны мозга, можно реактивировать пораженную область сознания. В результате мрачные мысли исчезают и появляется ощущение абсолютного счастья и блаженства. Я знал только об этом.

– Но как же... – Гойя не успела договорить.

– Остальное нетрудно додумать самому. Что, собственно, я и сделал после нашего с вами визита к профессору. Когда он стал рассказывать про машину, мне в голову пришла эта мысль. Ведь, достигнув состояния абсолютного счастья, можно полностью модифицировать сознание человека. При этом тот даже ничего не заподозрит.

Он замолчал, и некоторое время они просто шли молча. Гойя пыталась осознать произошедшее, но мысли о Лив не давали сосредоточиться. Тарабен заговорил первым:

– За последние десять лет мы организовали более тридцати дорогих, красивых приемов на самом высшем уровне. Благодаря им Платон зарекомендовал себя в политическом мире и мире шоу-бизнеса человеком светским, интересным, собирающим вокруг себя самый «вкусный» и «нужный» бо-

монд. Его мероприятия были роскошными, красивыми, престижными, но они никуда не погружали и никакой волшебной атмосферы, как он ни старался, он не мог создать.

– Неужели и ваши фантастические декорации не помогли? – удивленно спросила Гойя.

– Только отчасти. Нужны были идея и сценарий. Я это понимал. Я не понимал только, для какой цели Платону нужен был самый грандиозный праздник в мире. Мне казалось, что это просто очередная амбиция сильного человека.

– И вы, услышав про машину, поняли, что это мероприятие было не развлечением и не праздником? – Гойя содрогнулась.

– Да, понял. Поставленная задача была грандиозной. Нужно было вычислить точную формулу модификации человеческого сознания, благодаря которой можно проникнуть в сознание человека, чтобы внести нужные коррективы таким образом, чтобы человек ничего не заметил, а продолжал спокойно жить, будучи уверенным, что все его решения и движения – это его собственная инициатива.

– Но это же чудовищно! – прошептала Гойя. – Почему вы мне этого не сказали? Мы могли бы не принимать участия в этом...

– Гойя, – Тарабен остановился и взглянул ей прямо в глаза, – но тогда бы вы не спасли дочь. Вы это понимаете?

Гойя сжалась, словно хотела спрятаться в скорлупу или ракушку. Ей казалось, что она приняла участие в преступлении против человечества. Тарабен, видимо, угадал ее мысли:

– Энергетическая машина должна была стимулировать определенную область мозга, чтобы проникнуть во все зоны и внедрить в мозг новые инструкции. Человек, который попадает под действие этой машины, до конца жизни будет выполнять заданные инструкции, не только не сомневаясь в них, но и не подозревая об их существовании.

– Но если всё делает машина, зачем ему понадобилась я? Вы? – недоумевала Гойя.

– Вы понадобились не только Платону, или скорее, больше не Платону, а его сестре. Я вам начал говорить про теорию семи поколений. Согласно этой теории, Платон не мог достичь своей цели. Фрида знала об этом, потому что она, как и их мать, и бабка, занималась всю жизнь эзотерикой. Она знала, что, пока она не «спишет» со счета грехи своих предков, у Платона ничего не получится. Но сама она по каким-то причинам не могла туда проникнуть. Возможно, этому есть объяснение, но я до него пока не додумался.

– И вы хотите сказать, что я проникала в прошлое вместо нее? Но я же общалась со своими родственниками! – Гойя остановилась.

– Вы в этом уверены? – Тарабен остановился и хитро прищурился. – Вы точно помните, как выглядела ваша прабабушка? И прапрабабушка?

Гойя смутилась. А ведь он прав. Она ни разу об этом не задумалась. Она просто погружалась в женщин и пыталась понять их грехи. Но кто ей сказал, что эти женщины имеют к ней хоть малейшее отношение?

– Погодите, но тогда бы Лив не смогла выздороветь! А она выздоровела! Она здорова! И это получилось благодаря Фриде.

– Нет, благодаря вам, вашей вере и любви к дочери. Вспомните, что, начиная с третьего погружения, Лив не становилось лучше... А вокруг вас стали происходить странные, мягко говоря, негативные вещи.

Гойе стало не по себе. Она была слепа, она так сильно верила в силу своей любви, что не замечала того, что происходит вокруг нее.

– Так происходит, когда энергетическое равновесие нарушено. Часто бывает, что человек, заглушив в себе внутренний протестующий голос, уже не может отличить красный, запрещающий свет, от зеленого, разрешающего. В таком состоянии ему практически невозможно реально оценить ситуацию, и нарушение нравственных законов представляется уже чем-то вполне естественным и даже единственно правильным.

Гойя слушала его и вдруг поняла, что все эти годы она старалась не думать о своем прошлом, зачеркнула лица своих родителей, запретила себе возвращаться в прошлое – там было больно и одиноко, там не хватало тепла, любви и защищенности. Там ее предавали взрослые, там было детство, не похожее на детство других детей. Она не могла простить своим родителям этого и придумала себе, что у нее их просто нет. Она решила не слушать свой внутренний голос, а создать себе новую историю жизни, в которую в итоге сама и поверила.

– Тарабен, – Гойя взяла его за руку. – Спасибо вам! От меня и от Лив – спасибо!

– Но за что? Я очень рад, что всё так сложилось, всё могло закончиться гораздо хуже. Вам не обязательно погружаться в теорию семи поколений, чтобы понять, что всякий грех, в котором мы искренне раскаиваемся, будет нам прощен. Любая системность может быть нарушена только верой!

Они стояли посреди больничного двора друг напротив друга. Высокий седой старик с длинными белыми волосами и бородой в черном бархатном костюме, похожий на Дон Кихота. И худая высокая девушка, одетая в костюм паж с большим белым жабо. Два человека из ниоткуда, явившиеся непонятно из какой эпохи и каких временных обстоятельств. Просто два человека, которые могли бы стоять так в любую эпоху, потому что их объединяла не эпоха, а сила их энергии и умение смотреть на вещи иначе, чем другие люди.

А другие люди смотрели на них и думали, что снимается какое-то кино, останавливались и с любопытством, присущим всем отдыхающим, искали камеры, микрофоны и съемочную группу. Но вокруг не было никого, и люди, утратив интерес к происходящему, шли дальше и, свернув на другую улицу, забывали о том, что видели.

Потому что это было неважно.

Шаг 85

пятница,
2 августа 2014 года

Весь фокус в том, на что ориентироваться... Каждый из нас сам делает себя либо несчастным, либо сильным. Объем работы, необходимой и в первом, и во втором случае, – один и тот же!

Замок Шенонсо – таинственный замок «Двух дам».

Гойя и Тарабен выходят из замка, оставив в главном зале группу туристов в сопровождении тетеньки-гида. Тонким, пронзительным голосом она пытается объяснить уравновешенным канадцам сложные взаимоотношения между королем Генрихом II, его женой и его фавориткой.

Друзья не виделись больше полугода. После пресловутого мероприятия Тарабен надолго исчез из виду. Гойя понимала, чем вызвано такое поведение, и ждала, когда он сам объявится. Наконец он позвонил и предложил встретиться в замке Шенонсо.

Гойя удивилась такому месту встречи. Но Тарабен был, как всегда, непредсказуем.

День выдался солнечный, и Гойя решила, что прогулка в долину Луары будет полезной и для Лив. Няня нарядила Лив в нежно-розовое длинное платье с пышной юбкой и ярким малиновым поясом, собрала им в дорогу сок и бутерброды, и они отправились в путь.

В последний момент Гойя приняла решение взять с собой бульдога Сухарика. Пес смешно пыхтел от радости и даже попытался сам запрыгнуть в машину, чем очень развеселил Лив.

Всю дорогу Гойя рассказывала Лив о том, какие красивые праздники проходили в сказочном замке Шенонсо, а Лив представляла, как бы она с Бернабиком танцевала на королевском балу в своем платье принцессы.

Тарабен ждал их у входа в замок. Поручив ненадолго Сухарика сторожу замка, они прогулялись по залам. Лив хотела всё увидеть своими глазами, а Гойя хотела рассказать Тарабену о том красивом празднике, который она организовала в этом замке почти год тому назад.

Вслед за толпой туристов они вошли в главный зал замка Шенонсо.

Немолодая гид с лошадиным лицом и прямой жесткой челкой волос цвета «воронье крыло», одетая в открытое старомодное платье, позволяющее приоткрыть завесу ее возраста, остановившись у огромного камина, вдохновенно вещала:

– Итак, представьте себе Францию в эпоху позднего средневековья. 1559 год. – Наступила торжественная пауза, во время которой туристы, вероятно, должны были полностью погрузиться в «позднее средневеко-

вье». – Страна ослаблена бесконечными войнами с Испанией. Король Франции Генрих II и его супруга Екатерина Медичи решили обручить свою старшую дочь Елизавету с наследником испанского престола Доном Карлосом и таким образом укрепить отношения с Испанией. – Она сделала очередную многозначительную паузу, во время которой Тарабен, стоящий немного поодаль, поднял руку и негромко сказал:

– Но ведь в итоге принцессу Елизавету выдали замуж за самого короля Испании?

– Совершенно верно, «молодой человек»! – Лошадиная челка радостно заколыхалась. – Именно так всё и произошло, но это было неожиданностью для всех. Вы прекрасно осведомлены! Bravo!

Покинув зал, они выпили кофе на террасе небольшого кафе, любуясь красивым видом геометрических рисунков клумб и яркой россыпью пионов, а затем отправились гулять по парку.

Друзья шли по длинной прямой аллее, усаженной с обеих сторон высокими платанами. Лив бегала по парку, играя с псом, который, одурев от счастья, гонялся за всеми летающими насекомыми в надежде догнать и уничтожить хоть кого-то, кто пролетел случайно ниже обычного.

Тарабен остановился, бережно достал из портфеля кожаную папку и пригласил Гойю присесть на скамейку.

– Я потратил некоторое время последних месяцев на то, чтобы разобраться в истории этой семьи – я имею в виду Фриду и Платона, – ответил он на непонимающий взгляд Гойи.

– Вы знаете, что с ними стало после Бала?

– К сожалению, очень мало. Платон физически исчез, испарился, перестал существовать для общества, хотя никакой информации о его гибели нигде нет. Что касается Фриды, то я узнал, что квартира ее сгорела три месяца назад, и по всем данным она была внутри. – Тарабен сделал многозначительную паузу.

– Сгорела? – Гойя, потрясенная, застыла на скамейке. Перед глазами – два страшных кота, охранявших покой Фриды.

– От свечи, которую она забыла затушить. – Тарабен, казалось, не был огорчен этой новостью. – Зато я узнал много интересного о вашем последнем погружении.

Гойя взглянула на него с удивлением.

– Да, да, эта история с закопанным младенцем и предсказанием Нострадамуса не давала мне покоя. Именно поэтому я пригласил вас сюда.

– Замок Шенонсо и Нострадамус?

– Конечно! Именно тут Нострадамус написал свой катрен, который якобы имел к вам отношение.

– Про «невинную жертву»? – Гойя подняла брови.

– Кстати, он написал его за день до свадьбы дочери Генриха II.

– И что же вам удалось узнать? – Гойя почувствовала влажные мурашки на спине.

Шаг 86

Наступает час расплаты,
Подступает к горлу срок.
Ненадежно мы распяты
На крестах своих дорог.

Булат Окуджава

– Ее звали Люсиль Дюплесси. Она была дочерью Клода-Этьена Ларидона-Дюплесси, высокопоставленного чиновника в ведомстве генерального контролера финансов. Она рано начала вести дневник, но ничего примечательного до встречи с Камилем Демуленом в нем не содержится.

– Камилем Демуленом? Это тот важный сеньор, который приказал ее убить? – Гойя содрогнулась.

– Точно! Они встретились в 1780 году в Люксембургском саду, когда Камиль был молодым и отнюдь не преуспевающим адвокатом. Нострадамус предсказал французскую революцию, которая должна была начаться в 1780 году, если только не погибнет невинная жертва, а именно ребенок. Люсиль и ее муж знали о предсказании. Камиль был одним из главных повстанцев. 12 июля 1789 года, когда известие об отставке Неккера вызвало волнение в Париже, Демулен обратился в Пале-Рояль к толпе, призывая ее к оружию. Именно это его выступление дало первый толчок к разрушению Бастилии. Люсиль сознавала, что французская революция будет кровавой. Врачи объявили ее бесплодной, но каким-то чудом она забеременела.

Гойя слушала рассказ Тарабена, и у нее перед глазами оживала картина жизни бедной Люсиль. Тарабен не спеша продолжал:

– Изможденная многолетними страданиями, она решила, что должна осуществить пророчество, чтобы предотвратить кровопролитную революцию. Она верила в то, что рождение ее ребенка было не случайностью, а знаком судьбы. Действительно, исчезновение новорожденного переполнило Демулена яростью и горем. Узнав о том, что жена закопала младенца, он приказал убить ее на месте. Однако ребенок чудом выжил.

Гойя вздрогнула. Ну, конечно... Выжил... Но каким образом? Она открыла рот, но не успела ничего сказать. Тарабен немедленно всё разъяснил.

– Да, ребенок выжил благодаря собаке, принадлежавшей чете крестьян. Она учуяла его и принялась разгребать землю. Крестьяне, у которых своих детей не было, с радостью приняли к себе девочку, посланную им небесами. Так они решили, когда увидели у нее родимое пятно в форме звезды. И французская революция все-таки свершилась и была кровопролитной и жестокой...

Тарабен замолчал. Гойя медленно поднялась со скамейки.

Некоторое время они брели по аллее молча, но вскоре Тарабен продолжил свой рассказ.

– После смерти жены Демулен полностью ушел в работу. Через некоторое время он занял место секретаря при министре юстиции Дантоне.

– Молодец какой! – вырвалось у Гойи. – И карьеру красивую сделал к тому же.

– Не всё так просто, – усмехнулся Тарабен. – Во время борьбы Комитета общественного спасения против эбертистов Демулен, по каким-то ему одному известным причинам, вдруг стал призывать к милосердию; именно тогда Робеспьер перестал поддерживать его. В итоге он был осужден революционным трибуналом и казнен вместе с Дантоном. Вот, взгляни-ка...

Тарабен остановился, достал из папки листок. Это была копия какого-то письма, написанного пером. Он протянул документ Гойе, и она с удивлением прочитала:

«Свидетельствует палач Шарль Анри Сансона:

Когда Демулен вошел на эшафот, то остановился передо мной и спросил, хочу ли оказать ему последнюю услугу. Я не имел времени ответить ему, но по моему лицу он понял, что может на меня рассчитывать; он просил меня взять у него медальон и отнести его матери жены – госпоже Дюплесси. Он плакал, говоря эти слова, и я чувствовал, что и у меня наворачиваются слезы. В это время поднимали нож, поразивший Франсуа Шабо; Демулен посмотрел на окровавленное лезвие и сказал вполголоса: "Моя награда, моя награда". Взглянув на небо, он дал отвести себя на скамью, громко крикнул: "Люсиль!", и нож упал».

Гойя от удивления выронила листок. Ветер подхватил его и, нехотя поиграв им, швырнул под ноги Тарабену. Тот, подняв его с земли, аккуратно убрал в папку, откуда незамедлительно извлек и протянул Гойе каталог аукциона Drouot, где на фотографиях она увидела множество медальонов, похожих на медальон Фриды.

– Медальон, который носила Фрида на шее, принадлежал ее прапрабабушке. И на нем был изображен глаз Люсиль Дюплесси, а сзади, в хрустальном шаре, находилась прядь ее волос. Такие медальоны назывались в ту пору «влюбленными». Многие мужчины и женщины носили медальоны с глазами своих возлюбленных и прядью их волос.

– Я не понимаю, – Гойя напрягалась всем телом, – я не понимаю, как это всё возможно, и главное – зачем это всё?

– Но ты же спасла дочь. – Тарабен смотрел на нее поверх очков с любопытством ученого.

– Да, я спасла дочь, поэтому я знаю, что всё это имеет право и даже обязательно быть. Но я не могу это объяснить.

– Гойя, возможно, эти женщины не были твоими предками, но твоя вера помогла тебе принять и простить чужие грехи, и в этом есть главный смысл и сила этой теории.

Тарабен помедлил и добавил:

– Но мы с тобой ни разу не говорили о шестом поколении. – Гойя, шедшая немного впереди, резко обернулась.

– Шестое поколение. Да. Мы ни разу об этом не говорили...

Она остановилась, огушенная этой мыслью. Тарабен подошел к ней и взял за руку.

– Свой собственный грех понять сложнее, чем грехи других людей. Особенно когда грех в том, что сердце, многократно отвергая внутренний голос, в конце концов становится неспособным услышать его. Для любого человека существует опасность совершения этого греха. Этот грех называют непрощительным не потому, что Бог не хотел бы его простить, а потому, что человек уже не чувствует нужды в прощении, а значит, не может его получить.

Он погладил Гойю по щеке и вдруг крепко обнял ее.

Шаг 87

В темноте ты, возможно,
не сможешь увидеть Меня,
но у тебя есть Мое вечное обещание,
что я никогда тебя не покину.

Собачий лай вернул их к реальности. Гойя оглянулась на замок.

Сухарик стоял перед мостом через реку и лаял, высоко задрав короткую бульдожьё морду. Гойя стала глазами искать Лив.

Тарабен, немедленно оценивший происходящее, ринулся к замку. Гойя бросилась за ним, на ходу выкрикивая имя девочки. Она бежала так быстро, что ей казалось, что ее ноги вот-вот оторвутся от земли...

Густые платаны аллеи, наконец, расступились, уступив место каменному квадратному двору перед замком. И тут, на мосту через Шер, Гойя увидела тоненькую фигурку Лив.

Та стояла, перегнувшись через перила, явно пытаясь рассмотреть что-то. Тонкая грань равновесия была готова вот-вот порваться...

Пес обернулся к хозяйке, словно взывая о помощи.

Гойя вдохнула воздух и поняла, что голос исчез. Она протянула руку в сторону Лив, словно эта протянутая рука могла каким-то образом остановить, схватить за шиворот Лив и дернуть изо всех сил обратно.

Она видела, словно в замедленной съемке, как Тарабен остановился посередине залитого солнцем двора и резко обернулся к ней.

Лицо его было очень бледным.

«Да, ребенок выжил благодаря собаке... Она учуяла его и принялась разгребать землю», – последнее, что пронеслось в голове Гойи.

Всё поплыло перед глазами, она почувствовала, что земля стремительно приближается в тот момент, когда рука проходящего мимо человека резко схватила девочку за пояс платья...

Две старинные монеты, закрепленные на кистях его пиджака, тихонько зазвенели.

Шаг 88

Не стремись контролировать
людей и события.

Не планируй, не жди, не жалея,
ослабь хватку.

Умей выдержать паузу, в течение
которой ничего не происходит.

Позволяй людям приходить к тебе,
а событиям случаться.

Они случаются с тобой не просто так.

Шри Шри Рави Шанкар

P. S.

В жизни людей, которые так или иначе приняли участие в организации «Бала ста королей», с тех пор многое изменилось.

Няня спустя пять лет написала чудесную книгу, которая ее не только прославила, но и изрядно обогатила. Вернувшись к себе на родину, она купила на эти деньги пятнадцать гектаров земли и посадила ореховую рощу.

У Виктора, знаменитого фокусника, родились два сына от двух разных женщин; отцовство принесло ему много счастья, но сделало его равнодушным к женскому полу.

Акробаты Лео и Алекс создали Волшебный Цирк, в котором музыка, свет и сценография оказывают гипнотическое воздействие на зрителей.

Певица Ирен стала такой знаменитой, что вынуждена была брать с собой двух телохранителей, когда шла в гости к своему брату. Тот так и остался жить под мостом и не позволяет ей что-либо менять в своей жизни.

Дрессировщик животных Кожан переехал жить в Северную Индию, в устье реки Ганг, чтобы охранять там последних сохранившихся белых тигров.

Нинель, игравшая в Театре теней, отправилась на Тибет, где провела следующие девять лет своей жизни и обрела, наконец, гармонию в монастыре.

Через год после Бала Ника вышла замуж за человека, в которого влюбилась с первого взгляда, и была с ним очень счастлива.

Что касается гостей, приглашенных на «Бал ста королей» ...

Они остались самыми богатыми людьми мира, так и не заметив, что вектор их жизненной энергии слегка изменился.

X X I I

М И Р

